G. J. RAMSTEDT

Einführung in die Altaische Sprachwissenschaft

FORMENLEHRE

bearbeitet und herausgegeben
von
Pentti Aalto

HELSINKI

1952

Г. И. РАМСТЕДТ

Введение в алтайское языкознание

МОРФОЛОГИЯ

Обработано и издано
ПЕНТТИ ААЛТО

Перевод с немецкого
Л. С. СЛОНИМ

Под редакцией и с предисловием
Н. А. БАСКАКОВА

Примечания
Н. А. БАСКАКОВА
и
Г. Д. САНЖЕЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, 1957

АННОТАЦИЯ

Данный труд посвящен основному разделу сравнительно-исторической грамматики алтайских языков — морфологии. На материале тюркских, тунгусских, монгольских и корейского языков дается анализ конкретных грамматических форм, который позволяет установить закономерность эволюции алтайских языков, представить развитие их грамматического строя и словарного состава, а также определить этимологию различных слов и суффиксов.

Книга представляет интерес как для лингвистов-востоковедов, специализирующихся в области тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, так и для более широких кругов лингвистов, занимающихся вопросами общего языкознания.

Редакция литературы по вопросам филологии

Заведующий редакцией В. А. ЗВЕГИНЦЕВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сравнительно-историческое изучение алтайских языков имеет уже довольно длительную историю. Одним из пионеров и основателей урало-алтайской теории был шведский офицер И. Табберт-Страленберг — полтавский пленник Петра I. Находясь долгое время в Сибири и изучая там быт и языки местного населения, И. Страленберг, на основании собранного им фактического материала, дал первую классификацию уральских (угро-финских и самодийских) и алтайских (тюркских, монгольских и тунгусских) языков[1]. Он первый из ученых обратил внимание на типологическое сходство этих языков и их родство. Позже урало-алтайская теория в различных ее вариантах получила признание у многих исследователей уральских и алтайских языков.

Если на первых этапах развития этой теории многие из ее представителей: В. Шотт[2], Г. Винклер[3], А. Боллер[4], А. Алквист[5], В. Банг[6] и другие были сторонниками родства этих языков не только внутри каждой, т. е. уральской и алтайской группы, но и уральских и алтайских языков между собой, то в настоящее время вполне доказанным является родство языков лишь внутри каждой из указанных групп. Что же касается отношений между уральскими (угро-финскими и самодийскими) и алтайскими (тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими) языками, то они основываются на типологическом сходстве, но не на генетических связях, хотя некоторые ученые, как, например, Ю. Немет[7],

---

[1] См. его Tabula Polyglotta в сочинении F. J. v. Stralenberg, Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia, Stockholm, 1730.

[2] W. Schott, Versuch über die Tatarischen Sprachen, Berlin, 1836; его же, Über das Altaische oder Finnisch-Tatarische Sprachen-Geschichte, Berlin, 1849.

[3] H. Winkler, Uralaltaische Völker und Sprachen, Berlin, 1884; его же, Das Uralaltaische und seine Gruppen, Berlin, 1885.

[4] A. Boller, Die Pronominalsuffixe der uralaltaischen Verbums, Sitzb. WAW, 25, Wienn, 1858.

[5] A. Ahlquist, Forschungen auf dem Gebiet der uralaltaischen Sprachen, 1861.

[6] W. Bang, Uralaltaische Forschungen, Leipzig, 1890.

[7] J. Németh, Az uráli és a török nyelvek ösi kapcsolata, „Nyelvtudományi Közlemények", 47, Budapest.

Б. Коллиндер[1], М. Рясянен[2] и др. приводят около трехсот общих лексических сопоставлений из уральских и алтайских языков, которые Ю. Немет объясняет либо древними заимствованиями, либо очень древним родством этих языков.

Е. Д. Поливанов[3] и Г. И. Рамстедт[4] несколько расширяют рамки алтайской группы языков, включая в ее состав также корейский язык. Данные корейского языка, приведенные Г. И. Рамстедтом в настоящей книге, весьма убедительно мотивируют правомерность отнесения корейского языка к языкам алтайским. Во всяком случае, в корейском и алтайских языках имеется большее количество лексических и грамматических элементов, которые могут быть объяснены их общим происхождением, чем в алтайских и уральских языках.

Менее убедительными и пока еще слабо аргументированными являются гипотезы о родстве алтайских языков с японским[5], а уральских — с языками палеоазиатскими и, в частности, с юкагирским[6].

Наконец, совершенно маловероятными и не имеющими каких-либо убедительных доказательств являются предположения о возможном родстве алтайских языков с американскими языками[7], с одной стороны, и с сумеро-аккадскими — с другой[8], точно так же, как алтайских и уральских языков с индоевропейскими. Впрочем, гипотезы о родстве алтайских языков с индоевропейскими языками в значительной мере представляются сомнительными и самим авторам этих предположений[9]. Сторонниками же родства только уральских языков с индоевропейскими является автор настоящей книги Г. И. Рамстедт[1], а также и другие ученые (Х. Паасонен, Э. Н. Сетяля, Н. Андерсон, Б. Коллиндер и др.).

Таким образом, если оставить в стороне индивидуальные высказывания ученых о родственных отношениях указанных выше языков, то наиболее общепризнанным является родство уральских языков только внутри уральской группы и алтайских языков также только внутри алтайской группы. Что же касается генетической связи этих групп языков между собой, а также каждой из этих групп с языками корейским, японским, палеоазиатскими, индоевропейскими и другими, то здесь можно, пожалуй, согласиться с Г. И. Рамстедтом в том, что наибольшее количество общих генетических данных в области лексики и в области грамматики имеет, как это убедительно доказано в данной его работе, только корейский язык с языками алтайскими.

Из всех языков и языковых групп, отмеченных выше, наиболее полно изучены родственные отношения уральских, т. е. угро-финских и самодийских языков, и алтайских, т. е. языков тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских.

Сравнительно-исторические исследования по алтайским языкам довольно полно представлены и общими трудами, среди которых видное место занимают работы одного из крупнейших представителей урало-алтайского языкознания Г. Винклера[2]; общие сведения об алтайских языках и их отношении к другим языкам даны в известной работе французского тюрколога Ж. Дени[3]; исторические сведения о развитии алтайских языков и родстве тюркских и монгольских языков приводятся в некоторых работах венгерского тюрколога Ю. Немета[4]; из старых работ следует указать на работы В. Шотта[5].

Лучше всего исследована в сравнительно-историческом аспекте фонетика алтайских языков. Кроме установления фонетической структуры общеалтайского языка-основы и описания состава гласных и согласных фонем алтайского праязыка[6], многие исследователи занимались также характерными и специфическими фонетическими особенностями алтайских и урало-алтайских языков,

---

[1] B. Collinder, Über das Problem der Verwandtschaft der uralaltaischen Sprachen, Uppsala, Univ. Årsskrift, 1948; его же, La parenté linguistique et le calcul des probabilités, Uppsala, 1947.

[2] M. Räsänen, Uralaltaische Wortforschungen, SO, XVIII, Helsinki, 1955.

[3] Е. Д. Поливанов, К вопросу о родственных отношениях корейского и „алтайских" языков, Известия АН СССР, 1927, стр. 1195—1204.

[4] G. J. Ramstedt, Remarks on the Korean Language, MSFOu, 58, Helsinki, 1928; его же, The nominal postpositions in Korean, там же, 67, Helsinki, 1933, стр. 459—464; его же, Studies in Korean Etymology, там же, 95, Helsinki, 1949.

[5] H. Winkler, Japaner und Altaer, Berlin, 1894; W. Pröhle, Studien zur Vergleichung des Japanischen mit den uralischen und altaischen Sprachen, KSz, 17, 1916; G. J. Ramstedt, Japanin kielen historiasta, STEP, 1942, стр. 108—113.

[6] B. Collinder, Das Alter der Vokalharmonie in den uralischen Sprachen, Upsala, 1941.

[7] B. Ferrario, Della possibili parentela fra le lingue „altaiche" ed. alcune americane, XIX Congresso internationale degli Orientalisti, Rom, 1928, стр. 210—223.

[8] Fr. Hommel, Die sumero-akkadische Sprache und ihre Verwandtschaftsverhältnisse, „Zeitschrift für Keilschriftforschung", 1, Leipzig, 1884; его же, Zweihundert sumero-türkische Wortgleichungen.., München, 1915.

[9] F. Felden, Ursprung der nichtgemein-indogermanischen Bestandteile der germanischen Sprachen, „Anthropos", 14—15, 1919—1920; D. Sinor, Etudes sur l'Eurasie Centrale, „Bulletin de litérature ecclésiastique", № 1, стр. 39—55, № 3, стр. 150—171. Ср. M. Jensen, Indogermanisch und Altaisch, Hirt-Festschrift, II, 1935.

[1] Ср., например, G. J. Ramstedt, The Relation of the Altaic languages in other language groups, JSFOu, 53, Helsinki; его же, Turkin kielen alkuperästa, STEP, Helsinki, 1935, стр. 73—80.

[2] H. Winkler, Die altaische Völker-und Sprachenwelt, Berlin, 1921; его же, Die altaische Sprachen, Berlin, 1924 и др. его работы.

[3] J. Deny, Langues turques, langues mongoles et langues tongouzes, „Les Langues du Monde", Paris, 1924, 2-е издание, Paris, 1952.

[4] J. Németh, Die türkisch-mongolische Hypothese, ZDMG, 71, Berlin, 1912.

[5] W. Schott, Versuch über die tatarischen Sprachen, Berlin, 1836 и другие его работы.

[6] J. Grunzel, Zur Phonetik der altaischen Sprachen, „Intern. Zeitschrift f. vergleich. Sprachwissenschaft", 5, 1890; Z. Gombocz, Zur Lautgeschichte der altaischen Sprachen, KSz, 13, Budapest, 1912 и др.

отличающих их от языков других генетических групп. В частности, исследователей привлекала проблема губной и палатальной гармонии гласных, весьма характерной для этих языков[1].

Проведены некоторые изыскания также и в области алтайской сравнительно-исторической лексикологии. Некоторые, впрочем, весьма незначительные сведения из этой области имеются в работах В. Шотта[2], И. Грунцеля[3], Е. Калливулиса[4] и других ученых, но основные и фундаментальные работы по сравнительной лексикологии и этимологические исследования в области алтаистики принадлежат безусловно Г. И. Рамстедту[5].

Много работ посвящено сравнительно-исторической морфологии алтайских языков. Пионерами создания сравнительно-исторической грамматики алтайских языков были немецкий ученый В. Шотт[6] и финский исследователь А. И. Кастрен, изучавший живые алтайские языки непосредственно в Сибири и написавший большую монографию-диссертацию „De affixis personalibus linguarum altaicarum". Большинство исследователей сравнительной грамматики алтайских языков на ранних этапах развития алтаистики занимались сравнительным изучением отдельных частей речи и главным образом имен числительных[7] и местоимений[8]. Далее следует указать на исследования категории падежей в алтайском языке[9].

---

[1] L. Adam, De l'harmonie des voyelles dans les langues ouraloaltaiques, Paris, 1874; J. Grunzel, Die Vokalharmonie der altaischen Sprachen, Sitzb. WAW, Wienn, 1888 и др.

[2] W. Schott, Einiges zur vergleichenden Etymologie von Wörtern des sogen. Altaischen Sprachgeschlechts im weitesten Sinne, Sitzb. BAW, 1887, стр. 1029—1037 и другие работы.

[3] J. Grunzel, Entwurf einer vergleichenden Grammatik der altaischen Sprachen nebst einem vergleichenden Wörterbuch, Leipzig, 1895.

[4] E. D. Callivoulis, De l'origine étymologique de quelques noms de nombre et de suffixe du pluriel dans les langues ouraloaltaïques, Paris, 1897.

[5] G. J. Ramstedt, Kalmückisches Wörterbuch, Lexica Societatis Fenno-ugricae, 3, XXX, стр. 560; его же, Die Verneinung in den altaischen Sprachen, Eine semasiologische Studie, MSFOu, Helsingsfors, 52, стр. 196—215 и другие работы.

[6] W. Schott, Versuch über die Tatarischen Sprachen, Berlin, 1836; его же, Altaische Studien I—V, Abhandlungen der Berliner Akademie der Wissenschaften, 1859, 1861, 1866, 1869, 1871—1872.

[7] W. Schott, Das Zahlwort in der tschudischen Sprachenklasse wie auch im Türkischen, Tungusischen und Mongolischen, там же, 1953 и более поздние работы: G. J. Ramstedt, Über die Zahlwörter der altaischen Sprachen, JSFOu, 24, Helsinki, 1907; W. Kotwicz, Contribution aux études altaiques, II, Lemberg, 1930 и др.

[8] A. Boller, Die Pronominalsuffixe des uralaltaischen Verbums, Sitzb. WAW, 25, Wienn, 1858; Fr. Müller, Das Personalpronomen der altaischen Sprachen, там же, 134, Wienn, 1890, Abh. 1; и более поздняя работа W. Kotwicz, Les Pronoms dans les langues altaïques, Kraków, 1936 и др.

[9] W. Bang, Zur Vergleichenden Grammatik der altaischen Sprachen: 1. Zum Genitiv. Affix., 2. Zum Lokativ Affix, „Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes", 9, 1895, стр. 267—276; B. Laufer, Zur Entstehung des Genitivs der altaischen Sprachen, KSz, 2, Budapest, 1901, стр. 133—138, а также более новые работы: M. Lewicki, Przyrostki przysłowkowe -ra ~ -rä, -ru ~ -rü, -rï ~ -rï w językach altaiskich, Wilna, 1938 и D. Sinor, D'un morphème particulièrement répandu dans les langues ouralo-altaïques, „T'oung Pao", 37, 1944.

В самое последнее время алтаистика была значительно продвинута вперед исследованиями наиболее крупных представителей алтайского языкознания — польского ученого В. Котвича и финского исследователя Г. И. Рамстедта.

Опубликованная известным польским алтаистом Марианом Левицким посмертная капитальная работа В. Котвича „Исследование алтайских языков"[1], а также его предыдущие работы по алтаистике, в совокупности представляют собой опыт большой сравнительно-исторической грамматики алтайских языков, построенной на живом фактическом материале с учетом всех предыдущих исследований по урало-алтайским языкам.

Не менее важное значение для сравнительно-исторического изучения алтайских языков имеют также и последние работы Г. И. Рамстедта и прежде всего настоящая его работа „Введение в алтайское языкознание. Морфология"[2].

Г. И. Рамстедт, один из наиболее ярких представителей алтайского сравнительно-исторического языкознания, начал свою интенсивную научно-исследовательскую работу в первых годах нашего века капитальными трудами в области угро-финского (марийского, остякского)[3] и главным образом монгольского (халхамонгольского, монгольского, калмыкского и др.)[4] языкознания. Однако большинство последующих работ Г. И. Рамстедта по своему материалу выходят далеко за пределы монгольского языкознания. Отрицая связи алтайских языков с угро-финскими, Г. И. Рамстедт вместе с тем расширяет пределы алтайской семьи языков за счет восточных языков, в первую очередь корейского и древнеяпонского.

Сравнительные исследования Г. И. Рамстедта в объеме всех алтайских языков начались не сразу. В первых своих работах Г. И. Рамстедт использует в большей степени материал монгольских и тюркских языков и в меньшей — тунгусских. Наиболее инте-

---

[1] W. Kotwicz, Studia nad językami altajskimi, wydał Marian Lewicki, Rocznik Orientalistyczny, т. XVI, Kraków, 1953, а также, кроме упомянутых выше работ, его же, Contribution aux études altaïque, „Rocznik Orientalistyczny": т. VII (I—III, стр. 130—234); т. XII (IV—V, стр. 122—142); т. XVI (A—B, стр. 327—368) и другие работы.

[2] G. J. Ramstedt, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. II, Formenlehre, MSFOu, 104, 2, Helsinki, 1952.

[3] G. J. Ramstedt, Bergtscheremissische Sprachstudien, MSFOu, 17, XII, 1902, 219 стр. (горномарийский словарь и тексты с немецким переводом); его же, Über den Ursprung der sog. Jenisej-ostjaken, JSFOu, 24, 2, 1907 и др.

[4] Из многочисленных трудов Г. И. Рамстедта по монгольскому языкознанию отметим лишь следующие: G. J. Ramstedt, Über die Konjugation des Khalkha-mongolischen, MSFOu, 19, 1903; его же, Das Schriftmongolische und die Urgamundart phonetisch vergleichen. JSFOu, 21; 2, 1903 (русский перевод этой работы был издан в 1908 г.); его же, Mongholica, Beiträge zur Kenntnis der monghol-Sprache in Afghanistan, там же, 23, 4, 1905; его же, Kalmückische Sprachproben, MSFOu, 27, 1, 1909 и 27, 2, 1919; его же, Kalmückisches Wörterbuch, 1935, а также множество статей.

ресными для алтайского языкознания из его ранних работ, касающихся тюркско-монгольских языковых связей, являются работы, посвященные числительным[1] и глагольным аффиксам словообразования[2], а также исследования фонетико-грамматического характера[3]. Его изыскания в области тюркско-монгольских языковых связей были направлены на реконструкцию тюркско-монгольского языка-основы (праязыка).

В связи с алтаистикой интерес Г. И. Рамстедта привлекают сначала древние и современные тюркские языки[4], а затем японский[5] и корейский[6] языки, которые изучаются им в аспекте их сравнительно-исторического сопоставления с другими алтайскими языками.

Только в последние годы Г. И. Рамстедт приступил к синтетическим работам по сравнительно-историческому изучению алтайских языков. Начав эту работу с частных вопросов фонетики и грамматики[7], он пришел позже к своим фундаментальным исследованиям, представляющим собой синтез всех его ранних работ и работ других алтаистов. К таким синтетическим исследованиям Г. И. Рамстедта могут быть отнесены в области сравнительной грамматики алтайских языков — настоящая книга, а в области сравнительно-исторической лексикологии алтайских языков — его

[1] G. J. Ramstedt, Über die Zahlwörter der altaischen Sprachen, JSFOu, 23, 4, 1905.

[2] G. J. Ramstedt, Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen, JSFOu, 28, 3, 1912.

[3] G. J. Ramstedt, Zur mongolisch-türkischen Lautgeschichte; I—II, KS, 15, Budapest, 1914, стр. 134—159; III, KS, 16, Budapest, 1915, стр. 66—84; его же, Ein anlautender Stimmloser Labial in der mongolisch-türkischen Ursprache, JSFOu, 32, 2, 1916, 10 стр.

[4] G. J. Ramstedt, Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei, JSFOu, 30, 3, 1913; его же, Как был найден „Селенгинский камень", Труды Троицко-Кяхтинского Отделения Русск. Географ. Об-ва, 15, 1, 1914; его же, Перевод надписи „Селенгинского камня", там же; G. J. Ramstedt, Zur Frage nach der Stellung des tschuwassischen, JSFOu, 38, 1, 1922; его же, Über den Ursprung der türkischen Sprachen, Sitzb. FAW, Helsinki, 1935; его же, Zum türkischen Konditional, Festgabe für J. J. Mikkola, „Finnisch-ugrische Forschungen", 29, Helsinki, 1946.

[5] G. J. Ramstedt, A comparison of the Altaic languages with Japanese, Transactions of the Asiatic Society of Japan, 2-d ser., 1, стр. 41—54; его же, Zur Geschichte der Japanischen Sprache, Sitzb. FAW, Helsinki, 1942, стр. 133—144.

[6] G. J. Ramstedt, Remarks on the Korean language, MSFOu, 58, 1928, стр. 441—453; его же, The nominal postpositions in Korean, там же, 67, 1933, стр. 459—464; его же, A Korean grammar, там же, 82, 1939, 200 стр. (русский перевод: Г. Рамстедт, Грамматика корейского языка, перевод А. А. Холодовича, под ред. Б. К. Панкова, М., 1951); его же, Studies in Korean Etymology, там же, 95, 1949, 292 стр.

[7] G. J. Ramstedt, Die Palatalisation in den altaischen Sprachen, „Annales Academiae scientiarum Fennicae", Ser. B., 27, Helsinki, 1932, стр. 239—251; его же, Das deverbale Nomen auf -i in den altaischen Sprachen, „Studia Orientalia", XI, Helsinki, 1939, 8 стр.; его же, Das deverbale Nomen auf -m in den altaischen Sprachen, MSFOu, 98, Helsinki, 1950, стр. 255—264; его же, The relation of the Altaic languages to other language groups, JSFOu, 53, Helsinki, 1947, стр. 15—26.

классическая работа „Калмыкский словарь"[1], который по материалу, привлеченному автором из различных алтайских языков, является сравнительно-историческим словарем всех алтайских языков.

„Введение в алтайское языкознание" Г. И. Рамстедта в обработке и издании Пентти Аалто является вторым томом обширного труда, посвященного сравнительной грамматике алтайских языков. По замыслу автора и издателя труд этот состоит из трех томов: первого тома, который еще находится в стадии редакционной его подготовки,— сравнительной фонетики алтайских языков, настоящего, второго тома работы — сравнительной морфологии алтайских языков, и третьего тома — фонетического, лексического и грамматического указателя к первым двум томам.

Таким образом, настоящая книга Г. И. Рамстедта, представляющая собой вторую часть обширного исследования, посвящена самой основной части сравнительно-исторической грамматики алтайских языков — морфологии — обзору многочисленных грамматических аффиксов, характеризующих все основные части речи алтайских языков.

Уже из оглавления книги Г. И. Рамстедта видно, какой обширный материал был обобщен автором в данной монографии, охватывающей в сравнительно-историческом аспекте, по существу, всю грамматику всей алтайской группы языков.

Особым достоинством работы Г. И. Рамстедта является то, что он, опираясь на факты тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и корейского языков, при анализе конкретных грамматических форм выводит на основании соответствующих фонетических закономерностей как бы общую для всех этих языков алтайскую форму, характерную для общеалтайского языка-основы, и, далее, приводит значительный фактический материал по каждой из перечисленных групп языков, иллюстрирующий и доказывающий правомерность реконструированной им формы (ср., например, § 9, 11, 13 и др.).

Благодаря такой методике создается определенная перспектива в развитии грамматических форм от наиболее древнего их состояния в алтайском языке-основе до соответствующих форм в современных живых языках алтайской семьи. Такая перспектива позволяет определить множество весьма любопытных и важных закономерностей в фонетической эволюции этих языков, в развитии их грамматического строя и словарного состава, которые в свою очередь являются необходимым средством для различного рода этимологических разысканий. Таким образом, книга Г. И. Рамстедта содержит большой и интересный материал для раскрытия этимологии множества загадочных по своему происхождению слов и грамматических аффиксов.

[1] G. J. Ramstedt, Kalmückisches Wörterbuch, Lexica Societatis Fenno-Ugricae, 3, XXX, 560 стр.

Однако книга Г. И. Рамстедта имеет и некоторые методологические недостатки.

Несмотря на установление путем реконструкции многих древних грамматических форм, являющихся общими для всех алтайских языков и представляющих собой формы алтайского языка-основы, в книге Г. И. Рамстедта не дана полная характеристика алтайского языка-основы, не всегда выяснены отношения форм общеалтайского языка к соответствующим формам современных конкретных языков, входящих в алтайскую группу. Не соотнесены хронологически тюркские, монгольские, тунгусские, маньчжурские языки, развившиеся из одного языка-основы. Так, например, не определены и не объяснены автором близость между собой языков тюркских и монгольских и различие их с языками тунгусо-маньчжурскими. Не установлены некоторые генетические связи между конкретными языковыми подгруппами, например тюркских языков с монгольскими и тунгусскими языками, в то время как по некоторым фонетическим закономерностям отдельные подгруппы тюркских языков находятся в несколько более тесной генетической связи с монгольскими языками, чем с близкородственными языками внутри группы тюркских языков; таковы некоторые фонетические и грамматические явления в чувашском языке по отношению к тем же явлениям в монгольских языках, или особенности фонетики якутского, башкирского и хакасского языков по отношению к некоторым фонетическим особенностям тунгусо-маньчжурских языков.

Из фонетических закономерностей, связанных также и с оформлением некоторых словообразовательных и словоизменительных аффиксов, до сих пор остается неизученным, например, соответствие тунгусского согласного t и маньчжурского s в позиции перед узким i тюркским и монгольским согласным č∼š ‖ s, по которому некоторые тюркские языки, например якутский, хакасский (сагайский и бельтирский его диалекты) и башкирский сохранили древние связи с языками алтайской общности. Ср., например, соответствие тунгусского слова gutin и маньчжурского gusin монгольскому gučin „тридцать"; маньчжурского слова ʼusun и монгольского kücin современному алтайскому (ойротскому) küč „сила" (ср. в хакасском küs, в якутском küüs и в башкирском kös „сила"). Последние примеры указывают на древнейшие генетические связи якутского, хакасского и башкирского языков с тунгусо-маньчжурскими языками. Или, например, обратные соответствия между чувашским языком, с одной стороны, и другими тюркскими языками — с другой: чувашск. čĕr „колено" и tiz, tize ‖ diz, dize „колено" в других тюркских языках; чувашск. čĕrne „ноготь" и tyrnaq „ноготь" в других тюркских языках, что сближает тюркские языки в большей мере с тунгусо-маньчжурскими, а чувашский язык с монгольскими языками.

Таким образом, различные группы языков, составляющие ныне алтайскую общность языков, на первоначальных этапах своего

развития имели несколько иные отношения и связи, о чем свидетельствуют некоторые особенности современных языков, по которым тюркские и монгольские языки могут быть объединены в группу č∼š ‖ s-, а тунгусо-маньчжурские в группу t- языков, хотя отдельные следы расхождения именно по данному признаку сохранились в некоторых конкретных языках.

В книге Г. И. Рамстедта задача установления относительной хронологии различных групп языков, входящих в состав алтайской семьи, равно как и отдельных языков, входящих в ту или иную группу, упрощена, и автор ограничивается только простым сопоставлением фактов вне их последовательной исторической связи.

Исследуя конкретные грамматические явления алтайских языков, Г. И. Рамстедт не ставил себе целью также и построение какой-либо общей схемы грамматики алтайских языков. И, хотя в книге есть попытка найти некоторые критерии разделения всех суффиксов и аффиксов на словообразовательные и словоизменительные, все же границы словообразования и словоизменения, а также и классификация формантов, реализующих образование новых слов и их изменение, так и остались не установленными. Принцип расположения суффиксов и аффиксов в книге в значительной степени напоминает принцип словарного описания формантов, расположенных по тематическому признаку. Каждая статья или параграф книги состоит из пяти частей. В первой части автор устанавливает отношение данного форманта либо к общеалтайскому фонду грамматических особенностей, либо к фонду какой-либо одной группы языков: тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской, корейской. В последующих частях приводится соответствующий конкретный материал по каждой из указанных выше групп языков.

Таким образом, каждый из грамматических формантов рассматривается автором изолированно, вне связи этого форманта с другими суффиксами и аффиксами, близкими как по своему значению, так и по фонетическому оформлению.

Так, исследуя генетические связи алтайских языков в отношении, например, аффикса условной формы на -sa ‖ -se, которая характерна для тюркских языков, Г. И. Рамстедт рассматривает ее изолированно, вне связи с другими, близкими по фонетическому оформлению и семантике аффиксами, например -sy ‖ -si в значении „быть подобным кому-либо, быть таким, как кто-либо", например в слове qulsy „быть как раб". Далее согласный s в аффиксах -sa ‖ -se∼-sy ‖ -si по существующим закономерностям внутри данной группы языков или внутри всей алтайской семьи языков чередуется с другими согласными звуками, например: s∼z ‖ š∼ž ‖ č∼ǰ или s∼z ‖ t∼d ‖ j ‖ r или s∼z ‖ l ‖ n∼t∼d и т. д., и таким образом другие аффиксы, несущие ныне иную словообразовательную или грамматическую функцию, генетически и в фонетическом и в семантическом отношении оказываются тесно связанными с аффиксами -sa‖-se∼-sy‖-si. Таким образом, с аффиксами -sa‖-se∼-sy‖-si < -saq, -sar

и т. д., ~-sek, -ser и т. д. ~-syq, -syr и т. д. могли быть и фонетически и семантически связанными аффиксы: -šaq||-šyq; -čaq||-čyq; -ǯaq||-ǯyq; -taq||-tyq; -daq||-dyq и т. д.

То же следует сказать, например, о генетической связи и происхождении такой группы аффиксов именного и глагольного словообразования, как аффиксы: -qaq||-kek; -qa||-ke; -aq||-ek; -q||-k; -yq || -ik (с вариантами) в тюркских языках и их отношении между собой внутри тюркских языков, а также между группами родственных языков.

При исследовании генезиса указанных аффиксов и определении их семантики Г. И. Рамстедт не устанавливает и не определяет отношения, например таких словообразовательных форм слов, как формы типа: byč-(q)aq „нож“ [1] (при byč- „резать“), saj-γaq „острога“ (при saj- „колоть, вонзать“), čaq-(q)aq „жало“ (при čaq- „жалить“), kes-(k)ek „отрезок“ (при kes- „резать“) и т. д. к формам типа djölö-k „трость“ < djöl(g)ö-k (при djölö- „подпирать“), tara-q „гребень“ < tar (γ)a-q (при tara- „расчесывать“), küre-k „лопата“ < kür-(g)-ek (при küre- „сгребать“) и пр., и к формам типа tüne-k „место ночлега“, tün-le-k || tün-ge-k (при tüne- „ночевать“), buta-q „ветка, сук“ < but-ta-q, but-qa-q (при buta- „обрубать ветки деревьев“) и т. д. [2]

Так же как в лексическом составе каждого языка все слова связаны определенной взаимозависимостью в семантическом и фонетическом их развитии, так взаимосвязаны и все аффиксы словообразования и словоизменения; так же как существуют в лексике гнезда близких по значению и фонетическому оформлению слов, так и в системе словообразования и словоизменения имеются гнезда близких по грамматическому значению и фонетическому оформлению аффиксов. Подобно тому, как в лексике каждое новое значение укладывается в определенную лексическую систему значений — слов, имеющих определенное фонетическое оформление, — в словообразовании и словоизменении каждое новое лексико-грамматическое значение включается в выработанную в практике общения систему грамматических значений — аффиксов, имеющих также определенное фонетическое оформление, связанное внутри данной системы аналогичной причинной зависимостью. Поэтому для выяснения генезиса того или иного аффикса необходимо не только сравнение его с аналогичными формантами в других родственных языках, но и с близкими по фонетическому оформлению и грамматическому значению формантами как в данном, так и в других родственных языках. Только при этих условиях возможно более или менее точное определение и более тщательный анализ генетических связей данного грамматического форманта с другими.

[1] Для иллюстрации отношений аффиксов -qaq||-kek, -aq||-ek и т. д. даны примеры из горно-алтайского (ойротского) языка; ср. алт. byčqaq (кожа или мех, срезанный с лапок животных).

[2] Ср. алт. bür „лист, почка“; bür-ke- „покрывать, накрывать“, bür-ke-k „покрытый, пасмурный“.

При рассмотрении же всех грамматических и словообразовательных аффиксов в виде отдельных словарных статей без попытки установления связи аффиксов между собой возможны значительные отклонения от правильного разрешения вопросов генезиса грамматических форм. В книге Г. И. Рамстедта некоторые гипотезы не подкреплены мотивировками, опирающимися на анализ всей системы аффиксов, связанных между собой либо своим фонетическим оформлением, либо грамматическим значением. Вызывают в связи с этим некоторые сомнения его гипотезы: а) о происхождении аффикса множественного числа -lar||-ler в тюркских языках из общеалтайского *nar „совокупность“; б) о генезисе личных и указательных местоимений, развитие которых следует рассматривать в тесном их взаимодействии; в) о первичной основе глаголов ba- „связывать“, ö- „понимать“ и словообразовательном значении конечных -γ (baγ-), -g (ög-) и др.

Только в системе противопоставлений семантических и грамматических значений могут быть поняты производные формы глагола: имена действия, причастия и деепричастия, которые Г. И. Рамстедт рассматривает в одном плане отглагольных имен, без дифференциации их на три разряда производных форм глагола, имеющих свою специфику, составляющую особую систему не только по каждой из родственных групп, входящих в алтайскую семью языков, но и внутри этих групп. Так, например, внутри тюркских языков огузские языки имеют одну систему этих форм, кыпчакские языки — несколько иную, карлукские языки — третью и т. д.

Для более точного установления генетических связей алтайских языков между собою и анализа самого процесса развития этих языков необходимо изучать все явления языка в определенной системе, исходя из установленных для всех сравниваемых языков общих теоретических предпосылок. Так, при изучении в сравнительно-историческом плане словообразовательных и словоизменительных процессов в алтайских языках, необходимо прежде всего определить морфологическую структуру слова, которая, являясь в основном общей для всех алтайских языков, имеет, естественно, много характерных отличительных черт по сравнению, например, с морфологической структурой слова в индоевропейских языках.

Как уже отмечалось выше, в настоящем исследовании Г. И. Рамстедта не всегда четко определены границы корня слова, его основы, а еще в большей степени нечетки границы между словообразовательными и словоизменительными формантами в слове, что мешает автору установить внутренние связи между генетически близкими явлениями не только для отдельных групп языков, но и для языков, входящих в одну и ту же группу.

В алтайских языках, относящихся к языкам агглютинативным, структура слова весьма прозрачна и поддается более точному анализу, чем структура слова, например в, языках флек-

тивных; это объясняется реализацией всех словообразовательных и словоизменительных категорий в виде выделяющихся в слове частиц-приставок или аффиксов. Таким образом, каким бы сложным по своему составу и количеству аффиксов слово ни было, оно легко расчленяется на свои составные части и легко выделяет свою основу и корень, который, как правило, остается неизменным и в основном сохраняет свой фонетический облик, независимо от того, в какой грамматической форме это слово выступает и какой аффикс эту форму выражает. Все словообразовательные и словоизменительные аффиксы присоединяются к корню механически, как бы приклеиваясь к нему. Благодаря этому свойству агглютинативных языков представляется возможность не только проанализировать самый механизм агглютинации и проследить постепенное наслоение словообразовательных и словоизменяющих аффиксов, но и установить специфику каждой образующейся в процессе словообразования основы слова, а также и дифференцированное значение каждого присоединяющегося к ней аффикса. Значение же каждой основы, образующейся в процессе словообразования, а также значение аффиксов, образующих эти основы, позволяют в свою очередь определить различные типы основ и различные типы аффиксов.

Г. И. Рамстедт несколько упрощает структуру слова в алтайских языках, разделяя слово только на два структурных элемента: а) его основу и б) окончание, не вдаваясь в дальнейший анализ, как самой основы, расчленяющейся на некоторые составные свои элементы: корень и словообразующие аффиксы, так и окончания, которые, как это видно из материала, подразделяются также на различные типы и классы.

С точки зрения морфологической структуры, каждое слово в составе предложения и словосочетания в агглютинативных языках состоит обычно из следующих своих конструктивных элементов: 1) корня слова, который в агглютинативных языках может выступать, в отличие от языков флективных, в качестве самостоятельного слова, содержащего реальное вещественное значение, и, в соответствии со своей функцией в составе предложения или словосочетания, определенную грамматическую форму; 2) аффиксов лексико-грамматического словообразования, определяющих главным образом лексическое значение слова и грамматическое отнесение данного слова к той или иной части речи; корень вместе с аффиксами лексико-грамматического словообразования образует первую основу слова, которая подобно корню может также выступать в качестве самостоятельного слова в составе словосочетания и предложения; 3) аффиксов функционально-грамматического словообразования, определяющих функцию данного слова в составе словосочетания или предложения; первая основа, состоящая из корня и аффиксов лексико-грамматического словообразования, вместе с аффиксами функционально-грамматического словообразования образует вторую основу слова; 4) аффиксов словоизменения, указывающих на отношение данного слова к другим словам в составе словосочетания или предложения.

Корень слова, представляющий в агглютинативных языках неделимую и неизменяемую часть слова, содержащую вещественное, реальное значение, может быть первичным непроизводным, т. е. состоять только из корневого ядра, например: в тюркских языках: kel- „приходить" (С + Г + С), je- (< jej-), „есть, кушать" [С + Г (+ С)], ol- (< bol) „быть, стать" [(С +) + Г + С], e- < jir- „быть" [(С +) Г (+ С)] и пр., или вторичным производным, т. е. состоять из корневого ядра и омертвевших, неотделимых уже аффиксов словообразования, например: qyz-yl „красный", jür-ek „сердце" и пр.

Г. И. Рамстедт не выделяет в своем исследовании так называемые мертвые аффиксы как особую группу формантов, требующих специфических методов исследования, хотя и отмечает наличие их в алтайских языках. Следует, однако, отметить, что для истории данной группы языков мертвые, непродуктивные аффиксы представляют значительный интерес как наиболее архаичные пережитки грамматического строя данных языков. Глубокий анализ мертвой аффиксации мог бы лучше осветить наиболее неясные вопросы генезиса изучаемых языков.

Непроизводный или производный корень в сочетании с живыми аффиксами лексико-грамматического словообразования образует первую основу слова. К аффиксам лексико-грамматического словообразования, образующим первую основу слова, относятся несколько типов: во-первых, аффиксы, реализующие переход (конверсию) одной части речи в другую; к ним относятся прежде всего аффиксы образования имен от глаголов и глаголов от имен, а также и все прочие аффиксы, образующие одну часть речи от другой; во-вторых, аффиксы, реализующие различные модификации значения данного слова без преобразования его в другую часть речи; к ним относятся две группы аффиксов: 1) аффиксы, образующие глаголы от глагольных же корней, к которым относятся, например, все аффиксы, образующие залоговые и видовые формы глагола, и 2) аффиксы, образующие имена от именных же основ, к которым относятся, например, все аффиксы, образующие уменьшительные формы имен, степени сравнения прилагательных и наречий и т. д.

Все аффиксы лексико-грамматического словообразования служат либо средством модификации и уточнения семантики слова, либо средством перехода данного слова из одной части речи в другую, т. е. преобразуют слово, изменяя его в большей степени в лексическом и в меньшей степени в грамматическом плане. Таким образом, в первой основе слова формируются лексико-грамматические категории, которые в значительной мере еще сохраняют характер лексических обобщений, например названий предмета, названий качественного, количественного и других признаков, на основе которых устанавливаются категории частей речи.

Вторая, или функционально-грамматическая, основа слова состоит из первой основы плюс аффиксы функционально-грамматического словообразования (или формообразования). Если в первой основе аффиксы лексико-грамматического словообразования образуют свою систему лексико-грамматических категорий и прежде всего систему частей речи, то во второй основе аффиксы функционально-грамматического словообразования образуют более абстрактные и общие для всех частей речи функционально-грамматические категории: субстантива и атрибутива (определительного и обстоятельственного). К субстантивным формам независимо от отношения к тем или иным частям речи относятся как субстантивные формы именных частей речи: существительных, числительных, местоимений, так и субстантивные формы глагола (имена действия). К атрибутивным (определительным и обстоятельственным) также относятся соответствующие формы как именных частей речи: прилагательных (и наречий), числительных и местоимений, так и глаголов (причастия и деепричастия).

Образуя свою систему грамматических форм, аффиксы функционально-грамматического словообразования формируют и определяют вторую основу слова, которая содержит в себе уже сложный комплекс грамматических форм, включающий в себя и лексико-грамматическое значение какой-либо части речи и функционально-грамматическое значение субстантива или атрибутива.

Аффиксы функционально-грамматического словообразования уже освобождены от вещественно-лексической основы обобщения. Являясь средством образования более абстрактных грамматических форм субстантивов и атрибутивов, они служат лишь признаками или критериями, определяющими каждую лексико-грамматическую категорию частей речи, так как для каждой части речи характерны особые отличные аффиксы функционально-грамматического словообразования.

Таким образом, вторая основа слова представляет как бы синтез и лексического и грамматического словообразования. В ней, кроме реального вещественного значения (корня), выражены сопутствующие грамматические категории и лексико-грамматического словообразования, т. е. той или иной части речи (первая основа) и функционально-грамматического словообразования, т. е. той или иной функциональной формы субстантива или атрибутива (вторая основа).

В работе Г. И. Рамстедта вся система словообразования алтайских языков рассматривается без должной дифференциации аффиксов словообразования не только на частные типы и классы, характеризующие те или иные семантические разряды слов, но и на принципиально различные группы или разряды аффиксов лексико-грамматического словообразования и аффиксов функционально-грамматического словообразования или формообразования. Это мешает автору рассмотреть соответствующие грамматические явления языков в определенной системе так же, как он делает это, например, в отношении основных категорий словоизменения.

Наконец, для уточнения отношений слов в составе словосочетания или предложения функциональные формы различных частей речи, как конечный результат словообразования и детерминации слова в лексическом и грамматическом отношениях, приобретают соответствующие словоизменительные формы.

Словоизменение — система грамматических форм, выражающих отношение слов в словосочетании и предложении, представлено в большинстве алтайских языков четырьмя основными категориями: числа, принадлежности, падежа и лица.

Грамматические категории числа, принадлежности, падежа и лица являются высшей степенью грамматической абстракции. Если корень слова содержит максимум смыслового, семантического и минимум грамматического значения, а первая и вторая основы слова характеризуются различными лексическими и грамматическими его модификациями, то аффиксы словоизменения завершают грамматическое оформление слова, выражая абстрактные его отношения в составе предложения или словосочетания, совершенно не изменяя его лексического значения.

Аффиксы словоизменения, оформляющие отношение слов в словосочетаниях и предложениях, так же как и аффиксы словообразования, неоднородны по своему составу. Большинство из них может сочетаться только с субстантивными формами. К последним относятся аффиксы числа, принадлежности и падежа. Оформляя атрибутивные формы частей речи, эти аффиксы вместе с присущим им грамматическим значением субстантивируют эти формы; например, присоединяясь к причастию аффиксы числа, принадлежности и падежа, субстантивируют причастие: ср. тюркск. kelgenler „пришедшие (люди)" kelgenge „пришедшему (человеку)", kelgenim „мой приход в прошлом" и т. п. Аффиксы же лица, напротив, исторически могли присоединяться только к атрибутивно-определительным формам. Оформляя субстантивные категории частей речи, они атрибутивируют эти формы.

Таким образом, аффиксы словоизменения, кроме грамматических форм, образуемых ими, являются в то же время признаками, определяющими субстантивные и атрибутивные функционально-грамматические категории.

Итак, морфологическая структура слова агглютинативных и, в частности, тюркских языков характеризуется последовательным и строго определенным закрепленным в языках порядком расположения составных морфологических компонентов слова. Чем ближе те или иные форманты находятся к корню слова, тем менее абстрактными они являются, тем больше в них заложено лексического значения и тем меньше грамматического. И, напротив, чем дальше форманты находятся от корня слова, тем более абстрактными они являются.

Каждая из указанных выше групп аффиксов, являются ли они аффиксами лексико-грамматического или функционально-грамматического словообразования, или аффиксами словоизменения, состав-

ляет определенную систему, которая и должна рассматриваться при сравнительно-историческом изучении языков в целом как система, соответствующая в той или иной степени той же системе в сравниваемых близкородственных языках. В данном своем исследовании Г. И. Рамстедт ограничился только выделением системы словоизменительных формантов. Что же касается словообразования, то вся масса аффиксов, различных как в отношении их продуктивности, так и в отношении значения, рассматривается автором без дифференциации их на соответствующие типы и разряды, образующие своеобразные системы лексико-грамматических и функционально-грамматических категорий, специфичных для той или иной группы языков.

Несмотря на все это, книга Г. И. Рамстедта безусловно является крупным достижением алтайского языкознания. По своему материалу и охвату всех основных процессов словообразования и словоизменения она выходит далеко за пределы скромного своего названия „Введение в алтайское языкознание" и представляет по существу довольно полную сравнительную грамматику алтайских языков. Смерть помешала автору самому реализовать издание своего труда, который, может быть, и был бы композиционно видоизменен в направлении более систематического изложения грамматического строя алтайских языков. Но и в данном своем виде книга не теряет значения ценного пособия, появлением которого наука обязана одному из ближайших учеников Г. И. Рамстедта — Пентти Аалто, положившему много кропотливого, но благодарного труда на издание книги своего учителя.

Н. А. Баскаков.

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Специальной областью языковедческих исследований Г. И. Рамстедта первоначально был монгольский язык и, в частности, его живые диалекты. Однако уже довольно давно он обратился к изучению гипотезы родства монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языков. Его первая работа, относящаяся к этому вопросу — „Über die Zahlwörter der altaischen Sprachen" (JSFOu, 24:1), была опубликована в 1907 г. В период его преподавательской деятельности, начатой в 1906 г. в качестве доцента Университета в Хельсинки и прерванной из-за длительных исследовательских экспедиций в 1909 и 1912 гг., он прочел весной 1910 г. лекции по морфологии тюркско-монгольского праязыка. Позднее, в своем курсе, читанном в 1914—1915 учебном году, он изложил историческую фонетику монгольско-тюркских языков. В эти же годы появились его важное исследование „Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen" (JSFOu, 28:3, 1912), а также ряд этюдов к вопросу об исторической фонетике монгольско-тюркских языков; среди них особого упоминания заслуживает „Ein anlautender stimmloser Labial in der mongolisch-türkischen Ursprache" (JSFOu, 32:2, 1916). Как уже видно из заглавий работ, вначале его интересы ограничивались монгольскими и тюркскими языками, хотя он и читал по меньшей мере однажды (в 1908—1909 учебном году) элементарный курс тунгусского языка. Как свидетельствуют некоторые рукописи в наследии Рамстедта, он уже в то время строил планы создания сравнительной исторической грамматики тюркско-монгольского языка. После того как в 1917 году Рамстедт получил звание экс. орд. профессора алтайского языкознания, издатель серии Sammlung Göschen вел с ним переговоры относительно издания выпуска „Алтайское языкознание". Этот вопрос обсуждался вторично осенью 1919 года, но Рамстедт, который в то время был направлен в Токио в качестве финского поверенного в делах, был вынужден от этого предложения отказаться.

Дипломатическая деятельность Рамстедта, которая должна была носить случайный и кратковременный характер, затянулась тогда до 1930 года. В Токио обстоятельства благоприятствовали ему в изучении корейского языка, и уже в начале своих занятий он

отметил, что многие слова и формы корейского языка обнаруживают явное родство с соответствующими им в алтайских языках. Историко-фонетическому и морфологическому сопоставлению корейского и алтайских языков Рамстедт положил начало своей статьей „Remarks on the Korean Language" (MSFOu, 58, 1928, стр. 441—453), а затем продолжил его во время своей возобновленной в 1930 году преподавательской деятельности в Хельсинки в ходе чтения курса исторической фонетики монгольско-тюркских языков (в 1930—1931 учебном году) и курса „Основные черты алтайских языков" (в 1931—1932 учебном году). Лекции по исторической фонетике и морфологии алтайских языков он читал затем ежегодно, наряду с чтением элементарных курсов различных языков (весной 1934 года, впервые,— корейского языка). На протяжении 1936—1939 гг. мне посчастливилось участвовать в этих занятиях и, кроме того, получить от Рамстедта отпечатанные на машинке краткие конспекты читаемого курса, которые он имел обыкновение раздавать своим слушателям.

В последовавшие за возвращением на родину годы Рамстедт непрестанно трудился над рукописью грамматики алтайских языков, продолжая в то же время подготовку к изданию своего монументального калмыкского словаря, уже многие годы находившегося в работе. В письме к профессору Карлтону Куну (Гарвард) от 1-го сентября 1933 г., копия которого у нас имеется, Рамстедт писал о том, что в предстоящем году должно выйти из печати его „Руководство по алтаистике" („Handbuch der Altaistik"). Согласно годовому отчету Финно-угорского общества за 1937—1938 г., рукопись морфологии была уже в то время готова и насчитывала около 250 страниц машинописи, тогда как работу над подготовкой фонетики еще предстояло продолжить. Несмотря на это, издание рукописи было опять отсрочено, так как Рамстедт, с одной стороны, намеревался продолжать ее доработку и совершенствование, с другой же — хотел опубликовать сначала свою грамматику корейского языка и этимологию корейского языка. Последние из названных трудов („A Korean Grammar", MSFOu, 82, 1939, и „Studies in Korean Etymology", MSFOu, 95, 1949) были важны именно потому, что содержали материал, подтверждающий его теорию о принадлежности корейского языка к алтайской группе языков.

На базе постоянно пополнявшегося материала рукописи „Морфологии" Рамстедт прочитал осенью 1946 года цикл лекций в Университете Уппсалы. При этом он вновь роздал своим слушателям размноженный конспект своего курса, содержавший в сокращенном виде с 1 по 87 параграфы „Морфологии". После того как в 1949 году вышел его труд по этимологии корейского языка, Рамстедт целиком посвятил себя подготовке к печати окончательного текста рукописи и, в частности, рукописи „Морфологии", так как эта работа уже и ранее находилась в состоянии, близком к завершению. В 1950 г. я смог оказаться полезным ему при переписке рукописи набело и таким образом войти в курс вопросов, связанных с ее подготовкой. Но с октября тяжелая болезнь уже не позволила Рамстедту наблюдать за моей работой.

* * *

После кончины Г. И. Рамстедта (25 ноября 1950 г.) мне были доверены Финно-угорским обществом подготовка к печати и издание его труда. В то время просмотренный им печатный экземпляр рукописи существовал в готовом виде до § 65 (Претеритальный суффикс -ba). Параграфы 7 Б (Синтаксическая атрибутивная конструкция), 26 (Множественное число на -n в монгольском языке), 34 (Вокативная основа наименований родственных отношений), а также 35 Б (Раздел порядковых числительных) тем не менее еще отсутствовали и были лишь позднее добавлены мною. Часть § 7 и § 26 существовали только в набросках и были включены ранее в рукопись только порядка ради, в то время как § 34 в общем и целом следует указаниям Рамстедта, данным им в дополнении. Изложение раздела о порядковых числительных (§ 35 Б) подготовлено мною самостоятельно, хотя я старался по возможности точно держаться идей Рамстедта и, как и в остальных сформулированных мною самостоятельно разделах, ссылался на источники.

Параграфы 57 и 58 о глагольных именах на -i и -m были опубликованы уже ранее („Studia Orientalia", XI:6, 1945, и MSFOu, 98, 1950, стр. 255—264) и включены в книгу всего лишь с несколькими поправками, главным образом корректурного характера.

В основу работы легли черновой, отпечатанный на машинке экземпляр рукописи объемом в 233 страницы и его копия. Оба экземпляра содержали многочисленные рукописные изменения, поправки и дополнения, сделанные автором для себя. В качестве третьего источника я использовал упоминавшиеся выше размноженные конспекты лекций 1946 года, которые были доведены, однако, только до § 87. Особенно глубокой переработки требовала последняя часть рукописи, в связи с чем §§ 105, 107, 109, 111, 112, 120, 121, 122, 130, 134 и 135 были целиком написаны заново. При этом я смог также использовать статью, опубликованную в сборнике „Aufsätze und Vorträge von G. J. Ramstedt" (JSFOu, 55:3, 1951)*. В результате проделанной работы объем рукописи возрос до 309 страниц.

Таким образом, поскольку труд Г. И. Рамстедта в его данной окончательной редакции составлялся в течение четырех десятилетий, в нем, даже и без сделанных мною дополнений и изменений, обнаруживается известная пестрота и неравномерность. На нее не раз указывал и сам Рамстедт, имея в виду хотя бы неравномерность числа примеров в отдельных параграфах, которую так и не удалось устранить. При подготовке рукописи к пе-

* Подробная библиография ранних языковедческих трудов Г. И. Рамстедта приведена в „Studia Orientalia", XIV: 12, Хельсинки, 1950.

чати я старался сохранить, по возможности, все примеры для того, чтобы предоставить читателю хотя бы богатое собрание материала, если уж трактовка его в силу обстоятельств оставляет желать лучшего.

Длительность периода подготовки труда повлекла за собой нарушение единообразия и последовательности в методе цитирования и в приемах транскрипции, и этот недостаток мне не удалось полностью устранить. Различные сборники языковых текстов из малоизученных языков, использованные автором в качестве источников, применяют чаще всего различную транскрипцию. Особенной пестротой отличались записи чувашских примеров. При дружеском содействии маг. фил. Эйно Карахка я начал с того, что унифицировал их по образцу чувашского словаря, составленного Паасоненом, ибо Рамстедт пользовался этой же системой для оформления большей части своих примеров; так например запись смягчения, сделанная приемом, принятым у Рамстедта,— jum-śə̑, śi̯ru-śə̑, ilü-śə̑, subu-śə̑ (§ 116), в соответствии с системой, принятой Паасоненом, была переделана в jumśə̑ (~ jumə̑źə ~ jumźə), śi̯ruźə, ilüzə, subuźə, однако же эта унификация в записи примеров несколько более упрощена, чем у Паасонена, так как сам Рамстедт никогда не писал u̯, а всегда u. Транскрипция примеров из остальных языков также, по возможности, унифицирована, но чрезмерная краткость в ссылках на источники затрудняла эту работу и не позволила мне выполнить ее до конца. Все же следует надеяться, что случайные несогласованности не вызовут значительных практических затруднений при пользовании книгой. Там, где встречаются формы и значения, оставшиеся неизвестными для словарей и другой справочной литературы, Г. И. Рамстедт, который владел большинством встречающихся здесь языков, опирался либо на собственные записи, либо же на свою выдающуюся память. Подобные случаи, однако, следует рассматривать как до известной степени сомнительные, так как не вполне исключена возможность научного построения по аналогии.

Принятая последовательность отдельных параграфов, возможно не всегда наиболее удачная, тем не менее сохранена в своем первоначальном виде. Некоторые места я снабдил поясняющими либо критическими подстрочными примечаниями.

Приходится сожалеть, что Рамстедт не смог сам завершить свое большое исследование, которое стоило ему нескольких десятилетий упорного труда. Завершение труда посторонней рукой оказывается всегда неудовлетворительным, и это в особенности можно отнести к такого рода труду, как данный, который предполагает чрезвычайно большие и глубокие познания в столь мало изученной области языкознания, как алтаистика. Несомненно, многочисленные недостатки моей работы оказались в известной мере выправленными тем, что при чтении корректур я получил возможность воспользоваться компетентной помощью проф. А. Габэн (Гамбург), проф. М. Рясянена и других. Считаю

своим приятным долгом выразить здесь им, а также д-ру Г. Стипа, который провел литературную редакцию труда, мою величайшую благодарность.

Хотя я хорошо осознаю неудовлетворительность и несовершенство своей работы, предоставление языковедам этой части большого труда моего уважаемого и любимого учителя является моей радостной обязанностью. Вслед за выходом этой части труда — „Морфологии“ должен быть подготовлен и издан также первый том — „Фонетика“ с общим историческим и лингвистико-географическим введением. В третий том предполагается включить общий предметный и словарный указатель к двум первым частям.

Хельсинки, начало июня 1952 года.

Пентти Аалто.

МОРФОЛОГИЯ*

I. ОБЩЕЕ ВВЕДЕНИЕ

§ 1. а) *Классификация слов.* Общепринятое в индоевропейском языкознании подразделение слов на различные классы (части речи) к алтайским языкам не применимо. Здесь не существует особых флексий, специфичных только для имен существительных или только для имен прилагательных, так как эти классы слов в грамматическом отношении неразграничимы: они вместе образуют единый класс имен, к которому относятся также и местоимения [1]. Естественна же следующая классификация: изменяемые слова, или слова с флексией, и неизменяемые слова, или слова без флексии. Оба эти основные класса имеют разнообразные подклассы, отличающиеся одни от других по их значению или употреблению.

б) *Флексия.* Флексия, или изменяемость слов, состоит в алтайских языках исключительно в том, что конечная часть флектирующего слова может в той или иной форме фонетически изменяться и тем самым придавать ему новое значение. Слово, таким образом, делится на две части: 1) неизменяемая начальная часть, состоящая из одного или нескольких звуков, т. е. основа; 2) изменяемая конечная часть — окончание (или несколько окончаний, связанных между собой в одно окончание). Когда окончание представляет собой исторически-первичное образование, мы называем его суффиксом; если оно восходит к отдельному слову, утратившему в силу безударности свою самостоятельность, мы его называем аффиксом, или говорим об аффигированном слове [2].

* Так как для установления генетических связей между алтайскими языками, как и между языками вообще, факты, относящиеся к их грамматической и в особенности к их морфологической основе, а также к тенденции развития, дают много более надежные отправные позиции, чем все фонетические явления в совокупности, — я придавал особо важное значение разработке и полноте этой части моего труда. К этому меня, между прочим, понудило и то, что говорится в „Les langues du monde" относительно алтайских языков и правомерности сведения их, как некой генетически замкнутой в себе языковой семьи, воедино. А потому критически подготовленный читатель найдет собранным в разделе морфологии все то, чем до сих пор владеют еще эти языки сообща, или что может рассматриваться как общий для них языковой фонд. Морфологические образования, оставшиеся в ряде языков еще не объясненными, не могут поколебать широкую, не вызывающую сомнений аргументацию и, можно полагать, рано или поздно найдут свое истолкование.

Во многих языковых семьях встречаются и другие способы словоизменения, как например префиксация и инфиксация, переогласовка, изменение ударения; однако алтайские языки этих средств словоизменения и словообразования не знают.

в) *Суффикс и аффикс.* Суффиксы и аффиксы, которые, таким образом, составляют подвижной материал для словоизменения, зачастую трудно отличимы друг от друга, так как слова постоянно развиваются в аффиксы, которые затем, со временем, в свою очередь становятся суффиксами, например:

тюркск. [3] at „конь",

тюркск. atym „мой конь"; -m -ym — первоначально сокращение от män „я",

тюркск. aty „его конь"; -y -i — первоначально сокращение от i „он",

тюркск. atlar „кони"; -lar — первоначально аффигирующее существительное *nar „совокупность" [4],

тюркск. atla- „снабдить конем"; -la- — древний суффикс,

тюркск. atlan- „сесть верхом на коня, ездить верхом"; -n — древний суффикс,

тюркск. atqa „коню"; -qa — древний суффикс дат. п.,

кор. čip „дом",

кор. čibe „в доме"; древний суффикс -ai, -äi,

кор. čibesę „из дома"; -sę, -sję — аффиг. -isję „бывший" (2-е прич. от глаг. „быть"),

кор. čiptil „дома"; -til — существ. „все", употребляется и как самостоятельное слово.

г) *Фузия.* Итак, в изменяемых словах имеются основа и окончание. Место, где начальный звук окончания слова смыкается с последним звуком его основы, во всех алтайских языках является особо важным. Мы называем это место фузией. Именно здесь проявляются разного рода фонетические особенности языка. Начальный звук окончания может уподобляться конечному звуку основы или наоборот; в других случаях они могут оказывать взаимное воздействие, например: кор. čip, но čibe („дом", „дома"); тюркск. at-qa „коню", atym-a „моему коню"; монг. jabu-ǯu „идя", gar-ču „уходя"; н.-монг. [5] jawāD „пойдя" (gegangen seiend), bai-g-āD „бывши" (gewesen seiend); тюркск. al-u „беря" (дееприч.), ba-j-u „связывая" (основа ba-), ba-g „связь, узел", baj-la- „связывать" (второобразный глагол от герундия baju с суффиксом -la-); кор. pa „веревка" (<*pag); тюркск., монг. bag-la- „связывать". В тюркских языках изначальным глаголом для понятия „связывать" был ba-, а в якутском языке глагольной основой стал baj, явившийся обобщением формы baju и подобных ей, таким образом, произошло наращение первичной основы (за счет -j-)[6]. В других случаях, гораздо более многочисленных, последний звук основы отходит к окончанию либо выпадает, и основа в целом, таким образом, укорачивается: монг. jabu-gad; н.-монг. jaw-āD; кор. isi-da „быть", позднее is-ta, ныне itta.

Фузия подчинена не только особым законам ассимиляции, но также прогрессивным и регрессивным передвижениям. Тем не менее, в процессе слияния окончания с различными основами наблюдается и ряд специфических явлений. Так, фонетические возможности группирования согласных здесь значительно бо́льшие, нежели в самой основе, например: тат. im-läräп (-m-l-), bostši (-s-č-) наряду с botši (<-s-č-), чув. *atda > utra „на коне"; об этом уже много написано В. Радловым в его „Фонетике тюркских языков".

д) *Соединительный согласный и соединительный гласный.* Когда к основе, оканчивающейся на согласный, примыкает окончание, начинающееся также с согласного, между ними возникает часто гласный, который называется соединительным гласным; например: тюркск. at-y-m „мой конь". Когда же к основе на гласный примыкает гласное окончание, между ними, зачастую, в качестве заполнителя зияния возникает вставочный соединительный согласный. Соединительными гласными служат: в тюркских языках — большей частью y, i, u, ü; в монгольском u, ü, i; в тунгусском i; в корейском ə, ɨ. В качестве соединительного согласного служат: в тюркских j, изредка — другой звук[7]; в монгольском — искони — спирантный g, который, однако, под воздействием гласного окружения может выступить также в виде j, w; в тунгусском и корейском соединительным вставочным согласным является скользящий звук, наиболее отвечающий характеру соседних гласных.

е) *Чередование звуков в окончании.* В соответствии с определенными исторически сложившимися, фонетически обусловленными правилами одно и то же окончание варьируется, причем изменениям подвержены как гласные, так и согласные. Несмотря на то, что в результате таких фонетических изменений окончание графически обозначается различным образом, говорящему на каком-либо из языков алтайской семьи ясно, что он имеет дело с одним и тем же окончанием: ср.-тюркск. at-qa „коню", iš-kä, „делу", „предмету", ev-gä „дому", „домой", suv-ga „воде"; тюркск. at-y-m „мой конь", it-i-m „моя собака" (it „собака"), ot-u-m „мой огонь" (ot „огонь"), köl-ü-m „мое озеро" (köl „озеро"). Степень изменения гласного окончания и соединительного гласного в различных алтайских языках весьма различна и полностью зависит от звукового состава основы, в частности, от гласного первого ее слога. Эта зависимость именуется гармонией гласных, или сингармонизмом. Гармония гласных состоит, таким образом, в последовательном воздействии [т. е. в большем или меньшем притяжении (аттракции)] гласного основы на последующие гласные и в особенности на гласные окончаний.

ж) *Фонетический состав основы.* Звуковой состав всех словкорней в алтайских языках очень прост. В начале слова допускается лишь о д и н согласный, если слово не начинается с гласного. Но и в середине слова стечение согласных (многосогласность) ограничено.

Если мы обозначим гласный звук буквой „Г", а согласный буквой „С", звуковой состав основы в первичных глаголах, например, представляется следующим:

односложной: Г, СГ, ГС, СГС, ГСС, СГСС

двусложной: СГСГ, ГСГ, ГССГ, СГССГ

Таким образом, слова-корни односложны либо двусложны. Основа может быть и многосложной за счет приращения основообразующих суффиксов.

з) *Фонетический состав окончания.* Окончания по своему фонетическому составу тоже просты; они могут быть открытыми или закрытыми. Следуя приведенному выше способу обозначения, фонетические возможности окончания могут быть выражены следующим образом:

С, Г, СГ, ГС, СГС

В более распространенных окончаниях легко распознается агглютинативность их состава. Корни — односложны либо двусложны; в трехсложных словах все, что идет, начиная по меньшей мере с третьего гласного, можно считать окончанием. Итак, односложные типа Г: монг. a- „быть"; тюркск. u- „мочь", ö- „понимать"; тунг. ɵ- „не быть", i- „быть слышимым"; кор. o- „приходить"; ГС: монг. aŋ „зверь"; тюркск. aŋ „охота", тюркск. är- „быть", at- „бросать"; монг. ab- „брать"; тюркск. ar- „обманывать", aq- „течь"; СГ: монг. bü- „быть"; тунг. bi- (то же); тюркск. jü- „носить"; тунг., кор. sa- „покупать", ča- „лежать"; СГС: монг. gar- „выходить", ǰun- „лето". Двусложны следующие типы: ГСГ: монг. ide- „есть", ada- „злой дух"; ГССГ: монг. alda „сажень", akta, urba, anda; СГСГ: bari „держать"; СГССГ: монг. berke „трудный", balga-sun „город".

Слово, само образованное с помощью окончания, может в свою очередь служить вместе с окончанием исходной формой для дальнейших словообразований: тюркск. ev-dä „в доме", evdä-ki „находящийся в доме, относящийся к дому, домашний", evdä-n „из дома"; тюркск. ö- „понимать"[8], ö-g „ум", ö-gür- „научать, разъяснять", ö-güt (<ögür-t) „совет", ög-lä- „понимать", ög-rä-n- „постигать, изучать", ög-rä-n-ig „выучивание, изучение", ög-rä-n-ig-či, тат. üjränüčə „ученик", üjränüčän „любознательный, способный к учению (мастер учиться)", тюркск. ög-rä-t- „обучать", тат. üjrätüčə „учитель" и т. п.

С развитием языка становится все труднее выявлять первичные словообразовательные элементы. Это объясняется тем, что слишком краткое окончание и в особенности окончание, претерпевшее в своем развитии слишком сильные фонетические изменения, в результате дальнейшего хода развития тем или иным образом выправлялось либо уточнялось посредством приращения нового окончания.

и) *Агглютинация.* Алтайские языки обычно квалифицируются как агглютинативные. Под агглютинацией понимают в буквальном смысле образование слова путем „склеивания" (лат. gluten „клей"),

в данном случае, путем склеивания основы и окончания. Однако на самом деле подобный процесс не имеет здесь места. Структура этих языков должна быть скорее всего истолкована следующим образом: в своем лексическом фонде языковая система располагает твердо откристаллизовавшимися морфологическими типами слов, которые и используются для образования новых, аналогичных друг другу форм, причем не только в отдельных случаях словообразования (скажем, какого-либо особого склонения или спряжения), а для образования именно всех слов, относящихся к одной и той же логической категории. Этим языкам свойственно стремление передать каждый оттенок значения слова посредством окончания, причем неизменно одного и того же окончания, варьирующегося, как сказано выше, в пределах определенных фонетических границ. Во всех алтайских языках господствует психологически легко объяснимая тенденция к закономерной флексии.

к) *Живые и омертвевшие окончания.* Окончания, легко распознаваемые и фонетически, и по своему смысловому содержанию, служат, таким образом, базой для новых словообразований. Совершенно так же, как и самостоятельные слова, они являются частью используемого языком полезного материала. Такие окончания называются живыми или продуктивными.

Но историко-фонетическое развитие языков ведет к тому, что одно и то же окончание с течением времени может выступать в двух или нескольких различных звуковых вариантах. Из них один затем отбирается как норма, что уже представляет собой частично новое явление. Старый же, исторически обусловленный вариант окончания продолжает все-таки в силу традиции употребляться в словоизменении. При обилии окончаний, находящихся в распоряжении языка, часто случается, что какое-либо окончание перестает по той или иной причине использоваться как словообразующее, и эту функцию берет на себя более новое и точное окончание. Старое же окончание может, встречаясь все реже, продолжать свое существование в словах, составной характер которых уже не осознается говорящими [9]. Такие устаревшие окончания называются омертвевшими, или непродуктивными.

л) *Гласные заднего ряда являются ведущими.* Следует отметить, что если окончание в ходе своего развития расщепляется на две и более фонетические формы, превалирующее значение приобретает всегда вариант с гласным заднего ряда, например: др.-тюркск., уйг. -yγ ~ -ig (отглагольное имя): bat-yγ „погружение“ > тат. batu(batəw); чув. -u, откуда -ū ~ -ü; ~ ber-ig „даяние“ > тат. birü (не -ig > -ī); bajla-γ „связывание“ > тат. bajlau, чув. -v; ~ ögrän-ig „учение“ > тат. üjränü; тюркск. -lyγ (~ -lig); алт. -lū ~ -lü, -tū ~ -tü; тел. äkkilü „имеющий два“.

II. ИЗМЕНЕНИЕ ИМЕН

§ 2. Именная и глагольная флексии

Изменяемость слов в алтайских языках существует двух видов: основообразование и словоизменение (флексия) [10].

Словоизменение, о котором здесь в первую очередь идет речь, делится на изменение имен и изменение глаголов. Изменение глаголов явление существенно более важное, так как в нем ярче выявляются характерные черты языка, однако мы рассмотрим сначала все же вопросы изменения имен, или склонение.

§ 3. Склонение

Рассматривая склонение, следует отметить, что имена в собственном смысле обнаруживают вполне нормализованное, пользующееся лишь живыми окончаниями, склонение. Имена же числительные и особенно местоимения, наоборот, имеют во всех этих языках множество форм склонения и другого рода образований, которые в регулярной парадигме склонения не встречаются вовсе либо встречаются только в виде исключения. „Омертвевшие" окончания встречаются здесь особенно часто. Как и в индоевропейском языкознании, мы здесь можем говорить об именной флексии и о местоименной флексии.

§ 4. Склонение имен

В алтайских языках существительные, прилагательные и наречия не могут различаться между собой как особые классы слов, ибо одно и то же имя может в большинстве случаев выполнять функции как существительного, так и прилагательного, а если оно относится непосредственно к глаголу, то и наречия. Имя, выступающее в отношении другого имени как определение, является прилагательным [11] или, что фактически обозначает одно и то же, является первой частью атрибутивной конструкции.

При изменении словосочетания с именным значением склоняется только последнее слово, например: монг. jeke mörgün „большие деньги, много денег", jeke mörgütü „с большими деньгами, имеющий много денег"; тюркск. isig „теплый", isig järdä „в теплом краю"; кор. teun „теплый", teun narae „в теплом краю"

(nara „край, страна“). Только в тунгусских диалектах имеет место согласование между именем, используемым в качестве прилагательного, и именем, выполняющим функцию существительного. Это явление, видимо, более позднего происхождения; в маньчжурских языках оно не встречается, например: hukčilę turle „в теплом краю“ (ламутский язык). Определение остается неизменяемым и тогда, когда следующее за ним существительное имеет окончание множественного числа. Исключение представляет только древнемонгольский язык, где прилагательное выступает иногда во множественном числе, в том случае, когда оно относится к существительному, употребленному также во множественном числе [12].

§ 5. Падежные образования

Падежные образования, по их значению и использованию, можно делить на адвербиальные и адноминальные. Адноминальным, т. е. относящимся к следующему за ним имени, является в этих языках, помимо именительного падежа, только родительный. Все остальные падежные образования синтаксически связаны с последующим глаголом [13]. К глаголу могут относиться также и имена, не имеющие окончаний, это значит, что именительный падеж может использоваться также в качестве наречия, например: монг. jeke bajar „большая радость“, jeke bajartu „с большой радостью, очень радостно“, bajarlaqu „радоваться“, jeke bajarlaqu „очень радоваться“; таким образом, jeke „большой, величина, великий, очень“, jeke inu „его величина“, jeke-s „большие, великие“ (существительные); точно так же в тюркских. Поскольку именительный падеж мог так многосторонне использоваться и, кроме того, глаголы с помощью вспомогательных глаголов имели возможность давать очень точное описание действия, потребность в падежных образованиях вначале была невелика или, во всяком случае, была меньшей, чем в индоевропейских и финно-угорских языках.

§ 6. Именительный падеж

Именительный падеж во всех языках алтайской семьи является основной формой имени и не имеет окончания *.

Именительный падеж, собственно, совершенно тождественен основе имени. В монгольском и корейском языках, где определенные согласные не могут стоять в исходе слова, именительный падеж несколько отличается от основы (см. законы о согласных в конце слова), например: монг. им. п. bičik „письмо“, род. п. bičig-ün „письма“, мн. ч. им. п. bičig-üt „письма“; кор. kęt „предмет“ (основа: kęs), kkot „цветок“ (основа: kkoč), hįk, hįlk „песок, земля“ (основа: hįlg). В частности, в корейском языке правила о согласных в исходе слова привели к значительному смягчению в именительном падеже. С течением времени от такой формы именительного падежа получалась новая основа; в результате склонение некоторых слов обнаруживает двоякую форму, например: кор. pat „пашня, поле“ (основа: path), дат. п. pathe „в поле“ (старая форма), pade (образованная от именительного падежа), patče (образована по аналогии с kkot: дат. п. kkotče).

Подобное же явление мы встречаем в монгольском языке, где слова, имевшие в исходе -n, в именительном падеже утратили этот звук, вероятно, в силу назализации гласного, тогда как -n в иплауте сохранился, например: им. п. naran „солнце“, род. п. naran-u „солнца“, sara „луна“, sara-jin „луны“; на более поздней стадии развития языка им. п. nara, sara или naran, saran, род. п. narin, sarin или narni, sarni, соответственно narnā, sarnā. Вследствие этого в монгольском склонении иногда между исконной основой и падежным окончанием возникает -n-, который является в некотором роде соединительным вставочным согласным [15]. В тюркских языках -n также, первоначально относившийся к основе, ныне отошел к окончанию [16]. Сюда же можно причислить и то, что основа многих местоимений имеет в исходе -n и что этот -n уже на очень раннем этапе в именительном падеже утратился, например: монг. bi „я“, род. п. minu „меня“ [17]; ba „мы“, род. п. manu „нас“; тюркск. им. п. bu „этот“, род. п. munuŋ; тунг. si „ты“, дат. п. sin-du „тебе“, sin-gi „твой“ (прилагательное); монг. bajan, тюркск. baj „богатый“, род. п. монг. bajan-u, н.-монг. bajni, bajnā, тюркск. baj-yŋ (тур.), baj-nyŋ (зап.-тюркск.) „богатого“; монг. sajin „здоровый, хороший“, тюркск. say „здоровый“, sau (зап.-тюркск.), род. п. монг. sainī, sainā, тюркск. sayyŋ (тур.), sau-nyŋ (зап.-тюркск.) „здорового“.

§ 7. Родительный падеж

Атрибутивные отношения изначально выражались, должно быть, как путем особого падежного образования, так и посредством синтаксического соположения имен.

А. Образование падежа. Первоначально окончанием служил -n, перед которым, при основе на согласный, слышался соединительный гласный [18].

1. *Тюркский.* В др.-тюркск. -n в исходе слова развился в -ŋ; sü „войско“, род. п. süŋ „войска“, eb „дом“, род. п. ebiŋ „дома“, qayan „император“, род. п. qayanyŋ „императора“. Он сохранился после согласных в южнотюркской и восточнотюркской группах языков. В северотюркской и западнотюркской группах окончание

* Приводимые в корейских грамматиках окончания -i и -ga не являются окончаниями именительного падежа: -i является, собственно говоря, суффиксом третьего лица, а -ga по своему происхождению представляет собой особую энклитику со значением „и“ или „но“ (см. Kor. Gr., § 86). — В монгольской грамматике как окончание именительного падежа приводится зачастую -ber, -ger, являющееся окончанием инструментального падежа; использование его в качестве окончания именительного падежа заимствовано из тибетской языковой традиции [14].

-nyŋ, -niŋ (см. выше § 1, е), воспринявшее -n- от первоначальных основ на -n-, стало общим как для основ на согласный, так и для основ на гласный. Относительно исхода окончания следует заметить, что в киргизском произносится -nyn, ~ -nin, а в некоторых диалектах[19], например в кумыкском, окончание имеет ныне форму -ny, -ni. В чувашском род. п. от tu „гора" — tə̑wə̑n от χər „девушка" — χərən, от pulə̑ „рыба" — pullə̑n (< первонач. balyq, род. п. balyqyn), иначе говоря, мы видим здесь исконное окончание родительного падежа; после некоторых гласных основ, например, aʿbža „ребенок", род. п. aʿbžanə̑n (в диалектах aʿbžajə̑n), šə̑ži „мышь", род. п. šə̑žijən, выступает то же самое окончание плюс -n- или древний соединительный вставочный согласный -j-.

Якутский язык не пользуется суффигированным родительным падежом, однако в нем существуют еще, например, такие формы, как bastyŋ „сначала", tastyŋ „извне, снаружи", и некоторые другие.

2. *Монгольский.* В монгольском падежное окончание встречается повсюду с унаследованным и прочно закрепившимся соединительным гласным. Поэтому после основ на гласный появился вставочный -j-, что и дало в итоге -jin. Там, где основа оканчивалась на -n-, следовало ожидать форманта -nun-, -nün-, однако повсюду встречается лишь -nu, -nü, иначе говоря, согласный -n в исходе слова после -n- выпал, как можно предполагать, в силу назализации гласного: nun > nuⁿ > nu, или nin > ni > ni.

В литературном монгольском языке поэтому окончание родительного падежа имеет ряд вариантов: ger „дом", род. п. ger-ün, gaǯar „земля", род. п. gaǯar-un, qagan „император", род. п. qagan-u, aqa „старший брат", род. п. aqa-jin, dalai „море", род. п. dalaijin, qagad „императоры", род. п. qagad-un и т. д. Гласный окончания удлинился, и -i- стало общим для всех ныне известных диалектов: калм. gerīn „дóма", gazarīn „землú", χānī „императора, хáна", χadīn „хáнов", aχīn, aχān „старшего брата"; вследствие этого и здесь между долгими гласными в качестве заполнителя зияния выступает вставной соединительный -g-: калм. dalä „море", род. п. dalägīn (наряду с dalān).

Древним вторичным образованием является окончание -nu-ai, -nü-äi, -u-ai, -ü-äi (др.-монг.), где -ai, -äi представляет собой окончание адъектива. Отсюда происходит окончание -nā, -nē, -ā, -ē: калм. gerā, χānā, gazarā, manā [„наш" (букв. „нашинский")]. Параллельные образования, полученные по аналогии с различными типами окончаний, — весьма обычное явление в монгольских диалектах, и поэтому едва ли не во всех них можно обнаружить несколько различных форм родительного падежа.

Как в монгольском, так и в тюркском от формы родительного падежа с помощью адъективного окончания -ki получены самостоятельные прилагательные, которые употреблялись наиболее часто в тех случаях, когда родительный падеж встречался не в предыменной позиции, а, например, оказывался в качестве сказуемого: монг. ene morin aqajinki „этот конь моего брата (братний)"; тат. atanyqy „отчий"; алт. atanī (< atanyγy). Этот адъектив на более поздней стадии развития языка употребляется, однако, и в предыменной позиции[20].

3. *Тунгусский.* В тунгусском — как зачастую и в тюркском — атрибутивные отношения выражаются посредством синтаксического соположения. Однако в маньчжурском исконное окончание родительного падежа четко проявляется в виде -i, -ni, например: mafa „отец", род. п. mafa-i, mafa-j; wang „король", род. п. wang-ni. Гласный этого окончания был в маньчжурском языке, вероятно, долгим, и формант -nī здесь, как и в монгольском, должен быть истолкован, как воспринятый от основ на -n-. Возможно даже, что употребление этой формы родительного падежа должно быть возведено к монгольскому влиянию.

Образцы древней формы родительного падежа в тунгусском встречаются редко, например: hiγin degiwuśnan ǯūwān grekīn „ветер развеял дом лягушки" (Мат. эв. ф., 23); лам. bi „я", род. п. min, hi „ты", род. п. hin и т. п. Тунгусские диалекты сходны тем, что родительный падеж выражается в них посредством -ŋi; например: aka „старший брат", род. п. akaŋi (< akanŋi) „старшего брата", bi „я", род. п. miŋi (< minŋi), т. е. мы встречаем здесь ту же форму прилагательного, что и в монгольском aqajinki, которая в данном случае стала адноминальным родительным падежом. В маньчжурском языке эта форма прилагательного образовалась посредством -iŋge, -niŋge.

4. *Корейский.* В корейском языке еще встречается такая форма родительного падежа, как hain от hai „день, солнце", но обычно атрибутивные отношения выражаются там синтаксическим соположением, так же как в тюркском и тунгусском; однако особое падежное образование для родительного падежа тоже встречается. Ныне его окончанием является -ai, -ji, -i, и, наряду с этим, в качестве признака родительного падежа, перед согласными появляется геминация: saram „человек", род. п. saramji, na „я", род. п. nai (ныне nä), saramjige „к (дому) человека", saramikke „у человека". Как согласный элемент -j, так и удвоение восходят, видимо, к слабому смягченному -ń. Такого характера образование родительного падежа применяется обыкновенно лишь в тех случаях, когда речь идет о принадлежности человека, например: saramji mal „человека речь", saramji mari „человека речь его", но чаще всего saram mari (ср. монг. окончание -ai, § 97).

Родительный падеж часто (в монгольском языке особенно, но также и в некоторых других) служил первичной формой для новых падежных образований[21] в тех случаях, когда это касалось окружающей обстановки или места жительства какого-либо лица, например: калм. χānā „хáна", местн. п. χānādə „у хáна", χānägās „от (двора) хáна"; уйг. дат. п. bizgä „нам" (лично), bizingä „к нам" (к нашему дому); кор. sarame „в человеке", saramjige „в (доме) человека, у человека, к человеку".

Б. Синтаксическая атрибутивная конструкция. Выражение атрибутивных отношений синтаксическими средствами прослеживается с древнейших времен.

Во-первых, они могут быть переданы конструкцией, в которой атрибутивные отношения стоящих рядом слов осуществлены без помощи падежных окончаний; например: др.-тюркск. on-oq budun „Десять стрел-народ"; кор. čosen mal „корейский язык". Часто путем подобного соположения слов выражается некоторое отличие от оформленного суффиксом родительного падежа: уйг. qaγan oγly „королевич", но qaγanyŋ oγly „сын короля", н.-монг. χän χöwün „принц", χäni χöwün[22] „сын хана". В корейском суффиксальный родительный падеж употребляется только для слов, обозначающих живые существа, или для особо значительных слов.

Во-вторых,— и эта конструкция наиболее употребительна,— атрибутивные отношения между словами передаются следующим образом: слово, обозначающее обладателя, стоит в именительном падеже, тогда как предмет обладания оформлен притяжательным суффиксом, относящимся к связанному с ним лицу, например: др.-тюркск. er aty „имя человека" < букв. „человек — имя его", toquz oγuz bäglärі buduni „беи и народ Девяти Огузов" (букв. „Девять Огузов — беи их и народ их"), türk bilgä qaγan sabym „мои, турецкого мудрого кахана, речи", и t.b.q. sabi „речи турецкого мудрого кахана"; уйг. burqan quty „величие Будды"; тур. ana lisany „родной язык" (букв. „мать — язык ее"), baš aγrysy „головная боль" < „голова — боль ее". В турецком языке те же обороты речи могут быть переданы заимствованной из персидского изафетной конструкцией, например: kitāb-i-peder „книга отца" и т. д. В тунгусском, например, гольд. mapa „медведь", hagdo „берлога", mapa hagdoni „берлога медведя" < „медведь — берлога его", bi gerbiw „мое имя"; эв. beje awgaran „здоровье человека", oron jelin „рог оленя". В корейском языке, например, saram mari „речь человека" < „человек — речь его", jaŋderi „шерсть" < „овца — волос ее" (= jaŋ „овца" + t'el „волосы"), kaŋmuri „речная вода" (< kaŋ „река" + mul „вода" = монг. müren, яп. mi, mi-zu < mi-ntu).

§ 8. Винительный падеж

Винительный падеж представляет собой морфологическое образование, которое применяется для обозначения определенного объекта; для обозначения неопределенного объекта, или объекта вообще, обыкновенно используется основная форма слова, не имеющая окончания, т. е. форма именительного падежа[23]. Поэтому значительно более употребительным оказался винительный падеж, образованный от местоимений, нежели образованный от существительных. В данном случае древнейшие падежные отношения довольно хорошо воспроизводит, вероятно, корейская языковая традиция. Винительный падеж, разумеется, является адвербиальным, т. е. относится непосредственно к глаголу. Точно так же обстоит дело и со всеми другими, рассматриваемыми в дальнейшем, падежными образованиями.

1. *Тюркский.* В тюркских языках винительный падеж местоимений обозначается через окончание -y, -i: sän „ты", вин. п. säni „тебя", bu „этот, это", вин. п. muny (др.-тюркск. buny), biz „мы", вин. п. bizni „нас". Таким образом, здесь появляется снова тот же -n-, который мы уже рассматривали, говоря о родительном падеже.

Это типическое для винительного падежа образование было затем обобщено турецким языком в позиции после согласного в виде -y, -i; в другие диалекты оно как окончание винительного падежа проникло в форме -ny, -ni, например: южно-тюркск. (тур.) daγ „гора", вин. п. daγy; ev (тур.) „дом", вин. п. evi; зап.-тюркск. (тат.) tau „гора", вин. п. tauny; üj „дом", вин. п. üjni. В чувашском языке в качестве соединительного вставочного согласного выступают как -j-, так и -n-. Гласным окончания в чувашском языке стал -a, -ä; это процесс фонетического развития, с которым мы встречаемся и во многих других формах словоизменения; вследствие этого фонетически винительный падеж в данном случае полностью совпал с дательным, например: tu „гора", вин. п. tə̑va, дат. п. tə̑va; ср. тунг. sinę и sinęwę „тебя", minę, minę-wę „меня", т. е. с -ę в качестве окончания.

В древнетюркском встречается образование винительного падежа на -yγ (после согласных), на -γ (после гласных). В древнейшем уйгурском этот винительный падеж был еще употребителен, но позднее он исчезает. Уже в языке Hoh мы встречаем его в виде -gi в выражении pü-gä-gi tutang „возьми Бюгэ в плен" (см. JSFOu, 38, стр. 30—).

2. *Монгольский.* В монгольском языке окончанием винительного падежа является -i (после согласных), -ji (после гласных); gar „рука", вин. п. gari, morin „конь", вин. п. morini, aqa „старший брат", вин. п. aqaji, dalai „море", вин. п. dalaiji. Как и в родительном падеже, здесь также гласный окончания на очень ранней стадии развития произносился как долгий, т. е. -ī, -jī. На ранней стадии произошло также удвоение окончания: -iji, -īji, а в качестве соединительного согласного между гласными возник вставочный -g-. Возможно, что принятое ныне произношение -īgi, īg, наряду с которым встречается еще и i- (произносимый кратко), является наиболее архаичным. Не исключено поэтому, что винительный падеж в древнетюркском: qaγanyγ „хана", ebig „дом", sü̈g „войско", тождественен монгольскому винительному падежу[24]. Несмотря на это, все же существует предположение, что некое невыясненное энклитическое -gi присоединилось к падежному окончанию винительного на -i.

У существительных, оканчивающихся в монгольском языке на -n, наряду с правильной формой винительного падежа встречается еще и краткая форма, которая отличается тем, что это -n выпадает, например: usun „вода", калм. usn̥, вин. п. usīg, us";

burqan „Будда, бог“, калм. burχig, burχonig, buryᵃ и т. д.; возможно, что это результат особого хода развития первоначального звука окончания — краткого -i-: им. п. usu, вин. п. usui > usu.

3. *Тунгусский.* В тунгусском языке мы находим две формы винительного падежа: одну — с окончанием -a, -ja, которая в ряде случаев используется как разделительный падеж, и вторую, являющуюся, несомненно, много более поздней по происхождению, с окончанием, которое должно быть возведено к -ba. Окончания -a, -ja могут фонетически восходить к исконному -i, например: тунгБ. mō „дерево (дрова)“, вин. разд. mōja; mu „вода“, вин. разд. muję; ē „что“ (< jä), ēkun (< jakun) „что“, вин. разд. ēja, ēkuna; ŋi „кто“, вин. разд. ŋiję; онкор.-сол. ber „лук, оружие“, вин. разд. beri; тунг. sinęwę „тебя“ (< sinę-ba). Это падежное образование на -a, -ja, которое мы, таким образом, намерены отождествить с тюркско-монгольским винительным падежом, в маньчжурском языке не известно (см. подробнее VA, стр. 83—).

Винительный падеж в маньчжурском языке, обозначаемый формантом -be (в раздельном написании), фонетически представлял собой *ba (~*bä). Ему соответствует тунгусский определительный винительный падеж на -wa, где лабиальный звук меняется в зависимости от предшествующего звука, и потому окончанием является -wa, -ma, -ba или -pa, например: тунг. вин. п. oronmo „оленя“, мн. ч. ororwo, ororbo; им. п. hunāt „девушка“, вин. п. hunātpa, мн. ч. hunilba, hunilwa; вин. п. mōwa, mūwę, ēkunma, ŋiwę и т. д.

Это окончание и ныне не является окончанием винительного падежа в точном смысле, а скорее представляет собой омертвевшее деепричастие от глагола (кор.) poda „смотреть“ и имеет значение „смотря по“, „относительно“. В корейском языке деепричастие poa (после звонких закономерно произносимое boa~ba) применяется точно так же, как тюркск. körä, тат. kürä, тур. görä, и это наводит на мысль, что винительный падеж развился как раз из такого словоупотребления[25]. Маньчжуро-тунгусский винительный падеж представляет собой, таким образом, совсем еще свежее явление и в некоторых случаях сохраняет еще свою многозначимость: ср. тунг. (Мат. эв. ф., 221) bi sináwà gūnčā „я сказал это против тебя“~„я говорил относительно тебя“.

4. *Корейский.* В корейском языке винительный падеж имеет в исходе в сев.-кор. -ị, -i, а в южно-кор. -ịl, -il — это относится к основам на согласный; после основ на гласный южно-кор. имеет окончание -l, -ril, а сев.-кор. -ri. Трудно сказать, как следует здесь толковать -r-; некий, неизвестного происхождения -r в конце слова встречается также в монгольском (монгЛ. -dur) и в тюркском (aŋar „его“). Возможно, что к корейскому -ị, являющемуся исторически первичной формой винительного падежа (гласный -ị, -i — исконное окончание винительного падежа), уже на ранней стадии развития присоединился конечный -r, и окончание -ril возникло путем аналогии и одновременно путем удвоения более древнего окончания, например: им. п. mun „дверь“, вин. п. в сев.-кор. munu, южно-кор. munịl; na „я“, вин. п. сев.-кор. narị, южно-кор. narịl, nal; saram „человек“, вин. п. сев.-кор. saramu, saramị, sarịmị, южно-кор. saramịl; kir „путь“, вин. п. kirị; jan „овца“, вин. п. jana; čʿoŋ „ружье“, вин. п. čʿoŋo, čʿoŋu и т. д.

Приведенные примеры тунгусского винительного падежа с формантом -ma- следует сопоставить со следующими примерами из корейской фразеологии: au boa (ba) mal handa „он говорит (mal handa) про(с) младшего брата (au)“ < „он говорит младшего брата относительно“.

Об употреблении винительного падежа во всех этих языках следует еще сказать, что винительный падеж используется не только как падеж дополнения, требуемый глаголом, — он может также выражать отчуждение во времени или пространстве.

§ 9. Дательный падеж

Во всех языках, кроме тунгусского, отчетливо распознается падеж с окончанием -ai (или -a) и его вариантом -gai (или -ga), имеющий значение дательного падежа.

1. *Тюркский.* В тюркском этот дательный падеж общеупотребителен с давних пор. Он имеет также смысл локального, со значением „куда“. Его окончанием является -a или -ga соотв. -ka, например: др.-тюркск. taγqa „к горе“; чув. tə̑va; тат., казах., кирг., тел., tauγa; тур. daγa; др.-тюркск. qaγanqa „каха́ну“; вост.-тюркск., зап.-тюркск. qaγanqa; чув. χuna, χona; др.-тюркск. qaγanuma „моему государю, моему каха́ну“, qaγanuŋ-a „твоему каха́ну“, qaγanun-γa „его каха́ну“; зап.-тюркск. qaγanun-a „его каха́ну“. Каким-то странным образом min „я“ и sän „ты“ дают в дательном падеже maŋa, saŋa, а не miŋä, säŋä[26]; это явление могло бы указывать на исконное -a в окончании, если бы его не приходилось объяснять тенденцией к регрессивному передвижению передних гласных, которая обнаружена и в некоторых других случаях, в частности в сочетании со звуками q, g, ŋ. Кор. jege, čege, kịge „здесь, там“, в диалектах jē, čē, kē, являют форму окончания -kei, а не -*kai.

Во многих современных языках дательный падеж местоимений встречается с окончанием -γar; алт. anγar „ему“, manγar „этому“ и т. д.; это следует, пожалуй, возвести к тому, что в древнетюркском -γaru зачастую применялось как раз к местоимениям, ср. др.-тюркск. baŋaru „мне“, „ко мне“. — Окончание -ru как таковое мы будем рассматривать позднее. — О фонетическом совпадении дательного и винительного падежей в чувашском языке уже упоминалось выше.

2. *Монгольский.* В монгольском языке употребление окончания -a уже на очень раннем этапе отошло к древним образованиям, однако еще и теперь оно часто встречается в послелогах, некоторых глагольных формах и т. д. Вместо дательного падежа на -a уже очень рано стали пользоваться местным падежом на -du.

Примеры: gaǯar-a „к земле, на пол, на землю“, dotur-a „во внутрь, внутри“ (маньч., тунг. do „внутренность, содержимое“), deger-e „вверх, сверх, лучше“ (тюркск. jäg „лучше“; маньч., тунг. dele, dilä „наверх, кверху“), bolura „к бытию (=чтобы быть)“, jabura „к хождению (=чтобы пойти)“, irere „к приходу (=чтобы прийти)“ (дат. п. на -a имени действия на -r), ilaŋgui-a „в особенности, особенно“, qamija, qamiga „где, куда“ и т. д. В последнем примере мы имеем, фактически, окончание -ga, так как основой было, вероятно, qa, а второобразной основой qa-mi.

В соединении с конечным согласным основы дательный падеж дал во многих послелогах -ra или -na. Этот ход развития привел в диалекте монгор к образованию дательного-местного падежа на -re; подобное же развитие могло также иметь место уже на древнейшем этапе и в тюркском, в таких случаях, как др.-тюркск. ič „внутренность“, ičrä „во внутрь, внутри“, tašra „наружу, снаружи“ (ср. ičirtin „изнутри“, tašyrtyn „извне“); soŋ „позднее, позднее“, уйг. soŋra, тур. sōra „после, за, вслед“ (маньч. soŋko „след“), др.-тюркск. ȯŋrä „вперед, впереди“, kisrä „после, за, вслед“ и т. д. Встречающееся наряду с этим -ja, в др.-тюркск. jyra-ja „на севере“ (чув. śər „ночь“), qury-ja „на западе“, соотносится с тунгусским -ja „сторона“ (ta-ja „на той стороне“, ha-ja „где“). Очень древним является в монгольском языке сочетание окончания -a (в значении местного падежа) с древним окончанием исходного падежа -ča; это -ača должно было уже издревле произноситься -ača, -asa. Таким образом, дательный падеж, инкорпорированный в окончании исходного падежа -āsa, -ās, продолжает в какой-то мере свое существование.

3. *Тунгусский.* В диалектах тунгусского языка этот дательный падеж уже с давних пор стал непродуктивным. Следовало бы ожидать его сформления окончанием -a или -e. В маньчжурском языке в парадигме склонения имен он уже не встречается, однако в парадигме спряжения глаголов встречается герундий с окончанием -me, который вполне отчетливо опознается как дательный падеж от имени действия на -m: маньч. arame „делая, в делании“, arame-bi, букв. „быть в делании“ (англ. is a-doing), „делает, действует“, что дало в результате настоящее время на -mbi. Нет ничего удивительного в том, что в маньчжурском языке окончанием является -e, а не -a, ибо здесь мы имеем дело с безударным окончанием: маньч. -be вместо тунг. -ba (окончание вин. п.), маньч. -de вместо тунг. -du, тюркск. -da (окончание местн. п.).

В тунгусском языке можно, пожалуй, усмотреть дательный падеж еще в словах: umnä, umunä „однажды, один раз (=когда-то)“ (от umun „один, раз“), umutälä „по одному“, toŋatala „по пять“ (ср. umutäl, toŋatal в качестве именительного падежа, и umutälǯi, tongatalǯi в качестве инструментального падежа с тем же значением). Возможно, что сюда же следует отнести то тунгусское -ga, которое имеется в таких словах, как ǯuga „в летнее время“, tuge „в зимнее время, зимой“, tirga „в течение дня, днем“ и т. п.

Тождественно ли это -ga тому суффиксу -ga, который в ламутском языке имеет значение „для“ или „вместо, взамен“, — неясно; лам. (aun „шапка“), aun-ga-ku „мне на шапку (=к шапке)“, „(материал) на шапку для меня“, (täti „одежда“), tätihas „тебе на платье“, „(нечто) как платье для тебя“ и т. п. Это образование названо Богоразом Designativus (ср. VA, стр. 83—).

Если предположить, что в древнем тунгусском так же, как в корейском и в тюркском, параллельно существовали окончания -a и -ga, тогда этот Casus designativus (Богораз, стр. 14), который в ламутском оканчивается на -ga, -ha, -ka, а в других диалектах, совпадая фонетически с разделительным (партитивом), имеет в исходе -a, -ja, должен быть понят как реликт более древней стадии развития языка. Этот падеж всегда употребляется с притяжательным или возвратным суффиксом, например: min d'uhaku „как мой дом служащий; мне за дом (=для дома)“, hin aungaś „тебе за шапку (=как шапку)“ (āwun-ga-si), towgaku buli „дай мне (угля) на топку!“, taraw orom ondadgai gad'im „того оленя я себе (сам) возьму на приманку“ (<*ondat-ga-wi „на свою приманку“). Возникающее здесь в 1 л. ед. и мн. ч. -k- (-ga-k-u, -ga-k-un взамен -ga-s, -ga-sun, -ga-n, -ga-tin и -ga-i, -ga-ur) должно быть истолковано точно таким же образом, как в лам. tikte-k-u „чтобы я упал“, tikta-k-un „чтобы мы упали“, ämda-k-u „чтобы я пришел“ вместо tiktai „чтобы самому упасть“, ämdai „чтобы самому прийти“, ämdas „чтобы тебе прийти“, ämdan „чтобы ему прийти“ и т. д. Встречается фонетическое совпадение с разделительным падежом, например: негид. ēla asi-ja-j bakačas „где ты нашел себе в жены?“, χonat-pi asi-ja-w būkol „твою дочь в жены мне дай!“; тунг. kačikānme emewre hutejēn „они привезли собаку как его сына (=ему за сына)“ (Мат. эв. ф., 131).

В результате такого употребления образований с -ga-, в тунгусском языке при изменении имен путем присоединения суффикса -li [направительный падеж (=пролатив) со значением „вдоль чего“, „куда“] возник особый падеж — падеж цели с окончанием -ali, -jali: asijali „(себе) в жены“, ēkunali „для чего?“. В гольдском языке встречается ныне суффикс -go- ~ -gu- (А. Улитин, Язык и мышление. Л., АН СССР, 1933, стр. 136), который употребляется точно таким же образом, как и приведенный выше суффикс ламутского языка, например: asigui bāhani „он женился, он взял (ее) в жены“, что восходит к *asi-ga-wi и дает во множественном числе в качестве параллельной формы asigo-ari < asi-ga-wari. Таким образом, это -ga- натурализовалось и в южнотунгусских и в северотунгусских диалектах.

Возможно также, что герундий или своего рода „инфинитив“ на -nga в ламутском языке восходит к отглагольному имени на -n с этим падежным -ga: gaŋa uśarāp „мы не можем взять, мы не в состоянии взять“.

4. *Корейский.* Старый дательный падеж в корейском языке ныне имеет окончание -ē, -gē, что в древних литературных памят-

никах обозначается -ai,-ęi, а в современной письменности обычно -ęi. Этот падеж имел значение как дательного, так и местного, например: čibe „в доме, к дому (домой), в дом"; mare „в, на, у, к коню"; arä, are „внизу" (allo „вниз, книзу"); omä (o- — глагол, om — имя) „в ходе, в пути, идя" = нем. „im Kommen" (ср. маньч. ome „в становлении", ombi „находится в становлении, становится") и т. д. От некоторых основ имеется также дательный падеж на -ge, например: malge ~ mare, tolge ~ tore „на, в, у, к камню"; patke ~ pakke „вне, снаружи" и т. д. От родительного падежа исстари был образован дательный падеж на -ge, и это есть ныне принятая грамматическая форма дательного падежа, тогда как простой дательный падеж теперь используется в качестве местного падежа (локатива), например: saram „человек", sarame „в человеке, у человека", saramjige, saramkke „человеку, к человеку" см. выше § 7, A,4).

§ 10. Местный падеж (локатив)

Особое, адвербиально употребляемое падежное образование для обозначения понятия места („где") и времени („когда") имеется в тюркском, монгольском и тунгусском языках.

1. *Тюркский.* В тюркском его окончанием с давних времен является -da (-dä или, соответственно, -ta, -tä) с обобщенным значением определения местоположения, т. е. как с инессивным, так и адессивным значением. В чувашском языке окончание -da закономерно дало -ra; -ta и -tra с точки зрения историко-фонетической легко объяснимы. Примеры: tayda „на горе́, в горе́", казах. tauda, чув. tura, тур. dayda; др.-тюркск. tašda „среди камней, у камней", зап.-тюркск. tašta; тур. ormanda „в лесу", чув. vərmantra (диалектное? фонетически закономерно чув. -nd- > -nD-) и т. д.

Этот падеж употреблялся также для выражения имени действующего лица в предложении страдательного залога. В древнетюркском он применялся также для указания места („откуда"); помимо того, употребление данного падежа было очень многосторонним. От употребления аблатива в этом значении якутский язык получил разделительный падеж (партитив) с окончанием -ta, например: ūta agal „принеси воды", ср. de l'eau (ū первоначально sub „вода"). Этот разделительный падеж употреблялся в якутском языке, по-видимому, только в сочетании с повелительным наклонением[27].

От местного падежа с помощью окончания -ki образовали прилагательное, например: taydaki „на горе находящийся [=(тот), что на горе], к горе относящийся, горний"; ebdäki „в доме находящийся [=(тот), что в доме, = домашний]" и т. д. В чувашском языке из окончания -daki (через посредствующую ступень -rχi, -tχi) возникло окончание современного прилагательного -ri, -ti: turi „на горе находящийся (горний)", anatri „внизу находящийся, нижний" (anat, ср.-тюркск. änüt „нисхождение, погружение").

В древнетюркском, где, например, oγuzda обозначало „у огузов" и „от огузов", с целью уточнения различия между местным и исходным падежами, к форме местного падежа было энклитически присоединено слово jan „сторона". В древних высеченных на камне надписях встречаются формы типа *oγuzdajan, *oγuzdańan, oγuzdandan „от огузов (= огузами)", *öŋdäjän, *öŋdäńän, öŋdändän „спереди, от передней стороны". Это сочетание -da-jan развилось в сокращенное -dan, и во всех тюркских языках и диалектах мы находим исходный падеж на -dan (чув. -ran, -tan, -pan; койб. -dang, -tang, -nang). Для этимологии слова jan „сторона" следует сравнить кор. tan „край, рант", čiptan „от дома", čiptane „у дома", saramttane „у человека". В якутском имеется ūta „de l'eau", но ijättän „от матери" (но не что-то вроде ijätän!). Наряду с этим сохранилось старинное образование прилагательного на daqy: yalläγy (< aγyldaqy) „(тот что) в селе", χatyŋnāγy (< qadyŋdaqy) „(то что) на березе" (Ястремский, стр. 54—), а из сочетания -da körä „по... смотря, согласно..." произошел в якутском языке сравнительный падеж (Casus comparativus) на -dāγar (ныне также -dāγan, как диалектный вариант): aγatāγar „по сравнению с отцом", yallāγar, χatyŋnāγar и т. д., диалектное, также aγatāγan, yallāγan и т. д.[28]

2. *Монгольский.* Монгольский язык имеет в данном падеже окончания -da (-ta), -de(-te) и -du(-tu), -dü(-tü), из которых -da употребляется чаще всего при наречиях, послелогах и названиях места, а -du — при других существительных. В монгольской письменности при существительных находим -dur, -tur. Этот -r здесь представляется совершенно загадочным, ибо, насколько до настоящего времени известно, ни один из современных живых языков не знает окончания -dur.

Как и в тюркском, прилагательное образуется здесь путем присоединения к суффиксу местного падежа окончания -ki, т. е. посредством -daki. Поскольку форма дательного падежа с -a- оказалась утраченной, местный падеж взял на себя функции как дательного падежа, так и агенса. Примеры: ende „здесь, сюда", endeče „отсюда" (калм. endēs)[29], endeki „здешний"; erte „рано", erteki „ранний" (чув. ir „утро"; тат. irtä „рано"; тур. ärtän „рано, ранним утром"; саг., койб. ergi „ранний"; алт., якут. ärdä); nada, nadu, nadur, namadur „мне", nadača, namadača „от меня (= мною)"; gertür, gertü, gerte „в доме", gerteče „от дома", gerteki „в доме находящийся [=(тот), что в доме], относящийся к дому, домашний"; tengri „небо", tengrideki „небесный", tengridür, tengridü, tengride „в небе, небу", tengrideče (устарело) наряду с tengrieče и tengriče (tengrise — начальная форма для парадигмы исходного падежа во многих бурятских диалектах).

3. *Тунгусский.* В тунгусских диалектах этот падеж имеет окончание -du, -tu, а в маньчжурском языке -de (неизменно в данном написании). Местный падеж имеет здесь, как и в монгольском, очень широкий круг значений. Во многих тунгусских диа-

лектах местный падеж, например, ǯūdu „в доме“, послужил исходной формой для дальнейших падежных образований: ǯūla, мн. ч. ǯūldula „дóма“; ǯūli, мн. ч. ǯūlduli „домой“. Таким вторичным образованием является исходный падеж с окончанием -duk; сол. -duχi; негид. -dukkoj, -dukki, где элемент -koj, -ki, -k не идентичен турецко-монгольскому адъективообразующему -ki, так как адъектив, образованный от местного падежа, звучит в тунгусском как -di, -ti, что могло бы представлять собой *-du-ai, *-du-ci > di либо соответственно *-du-gi, например: lamu „море“, lamudu „на море, в море“, lamuduk „от моря“, lamudi „морской (= нем. Meeres- = англ. see-), lamuŋi „к морю относящийся, морской“; bi „я“, mindu „у меня, мне, мною“, minduk „от меня“, mindi „(тот), что у меня“, но тунг. miŋi „мне принадлежащий, мой“, лам. min „мой“.

4. *Корейский.* Корейский язык этого падежного образования не знает, но имеет в своем распоряжении существительное tai (dai) „место, местность“, являющееся одним из наиболее употребительных слов, например: jedai „здесь“ (je „этот“), čedai „там“ (če, искони и в диалектах tje, te „тот“), kidai „там“ (ki „тот, что“), edai, диалектное wedai „где“ (we, др.-кор. *ne, *mi, „что“); kan dai „след, колея, место, где прошел кто-то“, kal tai, сев.-кор. kar-tai „место, где следует пройти“, „место для посещения, место, которое надлежит посетить“, „на ходу, во время ходьбы, идя“. Гласный -e- в этом имени tai может рассматриваться как изначальный *-o-, *-u- или *-a-, и с точки зрения фонетики нет возражений против того, чтобы в этом аффигировании усмотреть истоки тюркско-монгольско-тунгусского локатива; тем самым становится объяснимым и отсутствие его в корейском языке (ср. ниже § 126).

§ 11. Суффикс -ru, -rü

Падежное образование с этим окончанием особенно отчетливо выявляется в тюркском, монгольском и корейском. Оно имеет значение указания направления („куда“) и могло бы быть названо „направительным падежом“ (латив, пролатив или директив).

1. *Тюркский.* В тюркском, уже на древнем этапе, имелось др.-тюркск. äbimrü „(по направлению) к моему дому“ (äbim „мой дом“); архаичны также bärü „сюда“ (от bän „я“), aru „туда“ (an-, основа местоимения „тот, что“) и уйг. kirü < *kärü „обратно, в обратном направлении, прочь“ > якут. kiär (то же); алт., тел. jary, jar „к, по направлению к“ (< jan „сторона“)[30].

Это окончание стало общеупотребительным в положении послеадательного падежа, а -γaru стало даже применяться в качестве продуктивного суффикса: qaγanγaru „к кахану“, bizgärü „к нам“, bizingärü „к нашему дому“, tašqaru, tašγaru „наружу“ (тур. dyšary), ičkärü, ičgärü „внутрь“ (тур. ičäri), ilgärü „вперед“ (тур. iläri), (joqaru), joγaru „кверху“ и т. д. Употреблявшийся в уйгурском языке и в диалектах (языках) более позднего происхождения в качестве дательного падежа aŋar, muŋar („ему“, „этому“), в одном ряду с которым стоят как диалектальные проявления и более поздние казах. oŋan (oγan), muŋan „этому“, maγan „мне“, saγan „тебе“, должен быть возведен к древнему -γaru[31].

2. *Монгольский.* В монгольском языке окончание -ru, -rü встречается в различных его диалектах, хотя литературный язык этим падежным образованием и не пользуется, например: монг. *qagaru ~ qaru > калм. χār-ān (с возвратным суффиксом) „куда“; монг. inaru (= inagsi) > калм. nārān „сюда“; халх. modorū „к лесу, по направлению к лесу“, golrū, golurū „к реке, к середине“, gerlū (при диссимиляции второго -r- в -l-) „по направлению к дому“, morilū „к коню“ и т. д. После согласных окончание имело здесь форму *-uru, после гласных *-ru, и, вероятно, отсюда в западномонгольском в результате удлинения соединительного гласного получилось окончание -ūr, например: golūr „по реке, за реку“, gerūr „к дому“, usūr „в воду“. Затем в результате вставки -g- в качестве соединительного согласного после долгих гласных возник вариант -gur, например: χōgūr, χōgūr „назад, позади“ (нем. hinten herum), nāgūr „сюда“ (= „в эту сторону“), „на этот путь“. Это образование на -ūr, -gūr встречается также и в других диалектах, но если наряду с ним в каком-либо диалекте употребляется и окончание -ru, зачастую приходится констатировать, что по смыслу они отличаются друг от друга[32], например: халх. usurū „прямо к воде, по направлению к воде“, usūr „в воду“ или „вдоль по воде, по течению“ *.

3. *Корейский.* Корейский язык издревле имеет разносторонне применяемое падежное образование — латив, которое представлено в южно-кор. окончанием -ro, а в сев.-кор. -ru (-ri), -illi(-ili); это окончание восходит к исконному -ru ~ -rü и выражает направление: „такой-то дорогой, в таком-то направлении, через, сквозь, посредством“ и т. д. В современной корейской грамматике это падежное образование является инструментальным (орудийным) падежом, например: sanjro „вдоль горы, через гору, от горы сюда“, сев.-кор. sanjru, sanjri; čibjro „домой“, сев.-кор. čiburu; allo „книзу, вниз“, южно-кор. mullo „к воде, вдоль по воде, водой, через воду, с водой“ и т. д., сев.-кор. mullu, mururu „к воде“ и murilli, murulli „(с) водой, через воду, посредством воды, водой“. Поскольку это падежное образование, являющее собой древнюю форму, стало

---

* Первоначально существовавший, но позднее вычеркнутый Рамстедтом третий абзац гласит: „В тунгусском встречается падежное образование на -li (сол. -l[1]), которое некоторые называют Prosectivus; оно передает значение „вдоль по..., через...“, например: mūri „вдоль по воде“; сол. nāldulī; тунгЕ. ǯalduli „вдоль по реке“; тунг. imandali, imandaduli „через снежную равнину“. В маньчжурском встречается несколько случаев с -ri, где предшествующее ему -l- явилось, видимо, причиной диссимиляции: ǯuleri „вперед, передней дорогой“ (ǯuleri „вперед“), ojilori „вéрхом, верхней дорогой, поверх, через“, edori tederi „туда и сюда“ [ср. кор. idara tjedara (то же)]. Однако вопрос о том, следует ли действительно связывать это тунгусское образование с суффиксом -ru, остается невыясненным, так как встречается также и древнее окончание -li, см. § 12“.— *Прим. П. Аалто.*

одним из наиболее употребительных, наряду с исконными древними формами появились и образования по аналогии с ними. Тождественность этого падежа с тюркским -ru и монгольским -ru очевидна.

К этому падежному образованию в корейском языке на очень ранней стадии развития присоединилось окончание дательного падежа -ai. В силу фонетических законов первичное *-ru-ai, *-rü-ei выступает ныне в письменной традиции в виде -llai, -llęi, а в разговорном языке как -llä, -lle. В северокорейском языке оно общепринято как падежное окончание: abillä „для отца", nallä „для меня", mękkillä „для еды, чтобы поесть", kagillä „чтобы пойти, из-за ходьбы (=ради ходьбы)"; в южнокорейском же как общепринятый формант встречается только -ki-llä, иначе говоря, -llä, следующее за глагольным именем на -ki. Таким образом, в корейском языке мы имеем -ru+окончание дательного падежа, а в тюркском, в обратном порядке: -γa-ru.

4. *Тунгусский.* Если бы это корейское окончание встречалось в тунгусском языке, его следовало бы ожидать в виде -llä, -llā или -lā, -lā̈. В действительности же, диалекты тунгусского (как южнотунгусская, так и северотунгусская языковая группа) имеют падеж с окончанием -lā, -lā̈ со значением адессива-аллатива („у кого", „к кому", „о чем"), что вполне соответствует его употреблению в корейском языке, например: маньч. dele „вверху", dolo „внизу, внутри" (de „верх", do „внутренность"), ebele „здесь, сюда", ubala „этому (=нем. dem)" (<e- „этот", ba „место"); тунг. samandula „у шамана, к шаману", algala „на руке", диалектное halgala; гольд. palgalā (маньч. falga „внутренняя часть руки"); монг. alaga, калм. alχa, кор. phal „рука, горсть"; ilä „где, куда" (см. Радлов, I, 1478, чаг. iläisä „где бы то ни было"<ilä ersä), talā „там, туда", ęlā „здесь". Точно так же как от окончания -du был образован исходный падеж на -duki, -duk, от -lā имеется падеж со значением „откуда" с окончанием -lāki, -lāk; сол. iläk „откуда", talāk „оттуда", algalāk „из руки", gulāk „от дома, из дома" и т. д. Относительно этого -k см. § 127.

Поскольку тунгусский элемент -lā в качестве падежного окончания, по-видимому, соответствует корейскому составному окончанию -ru-ai, ныне -llä, можно с уверенностью предполагать, что тунгусское окончание -li следует соотнести с первичным корейским -ru.

§ 12. Суффикс -li

В древних тюркских (уйг., ср.-тюркск., чаг.) имелось некое -li, которое встречалось обыкновенно при двух стоящих рядом именах и должно переводиться, как „и", „как, так и...", „и... и...": др.-тюркск. inili äčili „как младшие, так и старшие братья, младшие и старшие братья"; уйг. tünli künli „ночь и день", täŋrili jirli „небо и земля"; др.-тюркск. bäglі budunly „князья и народ". В татарском, казахском, чувашском, якутском и многих других языках и диалектах этот оборот встречается еще довольно часто. По-казахски говорят, например, erteli keč „день и ночь", erli qatyn „муж и жена, супружеская чета"; эти конструкции восходят к древнейшим образцам.

В древнетюркском и уйгурском к этому -li, возможно, присоединялись падежные окончания: др.-тюркск. bäglі budunlyγ „князя и народ"; уйг. täŋrili jirlikä (jirligä) „небу и земле".

От формы с окончанием -li, которая, таким образом, обозначает „вместе с, с" и употребляется в качестве наречия, образуется при помощи адъективного окончания -g формант прилагательного -lig: др.-тюркск. qan-lyγ il „народ с ханом, народ (государство), имеющий хана" (=„ха́новый" народ, „хановое" государство); atlyγ „с именем, поименованный, получивший имя"; alyγ-lyγ, букв. „со взятием, взятый"; тат. alūlə̄ (то же); казах., тат. bajla- „вязать, связывать", bajlau-ly „с завязкой, связанный" и т. п. Формант прилагательного -lyγ, который, таким образом, представляет собой развитие падежного -ly, -li, вытеснил его в некоторых диалектах, например: алт., тел. aγa-lū ačy-lu (<aγa-lyγ ačy-lyγ) „старший и младший брат", erlū qadytty (<er-lig qadyn-lyγ) „муж и жена" и т. п.[33].

В монгольском существует также образование на -li: adali „идущий в сравнение, подобный, похожий на" (ср. монг. ada ügei „несравненный")>якут. atyly, tylÿ, tilī „подобный, как" и монг. büküli „цельный, нетронутый" (ср. bükü „бытие, наличие, все"), которое следует сравнить с упоминавшимся выше тюркским -li. Между этим -li („с") и окончанием комитатива на -luga~-lüge (древнее произношение -lu'a, -lü'e, позднее -lā, -lā̈) существует, вероятно, этимологическая связь; -a, -e представляет собой, возможно, окончание дательного падежа. Этот падеж на -lā, -lā̈, синтаксически предвещающий следующий за ним глагол, в большинстве диалектов уступил место притяжательному прилагательному на -tu, -tü и tai, -tei (<-tu-ai, -tü-ei)[34], но, тем не менее, он иногда еще встречается. В некоторых случаях он развился по аналогии в -lār, -lār̈; монг. namaluga „вместе со мной"; калм. namalā, nanlä; монг. erekü lüge „надеясь, с надеждой", irekü lüge „с приходом, при приходе (=приходя)"; халх. erχelā; калм. erkelā и халх. irχelā; калм. irkelä, но халх. irχelārń; калм. irχelārń „при его приходе, когда он приходил (или „приходит")", „при его приближении, когда он приблизился". С этим -luga, -lüge или, вернее, с этим -lu следует сравнить также тунг. -lun>якут. -lyn „вместе с, с"[35]; это окончание -lun, ассимилировавшись, выступает теперь в тунгусском в виде -ńun, а в якутском также и в виде -lan: тунг. akilun, akińun „вместе со старшим братом"; якут. ānalan „с Анной"; якут. ǯaktarynan (ǯaktáryn-lan) „с женой" (Ястремский, стр. 93, Падежные суффиксы, стр. 15).

В окончании -lun мы, вероятно, имеем формант -l, -li в соединении с окончанием инструктивного падежа -n, -un. Это же -l „с" появляется и в адъективообразующем окончании -l-kan „с...,

оснащенный (чем-либо), снабженный“: тунг. asilkan „с женой, женатый“ (asi „жена“), oǯalkan „с печатью“ (oǯa „печать“), hutęlkęn, hutęlkan „с ребенком, с детьми“ (hutę „дитя“); ср. тюркск. atlyγ „с именем, названный, поименованный, нареченный именем“. В составе окончания -lkan можно усмотреть суффикс прилагательного -kan (§ 99); однако в негативном ači (или at) ...-la „без, без-, не-“ разложение окончания -la на -l- и на окончание разд. п. -a связано с большими трудностями: asi-l-kan „женатый“, at asil-a „неженатый“, hutęlkęn „с детьми“, букв. „детный“, ači hutęlę „бездетный“, мн. ч. ačir hutęlę „бездетные“, ср. gerbija ačin „безымянный, без имени“ с формантом разд. п. -a.

Рассматривавшееся до сих пор -li имеет значение „вместе с“, однако встречается также -li, несущее в себе скорее локализующее значение „где (вблизи чего), где (вдоль чего), в каком направлении, каким путем“. Это -li с локализующим значением мы встречаем, например, в кор. iri „сюда“; тунг. ęli „сюда“; кор. čęri (сев.-кор. tjęri) „туда“; тунг. tali „туда“; монг., тунг., маньч. ali „где, какой, который“; гольд. hali „когда“; др.-тюркск., уйг. qali (qały) „когда, где“; тунг. ǰili (< jeli) „каким путем“; монг. teli „так, тогда“, keli „как, когда“, jali ügei „маловажный“, букв. „никчемный“. Сюда же относится казах. arqyly „через, транс-“ [senin arqyly „через (из-за) тебя“] < адъект. arqy „задний“ [36], монг. aruki (то же), (= arudaki — то же). Окончание -li в этом значении следует, вероятно, сопоставить с тунгусским падежным суффиксом -li (-duli).

Во всяком случае несомненно, что тюркский герундий на -γali соотносится с -li, передающим значение локальности: уйг. barγali „чтобы пойти (имеющий пойти)“, ölgäli „чтобы умереть (имеющий умереть)“, ärkâli „чтобы быть (имеющий быть)“, где это -li оказалось присоединенным к причастию будущего времени на -ga, -gai. Значение „куда, для чего“ отчетливо распознается в др.-тюркск. kiši oγli qop ölgäli törümiš „люди-дети все рождены, чтобы умереть (смертны) = все люди рождены смертными“ [37].

Путем присоединения окончания -li к глагольному имени на -g, -ig возникла старая глагольная форма на -gli: тюркск. bajyγly, jatyγly, käligli, ärigli [букв. „тот, имеющий пойти (долженствующий пойти); тот, что должен быть; тот, что с лежанием (долженствующий лежать); тот, что с прихождением (долженствующий прийти)“] [38]. Как уже объяснялось выше, от -γly в результате вторичного образования произошел суффикс -γlyγ. Наряду с этими еще и ныне используемыми в качестве причастий (прош. вр. страд. зал.) образованиями на -γlyγ; на более древнем этапе язык располагал также формой на -γma, -yγma: др.-тюркск. baryγma „идущий“, букв. „тот, что с хождением“, jatyγma „лежащий“, körügmä „видящий“, birigmä „дающий“ (il birigmä täŋri „небо, дающее нам царствие“), см. § 103.

§ 13. Суффикс -n, -in. Инструктивный падеж

Этот падеж принадлежит, видимо, к древнейшему достоянию алтайских языков. Он встречается во всех четырех группах. Фонетически он зачастую совпадает с родительным, и возможность этимологической связи между родительным и инструктивным падежами вполне допустима (ср. немецк. nachts, flugs, einstens). Этот падеж используется при глаголе в различных наречных определениях.

1. *Тюркский.* Др.-тюркск. jadaγ „пешеход“, jadaγyn „пешком“, тат. jajaun, чув. śura-n (то же); qyš „зима“, qyšyn „зимой, в зимнее время“, якут. kyhyn, чув. χələn (то же); тюркск. tün „ночь“, tünün „ночью“, tünün künün „день и ночь (днем и ночью)“; тюркск. atsyz „безымянный“, atsyzyn „безымянно, анонимно“; якут. soγotoχ „один, одинокий“, soγotoγun (то же) (наречие „в одиночку, отдельно, обособленно“); тюркск. teji, tejin, букв. нем. sagends „говоря“; тюркск. saju, sajyn, sajun „считая“ (наречие); алт. sajyn „каждый“; чув. -sem, -sen (окончание множественного числа в чувашском, собственно, нечто вроде „считая всех, всего“); тюркск. baryp „пойдя“; алт. baryp, barypan (? или barypyn) (то же); тюркск. bilmäj „невежественный, неосведомленный“ (наречие-прилагательное), bilmäjin „невежественно, не ведая“; тюркск. bolur (причастие буд. вр.), тув. polurun „будучи“ (наречие); ср.-тюркск. ärkän „ранний“; уйг. ärkänin „рано поутру“; ср.-тюркск. ädgülük „добро“, ädgülükün „добром, с добротой“.

2. *Монгольский.* В древнем монгольском этот падеж проявляется в герундии (Converbum coordinativum = деепричастие соподчинения) на -run, -urun: монг. bolurun „становясь, будучи“, ügülerün „говоря, сказавши и...“; ср. дат. п. bolura „чтобы быть“, ügülere „чтобы сказать“. В современных монгольских диалектах этот падеж, однако, уже вышел из употребления, и, напротив, урянхайский (тувинский), например, сохранил по сегодняшний день падежное образование типа polurun „становясь, стал и...“, kälirin „пришел и...“ (Катанов, стр. 533) [39].

3. *Тунгусский.* В тунгусских языках и диалектах мы находим этот падеж в маньчжурском языке, где он имеет окончанием -i, фонетически совпадая, таким образом, с родительным: маньч. gala i ǯafaχa „взял рукой“, ср. gala de ǯafaχa „взял в руку“; sain „хороший“, saini „хорошо“; čiχa „желание (охота)“, čiχai „охотно, желая“ (наречие); монг. belen „готовый“; маньч. beleni „готово“; маньч. χulaχa „читавший, прочитавший“, χulaχai „читая и читая“ (наречие), „после длительного чтения“ и т. п.

Захаров в своей „Грамматике маньчжурского языка“ не усматривает никакой разницы между инструментальным и родительным падежами. Деепричастное образование на -χai, относящееся к перфекту на -χa, он ввел как особую форму. Как в маньчжурском, так и в солонском этот падеж фонетически совпадает с родительным.

Из других тунгусских языков особо должен быть отмечен ламутский, в котором инструментальный падеж, имеющий в прочих случаях окончание -di, -ti, -t, в словах на -n всегда получает в исходе -ń: лам. bajan „богатый“, bajań „богато, обильно, вдоволь“.

4. *Корейский.* В корейском языке этот падеж имеет окончание -i и связывается грамматиками с детерминированным именительным падежом на -i (Рамстедт, в Kor. Gr., 99). Тем не менее его адвербиальное значение выступает совершенно ясно: кор. tjs „образ, способ“, nä dịsi „по-моему, так, как я“, pandạsi „необходимо, неизбежно“ (pandạs „неизбежность, принуждение“); kạrạda „разговаривать“, kạrạsida (то же), kạrạdai, kạrạsidai „говоря (наречие), со словами“; tam „стена“, tami makhiętta „преграждено стеной“; mali „словом, в словах“; toni ssada „стоить денег, иметь ценность денег“; ẹrjẹmphịsị „неясно, смутно“ (наречие), (erjẹmphịs ha- „быть неясным“); ẹi „как, каким образом“ (< ẹ-i, сев.-кор. wẹ- „что“ в ẹdại, сев.-кор. wẹdä, wẹdẹ „где, в каком месте“), āi (= āe) „сначала, прежде“ (< *aŋ, монг. aŋχan „начало“, тюркск. aŋ ilki „самый первый, первейший“) и т. п.

§ 14. Суффикс -ti, -di

К мысли о том, что это образование праязыковое, приводит явная идентичность его формы: др.-тюркск. -ti в ädgüti urγyl „бей хорошо“ и тунг. -di в bäkidi tärkal „тяни крепко, тяни с силой“, др.-тюркск. -di в qatyγdy „трудно, тяжело“ (наречие); гольд., ольч. hurmidi „коротко (наречие), кратко (сказано)“, гольд. (Грубе) paloadi „молотом“. Эта падежная форма в тунгусском языке представляет собой обычный инструментальный падеж, проявляясь фонетически как -ǯi, -d'i, -di, -ti, -či, -t.

В гольдском языке от формы инструментального падежа имени ǯa, d'a > ǯea „сторона, направление“ (oči-ǯea, pẹrχi-d'iẹ „север, северная сторона“; тунг. hergi-dẹ̄-du „нижняя сторона, низ“) образовался новый исходный падеж: očiǯeaǯi, pẹrχi-d'ẹd'i „с севера сюда, со стороны севера“.

Ламутский язык, образующий инструментальный падеж с помощью -d'i, -t'i, -č, имеет от имен на -n инструментальный на -ń; остается неясным, следует ли возводить -ń к -nni < -ndi или к -n-i (§ 13).

В монгольском это падежное образование неизвестно, но, быть может, его содержит в себе зарегистрированная в южномонгольском глагольная форма на -maǯi.

В тюркском мы имеем: койб. qajdi „как“ (ср. qajda „где“)[40], idi < ? edi „так, таким образом“ (монг. e-ne „этот“), bidi „в таком роде“ (bu „этот“, монг. mön „этот, как раз“); др.-тюркск. idi joq „ни в каком роде“ (idi „в каком роде, каким образом“), amty „теперь“ (койб. am, amoq „тотчас“; уйг. ab am „хотя бы, если“; тунг. amakan „быстро, вскоре, сейчас“); якут. any „сейчас, теперь“ (< anny < amdy); чаг. emti, emdi (то же); казах. endi „сейчас“ (< emdi); уйг. äm наряду с am; ср. монг. amǯi-; халх., ордос. amǯi- „être à temps pour“ < am-di-.

Сюда же относится также отглагольное наречие на -ti, в отрицательном значении -mati: др.-тюркск., уйг. tökäti „выливая“, jüzäti „вплавь“ (töγla ögüzüg jüzäti käčip, букв. „Тула-реку вплавь пересекая?“); уйг., др.-тюркск. qalmaty „неустанно, все“, букв. „не отставая“. Смешанной формой является, пожалуй, в уйгурском языке слово qalty „как, как бы“ < qaly; монг. -li в словах keli, teli и т. п.

В тюркском к суффиксу -ti очень рано присоединилось окончание инструктивного падежа -n; в результате образовалось новое окончание -tin, которое стало продуктивным, особенно в некоторых послеложных именах: тюркск. ičtin „изнутри, с внутренней стороны“, taštyn „снаружи“ (ср. ič-rä „внутри“, taš-ra „снаружи“) и даже ičirtin „изнутри“, tašyrtyn „снаружи“; тат. töjmastên „незаметно“ (наречие); тур. ilärі „вперед“ (< il-gärü), ilärdin „спереди“; уйг. kädin „сзади“, iltin „впереди“ и т. п. Употребления этого -n в аблативном значении можно проследить на примере карагасК. kajen (т. е. qajyn) „откуда“. Возникшее таким путем окончание -tin, которое имело адвербиальное значение, стало в вост.-тюркск., чаг., тар. обычной формой творительного падежа и в настоящее время вытесняет более древнее образование на -dan[41].

Первоначальное наречное употребление падежа на -ti, -di продолжает существовать только в якутском, где окончание его звучит ныне как -tyk, -tik (-ṭuk, -tük) и служит для образования наречий от прилагательных.

§ 15. Суффиксы -č, -ča и -čai. Уравнительный падеж (Casus Aequativus)

Суффикс -č встречается в словах: др.-тюркск. qač „сколько“, кор. mjẹč „сколько“. Возможно, что это -č представляет собой сокращенную форму от -ča, как это показывает чув. məźe, mənźe „сколько“. Суффикс -ča хорошо известен именно в тюркских языках и диалектах в этом же значении; например: bar „что имеется, что есть, наличие“, barča „всё“, on „десять“, onča „всё“ (ср. семасиологически яп. jū „десять“, jūbun „десять частей“ по китайской системе счисления, оттуда же и jūbun в значении „все, всё“). Сюда же, вероятно, относится и кор. hon, сев.-кор. habun „один, единственный“, южно-кор. hōnča, сев.-кор. habundza „один-единственный“ и т. п., а также, быть может, монг. gagča „единственный“ (ср. тунг. gagda „один из двух“; гольд. gaksi „один из двух“). Дальнейшими примерами этого окончания являются: карагасК. t'eše, češe „сколько“ (исконное ječä); якут. tössö, töhö „сколько“; койбК. nemd'e „сколько“ (искон. jemäčä); др.-тюркск. bunča „столько же, сколько вот“, anča „столько же, сколько там“; койб. and'e; карагас. inčä, end'ä „столько же“ и т. д.

От этого суффикса следует, вероятно, отличать формант монгольского исходного падежа -ča, который уже на очень раннем этапе развития подвергся фонетическому изменению и дал -sa, а в бурятском, где он и по сей день служит окончанием исходного падежа, фонетически закономерно превратился в -ha: galhā „из огня“, gerhē „из дому, из дóма“. В более древнем языке монгольской письменности имеется, например, tegünče „от того“, egünče „от этого“ (более позднее tünče, ünče, тоже по АФМ tünče „от того“), однако это -ča присоединилось либо к окончанию дательного (-a), либо местного падежа (-du, -da) и тем самым создало сложное окончание исходного падежа -ača, позднейшее -āsa (южномонг., халх., калм.), а также -dača (в Yüan-Čao-Pi-Ši).

Маньчжурское či „от, из“ представляет собой дальнейший этап развития, более поздний вариант окончания монгольского исходного падежа -ča. То же окончание -či обнаруживается также и в тунгусских диалектах, где употребляется окончание исходного п. -gič, например: лам. awgič „откуда, с какой стороны“ (от прилагательного *ʒaw-gi), äwgič „с моей стороны, отсюда“ (от прилагательного äw-gi), ärgič „отсюда“, targič „оттуда“, bargič „с противоположной стороны“ и т. д. Здесь -č стало падежным окончанием при прилагательном на -gi, ср. awgila „с которой стороны“, äwgilä „с этой стороны“ (-la является окончанием локатива), amargi „задний“, härgi „нижний“ (прилагательное), awgida „которая сторона“, ärgida „эта сторона“ (da в качестве аффигированного существительного), bargili „вдоль другой стороны, вдоль того берега“; однако же ныне -gič, так же как и -gida (баргуз. -gda), воспринимается как однородное окончание: dali (< dagali) „близкий“, dali-ič букв. „из близи“, dali-la „вблизи“. Ср. сол. ginč „вес одного гина (китайского фунта), весом с гин“ < *gin-čä.

Это монгольское -ča заключается также в деепричастной форме на -magča, например: jabumagča „тут же при уходе, ушедши“, iremegče „тут же при появлении (войдя, тут же...)“; халх. jawɔmts'ɔ, irəmts'ə и т. д. (ККМ, стр. 115). К этому же примыкает употребление суффикса -ča в тюркском, в таких глагольных окончаниях, как -γynča, -duqča, -γanča, например: kälginčä, тур. gelinʒe „как только вошел (придя, тут же...)“; караг.аскК. kilgänšä „до прихода, пока не пришли; койбК. agargand'e ölerd'ek-pen „чем болеть, лучше мне умереть“.

От монгольского -ča следует отличать монг. -čai, кор. -čhai, тюркск. -ča, чув. -ša со значением „величина, объем, вышина“, например: кор. čipčhai (-katta) „(выглядит) большой, как дом“; монг. ebüdügčege „до колен, по колено“, amačai „до рта“; калм. öwdöktsä, amtsä, tamγɔtsä „до тавра (у коня)“; др.-тюркск. tayča „с гору (высотой)“; казах. tauša; тур. dayča и т. д. В монгольском этот аффикс (халх. -ts'ä, калм. -tsä, бурят. -sā) широко применяется для словообразования со значением „какой вышины“ или „какой величины (считая от земли или от ступней ног)“. Наиболее вероятно, что оно происходит от корейского имени -čhai, которое представляет собой имя на -i- от глагола čhada „быть полным, наполненным“ (фактитив čhai-, chai-i-, chai-u- „наполнять“); монг. ča-d „насыщаться, наполняться“, от глагола, который тождественен по своему звучанию глаголу čhada „приставать, прилипать, арестовывать“ (фактитив čhai-, čhai-u-, англ. to fasten in the stocks), откуда имя čhai „схватывание, хватание“; тюркск., чаг., тур. čat- „столкнуться, висеть, приставать“, čatyš- „зацепляться“.

Значение аффикса -čai, тюркск. -ča, ослабилось до положения признака сравнения: др.-тюркск. marymynča bol „будьте такими, как (у) моего учителя“, букв. „учителевы“, ср.-тюркск. bu anyγča „это (таково же), как то“; караг.аскК. menša „как я“; койбК. at'i'e, atče „большой, как лошадь, ростом с лошадь“. В тюркских языках -ča употребляется ныне в качестве аффикса, образующего наречия: türkčä „как турки, на турецкий лад, по-турецки (язык)“; казах. tüöšä „как верблюд, по-верблюжьи“.

§ 16. Суффикс -ski, -gsi, -si

Этот суффикс также должен быть упомянут в числе древних, так как он, вероятно, является первичным формантом, унаследованным из древних языков. Он встречается в тунгусском и монгольском, но в тюркском и корейском его обнаружить не удается; передает значение направления, например: монг. degegsi, калм. dēši (обычно с возвратным суффиксом: dēšän), маньч. desi, тунг. diski, disi, deisi, deisgi „кверху“; монг. doogsi, калм., бурят. dōši, маньч. dosi „книзу, вовнутрь“; маньч. ʒulesi, тунг. диалектное ʒulesi, ʒuleski, лам. d'ulaski „вперед“; халх., бурят. nāši „сюда, в эту сторону“; халх, бурят. čāši „более отдаленно“; тунг. časki „дальше от...“ (тунг. прилагательное čagu, čagi „дальнейшее“), askitānə „во все стороны, куда бы то ни было“, aski (< *ha-ski) „куда“.

Следует ли толковать это окончание как исконное -ksi или -ski — установить невозможно, в особенности потому, что отсутствует возможность сравнений с тюркским и корейским языками.

§ 17. Возникновение новых падежных образований

Из числа падежей, появившихся в результате более позднего языкового развития, нами выше разбирались тунгусский винительный падеж на -ba и тюркский исходный на -dan. Относительно того, что местный падеж на -da следовало бы, возможно, связать с корейским словом tai, также выше говорилось. Можно склоняться также к выдвижению гипотезы об отождествлении древнего суффикса -ru с китайским словом *lu „путь, дорога“ [ср. китайско-корейское sju-ro, букв. „вода-путь (водным путем)“, „by water“, „by sea“]. Существует множество веских доказательств в пользу предположения о развитии в падежное окончание самостоятельного слова путем его энклитического употребления. Некоторыми из наиболее заслуживающих внимания новых падежных образований являются следующие.

§ 18. Инструментальный падеж в монгольском языке

Этот падеж имеет окончания: монгЛ. -bar, -gar, ijar; монгК. -ijar; н.-монг. -u'ar, -'ar, -ār[42]. Следует заметить, что в установившемся чтении этого окончания предпочтение отдается гласным переднего ряда: монгНГ. gaǯar i̯er и т. д. Удачную фонетическую параллель для его понимания мы находим в монг. возвратном суффиксе -ban, -gan, -ijan, в устной речи калм. -ān, халх., бурят. -ā, которому в тунгусском языке соответствует возвратный суффикс ед. ч. -wi „меня, тебя", соотв. „себя самого", мн. ч. -wer „нас, вас", соотв. „самих себя". История развития этого суффикса восходит к men „сам", мн. ч. mer; дальнейшее фонетическое развитие дало вариант с гласными заднего ряда -man, -mar, а звук -m- смягчился до -w-. Подобное же фонетическое развитие лежит в основании монгольского инструментального падежа, т. е. -bar, -gar, -ijar указывает на более древнее -*war, а -ber, -ger, -ijer — на *wer, в свою очередь древнейшим из них является wer. Так как среди многочисленных значений монгольского инструментального падежа древнейшим скорее всего может быть значение направления „где", „через что", „вдоль чего", напрашивается предположение, что это окончание является своеобразным развитием монгольского слова mör „путь, след, средство, счастье". При этом не следует забывать, что в тех случаях, когда -o- или -ö- оказывалось не в первом слоге, оно последовательно давало -a- и -e-.

Монгольское окончание -ār-, -ār- употреблялось также после числительных, например: gurban ijar, gurbār „тремя, три и три, по три, втроем"; калм. gurwādār и т. д. В этом значении и употреблении монгольский инструментальный падеж был заимствован многими северотюркскими диалектами, например: койб. birär „по одному", ikilär (путем диссимиляции от *ikirär) „по два", üčär „по три" и т. д., причем у числительных, имеющих в окончании гласный (alty „шесть", jedi „семь"), по аналогии с ikilär оказывается формант окончания -lar, -lär. Наряду с этим встречается также -šar; altyšar, jetišär, ikišär и т. д., которое возникло по аналогии с üčär, bešär. От этого -ar, -är следует отличать -ngar, -ngär „по направлению к...", древнее -garu (см. выше § 11), küngär baryben „я иду днем" и койб. -sär, -sär (древнее syngar „половина, сторона", кит.-кор. säŋ, sjaŋ), например: койбК. taksär (карагасК. taksäry), bardy „он пошел к (по направлению) горе"[43].

§ 19. Тюркск. birlä „с", чув. -ва

Древнетюркский и уйгурский языки знали слово birlä „вместе", в котором окончание представляло собой, вероятно, -rä, и слово bir, обозначающее „один, раз". В исторически более поздних языках это слово стало употребляться энклитически; в результате действия законов гармонии гласных оно, уподобляясь предшествующему слову, получало в окончании -n и др., что дало ряд вариантов, например: казах. -byla, -mylan, -mynan, -man и т. д.; тур. -yla, -ylan, -ilä, -ilän, -la, -lä; чув. -pala, -pɛlɛ, -pa, -pɛ. Турецкое -yla, -ilä, -la, -lä относят ныне к послелогам, тогда как чувашское -pala, -pɛlɛ, -pa, -pɛ считается падежным окончанием (напротив же, чувашское -pa после исходного падежа представляется не как < *birlä, а как сокращение от *bärü „сюда": эпегрепве „со вчерашнего дня", malpanva „с начала"), Казахский, как и ряд других языков, показывает на примере многочисленных вариантов, как это слово постепенно утратило свою самостоятельность (см. Катанов, стр. 750 —, а также табл. на стр. 720). Единичным среди языков явлением представляется караим. tanbyla (< taŋ birlä), ставшее именем („рассвет"), от которого бытуют и падежные формы: караим. tanbyla-da „на рассвете"[44].

§ 20. Тунг. -tiki

В тунгусской форме на -tiki, -tki мы имеем дальнейший пример становления нового падежа. В монгольском čike, čik (<tike~tik) „прямо, прямое направление" встречается как самостоятельное имя, которому соответствуют в тюркск. tik, казах. tikä „прямой (стоячий), прямой (ровный)", а в кор. (кит.-кор.) čik „прямой (стоячий), прямой (искренний), честность, прямой (ровный), направление"; это же имя употребляется в тунгусском в качестве окончания (существительным оно является еще в dolboni-tki „область тьмы в преисподней" и т. п.) со значением „по направлению к..., прямо к...", например: tartiki „прямо туда", irtiki „куда", ǯūtki „домой" и т. д. В солонском языке, где господствует позднемонгольское развитие звука k > χ, это окончание приняло ныне форму -tχi, в негидальском -tiki, -tχi или (Тунг. сб., стр. 143), соотв. -tti, -tt'i, -ččі, а в гольдском, где -ti дало -či, этот аффикс закономерно выступает в виде -či (< -čhi), например: сол. ǯūtiχi, ǯūtχi „домой"; гольд. ǯogči (то же), nači „к земле", namučі „к морю". Маньч. -či (< -če < -ča) в качестве падежного окончания обозначает, как показано выше, „от... к (сюда)", и к этому гольдскому -či (< čhi, cχi) не имеет никакого отношения. Относительно гольдского творительного падежа на -ǯeaǯi, -ǯeadi, где мы имеем перед собой инструментальный на -ǯi (-di) от существительного ǯea „сторона, направление", см. § 14 и § 128.

§ 21. Тунг. -kaki, -skakin

Окончанием, подлежащим сравнению с приведенным выше -tiki, является -kaki, -skakin, которое встречается со значением „куда, в каком направлении" во многих тунгусских диалектах. В основе его лежит китайско-корейское слово kak „угол, край". Однако начальный -s- совершенно не ясен и, должно быть, опирается на некое древнее корейское фонетическое развитие, например баргуз. ęjō-kōki [< ęję-kēki; ęję „внизу", чув. aj-al (то же)] „к югу, на

юг"; tirgaskaki, tirgaskakin (Василевич, Сл. I, стр. 200), tirgakakin (tirga „день, днем") „юг, на юг", ǯulęskęki (ǯulele „перед") „вперед (кпереди), на восток"; баргуз. tuliskoki „наружу", amaskaki „назад"; тунг., негид. ǯōtkaγi „прямо домой" (Тунг. сб., стр. 191). Может возникнуть вопрос, не является ли упоминавшееся выше, в § 16, -ski (~ -gsi) очень древним сокращением данного -s-kaki. То же самое -kak- есть и в тунгМ. irkakin, irkekin „новый, новолуние" < „передний угол (вход)"; i. ǯur, i. ilan и т. д. „второй день" (новолуния), третий день (новолуния)" и т. д. Другое кит.-кор. слово kak „каждый" встречается в уйг. künikäki „каждый день, ежедневно".

§ 22. Чув. -alla

В чувашском в качестве окончания, обозначающего направление („куда"), употребляется -alla, например: kil „дом" (тунг. gulę, якут. külä), kilɛ „в доме", kilɛllɛ „по направлению к дому"; opar „улей", oparа „в улье", oparalla „к улью" (Ашмарин, стр. 129). Окончание -alla представляет собой не слившееся с дательным падежом -lla, а дательный падеж от слова alə „рука" (тюркск. äl, älig)[45]; в слове kilɛllɛ, букв. „к дом-руке" мы имеем дательный падеж, а в словах на -al, как например, ajal „нижнее", mal „переднее, начало", šijɛl „верхнее, поверхность", kajal „заднее" и т. п. (< *äj-äl, *öŋ-äl, *jäg-äl, *kä-äl) — именительный падеж древних сложносоставных слов, образованных с помощью äl и älig „рука". Говоря о семантическом развитии этого окончания, ср., между прочим, финск. käsin в sinne käsin „туда", sieltä käsin „оттуда", alta käsin „снизу" и т. д.

§ 23. Бурят. -sō

Бурятское „инессивное окончание" -sō есть результат специфически монгольского хода развития монгольского слова *dočä „внутренность" (ср. калм. dotä)[46]; так, например, agula-doča, ger-doča „внутренность горы", „внутри дома", в результате фонетического развития превратилось в современное ūlasō, gersō „в горе", „в доме". Возникший таким путем аффикс и поныне не подчиняется законам гармонии гласных. От него приняты падежные образования, например: gersōho „из внутренней части дома", gersōγūr „через внутреннюю часть дома, по всему дому".

§ 24. Тат., казах. -daj, -däj

Встречающийся в западнотюркской группе языков аффикс -daj, -däj (taudaj „горé подобный, как гора", tüödäj „как верблюд") в языках восточнотюркской и северотюркской групп встречается как -daγ, -däg, либо только как -däg, например: qandeg „как что, какого рода"; тув. qastäg (< qaz täg) „гусеподобно, как гуси", qojdäg „овцеподобно, по-овечьи, как овца" (Катанов, стр. 205—). В уйгурском мы встречаем этот оборот еще в его первоначальной форме; так, „горé подобно, как гора" передается там выражением taγ teg или taγ tegmä, где teg и tegmä представляют собой вполне закономерные производные от глагола te- „сказать" и в данном случае имеют буквальное значение „так сказать".

Историческое развитие привело к тому, что это -daj, -däj ныне стало равноценным падежному окончанию.

Приведенные выше в § 17—24 случаи возникновения новых падежеподобных образований отнюдь не исчерпывающи. О них говорилось здесь только для того, чтобы продемонстрировать, что энклитическое употребление слов в этих языках является исходной ступенью для дальнейшего морфологического развития.

§ 25. Образование множественного числа

Употребление множественного числа. Еще с давних времен все алтайские языки пользовались для выражения логического понятия множественности формой единственного числа, при условии, что на множественное число указывало числительное или какой-либо иной показатель множественности. Там, где применяется оформленное множественное число, оно может быть также и показателем качественных различий, подразделения на группы, либо совокупности нескольких групп. Вопреки тому положению, которое существует в индоевропейских языках, в алтайских языках падежные и прочие подобные им окончания и для единственного, и для множественного числа всегда совершенно тождественны.

Древние формы образования множественного числа. Древнейшим образованием множественного числа в этих языках является, вероятно, монгольское образование на -s после основ на гласный и на -t, -ut или соответственно -D, -uD после основ на согласный. Примеры: -s в монг.: emes „жены", ekes „матери", eres „мужья"; монг. udus (Голстунский, I, 174) „яки, яки-быки", ед. ч. udu, уйг. ud, алт., тел. uj „рогатый скот"; монг. noqai „собака", noqas „собаки"; др.-тюркск. yšbara „звание", мн. ч. yšbaras; -d в монг.: ken „кто", мн. ч. ked „кто такие, какие"; qagan „каган", мн. ч. qagad; монг. darqan, др.-тюркск. tarqan „заслуженный, благородие, превосходительство", мн. ч. др.-тюркск. tarqat; др.-тюркск. tigin „принц", мн. ч. tigit; монг. tüšimel „чиновник", мн. ч. tüšimed (> тел. и т. д.); gaǯar „страна", мн. ч. gaǯad. После всех согласных, за исключением -n, -r и -l, которые, как показано выше, перед суффиксом множественного числа -d выпадают, этот суффикс в сочетании с соединительным гласным превратился в -ud, например: монг. bičig „письмо", мн. ч. bičigüd; nom „религия", мн. ч. nomud; ger „дом", мн. ч. gerüd и т. д. И здесь, как и во многих падежных окончаниях (род., вин., исходн.), гласный окончания на более позднем этапе развития языка становится долгим, и в качестве вставочного соединитель-

ного согласного появляется -n-; это дало в современных монгольских языках формы окончания -ūd, -nūd, которые обычно пишутся -nugud (-nügüd)[47]. В тюркских языках древняя форма множественного числа на -t почти общепринята еще в среднетюркском, однако всем языкам более позднего происхождения, за исключением якутского, она неизвестна. Якутские формы множественного числа на -ttar с вариантами, как например, ärättär „мужчины" (мн. ч. от är „мужчина"), uolattar „сыновья", kyrgyttar „девушки", восходят именно к -t-lar. Таким образом, от är „мужчина", ärän „мужественный" имелось мн. ч. ärät, от oγul „сын", oγlan — oγlat, а окончание -lar, о котором будет сказано ниже, было присоединено к этой форме позднее, когда одно древнее окончание -t перестало передавать представление множественности. Точно так же существует ныне большое разнообразие окончаний множественного числа в монгольском. Они возникли здесь по аналогии с простейшими окончаниями, либо путем редупликации их; примерами такого типа окончания могут служить -d-ūd, -s-ūd, -d-nar, -d-nar-ūd, -d-nūd; бурят. -nad (мн. ч. от -nar).

В тунгусском, в качестве древнего показателя множественного числа, мы находим -l после основ на гласный, -il после основ на согласный, а также -r после основ на -n. Фонетически возможна замена древнего -d звуком -r; переход же -r- в -l- — явление довольно частое, в особенности для тунгусского языка. Поэтому возможно связать эти формы образования множественного числа в тунгусском с монг.-ср.-тюркск. множественным на -d. Однако историческое развитие показателя множественного числа прослеживается недостаточно ясно. Возможно, что -l, как признак множественности, может быть поставлен по своей идее в тот же логический ряд, что и -l (-li), являющийся падежным окончанием со значением „с (вместе)" [asil-kan „с женой", at asil-a „не с женой" (a- признак разд. п.)]. Ср. негид. (Тунг. сб., стр. 146) ömön atiχan χuteči-l „старуха с ребенком", где χuteči следовало бы ожидать без -l.

§ 26. Множественное число на -n в монгольском языке

В древнейших памятниках монгольской письменности имена на -i, -ai, -ui имеют часто во множественном числе окончание -in, -an, -un:

а) монг. jorčiqun jabuqun elči-n „курьеры, ездящие туда и обратно"; монгНГ. čerbi-n-i tende kü tüsibe „он назначил там именно адъютантов", čisutu tonog tongči-n „добытчики окровавленной одежды врага"; б) монгНТ. noqan-u dao'un „голос собаки" (< noqai), möt qulaqan „те разбойники" (< qulaqai); сюда же относится, вероятно, и форма мн. ч. суффикса -tu ~ -tai (= tu + то же адъективное -ai, которое употребляется после суффикса родительного падежа, ср. монгНТ. kenü ei ba ja'unu'ai „чей муж и из какого народа"), например: amin „жизнь", amitu ~ amitai „живой", amitan „живые существа", morin „конь", moritu ~ moritai „всадник", moritan „всадники", ср., однако, ниже; в) монгК. jorčiqu-n jabuqu-n elčin „курьеры, ездящие туда и обратно" (< jorči-qui и jabu-qui); монгНТ. üge'ün duta'un „бедняки и нищие" (< üge'üi и duta'ui). Из живых диалектов, кажется, только ордосский сохранил -n в качестве суффикса множественного числа: (Mostaert Ordosica, стр. 40) Gaχan „Свиньи" (в качестве названия клана) восходит к gaχä (< gaqai „свинья"), Gortč'in „Колчаноносцы" как родовое имя (< Qorčin, ср. монгНТ.) к qorči „колчаноносец"[48].

§ 27. Тунг., монг. -tan~-ten, маньч. -ta~-te

Тунгусский имеет для множественного числа аффикс -tan~-ten, в родительном падеже -teni~-tni: nuŋar-tan „те, они" < „их особы", aknil-ten, aknil-tni „их старшие братья". Обычно он присоединяется к причастным формам, используемым в качестве изъявительного наклонения, для выражения 3 л. мн. ч.: gačatin „они брали", gaǯanatin „они будут брать". Он употребляется также, особенно в родительном падеже, как притяжательный суффикс 3 л. мн. ч. во всех тунгусских диалектах: jajan-teni „их шаманов", oror-tin „их оленей". Это же окончание обнаруживается также в маньчжурском в виде суффикса мн. ч. -ta~-te, причем, -te<*-ten, вероятно, представляет собой более древний вариант. Монгольская форма суффикса -tan (moritan и т. д., ср. выше) в некоторых случаях, быть может, является тем же тунг.-маньч. -tan (ср. написание -tu-tan в монгНТ.). Она употребляется также в некоторых формах учтивости: lama-tan-dur „ламе", как синоним выражения lama-ǯerge-tur (ǯerge „ранг, звание"). В древнейшем корейском, в качестве суффикса мн. ч., тоже встречается некое -ten (по Maema), а потому не исключено, что мы здесь имеем дело с исконным кит.-кор. словом tiŋ, teŋ „группа, класс, звание" (кит. 'təŋ „sort, class, rank и т. п.", Karlgren, Anal. Dict., № 811).

§ 28. Монг. -nar, тюркск. -lar

В монгольском языке существовало имя *nar „совокупность", которое еще встречается и в якутском, в виде nār „вместе с, совместность", а в гольдском записано как lari „рядом, у, вместе" (Грубе, стр. 57). Пекарский пытался связать якутское существительное nār с монг. najir „гармония" (Пекарский, стр. 1680), однако тогда следовало бы ожидать в якут. *nyar и соответственно *nȳr. В монг.-тюркск. праязыке это имя уже на очень раннем этапе развития являлось конечным членом в составных именах, особенно там, где речь шла об одушевленных лицах, например: aqa nar~aqa-nar „старшие братья", de'ü ner~degüner „младшие братья", ekener „матери, женщины" и т. д. Этот -nar (с возникшим позднее вариантом -ner) обозначает в монгольском группу или класс лиц.

При перечислении имен, даже и в новомонгольском, зачастую к последнему из них присоединяется -nar, -ner в значении „все вместе взятые“ (et consortes). К древнему имени *nar „совокупность, совместность“ относится в калмыкском языке произведенное от него прилагательное narmai „в целом, весь“, например: narmai ulus „государство в целом“, narmai nutug „вся родина“, а также и оборот nar ugē „без повторения, раз навсегда, полностью“ (см. Kalm Wb., стр. 272).

Этот монгольский -nar, -ner появляется уже в др.-тюркск. в виде -lar, -lär[49] и применяется там также только к одушевленным лицам, например: bäg „князь, бек“, мн. ч. bäglär. Но в языках более позднего происхождения он повсюду (за исключением, однако, чувашского) был обобщен в качестве окончания мн. ч. всех имен: at „конь“, мн. ч. atlar > алт., тел. attar; taγ, тат. tau „гора“, мн. ч. taγlar, тат. taular, казах. taudar; kim „кто“, мн. ч. kimlär, казах. kimdär, кумык. kimnär; nä „что“, мн. ч. nälär; nämä „что либо, нечто“, мн. ч. nämälär и т. д. То обстоятельство, что в тур. зачастую и после гласных заднего ряда слышится -lär, обосновывается, по-моему, воздействием звука l- (ср. elma < alma „яблоко“).

В якутском ед. ч. är „мужчина“ соответствует мн. ч. ärättär от ärät-lär (см. выше § 25). Якутский падеж совместности на -lary (Ястремский, стр. 60) представляет собой не что иное, как мн. ч. вин. п. того же -lar: ǯiätin süösüläri atylata „он продал свой дом вместе со скотом“, и полностью соответствует гольд. -lari.

§ 29. Тунг. -sal, -sel, манч. -sa, -se

Таким же образом и тунгусское множественное число (точнее — образование, обозначающее коллективность) на -sal, -sel (диалектное -šal, šęl, -hal, -hęl; сол. -suil; маньч. -sa, -se) должно быть возведено к самостоятельному слову, некоему *sel „все вместе“, древним производным от которого является монгольское selte „вместе с, наряду с, с“ (монгНТ. bari as selte „вместе с оковами“), „как и“ (калм. χarɔ sarɔ seltig „как лáики, так и клúрики“), „вместе взятые“. Из древнеманьчжурского явствует, что исконным гласным звуком являлся -e: wang se „короли“, позднéе wang sa. Так же, как -lar, lär в тюркском, -sal, -sel в тунгусском вытеснило более древние формы образования множественного числа: тунг. kān „государь, хан“, мн. ч. kāsal (соотв. kāhal, kāšal) или, реже, kānil, но уже более не kar; сол. χaχrāsuil „куры“ (< χarχirā „куриное кудахтанье“, монг. qar-kira-).

§ 30. Тунг. (по Кастрéну) -nasal, -nahal

Кастрéн упоминает, что в исследованных им диалектах множественное число слов, выражающих какие-либо родственные отношения, образуется посредством -nasal, -nahal: aka „старший брат“, мн. ч. akanasal; ugi „жена старшего брата“, мн. ч. uginäsäl (ср. др.-тюркск. ög „мать, тетка“, ögsiz „сирота, без матери“). В основании этого -na-, -nä- лежит слово nai, кор. nai; гольд., ольч. nai „человек“; маньч. njal-ma „человек“ (первоначально *nail-ma „человеческий“); тунг. -ni (tatiga-m „обучение“, tatigam-ni „учитель“). Это nai появляется также и в корейском (теперешнее -ne), как своего рода примета множественного числа, например: pu-mo букв. „отец-мать, родители“, pumone букв. „отец-мать-люди“; saram „человек, люди“, мн. ч. saramne, saramdil, saramnedil, saramdille (-dille < -dil-ne).

Диалекты, лежащие за пределами области исследований Кастрéна, образуют множественное число, например, следующим образом: aki „старший брат“ (~akini akni), мн. ч. aknil, т. е. aki-ni-l „(старшие) братья-персоны“, äki, мн. ч. äknil „матери“. Здесь -ni = кор. nim „персона“ (с оттенком почтительности), например: hānanim „бог“ (hānal „небо“), son-nim „гость“ (son „гость“) (см. SKE, стр. 167).

§ 31. Чув. -sam, -sem, -zam, -zem

В чувашском языке множественное число образуется при помощи окончания -sam, -sem, в зап.-чув. -sem. Заслуживает внимания, что падежные образования от данного номинатива с полной достоверностью указывают на то, что исконным конечным согласным являлся *-n (-san, -sen или даже -saṅ, -seṅ), исконным же гласным был -e-, а не -a-. Это чув. -sen представляет собой более древнее тюркск. sajyn, которое во многих тюркских языках употребляется в значении „каждый“[50]; kün sajyn „каждый день“, kiši sajyn, kiši sajy „каждый человек“, якут. kün ajy, kihi ajy. В форме sajy мы имеем герундий от тюркск. глагола sa-, saj- „считать“, ср. монг. edür togalan „считая дни, все дни“. Форма sajyn представляет собой либо герундий sajy с окончанием инструктивного падежа -n, либо же sajyn „сосчитанный, подсчитанный“ является причастной формой на -n-.

Хотя это и не доказано, однако можно с уверенностью предполагать, что в чувашском некогда в качестве показателя множественного числа употреблялось еще *bölak > *-wlak. В диалектах марийского языка еще и сейчас для обозначения множественного числа употребляется именно -wlak, -wläk (а также -wla, -wlä), причем следует отметить, что -wläk в диалектном употреблении встречается и без варианта с гласным заднего ряда. Оно восходит к древнему, весьма любопытному тюркскому слову bölak (тур. bölük „рота“), монг. böleg, bölüg „группа, отряд, орда, отделение, глава (в книге)“, которое, между прочим, согласно китайским источникам, обозначало племена или отряды гуннов; др.-кит. bulak, кит.-кор. purak, кит.-яп. buraku „дивизия, отряд“ (< кит. * pu „часть“, *lak „распадаться“)[51].

§ 32. Кор. -tɨl (-tɛl, -tɛr)

Употребляемое в корейском языке как признак множественного числа кит.-кор. -tɨl, сев.-кор. -tɨr, -tɛr еще поныне бытует и как самостоятельное слово. Кор. -nedɨl и -dɨlle, которые присоединяются к словам, обозначающим одушевленных лиц, представляют собой сложносоставные образования: saramdɨl, saramdɨlle, saramnedɨl „(все) люди". Негид. образования мн. ч. amtɨl „отцы", ɛntɨl „матери" возникли, вероятно, по образцу корейских.

Пожалуй, возможно отождествить это tɨl < *tür с тюркским *tür „сорт, род", *türlüg „разнородный, различных сортов" (тат. törlö, törlä „различные")[52].

§ 33. Грамматический род

В монг. čaġān ~ ж. р. čagakčin „белый"; тунг. bajan, ж. р. bajaksin „богатый" усматривают приближение к грамматическому обозначению рода[53]. Окончание это, пожалуй, то же самое -čin ~ -ǯin, которое имеется в монгНТ. urijaŋqai, ж. р. urijaŋqaǯin; moŋgol, ж. р. moŋgolǯin; ja'u „что он за...", ja'uǯin „что она за..."; borǯin „утка"; mekeǯin „свинья (матка)".

Однако более принято пользоваться для обозначения женского рода уменьшительной формой имени: keü „сын, мальчик", keüken „дочь, девочка": teŋgri „император", teŋgriken „императрица"; nojan „князь, господин", nojaqan „княгиня, госпожа". Уменьшительная форма должна восприниматься здесь как ласкательная форма, так как keüken, nojaqan (калм.) обозначает также „(маленький, или юный) принц".

В тюркском тоже имеется täŋrikän (уйг.) „императрица" и т. д., однако чаще в качестве формы женского рода применяется уменьшительное на -čai > -ča (Räsänen, FUF, 23, стр. 105). Безусловнее в качестве особого суффикса женского рода окончание -um, -im: täŋrim „императрица", qanum „ханум, жена хана", tarym от tarqan, а также *erim „жена" > чув. arə̑m (истолкованием М. Рясянена, JSFOu, 50:7, стр. 5, против толкования Г. Паасонена: arə̑m < араб. harem). Окончание -um, -ym сближается, возможно, с монг. em-e „женщина" (чув. amma) или с кит.-кор. (монгор) imo „жена, госпожа".

В тунг. -mni (напр. ɛwɛnki „тунгус", ɛwɛnkimni) я усматриваю связанное с кор. mɛnar-ri „падчерица" некое *mine- (ср. mirɛn- < *min-re-n-?) „пойти к жене, жениться". Встречающееся иногда в том же значении окончание -gin (напр. kēmu, ж. р. kēmugin; kimä, ж. р. kimägin) представляет собой, пожалуй, то же самое -gin (мн. ч. -gir, негид. -jil), которое в тунгусских родовых или фамильных именах является вполне обычным: kundogir (= kondagir), samagir, nokagir, čukčagir и т. д. В это окончание как будто вклинилось кит.-кор. wɛn (= яп. in) „член", например, кит.-кор. hoi-wɛn, яп. kwai-in „член какого-либо общества".

§ 34. Вокативная (звательная) основа наименований родственных отношений

В различных алтайских языках наименования родственных отношений знают некую основную форму на -i, имеющую ласкательный характер; она относится, по-видимому, к древнейшему, общему для данной группы языковому достоянию[54]. Эта вокативная форма может в свою очередь служить основой для дальнейших производных образований, например: тюркск. änä „мать", зват. п. änäi, äni; aqa, aγa „старший брат", казах. aqai, äkei. Уйг. idi „хозяин дома", но тат. и др. ijä (<*idä, *edä) „господин"; ini „младший брат" (от неупотреб. inä inijä?). Чув. aɢa, akka (монг. eke) „мать", зват. п. aɢi „моя мать, мама"; ana, ańńɛ „тётя", зват. п. ańi; aśi „дядя" (тюркск. äč, äči; др.-тюркск. äčim „мой дядя, мой отец"; монг. ečege „отец"; кор. ɛʒ-abi „дядя"); at'tɛ „отец", зват. п. abi „папа", впрочем, ati в тюркском чаще всего обозначает „сына сын, внук" (употребительно). Однако это значение — результат более позднего семантического развития, точно так же, как в немецком языке Enkel „внук" было произведено как уменьшительное от Ahn „предок". Соответственное монгольское ači (< ati) встречается только в значении „внук"[55]. Ашмарин в своей грамматике чувашского языка отмечает, что к такого рода формам слов на -i никогда не присоединяется притяжательный суффикс, поскольку этот -i уже сам имеет значение „мой, наш, собственный". Монг. aqa „старший брат", зват. п. aqai ~ aqä; ekei „мать". Тунг. aka ~ aki „старший брат", ɛnɛ ~ ɛni „мать", ɛkɛ ~ ɛki „старшая сестра, тетка" (монг. ege-či, тюркск. äkäč), ɛdɛ ~ ɛdi „хозяин дома, супруг", asi „хозяйка дома, супруга" (мн. ч. asal „супруги, жёны", asat-kan „девушка, девочка" от уменьшительного asa-č-), nul-gi „хозяйка дома, хозяйка (трактира)", ср. кор. nɨlgin „пожилой" (nɨlk-ta „быть старым"). Кор. aba-nim, aba-ni „отец", ɛmɛ-nim, ɛmɛ-ni „мать", äbi „папа", ɛmi „мама"; также ɛi „мать, тетка" < ɛńi (ср. тунг. ɛńi, но якут. ińä, ijä).

III. ИМЕНА ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

§ 35. А. Числительные количественные

В то время как родство числительных в языках других языковых семей, например индоевропейской, легко распознается и тем самым служит явным свидетельством взаимосвязанности соответствующих языков, алтайские языки обнаруживают в числительных крайне незначительное количество общих черт, и даже в близкородственных языках они зачастую полностью отличаются друг от друга, например: маньч. ujun „девять“ (собственно „маленький“), тунг. jegin (то же); тюркск. üč „три“ (= монг. üčüken „маленький, мало“), монг. gurban (то же) [gurmasun „канат, сплетение трех (прядей)“; gunan „трехлетний“ > тюркск. qunan (то же)], тунг. ilan (то же) (< ilča- „плести“).

Только слова, обозначающие число „четыре“, должно быть, имеют общую этимологию: тюркск. tört, якут. tüört, чув. təvat, монг. dörben, тунг. digin, dujin, маньч. duin, кор. turi, сев.-кор. ndujin, nduin ~ nejin, nej и, вероятно, восходят к некоему праязыковому *do (SKE, стр. 277). Однако в соответствии с фонетическими законами тюркск. t- должно было бы сближаться с монг. d- только в заимствованных словах.

Расхождение в наименованиях числительных в алтайских языках в большинстве случаев может быть объяснено культурно-историческими и социальными предпосылками. Различные народы сталкивались в своих торговых операциях с подсчетом самых разнообразных предметов и пользовались при этом выражениями и условными знаками, имевшими тайный смысл. В дальнейшем числительные зачастую стали применяться в качестве имен собственных (см., например, Орхонские надписи и Manghol un Niuča Tobča'an), откуда возникла необходимость избегать ominis causa одних и тех же слов в другой связи и применять синонимические выражения.

Как первоначально, так и позднее вели, кроме того, счет по пальцам, причем одни и те же числа выражали несколькими различными способами. Те имена числительные, которые вообще поддаются этимологизации, кажется, в большинстве случаев ведут свое происхождение от счета по пальцам (ср. Ramstedt, Über die Zahlwörter и SKE, стр. 77, под словом jęl).

1: монг. nigen ~ niken, калм. negn, даг. nike „раз, один“ должно быть поставлено в связь с существительным neji „единство, единодушие“ (откуда глагол nejile „объединяться“ и т. д.)[56]. Тюркскому bir „один“ этимологически соответствует монг. büri „всё, все, каждый“, а маньч. emun, emu, тунг. umun „раз, один“ должно быть того же происхождения, что и монг. *emün „переднее“, дат. и. emüne, калм. ömnö „впереди, к югу“. Кор. han „раз, один“ сближается, вероятно, с маньч. sonio „одинокий“ (SKE, стр. 60).

2: монг. qojar „два“ может быть связано, вероятно, с основой qoji- в qojina „позади“; должно быть первоначальное значение qojar — „следующий, второй“ (ср. лат. secundus от sequor). Тюркск. eki „два“ представляет собой имя на -i от некоей глагольной основы *ek- < *hek- < *pek- „следовать“ и т. д., откуда кор. имя на -m, pęgim (< *pęk-im) „ближайший, следующий“, кор. pęgim t'ę „next place“ > тюркск. ekinti „послеобеденное время“ (SKE, стр. 195); с этой же основой должно было быть связано и монг. ikis „послед“. Монг. ǯirin[57] „два“ (ср. ǯiči „вновь, еще раз, вторично“; ǯirmesün „беременная“; ǯitügc- „соперничать“; ǯitüger „второй, следующий“ > якут. sütüör „сводный“; ǯirmudasun „веревка“, все это < *di-?) может этимологически быть связано с тунг. ǯü, ǯüür, монгор. ǯür „пара“, монг. ǯöbeger > ордос. bǯöwör „один из двух“, маньч. ǯue, ǯuwe, кор. tuwur (< * tü-bur, ср. айну tu „два“ и тунг. du-te- „раздваиваться“) (SKE, стр. 274 —).

3: Монг. gurban „три“, gurmasun „втрое скрученный канат (бечева)“, gurmasula- „сплетать три пряди (в косу)“, gunan „трехлетний (о домашнем скоте)“ связаны между собой так же, как тунг. ilan „три“ связано с основой ilča- „сплетать“ (ср. монг. ilagu „квеританг“, кор. il-gop „семь“ < букв. „три согнутые“), от которой оно было произведено. Кор. sę, sęt „три“ (sęrhin „тридцать“, sahil „три дня“ < sę-hai-la) встречается в маньч. sertei „трезубец“, монг. serege, serige, serije „трезубец, вилка“ > тел. särä „гарпун“ (SKE, стр. 225). Ср. еще кор. tue „few“ < *tu-sę „2—3“.

5: монг. tabun, кидан. tabun „пять“ может быть связано с *tā-bun, ср.-кор. tā „всё, весь, совсем“ и tā-sąt < *tā-sąsi „пять“ или tad- „замыкать“, где *sąs (~ -sis в слове jęsit „шесть“) первоначально, вероятно, должно было иметь значение „рука, кулак“ и быть родственно с son „рука“ (SKE, стр. 258 —). С этими же словами должны быть поставлены в связь маньч. sun-ǯa „пять“, тунг. sō-lto „кулак“, гольд. sosi, маньч. susai, кор. su'i „пятьдесят“. Тунг. tuŋŋan, tuńgan, tunga „пять“ несомненно заимствовано из кит.-кор. toŋ „группа из пяти домов“ (SKE, стр. 284). С тюркск. beš „пять“ должно быть связано чув. pilək ~ pillək (то же), казах. bilck (то же) (= тунг. лам. bilän „запястье“ + -luq ~ -lük).

6: тюркск. alty „шесть“, должно быть, представляет собой существительное со значением „взятие“ от корня al- „взять, брать“. Монг. ǯirgugan „шесть“, возможно, родственно с гольд., ольч. ńuŋgu, ороч. ńuŋu, маньч. niŋgun, негид. ńuŋgun.

7: кор. nilgop „семь“ = тунг. ilan „три“ + кор. kop „согнутый, сложенный“, букв. „три согнутые“ (SKE, стр. 167). Тюркск. jeti „семь“ от je- „есть“, т. е. букв. „палец-едок“, = „палец для еды“, как монг. dolugan (то же) от doluga- „лизать“, т. е. букв. „палец для лизания“ [58].

8: монг. najiman „восемь“ [59]. При счете по пальцам „восемь“, в силу необходимости, обозначалось средним пальцем, поэтому слово, которое легло в основу наименования „восьми“ должно было иметь значение, примерно, „длинный, большой“, как и тунг. ǯapkun „восемь“ должно было быть связано с ǯabdar „длинный“ и ǯabdan „змея“. Кор. jedelp ~ jedilp можно разложить на jel „десять“ и *tulp (< tu + ?) „двух недосчитывая“ (SKE, стр. 76), так же, как в тюркск. sekiz хотелось бы усмотреть eki, ср. ekiz, ikiz „близнецы (двойня)“, монг. ikire.

9: тюркск. toquz „девять“ следует, возможно, связать с монг. toqur ~ tokir „с негибкими пальцами“, причем -z, должно быть, образовалось по аналогии с sekiz. Кор. ahop „девять“ < a „маленький“ + kop „согнутый, загнутый“, т. е. „маленький (палец) согнут“; подобным же образом маньч. ujun „девять“ должно связываться с тунг. ujun „маленький“ (SKE, стр. 65).

10: древним и общим для всех этих языков является, вероятно, тюркск. on „десять“ ~ -an в seks-en „восемь-десять“, toqs-an „девяносто“, а также -an в монгольском в качестве окончания в ǯiran „шестьдесят“, dalan „семьдесят“, najan „восемьдесят“, jiren „девяносто“ ~ кор. on „сто“ (SKE, стр. 177). Маньч. ǯuan „десять“, тунг. ǯan (то же) восходит к маньч., гольд. ǯuan- „открывать“, а кор. jel „десять“ — к jel-da „открывать“, и имеет, таким образом, букв. значение „раскрытая рука“ (SKE, стр. 77). Монг. arban ~ harban следует сопоставить с глаголом arbalǯa- < *harbalǯa- „трепетать, топорщиться, щетиниться“.

11: в др.-тюркск. bir jigirmi „одиннадцать“ мы встречаемся с тем же способом счисления, как в джурчен. gurχon „тринадцать“ (< монг. gurban + монг. qorin), dur-χon „четырнадцать“, маньч. uin-šon „одиннадцать“, маньч. tofoχon „пятнадцать“ (SKE, стр. 259).

20: тюркск. jigirmi „двадцать“ сближается с монгНТ. ǯirin „два, оба, пара“, от которого нужно считать производным и поныне еще бытующее ǯirmesün „беременная“ (ср. халх. dabχur (то же) < букв. „двойной“, а также gurmusun „тройной, из трех прядей“, dörmüsün „четверной, четырехразовый“ и т. д. Таким образом, ǯigirme должно бы быть именной формой от глагола *ǯigür- ~ ǯigir- „удваивать“, также якут. sürbä „двадцать“ восходит к *jigürme ~ * jigürmi. Основа монгНТ. ǯi'ürme-de- „удвоиться“ идентична тюркск. jigürme.

30: тюркск. otuz ~ ottuz ~ oltuz „тридцать“, быть может, следует связать с кор. potari, pottari „узел, пучок“; ср. кор. tirim, turim „стремянка“ < букв. „20 рыб на одну вязку нанизывает“; тюркск. tizim „нитка жемчуга“ (SKE, стр. 277).

Тюркскому on „десять“ соответствует кор. on, которое, однако, имеет значение „сто“, точно так же, как тунгК. ǯān, сол. d'žan, маньч. ǯuwan „десять“ должно быть отождествлено с монг. ǯagun „сто“. Тунг. ńamaǯi, namad'i „сто“, но также и „мешок, полный мешок, содержимое полного мешка“, т. е. мера (< nama- „нагружать, навьючивать на оленя“) несомненно связывается с др.-кор. namat „мешок, карман“. Подобно этому, тюркск. jüz „сто“ должно быть производным от глагола jü- „нагружать, навьючивать“ (монг. ǯüe-, ǯüge- то же) (ср. со способом словообразования tara-z, qymy-z и т. д., SKE, стр. 43).

Такие обозначения, как др.-тюркск. byŋ, уйг. myŋ, чув. pin, монг., тунг. mingan „тысяча“, тюркск., монг., тунг. tümän „десять тысяч“ и кор. čimin „тысяча“, слишком уж сходны друг с другом, чтобы являться общим праязыковым достоянием; они должны рассматриваться как языковое достояние довольно позднего происхождения, а в отдельных случаях — как заимствования (ср., например, тохарское tumane „десять тысяч“).

Б. Числительные порядковые. Наличие общих для всех языков древних характерных черт в порядковых числительных также весьма незначительно. Монгольский использует в качестве порядковых числительных количественные числительные, без каких-либо изменений (gurban sara „три месяца“ или „третий месяц“), хотя обладает, например, и адъективным gurbadaki „третий“ (в прямом значении „который около 3-х находится“), и даже gurbadakiči (в калм. и бурят.) [60]. Тюркский пользуется для образования порядковых числительных окончанием -nč, якут. -s, чув. -mǝś, которому, вероятно, предшествует отыменный суффикс -či. В тунг. встречаются образования различного типа, но наиболее употребительным из них является, пожалуй, тип на -i, например: ilan „три“, ili „третий“; к вопросу об образованиях ср. ǯudu „в доме“ > ǯudi „тот, что в доме, находящийся в доме“.

Тот же тип образования порядковых числительных мы находим и в маньчжурском, например: uǯu „верхний конец, начало, верхушка“, uǯui „первый“; тунг. ǯai „другие“; маньч. ǯai „второй, другой“. Наряду с этим в сол., как и в других диалектах, имеется тип образования на *-či (ср. с тюркским -č из окончания -nč), обозначающий „в таком-то году“, например: ǯūtči „во втором году, двухгодичный“, ilasi „в третьем году“ (= маньч. ilači „третий“ < букв. „тот, что с тремя“), dujusi „в четвертом году“ (маньч. dujuči „четвертый“). Монг. ǯirmusun (< ǯirin „два“) „беременная“ < букв. „двойной“, gurmusun „полоса из трех прядей“, но маньч. ilča- (< ilan „три“) „плести (косу)“.

В. Числительные собирательные. Собирательные числительные образуются как в тюркском, так и в монгольском при помощи окончания -agu, -au, например: тюркск. üčäü „трое, втроем“, törtäü „четверо“, altau „шестеро“; монг. gurbagula, dörbegüle, ǯirgagula; чув. vunnə „десятеро, десять“, ср. тюркск. onau „десятеро“, якут. (uon >) onuo. Возможно, это -agu, -au этимологически сближается с глаголом монг. agulǯa-, калм. ūlz- „совпадать“, кор. aorj- „собирать“, aolla „и, вместе“. Встречающееся в мон-

гольских qojagula, gurbagula, dörbegüle и т. д. „оба“, „трое“, „четверо“ и т. д. -la, -le несет в себе значение общности или то же усилительное значение, которое оно имеет в словах вроде монг. qotola „все“, букв. „весь город“ (< монг. qoto „город, ограда, огороженное“); н.-монг. χanala „все“ < букв. „вся община“ (< *kwan-a = кор. kwan-ja „округ Хвана“); н.-монг. χūla „все“ [< н.-монг. χū, алт. qop „все“, гольд. hopan (то же)]. То же самое окончание мы видим и в монг. jekele „бо́льшая часть“, а также, вероятно, и в тюркск. birlä „вместе с“, künlä tünlä „день и ночь“ и т. д. [61]

Относительно монг. nigente „для первого (раза), на первое, во-первых“, qojarta „во-вторых“, якут. birtä, ikkitä и т. д. см. § 126.

IV. ИЗМЕНЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ

§ 36. *Личные местоимения*

Тюркск., монг., тунг. *min „я“, монг. *tin и тюркск., тунг. *sin „ты“, тюркск., монг., тунг., кор. *in „он, она, оно“ отчетливо распознаются как исконные местоимения единственного числа. И только тюркский язык путем силового ударения либо путем деиктического усиления произвел от min, sin форму män, sän, в то время как в чувашском языке при помощи протетического гласного ε создался свой именительный падеж εвэ „я“ и εzэ „ты“. Конечный -n основы утратился в именительном падеже, вероятно, на очень раннем историческом этапе, так что мы имеем в монг., тунг. форму bi „я“; монг. či (древн. *ti) „ты“; тунг., маньч. si „ты“, маньч. i „он“ [63].

В корейском языке личные местоимения первого и второго лица утратились, что может быть объяснено лишь тем, что уже на раннем этапе развития, в силу различных причин, в том числе и социальных, их избегали употреблять. С местоимением si „ты“ здесь можно, вероятно, сопоставить выражения si-nim „товарищ“, бытующее среди буддийских монахов, si-at, sigat в обращении между собой жен и наложниц одного, их общего господина и si-pon „ты“, с которым обращаются друг к другу мужчины.

Местоимение третьего лица (им. п. i основа in-) как самостоятельно воспринимаемое склоняемое слово сохранилось только в маньчжурском языке. В корейском языке это i в энклитическом послеименном употреблении дало детерминированную форму именительного падежа существительных: čip „дом“, čibi „(этот данный) дом“, māl „слово“, māri „(это, данное) слово“. В монгольском языке (в монгНТ.) засвидетельствованы еще форма дательного падежа imada „ему“ (в переводе „Subhāṣitaratnanidhi“ — imadur), форма винительного падежа imaji „его“ и инструментального падежа ima'ar (по аналогии с первым и вторым лицом). Форма родительного падежа получила широкое применение и в тюркском и в монгольском: монг. inu „eius“ дало энклитику ini, -ni, -ń „eius“, а тюркск. -i, -in- стало современным притяжательным суффиксом третьего лица. К. Грёнбек полагает („Der türkische Sprachbau“, стр. 92 —), что тюркск. -i первоначально являлось „определенным артиклем“, на что, естественно, следует заметить, что артикль во всех языках представляет собой последнюю стадию в процессе

утрачивания словами своего самостоятельного значения. Значение тюркск. -i как „eius“ (и „eorum“, ср. § 38) несомненно, например: др.-тюркск. qaγani „ее король, его король“, qaγaniŋa „его королю“ (< qaγanin-γa); уйг. jeri „его земля, ее земля“, jeriŋä „к его земле, на его землю“, ati „его, ее имя“; тар. eti „его, ее имя“; чув. u̯ʐ̌ə „его конь“ и т. д. Как показывает чув. u̯ʐ̌ə и как следовало ожидать по аналогии с min, sin, этот -i был первоначально гласным переднего ряда.

В пратюркском этот -in, -i употреблялся после основ как на согласный, так и на гласный, а чувашский сохранил это употребление и поныне. В уйгурском языке, например, еще и в настоящее время засвидетельствовано: ilig qanyŋ süingä čärigingä „в войсках Илиг-хана“. Однако уже в древнетюркском после основ на гласный возникает как своего рода „вставочный соединительный согласный“ некий -s-, например: тюркск. qara „черный“, чув. χura; с суффиксом третьего лица тюркск. qarasy, но чув. χuri „его чернота, их чернота, чернота того (его)“. Это изменение является, вероятно, результатом совпадения единственного и множественного числа, поскольку первоначальное *qara(i обозначало „его или ее черный цвет (чернота)“, а *qaras-i „его или ее черные (цвета), тот что из черных (цветов)“; qaju „который“, qajusi „который из них, один из которых“ и т. д. с тем же самым -s, который продолжает и поныне существовать в монгольском языке в качестве показателя множественного числа. Этот процесс можно представить себе еще и таким образом: слоговому i после гласного стал предшествовать в качестве антихиатуса -h-, давший h'i, изменившееся в -si.

Родительный падеж энклитически употреблявшегося местоимения *-i в тунгусском языке принял форму -in или -n, но в солонском языке встречается также -ini и даже -nini. Здесь также это окончание представляет собой детерминативный аффикс и в синтаксическом атрибутивном сочетании имен выполняет функцию родительного падежа точно так же, как в тюркском, например: beje „мужчина, человек“, gerbī „имя“, beje gerbini, букв. „человек — имя его“ > „имя человека“; ǯū „дом“, edi „владелец“, ǯū edini „владелец дома, хозяин“; гольд. boa „земля“, baro „направление, прямо“ (кор. pari- „быть прямым“), boa baroni „по направлению к земле, к земле“; гольд. adi (< *adui) „сколькие (мн. ч. от „сколько“), „некоторые“ (quot), сол. adinin „некоторые из них“ (quot eorum, quantum eius); тунг. ure „гора“, oldon „сторона“, ure oldondunі „на склоне горы“ и т. д.

§ 37. Множественное число личных местоимений

В тюркском мы находим от män „я“, sän „ты“ (< min, sin) форму множественного числа biz „мы“, siz „вы“. Так как в корейском языке для „мы“ имеется форма uri, которая может представлять собой древнее *wûri, *bûri, находит подтверждение предположение, что тюркск. biz (от *bir) тождественно этому кор. *bûri. В маньч. мы имеем от bi „я“, si „ты“, мн. ч. bue „мы“, sue „вы“, в тунг. bu „мы“, su „вы“, или bun, sun, что указывает на такие исконные формы, как *bure, *sure или *bur, *sur. В противоположность этому монгольский обнаруживает здесь совершенно своеобразное варьирование гласных: единственному числу *min-, *tin-, *in- соответствуют формы множественного числа *man-, *tan-, *an-. Это варьирование должно рассматриваться, как восходящее к домонгольской или доалтайской стадии развития, так как ничего подобного в языках более позднего происхождения не выявляется. В дотюркском, напротив, *i, *in как самостоятельное слово было заменено формой множественного a∼an, например: anyŋ „его (род. п.)“, any „его (вин. п.)“, ana „ему“, anda „там“, andi „так“, aru „туда“. Таким же образом и форма именительного падежа *a оказалась вытесненной в пользу слова ol. Можно предполагать, что в балк. inól „тот, тот вот“ еще продолжает жить на почве тюркских языков древнее in [63].

В монгольском языке древнего периода употребление множественного числа anu „eorum“ (род. п.), ani „eos“ (вин. п.) было еще общепринятым (в монгНТ. засвидетельствован еще и дат. п. andur „iis“), однако в дальнейшем различие между inu и anu стерлось, причем форма род. п. anu была вытеснена формой ед. ч. inu [64]. Именительный падеж ba „мы“ также выпал из употребления, уступив свое место форме bida („мы“ < *bi-ta „я и вы“) [65], тогда как формы косвенных падежей manu∼*manu-ai „нас“, mandur „нам“, напротив, до сего времени повсюду употребительны. Род. п. manu „нас“, дат. п. mandur „нам, к нам“, вин. п. mani „нас“, как и тунг. mun, имеют эксклюзивное (выключающее) значение, т. е. подразумевается исключение из числа обобщаемых этой местоименной формой лиц того, к кому обращена речь. Для обозначения инклюзивности (включения), т. е. понятия „я и ты“, „я и вы“, как в монгольском, так и в тунгусском имеются особые образования: монг. bida; тунг. biti, niti, где в элементе -d-, -t- опознается местоимение второго лица; маньч. muse „я и ты, я и вы“, где -se напоминает о si „ты“, либо sue „вы“ [66]. В тунгусском языке, энклитически употребляемое biti принимает иногда (в глагольных формах) сокращенный вид -p, в других случаях (в именных формах) — сокращенный вид -t.

§ 38. Личные местоимения в энклитическом употреблении

С древнейших времен личные местоимения в позиции после ударного слова становились безударными. В положении после большинства глагольных форм это случалось чаще всего с местоимением в именительном падеже, а после имен и некоторых глагольных форм — с местоимением в родительном падеже, что привело к сведению такого местоимения до положения аффикса. Это

развитие особо характерно для пратюркского языка, ибо уже в древнетюркском, как это показывает чувашский язык, имелись притяжательные суффиксы, которые представляют собой результат длительного развития. Др.-тюркск. qaγanym „мой государь (кахан)“ получило свой -m (в данном случае с соединительным гласным -y-) от древней сокращенной формы местоимения män „я“ (ср. калм. garm̥ ~ garmm̥ „моя рука“, emgənm̥ ~ emgm̥ „моя старуха“ < gar-mini, emegen-mini). Окончание в qaγanymyz „наш кахан“ следует сопоставить с biz „мы“; в слове qaγani „его кахан, ее кахан“, ставшем в дальнейшем qaγany, окончание -i представляет собой рассматривавшееся выше местоимение третьего лица [67]. Это же i ~ -y, ставшее широким ə ~ ə̄, дало в якут. aγa-ta „его отец“, дат. п. aγa-ty-γa „его отцу“, вин. п. aγa-ty-n „его отца“. Тюркский принял возникшую таким путем форму именительного падежа как исходную для парадигмы склонения имен с притяжательными местоимениями: qaγanyma „моему кахану“, qaγanyŋa (< qaγanin-ga) „его кахану“, maγnyn-ča „по (совету) моего учителя“; монгольский же и тунгусский, напротив, присоединяют энклитические притяжательные суффиксы вслед за падежными окончаниями: монг. aqadur mini (калм. aχadm̥) „моему старшему брату“; тунг. ǯūla-w „в моем доме“.

Притяжательный суффикс 2 л. ед. ч. -ŋ (-yŋ) ~ -γ (-yγ) трудно поддается объяснению. Возможно, что здесь перед нами сокращение местоимения sän „ты“, что-нибудь вроде sän > -s̱n > -hn > -ŋ, а может быть, здесь можно предполагать и кор. ne „ты“. Если в языке некогда имелось -m „мой“ и -myz „наш“, то стремление к последовательности ведет от -ŋ „твой“ к -ŋyz „ваш“; таким образом, в тюркском имелось qaγanym: qaγanymyz; qaγanyŋ: qaγanyŋyz (qaγanyγ: qaγanyγyz), но для 3 л. ед. и мн. ч. только qaγani.

Этот процесс развития, который мы видим весьма прогрессивным уже в древнейшем тюркском, более чем через тысячу лет самостоятельно возникает также в монгольском и тунгусском. В тунгусских диалектах выявляются как личные, так и притяжательные „суффиксы“, но маньчжурский язык (может быть, благодаря влиянию китайского?) либо вовсе не вступал на этот путь, либо уже на очень раннем этапе отказался от него. Что же касается монгольского языка, то здесь остается сомнительным вопрос о наличии такого рода аффиксов в восточномонгольской группе диалектов, где личные местоимения в энклитическом употреблении еще частично сохраняют свою самостоятельность. В бурятском и калмыцком, напротив, это развитие продвинулось далеко вперед, однако и здесь встречаются промежуточные оттенки и промежуточные формы, например: калм. bi irnä „я прихожу“, bi irnä-w и irnä-wi, irnä-w; či irnä „ты приходишь“, či irnä-č и irnä-či, irna-č; mini gar, garmini „моя рука“, garm̥ń, garm̥; čini gar, gar čini „твоя рука“, gar -čini, garčń; др.-монг. gar inu „его рука“, н.-монг. garini, калм. garń, бурят. garini.

В тунгусском также притяжательные аффиксы произошли от личных местоимений, например: сол. χaχra(n) „курица“, χaχrāw „моя курица“, χaχrāśi „твоя курица“, χaχrāni „его курица“, χaχramun „наша курица“, χaχrati „наша (< -bti букв. „моя и твоя“) курица“, χaχrasun „ваша курица“; сол. aśinču (тунгК. aśinčau) „я уснул“, aśinčaś „ты уснул“, aśinča „(он) уснул“, aśinčani „чтобы он уснул“, aśinčamun „мы (наши) уснули“, aśinčasun „вы уснули“, aśinča „уснули“, aśinčatti (диалектное -čapti, -čat; лам. -čap) „я и ты уснули“. В корейском языке, где эти личные местоимения совсем не сохранились, не развились и энклитические притяжательные местоимения. Интересно, что в некоторых тунгусских языках (гольд., негид.) различают две степени владения. Если речь идет о реальном владении, либо об участии во владении, это выражается посредством притяжательных суффиксов: beje del-in „мужчины голова“ < букв. „мужчина — голова его“. Если же связь менее тесная либо только фигуральная, тогда имя осложняется за счет -ŋi- ~ -ŋ-: негид. min nanda-w „моя кожа (шкура)“, но min nanda-ŋi-w „шкура (какого-либо зверя), которую я вам дал“ и т. п., sin oloχi-ŋi-s „твоя белка“, sin bija-ŋi-s „твоя река (где ты удишь рыбу)“ и т. д. (см. VA, стр. 92). Это -ŋi- тождественно тому -ŋi (< -in-ki, § 7), которое принято в качестве окончания родительного падежа.

§ 39. Возвратные местоимения в монгольском и тунгусском языках

Возвратный суффикс в новомонгольском языке (халх., калм.) -ān, -ān обозначается в литературном языке через ijan, ban, -gan, jugan или соответственно ijen, ben, -gen, jügen. Он восходит к некоему *wen, идентичному тунг. men, мн. ч. mer „сам“. Слово men искони являлось существительным: тунг. диалектное man, mon „сам“; кор. mom „тело“. Форма мн. ч. *mer > *wer наличествует, пожалуй, в литературном монгольском -ger в слове edeger (ede'er) „эти сами“, tedeger (tede'er) „те сами“, что точно соответствует солонскому elmr „эти“, talmr „те“ (из *el-wer, *tal-war) (ср. англ. themselves).

Развитие этого слова в аффикс легко проследить в тунгусском языке, а в древнемонгольском языке формы -ben (-wen), -ijen встречаются еще и после гласных заднего ряда; монгНТ. su'udur ijen „у себя под мышкой“, ni'ur ijen „свое лицо“.

В гольдском языке в значении „сам“ употребляется так же, как энклитика, слово beje „мужчина, человек, тело“, сокращенное -bi-: им. п. bi „я сам (себя)“; вин. п. mimbiwe „меня самого“, simbiwe „тебя самого“; дат. п. mindu „мне самому“, sindu „тебе самому“, bue „мы сами“, bumbiwe „нас самих“, bundu „к нам (нам) самим“. В монгНТ. встречается также (однажды!) -bejen и be'en (Haenisch, стр. 14 и 15). Исконное *ben ~ *men заключено в слове mendü „здоровый“, mendüsün „здоровье“ (см. VA, стр. 31—).

§ 40. Древние указательные местоимения

Указательные e- „этот“ и te- „тот“, в силу их широкого распространения, должны, вероятно, рассматриваться как наиболее древние указательные местоимения:

1. *Корейский.* Кор. i, ję „этот“, tję (ныне южно-кор. čę, сев.-кор. tję, tę) „вон тот, тот“.

2. *Тунгусский.* Тунг. ä- (гольд. ję-, ę-) „этот“ в слове ädu „здесь“ (гольд. jędu), älä (ęlä) „здесь, сюда“; лам. ęrak, rak (<ęr-ok) „прямо этот“, ęsi „сейчас“ (кит.-кор. si „час“), äwäski „к этому месту“ (кит.-кор. pa, маньч. ba „место“); тунгВас. ęwęnki „здешний, тунгусы“; гольд. ęj, ęję „то“, ęusi „сюда“; тунгВас. ęm-, лам. äm- „приходить“ (< ę- mę- букв. „себя сюда сделать“); тунг. tä- „тот“ в слове täli „потом“; гольд. tęj, tęję „тот“ с вариантами ta-, tu- в слове tarī „тот“, tadu „там“, talā „туда“, tar-tiki „в том направлении“; гольд. taosi (< ta-wu-sχi) „туда“, ta-ja „та сторона“, tawar „тот вон“, tawaŋki „после того, от того, из того“; сол. tugi (< tę-ogi?), гольд. tui „так“ (< „так“ или „это делающий“); гольд. to „вон!“, to-ti „вот прямо там!“; маньч. ere, tere, мн. ч. ese, tese (> če), ebele „здесь“, ubala (< egü-ba-) „здесь“, tubala (< tegü-ba-), tebele „там“.

3. *Монгольский.* Монг. en-e „этот“, ter-e „тот, вон тот“ [68], род. п. egünü, tegünü, дат. п. egündür, tegündür, мн. ч. ede, tede; ende „здесь“, tende „там“; edüge (калм. odā) „теперь“ (<*ed-ba); edüi „столько же, столько-то“, tedüi „столько“, teǯije „затем“, монгНТ. teli „так“; могол. te „тот, вон тот (тот что)“; монгор. t'ie „тот, вон тот (тот что)“, nie „этот“.

4. *Тюркский.* В якут. injä, койб. inǯä „вот так (так, как это)“ (в противовес anǯa „вот этак (так, как то)“, idi „так, таким образом“; car. idä „в этом роде“; якут. itiŋnä (<*idin-(dä) „сюда“; бараб. ilä (<*e-lä) „потом, позднее“; карагас. te „тот“; койб., тат. tigi (< ti- и адъект. -ki) „вон тот (тот что там)“; чув. avə̑ „так!“, aзə̑ (<*av-ki) „этот“, первоначально *ä-gü, egü-ki; ś-avə̑, ś-aзə̑ „прямо так! (вот так, именно так)“, apla „таким образом“ (< ägükep „образец“ + окончание -laju).

Деиктическое -e мы находим в монг. en-e, мн. ч. ed-e, ter-e, мн. ч. ted-e; гольд. ęję наряду с ęj, tęję наряду с tęj. В значении психологического подчеркивания это же усиление встречается и в чувашском εвə „я“, εzə „ты“, εвir „мы“, εzir „вы“, а также в тюркск. män, sän, взамен исконного *min, *sin (ср. -ä в финск. minä, sinä против род. п. minun, sinun).

§ 41. Новообразованные и производные указательные местоимения

Наряду с древним лексическим достоянием отдельные языки имеют также местоимения различного происхождения и различной степени давности. Монгол ское слово mön „сам, как раз тот же самый“ употребляется отчасти в качестве наречия или своего рода междометия (mön „да!, прямо!, как раз!“), отчасти как связка в именных предложениях [ene kümün mön „это и есть этот человек (это — этот человек), как раз (именно) этот человек“] и к тому же в качестве определения (mön činar „самая суть“). С этим mön, которое этимологически соответствует прежде всего тюркскому bu, *mun (им. п. bu, род. п. munyŋ), по идее совпадает тюркское слово ol [69].

Это слово тождественно с корейским *ol в or-hä „нынешний год (в этом году), этот год“, onal (< ol nal) „этот день, сегодня“, orh, olh- „быть как раз таким, быть верным (правильным)“, а значение „как раз он, как раз этот, точно так“ совершенно ясно и в тюркском: ol kiši „этот, (данный) человек, тот человек“, kiši ol „это — человек“; алт. joγul, койб. čoγol „не есть, не является“, „не имеет“ (< joq ol). Наряду с ol тюркский имеет также еще один, первоначально, должно быть, только диалектный, вариант oš, и к тому же еще š-, чув. ś- (<*ič, тунг. ičę „смотреть“, тюркск. iš „смотри-ка!“) с тем же самым значением, например: ср.-тюркск. oš qyz kälti „смотри-ка, девушка пришла, эта девушка пришла“. Слово ol в им. п. стало употребляться взамен *a „он, она, оно“, мн. ч. „они“. Парадигма склонения: им. п. ol „тот“, род. п. anyŋ, дат. п. aŋa, местн. п. anda, представляется результатом компромисса, который и дал позднейшие формы: onyŋ, oŋa, onda. С ol соотносится также чув. *lε (<*əlε <*ə̑l-a <*ol-a) в словах lεrε „там“, lεja „туда“, lεj alla „к руке“, lεš, lεžə „тот вон (тот, что там)“.

Маньчжурским ere, tere, монг. ene, tere, мн. ч. ede, tede, в которых конечный гласный является, собственно, эмфатическим или локализующим элементом, аналогичны тюркские формы типа muna „вот!, этот!“, тат., башк. ana „вон тот!, вон там!“ и чув. *lε (< ə̑l-a), образованные с помощью имеющего восклицательный (звательный) характер -a, -ä от местоименной основы mun-, an-, соотв. ol. К ним применимо обычное склонение, например: казах. munagy „этот вот“, munany köründör „посмотрите-ка на этого“. Сюда же относятся и чув. lε „вона!“, lεja „вон, там“ и гольд. ęję tęję.

Кроме такого рода производных образований, существовали и другие; так, например, число указательных местоимений могло быть умножено путем соположения различных элементов. Таким способом образованы, между прочим, чаг. ošbu (> ošu > šu) „как раз (именно) этот, этот-то“; вост.-тюркск. šubu, šu, якут. subu (то же); чаг. ošol, šol „как раз (именно) тот“; казах. sol, so, якут. sōl, чув. ś-aзə̑, ś-avə̑ „тот вон“ (<*ič + egü).

Энклитически употребляемое в монгольском языке kü „прямо, смотри-ка!“ (ene kü, tere kü, mön kü, ünen kü „действительно!“ и т. д.) соотносится, вероятно, с тюркским глаголом kör- „смотреть“ [70] и дает объяснение для истолкования чув. местоимения с k-, например: ku „этот“, род. п. kunə̑n, вин., дат. п. kuna, местн. п. kunba, твор. п. kunban (от kü или, может быть, kü + bu „этот“, ср. франц. voici, voilà), мн. ч. kəzem; чув. kə̑ź al „нынешний

год". В сравнении с этим становится более сомнительным предположение, что кор. ki (> ko) „тот, тот вон" и тунг. -ke „да!, так!" следует этимологически связывать с этим же самым kü.

Возможно, что тунг. nuŋan „он, она, оно", гольд. noan (то же) произведено от наречия nun „там, прямо"[71], кор. nan ~ nin, при помощи -gan „где-то находящееся лицо (личность)" (ср. тунг. bira „река", biragan „у реки живущий", монг. ger „дом", gergen „хозяйка дома").

В якутском языке слово kini „он, она, оно" соответствует местоимению третьего лица. Это фонетико-историческая форма древнетюркского kentü „сам" [ср. amty „теперь" > *andy > якут. any (то же)].

§ 42. Вопросительные местоимения

Древними вопросительными основами являются: ka- ~ ke- и ja- ~ je-. Трудно судить о том, какое исконное различие существовало в значении этих четырех основ. Современное их положение в различных языках является результатом разнообразных перемещений и новообразований.

1. *Тюркский.* Тюркск. qa-, например, в др.-тюркск. qana „где", уйг. qany, монг. *qagana > халх. χāno (то же); др.-тюркск. qa-ńu (< qan-ja, qa-ja)[72], уйг. qaju „который", qajusi „который из них", казах., тат. и т. д. qajsy, чув. χəś; тат., казах. qajda „где", qajdan „откуда, сюда" (> венг. hajdan), qačan „когда" (из qa- + čaγyn от čaq „время"); др.-тюркск. qač, якут. χas „сколько"; ср.-тюркск., коман. qaly „если, в случае, если...".

Тюркск. ke-, например, в чув. kam „кто" (< *kem или *ken), тюркск. kim, монг. ken (то же) (мн. ч. ked), keli „когда", ker „в случае, если..., как", ker be „если", kežije „когда"; калм. kezē „когда", род. п. kezēnā, монг. kežijenei „издревле"; тунг. ŋi, ni „кто", ŋiŋi, niŋi „чей" < *gi < *ki.

Тюркск. ja-, je-, например, в чув. ś-ta „где" (< *jada ~ *jedä); лам. jadi „где, что", idu „где"; др.-тюркск. nä „что", род. п. näŋ ~ näniŋ (< *jäŋ ~ *jäniŋ), где, таким образом, начальный j- вследствие ассимиляции превратился в n-; койб. nō, no „что" (род. п. nonyŋ из более древнего jōnyŋ < *jaunyŋ); якут. tösö „почему" < täsä из более древнего *čečä < *žečä из ječä (алт. näčä); якут. tuoχ „что" из to „что" + -oχ „потому что", „как раз", -duo, -tuo в качестве вопросительной частицы — из -žō, тув. (Катанов) čō (иское bžō, bžā) < žū, койб. nō (из первоначального *jagun); чув. вопросительная частица -i < *ja или *je; с чаг. ilä-isä „где бы то ни было" (Радлов, I, 1478) следует сопоставить тунг. i- (< *je), с др.-тюркск. i-di joq „ничего (не бывало)" — финское „ei mi-ten-kään".

2. *Монгольский.* Монг. qa-, например, в *qagana[73] „где", qa,garu „куда", qajisi „в каком направлении", qamija, qamiga „где"; калм. χā jā „кое-где, местами"; бурят. χāna jāna. Монг. ke-, например, в ken „кто" (мн. ч. ked), kedüi (халх. χedui, монгор. k'idi) „сколько", ker „как", kerbe „в случае, если...", keli „когда", kežijä, калм. kezā „когда"; калм. kezēnā „когда-нибудь"; маньч. kežine „издревле, давным-давно"; калм. kün (из kegün) „что за", kemär „если", keme, монгор. k'äma „некто (кто-нибудь)", k'äma da ugui „никого нет (здесь)".

Монг. ja-, je-, например, jan „что", в калм. ken jan „кое кто, некто (кто-нибудь), кто бы то ни было", ken jan ugē „безразлично кто", монгор. jan; калм. kezā jazā „в какое бы то ни было время, к какому-нибудь времени"; монгЛ. jagun „что"; калм., бурят. jūn „что", jambar „какого рода"; монг. jaki-[74] „как его", jakin „почему"; jaguma, калм., бурят. juma > īma > ima[75] „нечто"; je- „что", могол. jem „нечто"; др.-монг. jekin „почему"; вост.-монг. īχe „что делать" (из jeji-); бурят. jūme „нечто"; монгор. jäma „нечто", jämaci „что-нибудь делать".

3. *Тунгусский.* Тунг. χa- равно гольд. ha-, впрочем оно перешло в -a, например, гольд. hadu, маньч. adu „сколько"; гольд. hadu hadu „в известной мере", haj „кто, что", hajdu, hajla „где", hajji „чем", hali „когда"; маньч. aj „что, как, что за", aj aj „всякого рода", aj de „где", adarame „сколько раз", anta „как, зачем"; гольд. hajžeala „с которой стороны", haosi „куда"; тунг. adi „сколько", aski-tan „повсюду" (т. е. aski „куда"), asun, ahun „сколько (как много)", akin „когда". Первичное *qagu превратилось в χao, а затем в χo, ho, o: гольд. honi, hoń „как" (< *haon); тунгБ. awgū „который" (< hau + адъект. суфф. -gu); тунг. on „как", okin „когда" (ср. akin), oki „сколькие", oki-lda „сколько дней", oki-ra „как часто, сколько раз", okikun „довольно много". Тунг. ke-, видимо, через ge- перешло в ŋe-, ŋi-, ŋi, диалектное ni „кто". Тунг. ja- в большинстве диалектов перешло в e- (e заднего ряда), а je- перешло в ī; ēkun „что", ēlasa „когда", ēlasadā „всегда" (при отрицательном глаголе „никогда"), idu „где", iduk „откуда", ilä „куда, где", ilä dā „где всегда, повсюду", ēda „почему" (< ja oda); однако в маньч. ja „что", jaja „какой, который, всякий", jaka „кто, что", лам. jak (мн. ч. jal) „что" (< ja-ok).

4. *Корейский.* Кор.-ka, -ja [с вариантами -ko, -go, -kä (< -kaj), и -jo, ī] — энклитические вопросительные частицы, глагольной формой от которых является причастие, т. е. они представляют собой своего рода несклоняемые имена, например, kal-ka „идущий?", il-ka (< ikka) „будучи?, не так ли?", in-ga „было-ли?", kan-ga, kan-ja „попедший?" и т. д. Подобные же вопросительные частицы встречаются также в языках тунгусской группы, например негид. -ka (-ku, -ko, -χa, -χu, -χo) и -i наряду с wu, -u: wačas-ku, wačas-i „ты убил ли?" (Тунг. сб., стр. 166), mudukkoj-ko jūča-wu (или -wa) „он появился из воды (или как)?" (там же, стр. 189). Точно таким же образом в качестве вопросительной частицы употребляется монг. -u, -uu (< -gu или -mu), так же как и -ī (< -je) в той же функции (SU, § 49). — Заслуживает внимания то, что и в японском языке вопросительное предложение знаменуется энклитическим -ka и -ya, перед которым всегда стоит причастие.

Подробное рассмотрение развития приведенных выше вопросительных местоимений отдельно в каждом из языков завело бы нас слишком далеко. Следует лишь отметить, что в чувашском языке, где, например, qan „кровь“, qar „снег“ фонетически закономерно выступают в виде jun и jur, из qai „где, что“ получилось j-, например, чув. jəplə „каким образом, как“ < je- „что“ + käp „образец“ с окончанием -lä, -la < -laju, как apla „таким образом“ от a- < *e, монг. egün- „так“.

§ 43. Вопросительное m-

Кроме приведенных выше вопросительных местоимений, существует еще древнее местоимение mi „что“. Оно присутствует в кор. mjęt < mjęčh „сколько?“ (окончание ср. с тюркск. qač „сколько“), др.-кор. mai, н.-кор. wai > wä „почему, зачем“, mues „что“ от mi или *mu и ges < *kęs „предмет, вещь“, так же, как и во всех вопросительных наречиях и местоимениях, которые ныне имеют в начале первого слога ę-, а в северных диалектах wę-, например, ędä „где“, ęnǯä „когда“, ęltę „как“; węj, wę „кто, что“, wä „почему“; гольд. uj „кто“, ha-wuj „что за?“; монг. -ū (< *wu < *mu); тюркск. -mi, -mu (вопросительная частица): bar „имеется (есть)“, bar-mi, bar-mu, а в тар. и вост.-тюркск. также и bar-ma „имеется ли, есть ли?“; чув. ńən „что“, ńəźə „сколько“ (< *mičä), ńəźən „почему“ (от mi- + ičün „на каком основании“).

Возможно, что в монгольском языке еще с древних времен в качестве энклитической частицы употреблялось как -mu, так и -ju; обе частицы могут рассматриваться как предшественники современного -ū (после долгого гласного -γu, -ju); büj „есть, имеется“, büjü „имеется ли, есть ли?“; монгК. ulu'u ajuqun „не боитесь ли вы?“

§ 44. Суффиксы -gu (-gun) и -ma (-man)

Суффикс -u ~ -ü, монгЛ. -gu, -gun, который мы уже находили в монгЛ. egü-, egün- „это“, в калм. род. п. ü-nē, tegü-, tegün „то“ и в чув. avə̄ < egü „этот вон“, существует также в монгЛ. jagun, калм. jūn, койб. nō, тув. ǯū ~ jü „что“ (Катанов, čü), якут. duoχ, tuo, тюркск. nägü „что“, монг. kegün[76] „кто“, калм. jūn kūn „кто-нибудь“, тюркск. käü (Радлов, I, 1057), kei „что за, какого рода“ (Радлов, I, 1054), а позднее и в гольд. honi > hoń > on „как“ (< *χagun). Кор. nugu „кто“ наряду с nu „кто“ со многих точек зрения не ясно (ср. гольд. haj-nu „кое-что, что-нибудь“ и uj-nu „кое-кто“).

Элемент -ma наряду с -m заключен в тюркск. kim, тув. qym, шор. käm, чув. kam „кто“; могол. jem „что“, jem jemä „что за, какого рода“; общетюркск. nämä, тат. nimä, тув. ɒzibä (Катанов, čiba) „что-нибудь, что-то, кое-что, нечто“; монг. jaguma „что-нибудь“ и т. д. (откуда jū-ma > juma > jima > -īma > -im); тунг. -man, jemu, ēma (< jämö, jama) „что за (какого рода)“; гольд. hamača (то же). По-видимому, это тот же суффикс, который встречается нам в монг. namaji „меня“, čimaji „тебя“, imaji „его“.

§ 45. Неопределенные местоимения

Вопросительные местоимения с давних пор употребляются одновременно и в качестве неопределенных (кто = „некто, кто-нибудь, какой-нибудь“, что = „что-нибудь“, когда = „когда-нибудь, когда-то“ и т. д.). При помощи аугментативной частицы da „также“ были образованы местоимения, имеющие обобщающее значение при утвердительных конструкциях и полностью отрицательное при отрицательных: тюркск. kim dä „кто бы то ни был, каждый“, тунг. ni dä, кор. nu do, сев.-кор. nu du „все“ (в значении „кто бы то ни был“), „все и каждый (всякий)“; тюркск. kim dä joq- букв. „кто же нет“ > „никто (никого нет)“; кор. wä do ani „ни коим образом“, ęnǯe do ani „никогда“, ęnǯe do „всегда, постоянно“; тунг. idu dä „повсюду“ (при негативном глаголе „нигде“), тунг. ēkun da „всё“, ēkun da ę- „ничего“; якут. tuoχ ta suoχ „ничего, никогда, ничего“; гольд. haj da (hęm) букв. „что еще (всё), каждый, всякое“, ijdu da hęm „у всех (людей)“.

§ 46. Неопределенные местоимения в энклитическом употреблении

Обычное в монгольском языке словосочетание прилагательного со следующим за ним неопределенным местоимением, например: sajin jaguma, idekü jaguma[77] („что-нибудь хорошее“, „что-нибудь съедобное“), опирается на праязыковое словоупотребление.

В словосочетаниях такого типа первый член является главнейшим, а потому несет и более сильное ударение, для второго же члена следует ожидать ослабления ударения и различного рода сокращений; халх. säę̄ə = jūm > sajjum, калм. sānīmn̥ > sānim; халх. iɒəχəjūm > iɒəχīm, калм. idkīmn̥ > idkim и т. д. Словосочетание „что за“ передается в монгЛ. jambar jaguma, jagun jaguma; в халх. jamɒrjum; калм. jamrīmn̥, jamrim; ср. койб. nō nima, тур. ne neme, кирг. emine и т. д.; „что-нибудь“ — в кирг. bir emä, bir demä или bir nemä; халх. neg-jum; калм. negimn̥ (~ neggimn̥). В монгольских былинах и песнях местоимение jūn „что“ охотно придается существительному для сообщения ему значения обобщения, либо просто взамен недостающего для размера слога: халх. χondolāę̄jūndɒ t'ārūlāɒ „(подхвостник) крупу (коня) приличный“ (вместо χondolāę̄du).

Такое же явление наблюдается на раннем этапе и в чувашском языке. Сюда относится образование, которое Ашмарин (Ашмарин, § 21, стр. 175—) называет „второй формой прилагательного“, а также номинализация предложения; чув. uzal arə̄m „скверная женщина“, uzalli „скверный некто; тот, что скверный“ (англ. the bad one); чув. śin kilnə „человек (есть) пришедший“, kilni „тот,

который пришел", śin kilni „то, что человек пришел". Фигурирующее здесь -i — признак логического субстантивирования, является не притяжательным суффиксом третьего лица, а неопределенным местоимением *ja ~ *je, тем же самым, которое сохранилось в чувашском языке как самостоятельное местоимение śta „где". Перед этим -i простой согласный, как правило, удваивается; kalas „чтобы сказать", kalassi „то, что он должен сказать"; долженствовательное наклонение в тур. -ma-ly, чув. -malla, а отсюда -malli.

Точно так же обстоит дело и в тунгусском, где -i „что" = „что-нибудь" встречается в виде энклитики, слившейся с предшествующим словом, например: nēnę „оставленный, отложенный в сторону", nēnī „нечто оставленное (брошенное), остаток (отложенное в сторону)" (< nē- „класть, положить"), būnę „умерший", būni „мертвец, смерть" (< bū- „умирать"), binę „живой", buni „жизнь", hawalǯari „рабочий, работающий", bakarī „нашедший что-либо, изыскатель" и т. д.; далее — перед нами „инфинитив" на -mī, представляющий собой -ma (или -mʔ) плюс -i. Сюда же следует отнести и -i в тунг. ęri „this one", гольд. ęji, негид. ęji, oji, тунг. tari, гольд. taji „that one", ср. лам. ęrak, rak „как раз (именно) это" (< ęrę + ak = тюркск. -oq, кор., чув. -aχ, -ok ~ -uk).

Субстантивированный характер этого -i проявляется уже не так отчетливо, как ранее, что может быть достаточно убедительно доказано на примерах eri и tari, встречающихся также и в атрибутивном употреблении.

В корейском языке и теперь еще вполне очевидно употребление и значение инфинитивного местоимения *je (современного -i) с определением; данное местоимение давно утратилось в этом языке как самостоятельное слово со значением „что-нибудь", но в качестве энклитики оно сохранилось: i-i „this one", čę-i (< tję-i, сев.-кор. tje) „that one yonder", kį-i „that one" nįlgin-i „an aged one, старик, старуха", ojermin-i „юноша, ребенок", kanan-i „ходок", kan-i „пошедший", kar-i „тот, что пойдет" и т. д. Это -i сыграло важную роль в построении корейского спряжения (см. Kor. Gr., стр. 93, 94, 116, Converbum premissi) и поныне еще воспринимается как важный языковой элемент.

V. ИЗМЕНЕНИЕ ГЛАГОЛОВ

§ 47. Общие замечания

Именительный падеж имен представляет собой основную форму для падежных и других образований, таким образом, у имен сама основа является одновременно и словом, глагольная же основа, как правило, всегда имеет окончание. По существу, основа глаголов — всего лишь умозрительное представление грамматистов[78]. Самостоятельно она употребляется лишь во втором лице единственного числа повелительного наклонения. Однако не исключена возможность того, что и здесь когда-то произошло какое-либо сокращение. Во всех остальных случаях глагольная основа снабжена одним или несколькими суффиксами спряжения.

§ 48. О понятии „Verba finita"

Глагольные формы, выражающие понятие лица („я", „ты" „он" и т. д.), в индоевропейских языках именуются личными формами (Verba finita). В алтайских же языках это определение, в широком смысле слова, может быть применено ко всем тем глагольным формам, которые указывают на законченность предложения[79]. Глагол в алтайских языках являлся и является в личных формах совершенно безличным. Стоящее перед глаголом личное местоимение, так же как и любое другое имя, по существу, должно быть понято как специфицирующее или ограничительное определение к глаголу, даже если он является именным. Это исконное, но и поныне существующее основное положение сохранилось во всех языках алтайской семьи, кроме тюркских, которые, идя в данном случае по тому же пути развития, что и индоевропейские языки, имеют личные формы спряжения. В монгольском языке аффигирование личных местоимений находится еще на самой начальной стадии развития (то же и в бурятском и в калмыкском), едва ли многим дальше оно продвинулось и в тунгусском языке. Корейский язык не знает этой тенденции совершенно.

§ 49. Повелительное наклонение

В монгольском и в тюркских языках повелительное наклонение окончаний не имеет, так же как в тунгусском и корейском, однако в этих последних языках нередки случаи образования повели-

тельного наклонения и с помощью особых окончаний. Примеры: уйг. käl „приходи!“, kät „иди!“, sat „продай!“; монг. jabu „иди!“, ire „приходи!“, gar „уходи!“, ög „дай!“ и т. д. Примерами повелительного наклонения без окончаний являются маньч. joo „иди!“, ǯe „ешь!“ и некоторые другие: кор. jǫ-bo „гляди сюда! алло!“, iri o „пойди сюда!“, čibe ga „иди домой!“

Тюркский язык с древних времен знает и другую форму повелительного наклонения, которая характеризуется окончанием -ŋ: др.-тюркск. tašyqyŋ „выйди! выйдите вон!“, ičikiŋ „войди!“, boluŋ „будь!“, язык Ни tailikaŋ „выйди вон!“, tutaŋ „держи! (хватай)“. Этот -ŋ является, вероятно, тем же элементом, который в монгорском языке проявляется более самостоятельно в форме -ōŋ: sūrɢa — sūrɢaōŋ „посади его (ср. р.), попроси его сесть“ (Monguor Gr., стр. 104). К этой же категории относится также чув. an (запретительная частица) от *eŋ негативного глагола *e-. От этого императива на -ŋ в тюркском позднее образовалось множественное число на -ŋyz, например: boluŋyz „будьте!“, имеющее значение boluŋ-siz.

Дать определенное объяснение тюркскому повелительному наклонению на -kil, -qyl представляется затруднительным, так как его показателем здесь является либо древняя частица (со значением примерно „же, все же“), а может быть, и древнее окончание; тунгусский язык имеет, для передачи того же значения, окончание -kal, -kǫl, а корейский язык -kǫra. Его толковали так же, как повелительное наклонение от qyl- „делать“: alγyl „возьми же!“, kälgil „приди!“

§ 50. Образования повелительного наклонения в корейском языке

Бессуффиксальное повелительное наклонение в корейском языке, как слишком категоричное и невежливое, вынуждено было уступить место другим, более умеренным „формам приказания“. Наиболее категоричными из них являются первичные перфектные образования, например: poa „смотри!“ (< „посмотрел!“), čuǫ „дай!“ (< „дал!“), которые могут быть осложнены частицей -ra (~ тюркск. -la): poara, čuǫra и т. д. Если же исходной формой для образования повелительного наклонения служит будущее время, характер повеления смягчается и приобретает скорее характер волеизъявления, т. е. просьбы или совета. В частности, функцию такого повелительного наклонения выполняет причастие будущего времени на -kai (~ тюркск. -γai), например: jǫlge „чтобы открыть, для открывания, открой, пожалуйста“, oge „чтобы прийти, приди, пожалуйста“, ikke „чтобы было, будь, пожалуйста“ и т. д., но и к этой форме присоединяется в качестве аффикса упоминавшееся выше -ra, например: jǫlggra „открой!“, ikkǫra „будь!“, kaggra „иди!“ Представляется, по-моему, удачным допущение, что именно это -kǫra (< первонач. -kai и -la), поскольку оно является в достаточной мере древним, появляется в тюркском в виде -qyl, -γyl, а в тунгусском языке — в виде -kal.

§ 51. Желательное наклонение на -su

Общим для всех алтайских языков является древнее желательное наклонение на -su.

1. *Тюркский.* Тюркск. bolsun „да будет, пусть будет“, kälsün „пусть он придет, чтобы он пришел“, др.-тюркск. bolzun, bolmazun „чтобы не было, пусть не будет“. Это образование встречается во всех тюркских языках, а также в якутском, где его окончание в ед. ч. звучит как -tyn, а во мн. ч. -tynar (< tyn-nar < -tyn-lar); в чувашском языке эта форма утратилась, а в употребление вошло повелительное наклонение фактитивного глагола на -tur; чув. pulʙar- < boltur- „заставить быть; сделать, чтобы стал“ [80].

2. *Монгольский.* Монг. bolsu „если бы это все же было, желательно, чтобы было“, idesü „желательно съесть“, могол. idasun iresü „желательно прийти“, могол. irasun и т. д. Эта форма употребляется, собственно говоря, для всех лиц* [81], но понимается чаще всего как третье лицо. В тех же случаях, когда имеется в виду первое лицо, она связывается с энклитическим местоимением bi „я“, bida „мы“; üküʙesü üküsü bi, калм. ükēsə üksü-w „если мне суждено умереть, я хотел бы умереть“. От глагола -a „быть, оставаться“ получилось -asu „чтобы было (да будет)“, а формы условного наклонения на -basu, -gasu (bolbasu, bolubasu, bolugasu, bügesü и т. д.) следует толковать как сложные образования, составленные из прошедшего совершенного (Präteritum Perfekti) на -ba (§ 65) или настоящего-будущего (Präsens-Futurum) на -i, -ju (§ 57) и этого же asu. Эмфатический гласный конечного слога -ai уже в древнейшем языке присоединился к суффиксу -su, и потому мы находим в монгольской литературе написание -sugai, -sügei (монгК. -su'ai), что соответствует устному -sä, sē, например: монгК. bolsu'ai, в письменности bolsugai „я желаю“ или „я желал бы быть“ или „чтобы это было бы“; халх. bolsä, бурят. bolhai, boluhai, калм. bolsä-w „я желал бы стать“. Встречающийся наряду с bolsä, idesä тип (халх., бурят.) bolōsä, idēsä является, по-видимому, новым образованием и может, пожалуй, рассматриваться как произведенный по аналогии с üküʙesü, bügesü (т. е. современное ükēsü, bōsü).

3. *Тунгусский.* Тунг., например, маньч. bisu „да будет, было бы“, oso „стало бы“; гольд. ičisu su (Грубе, стр. 14) „поглядите-ка“, si gasu, gasu si „возьми ты, ты бы взял“, si busu „умри“ (Петрова, 114). Суффикс -su, через -hu, дал современное гольд. -u, например: holau „читай“, ǫneu „иди“, ǫneusu „идите“. Впрочем, это образование встречается в тунгусском языке довольно редко.

---

* Существует взгляд, что монгольская форма желательного наклонения на -su, например: bolsu „я хотел бы быть“ и т. д., употребляется только для первого лица.— *Прим. П. Аалто.*

4. *Корейский.* Кор. -sai > -se, -si — наиболее употребительное окончание желательного наклонения, например: kase (в письм. kasai) „я хотел бы пойти", „он пошел бы", „давайте пойдем", „они пошли бы"; mekse (письм. meksai) „я поел бы", „мы поели бы" и т. д. От страдательных и других второобразных глаголов эта форма желательного наклонения еще более употребительна, так как ей отдается предпочтение как форме учтивости; kapse „было бы пойти, давайте пойдем", kasise „вы, может быть, соблаговолите пойти", kasipse (то же); с добавлением ida „быть бы" (древн. *wi- „дабы") также и kaseida (kasēda, kasīda), kapse ida (kapsēda, kapsīda), kasipse ida, kasise ida и т. д. Окончание -sai (ныне произносится -sä, -se) фонетически восходит к *-sai или *-sui, и его тождественность с тюркск., монг. -su, -sun очевидна.

§ 52. Прочие глагольные формы являются именами

Обе только что рассмотренные категории словообразования внутри спряжения являются, пожалуй, единственными действительно постоянно глагольными формами. Все прочие глагольные формы, которые служат в различных алтайских языках формами сказуемости или временными образованиями, т. е. выражают наше изъявительное наклонение, являются исторически (а чаще всего и по выражаемой ими идее) лишь разновидностями глагольных имен [82]. Ниже будут выборочно перечислены наиболее употребительные в различных языках глагольные имена, относящиеся к современной живой парадигме спряжения.

§ 53. Суффикс -r. Причастие будущего времени. Аорист

В каждой из четырех языковых групп легко распознается отглагольное прилагательное с окончанием -r, имеющее значение будущего или настоящего-будущего времени:

1. *Тюркский.* В тюркском -r, -ur, -ar суффикс (турецкого) аориста; глагольное образование на -r с давних пор и поныне употребляется в предложении как в качестве самостоятельного существительного, так и в качестве дополнения или сказуемого. При основах на согласный употребляется, как правило, окончание -ur, и только в тех случаях, когда основа представляет собой исконную основу на -a-, встречается окончание -ar (например, тюркск. syq-ar от тюркск. syq-; монг. siqa- „сжимать"). Позднее образования по аналогии привели к более широкому распространению этого -ar, но в этом вопросе и по сей день царит известная неясность.

С другой стороны, послесогласное окончание -ur в приложении к основам на гласный образовало окончание -jur, например bašla-jur наряду с более древним bašla-r от bašla- „начинать" [83] (ср. др.-тюркск. tir män „я говорю, я разумею", но др.-тюркск., уйг. jejür „ест"). Примеры: др.-тюркск. olurur „сидя, сидит", qazγanur „выигрывает", kälür, kälir „приходит, приходящий", jaša-jur „живет", te-r „говорит"; уйг. turur „стоит", bolur „становится, есть", qylur „делает"; тув. udūr (< udu-jur) „спит"; чаг. qajna-jur, qajnār „кипит"; карат., койб. ojnar, ojnÿr „играет" (< ojna-jur); узб. bärär, bärir „дает", ačar, ačyr, ačur (ср. гольд. aču- „освобождать") „открывает"; якут. sir „кушая" (< *je-jür к *je-, якут. siä-).

Во многих языках дательный падеж стал „инфинитивом", например: alurγa, alarγa „чтобы взять", kälirgä, kälärgä „чтобы прийти", tuturγa, tutarγa „чтобы держать". Причем этот инфинитив имеет зачастую окончание -arγa, тогда как окончанием причастия является -ur, -yr. Встречаются также и другие падежные формы, например: bilärlärgä bilär söz „слово, которое следует знать знающим", čaq kälärdä „когда придет время"; койб. bolurdan „после бытия"; тув. polurun (инструктивный падеж) „будучи" (ср. монг. bolurun).

Причастие на -r в функции сказуемого издавна употреблялось с энклитически присоединенным местоимением, например: (män) kälür män „я (есмь) приходящий, я прихожу", (sän) kälür sän, (biz) kälür biz, (siz) kälür siz, которые позднее, под ударением, слились в: kälürmän, kälürsän, kälürmiz, kälürsiz; ol kälür ol „он приходит", напротив, приняло форму ol kälür [84], и от нее в качестве формы мн. ч. было образовано olar kälür, позднее olar kälürlär или просто kälürlär; тур. gelir-im (вместо gelir-män) представляет собой свежий тип образования и опирается на аналогию с geldim и т. д.[85]

Глагольные формы turur „стоит" и jatur, jatar „лежит, присутствует", подобно герундию на -a, проделали особый путь развития и вызвали к жизни современные формы настоящего времени (тур.) dyr (dir, dur, dür) „есть" (от „быть"); тел. -jat, койб. -čat, туркм. -jar, тур. -jor [тур. värir „(дает и) будет давать", värijor „дает"]. Слово -durur > -dur (> -dyr) „есть" дало в дальнейшем в результате стяжения -du, -tu, например: тар. boladu „он будет, он есть"; казах. boluptu „было" (< bolup „бывши" + -tu). В чувашском языке энклитика в конце концов развилась даже в -t (чув. pulat „есть" < bola-tur) [86].

Соответствующая отрицательная форма спряжения имеет окончание -maz, -mäz, которое восходит, по моему мнению, к слиянию имени на -m с вспомогательным глаголом -är, имеющим причастную форму будущего времени ärür (тунг. eri- „жить, дышать"). Так как гласный этого вспомогательного глагола (тюркск. är-) являлся гласным переднего ряда, то первоначальный -r- после слов с гласными заднего ряда претерпел смягчение в -ï (ныне -z); таким путем и образовалось окончание -maz с вариантом -mäz. Это -maz, -mäz перешло затем в различных языках в фонетически закономерное -mas, -bas, -pas, якут. -mat, -bat, -pat и т. д.[87]

2. *Монгольский.* В монгольском языке сюда относятся -ra, -ura — окончания „супина" — и -run, -urun — окончания деепричастия подготовительности (Converbum praeparativum) монгольского

литературного языка[88]; эти окончания представляют собой формы дательного и инструктивного падежа причастия на -r: bolura „чтобы быть“, irere „чтобы прийти“, abura „чтобы взять“, kelere „чтобы сказать“; bolurun „становясь, стал и...“, ügülerün „говоря, сказал и...“, jaburun „идучи, пошел и...“. В литературном языке древнейшего периода это деепричастие употреблялось также в родительном падеже: jaburun qojina „после хода (хождения)“, bütügerün bujan, букв. „добродетель завершенности (совершенства)“ и т. д. (AM, I, стр. 673). Впрочем, это окончание -r встречается очень часто в отдельных монгольских именах: andagar „клятва, присяга“ (andaga- „давать клятву“, anda „побратимы“, тюркск. ant), önür „многочисленный (о семье)“ (ср. тюркск. ön- „расти“), монг. öndür „высокий, высота“ (ср. монг. öndü-ji- „возвышаться“); монг. qačir „мул“, тюркск. qatyr (то же) к тюркск. qat- „смешивать“; монг. bužar „грязь“ (> тел. pujar) к монг. buža- в слове bužagai „грязный“; монг. gulir „мука“, возможно, к кор. kar- „молоть“; монг. qažigir „кривой“ к qažiji- „искривляться, скручиваться“ (< qažigi-) и т. д. Подобные обособленные от глагола имена встречаются часто и в тюркском. Монгольские слова, чаще всего — прилагательные, с окончаниями -tur (sajitur), -sar (žabsar, hujasar > osar „завязка (?том)“, -čar (kökečer „синеватый“) и -gir, -gar (obagir, obagar „высокий, острый“), являются, вероятно, древними -r-овыми отглагольными образованиями.

3. *Тунгусский.* В тунгусском языке в причастиях со значением будущего времени имеется как -r, так и -ra; этот -a является, вероятно, адъективным суффиксом -ai. Окончание причастия на -ri, -ri, употребляющегося как соответствующее существительное, содержит в себе неопределенное местоимение -i „что“, „что-либо“ (см. выше, § 46). Примеры: онкор.-сол. χoninmo wār „овцу нужно заколоть, овца (вин. п.) для заклания“, wār χonin „та, чтобы закланной быть, овца“, žipter imer joume bisii „поесть-попить что-нибудь имеется?“, esim sar „я не знаю“ (sa- „знать“), esis sar „ты не знаешь“; гольд. sar pu, sar fu „мы знаем“, sar-asi-fu „мы не знаем“; тунг. sari „знающий, ученый“; hawalli (< hawal-ri), hawalžari „трудящийся“; тунгБ. gunnuri „так называемый (названный)“ (< gun-nu-, страд. залог. от gu-u- „говорить“). От (кор.) слова kęs „предмет, вещь“ (см. Ramstedt, Kor. kęs, стр. 9—), давнего в результате стяжения -ki, -k, произошло сол. -rk, являющееся окончанием условного наклонения и одновременно окончанием будущего времени, например: сол. bi bur-ku „я дам, если я дам“, собственно говоря: bi „я“ + bur „чтобы дать“ + -k- „предмет“ + -u „мой“; si burkis „ты должен дать, если ты дашь“, burki „дадут“, burkini „он даст (когда), если он даст“ и т. д. Тунгусское условное наклонение на -ra-k- (негид., ороч. -jak-) включает в себя, таким образом, также и -k- < kęs: негид. goloktojiγini (< gęlękte-reki-ni) „как и он тоже ищет (старается)“, тунгБ. gunekin (< gunnekin < gun-de-kin „как он говорит (как только он скажет)“. В гольдском и маньчжурском языках -ra, -re встречается в качестве окончания причастия будущего времени: маньч. ubade bisu, bi genere „будь ты здесь, я ухожу“, bi genere de „при моем уходе“, genere nijalma (~ ńalma) „ходящий (ходок)“.

4. *Корейский.* В корейском языке окончанием причастия будущего времени являются -l, -il, -al. Причастие на -r, нынешнее южно-кор. -l, представляет собой одну из наиболее употребительных форм глагола. Значение его — либо совершенно неограниченное временно́е, либо — будущего времени; в последнем случае оно выражает логическую противоположность причастия на -n, которое воспринимается как прошедшее совершенное, например: megil ttä „время приема пищи (обеденное время), время для еды, когда едят или поели“, megil pap „рис для еды“, megil saram „человек, что будет есть“, pol saram „тот, что увидит“ или „тот, который будет увиден“ (букв. „ви́дение-человек“), por-il (pol-il) „чтоб видеть, вещь (для видения вещь), надлежащее дело“ и т. д. Перед вопросительной частицей -ka этот -r утратился, например: ikka „есть ли это?“, древнее irkka, ir-ka (< i- „чтобы быть“ < *wi-, тунг., монг. bi- „быть“), megikke наряду с megilkke „пусть ест (может есть)“, древнее megil ige (ige древнее wi-kęi „да будет, было бы“) и т. п.

§ 54. Суффикс -gai. Будущее желательное наклонение

Эта форма, образованная от глагольной основы при помощи окончания -gai (~ -gei) с вариантом -ga (~ -ge), особенно легко распознается в тюркском и в корейском. В соответствии с законами фонетического развития тюркских языков следовало бы, взамен имевшегося в исходе -ai, -gai, ныне повсюду ожидать в окончании формант -a, -γa, но наряду с ним во многих диалектах встречается и -γaj (Катанов, стр. 619).

1. *Тюркский.* В тюркском имеются два различных отглагольных типа образований с -γaj-; один — с значением отглагольного прилагательного, другой — с значением будущего желательного наклонения. Отглагольными прилагательными являются, например, др.-тюркск. bilgä „знающий, мудрец, правитель“ (якут. bil- „управлять, устанавливать“); уйг. ögä „умник“ [ö- „уметь, знать“, ögür- „обучать, советовать“, ögüt (< ögür-t) „совет“, ög „ум, разум“, ögrä-n- „учить, изучать, учиться“, ögrä-t- „обучать“]; алт., казах. qysqa „короткий“, тур., азерб. qysa (то же) (qys-, монг. kisa- „сжимать“); алт. juvqa, тур. juiqa, др.-тюркск. jujqa „тонкий, нежный“ (< juv-, кор. čob- „быть узким“, čopkai „чтобы быть узким, тонким“); уйг. tutγa „рукоятка меча“ (tut- „держать“), käskä „разбитый“ (käs- „ломать, отреза́ть“) и т. д.[89]

Для передачи значения будущего желательного наклонения употребляется окончание -γa, а также -γaj; например: карагас. bolgaj-män „я хотел бы быть, чтобы я был“; койб. bolaj-män (то же); алт. bolgoj, тат. bulgaj „да будет!“ Обозначение лица передается через сказуемое (стало быть, не посредством притяжательного суф-

фикса), однако зачастую в стяженной форме: алт. ičkäjim (< ičkäjmän) „я хотел бы попить“, kälgäjzin „ты мог бы прийти“; тур. ola-m „я хотел бы быть“, vara „пошел бы“; уйг. qylγam „я хочу это сделать“; тур. qylam (то же); уйг. qylγa „он сделал бы, он смог бы сделать“ и т. д. В чувашском языке это образование появляется регулярно при спряжении формы на a:1 л. повелит. накл. pula-m „чтобы я был, я хотел бы быть“ (< *bolγa-m), pula-r „мы хотели бы быть“ (< *bolγa-bir)[90].

С точки зрения психологической весьма любопытно, что это значение желательности, возникшее вследствие присоединения форманта уменьшительности, очень рано стирается и становится умереннее; -aq в казах., кирг. bolajaq-pyn, bolajaq män „я (немного) хотел бы быть“, карагас. bolajyq „он (охотно) был бы“ и т. д.; -čaq в койб. bolgajjaq, тур. olaǯaq „(он, оно) может быть“, тур. olaǯaqsyn „ты будешь“, olaǯaγym „я был бы“, или „я охотно буду“; якут. bysyaχpyn „я буду резать“, buoluoχpun „я буду“ (< byčga'-aq, bolga'-aq), где окончание -yaχ <-gaj-aq тождественно окончанию в карагасском языке[91].

При помощи окончания -li (см. § 12) тюркские языки образовали от этого будущего времени форму на -γaly (часто встречающуюся в др.-тюркск., уйг., чаг.), эквивалент которой существует в тунгусском языке, например: уйг., ср.-тюркск. barγaly „чтобы идти, долженствующий идти“, ölgäli „чтобы умереть, желающий умереть“, ärkäli „чтобы быть, желающий быть“, tutγaly, bolγaly, kelgäli и т. д.[92]

2. *Монгольский.* В монгольском, правда только в халхаских и бурятских народных сказках, встречается желательное наклонение типа bolgai, abqai, iregei (irekei), не нашедшее, однако, насколько известно, подтверждения в литературном языке*. Но в языке имеется вполне общепринятая форма повелительного наклонения третьего лица с окончанием -tugai (~tügei), например: монгК. ba'utugai „он мог бы спуститься, пусть спустится“, ögtügei „пусть бы он дал, дали бы“, монгЛ. boltugai, bajitugai, калм. boltχā, bätγā, калм. bitšā (< bütügei, *bitigei). Это повелительное наклонение на -tugai следует, вероятно, толковать как желательное наклонение на -gai, произведенное от продуктивной в тунгусском языке второобразной основы на -tu-, -t- (см. § 80); от этой осложненной основы образована также форма повелительного наклонения 2 л. мн. ч. на -tun.

3. *Тунгусский.* В тунгусском языке первоначальное -gai следовало бы ожидать в форме -ga, -gā. Можно полагать, что его-то мы и находим в окончании 1 л. мн. ч. повелит. накл. -gā-t (~-gē-t) < *-gai + bti (Василевич, Гр., стр. 45), например: (mit) ilgat „встанем-ка, давайте встанем!“, gunigēt „скажем-ка!“, ičetkēt „давайте проследим! проверим-ка!“ (ičę „смотреть“, ičę-t- „точно посмотреть, проверить“, ср. монг. -tu-gai) и т. д. Здесь же следует назвать образование с окончанием -kāli, -gāli; būkēli gōlam „прошу одолжить“ [bū- „давать“, bukēli „(с тем), чтобы отдать (обратно)“]; оно хорошо соотносится с тюркским -γaly.

В тунгусских образованиях формы повелительного наклонения наряду с окончанием -ki существуют еще окончания -ka, -kā (~ -kę, -kē), которые, вероятно, представляют собой формант желательного наклонения -gai, -kai, например: ginilkē-sūn „вы хотели бы покачаться“ (кор. kinji „качели“), korilkō-sun „вы будьте черные“ (Мат. эв. ф., стр. 141) и т. д.

4. *Корейский.* Одна из наиболее употребительных в корейском языке глагольных форм — форма на -kai~-kei — является деепричастием будущего времени (Converbum futuri) (Kor. Gr., § 179) и одновременно формой просьбы (прекатив). Как и в тюркском, это окончание встречается также в отглагольных именах, главным образом в „именах орудийности“ (nomina instrumenti): nal-gai „крыло“ (nalda „летать“, тунг. na-), čigei „рюкзак“ (čida- „носить на спине“). Сюда же, по моему мнению, относятся и отглагольные имена на -ai~-ei, имеющие аналогичное значение.

Прекатив на -kei, осложненный частицей -ra (тюркск. -la), дает „смягченное“ повелительное наклонение, например: jelge „пожалуйста, открой!“, jelgera „открой! откройте!“, oge „пусть он пришел бы, пожалуйста, чтобы пришел!“, parami oge munil jelge „пожалуйста, открой дверь, чтобы ветер мог проникнуть сюда!“, ikke, ikkera „будь!“, kagera „иди!“

С помощью глагола isi-, issi-issi- (< *wi-si-), утратившего в безударной позиции гласный основы i-, в корейском языке было образовано будущее время изъявительного наклонения на -kess- (-gess-, -khess-), диалектное -käss- (-gäss-, -khäss-), -kass- (-gass-, -khass-) (см. Kor. Gr., § 131). Фонетические колебания в окончании и преобладание звука -e- имеет основанием диалектные варианты стяжения звукового комплекса -gai-i-~-gei-i-.

§ 55. Суффикс -qu, -qui. Имя последования (Nomen futuri)

Глагол с этим окончанием выражает действие (конкретное или абстрактное) либо незавершенное, либо предстоящее.

1. *Тюркский.* В тюркском имя на -γu (~-gü) в древнем языке было довольно популярно и применялось весьма разносторонне. В языках же более позднего происхождения его можно обнаружить главным образом в словах, унаследованных из древнего языка, например: ölgü „умирать“, ölgülik, ölgülük „смерть“, ölgülüg, ölgülig „смертный“; tutγu „держать, хватать“, tutγuγa „для того, чтоб схватить, для схватывания“, tutγuda „в схватывании, хватая“; qutadγu bilig „знание (умение) быть счастливым, наука стать счастливым“; ičkü „питье, напиток“; ant ičkü „пить клятву побратимства“ (> венг. eskü „клятва“); уйг. uduqu „спанье, сон“,

* Некоторые исследователи отмечают, что формы желательного наклонения, подобные bolgai, abqai, iregei, ни в литературном монгольском, ни в халхаском не засвидетельствованы.— *Прим. П. Аалто.*

тур. ujqu, тат. jəqə, казах. ujuqu (то же), отсюда тур. ujqula- казах. ujuqta-, тат. jəqəla- „спать“; уйг. qolγučy „пищий (попрошайка)“ (qol- „просить“, монг. golu- „быть недовольным, хулить“ тунг. gǫli- „шаманствовать, поклоняться, приносить жертву“); уйг. qylγučy „деятель, изготовитель“ и т. д.[93]

Имя на -gu приобрело также конкретизирующий смысл и стало применяться главным образом для обозначения орудия действия: ср.-тюркск. qyγu „резец“, byčγu „нож“; кирг. suzγu „черпак, ковш“ (кирг. suz- „черпать“), sürgü „рубанок (струг)“ (sür- „строгать“); в этом употреблении оно было осложнено суффиксом -č (=кор. -či -ači), а затем получило более четкий вид в обобщенном окончании -guč (тунг. -gič, -git): suzγuč, sürgüč; ср.-тюркск. byčγuč „нож“ basγuč „лестница“, qysγuč, qysquč „щипцы, клещи“; кирг. ačqy „ключ“ (букв. „отмыкатель“); казах. ölšäüš „масштаб, мера“ (öl šä- „измерять“ < ölčä- от *ölüč „мера, доля“)[94].

В тюркском очень приняты фреквентативные глаголы на -qu-la -qy-la- (монг. -kila-).

2. *Монгольский.* В монгольском языке суффиксом имени последования является -qu, -qui, -qun[95]. Наряду с ним были приняты (особенно в древнем языке) варианты -gu, -gui, -gun; монгК. ükügü „для умирания, смертный“; монгНТ. otelgu, toregu, gejig и т. д.; так же и в монгор. (Monguor Gr., стр. 116).

Установить различие функций этих трех вариантов форманта затруднительно, но все же можно сказать, что формант -qui употребляется бо́льшей частью с самостоятельными существительными или же с прилагательными в единственном числе, а -qun употреблялся как форма множественности (в древнем языке — исключительно) (см. Множественное число на -n-, § 26); монгК. büku „бытие, существование“, büküidür „в бытие (в течение) существования“, aqun sensiŋgüd „пребывающие (там) даосисты“ и т. д. В современных диалектах окончание имеет обычно форму -χ (~-χu, -χu, зап.-монг. -χu~-kü, -kə). Различные падежные формы служат в качестве самых обыкновенных деепричастных образований: халх. awχuiā „беря, при взятии, как только берет“, awχ»n „когда берут, чтобы взять“; калм. irkəlārŋ „когда я брал, как только я взял“, orχolārŋ „когда он входил, лишь только он вошел“; бурят. abχujā „чтобы взять, к взятию“ (=-a дат. п.)[96].

Окончание второго лица мн. ч. повелит. накл. др.-монг. -dχui так же как и окончание желательного наклонения (или 3 л.) -tugai, возникло из вторичной глагольной основы на -tu-, -t в качестве окончания ед. ч. здесь могло употребляться также -dχui; бурят. baigtui (< baitχui) „будьте!, будьте Вы!“

На древних производных образованиях базируются слова такого рода, как, например, amugulaη „мир, мирная обитель“, baasqulaη „радость“, öskülcη (> казах. öskülāη) „плодородный, плодородие“ и т. д., где -laη соответствует тюркск. -laγ, -laq и кор. -ran, -rā в слове narā „земля, страна, государство“.

3. *Тунгусский.* При условии, что в тунгусском языке архаическое -gui~-kui дало -gi~-ki, здесь можно думать и об южнотунгусском -gi, являющемся окончанием повелительного наклонения в маньчжурском и гольдском: маньч. anagi-ni „чтобы он толкнул, пусть он толкнет!“, гольд. enegi-sun „идите!“

С тюркск. -γu-č (см. выше) соотносится тунг. окончание -kit (мн. ч. -kičil), которое применяется для называния орудия действия или местоположения: тунг. húrgûkit „мельница“ (húr-gü- „размалывать, растирать между камнями“, монг. ürə-, ürü-, тюркск. üz-), tatkit „школа“ (tat- „приучаться, учиться“, тат. tatymal „приученный“), bi-kit „жилище“ (bi- „быть“), in-kit „местопребывание, стойбище“, mülgkit „место водоснабжения, колодец, ручей“, akkit „место высадки на берег, место назначения“ [ag- „достигать, прибывать“, монг. ajil, ср.-тюркск. aγyl, зап.-тюркск. aul „место жилья, стойбище (селение кочевников)“], ajitkit „больница“ (ajil- „излечивать“, aja „хорошо“; монг. aja „согласие, соглашение, приличие“; тюркск. qol-aj „удобный, легко выполнимый“), ǯepkit „еда, место питания“ и т. д.

4. *Корейский.* Корейское имя действия на -ki (-gi, -khi), исконное -kwi < -kui, обозначает самое действие в грамматической форме существительного: o-gi „приход, прибытие“, po-gi „видение, смотр, модель“, na-gi „выступление, выход, продукт“, mękki „еда (процесс еды)“, mękkie čosso „полезное для еды, вкусное“, mękkiro „с едой, благодаря еде“, mankhi „множество, большое количество“ (< manh-ki) и т. д.

§ 56. Суффикс -n, -in. Причастие прошедшего времени

Глагольная форма, в которой мы находим окончание -n (после гласного -n, после согласного — соединительный гласный + n), относится к древнейшим образованиям и представляет собой отглагольное прилагательное с более сильно или менее сильно выраженным перфектным значением.

1. *Тюркский.* В тюркском многие такого рода слова древнего происхождения спорадически становились существительными: уйг. aqyn „течение, штурмовой отряд“ [aq- „литься, течь“, монг. aki- „истекать“ (о времени)], satyn „торговля“ (sat- „продавать“, кор. sa- „покупать“), kälin „невестка, сноха“ (?käl- „приходить“), qačyn „отлив (морской)“ (qač- „избегать чего-либо, убегать“, монг. gači- gda- „être pressé, être éprouvé par des malheurs“), bütün „весь, полностью, совершенно“ (büt- „совершаться, расти“, монг. bütü- „se former“), bulun „военнопленный“ (bul- „находить“), ojun „игра, развлечение, увеселение“ (монг. oǯo- „любезничать, целовать“), burun „нос“ (bur- „обнюхивать“, *bür в кор. puri, гольд. buri „нос“), uzun „длинный“ (uz-a-t- „удлинять“, монг. ur-tu „длинный“)[97].

Такие слова встречаются в тюркских языках и поныне, но прилагательное на -n как типологическое образование, относящееся к глагольной парадигме, перестало встречаться уже в древне-

тюркском языке; это, может быть, объясняется тем, что ту функцию стало выполнять образование на -gan, иначе говоря, на -n от вторичной глагольной основы на -ga- (§ 70). Тем не нее в чувашском языке причастие на -n продолжает существова и поныне, хотя там оно, как, впрочем, и многие другие сло осложнилось в именительном падеже кратким конечным гласны например: pulnə „бывший, ставший“ (< bolun), ilnə „взявши (< alyn), janə < jarnə „пославший“ (< ydyn), parnə „давший“ (< rin) и т. д. (у Рясянена — иначе).

Деепричастие настоящего времени на -n ~ -an заимствова якутским языком из монгольского (бурятского языка или е ранее?) и обобщено (Ястремский, § 322). Образованное тем путем слово baran имеет значение соответствующего перфект ölän „умирая, находясь при смерти“, ölän baran „умерши, пос смерти, после того как умер“; монг. bara- „подходить к кон заканчивать“, bara-gsan „не имея никаких средств, бедствен жалко“ [98]; тюркск. ba-r- „куда-нибудь направляться, отпра ляться к...“; тунг. ba-rgi da „противоположная сторона < *ba.

Относительно суффиксов -gan и -gin см. § 70 и 71.

2. *Монгольский.* В монгольском языке старое причастие тепе существует в качестве модального деепричастия, но примеры е единичны [99]; qarin „но, все-таки, однако же“ (qari- „возвращаться qarigu „ответ, воздаяние, месть“; тюркск. qar-yš- „оказывать противление“; тунг. karin „все же, неожиданно“); монг. gar „свыше, превосходяще“ (arban garun nasutu „в возрасте свы десяти лет“, gar- „выходить“; кор. ka- „идти, ходить“; тунг. -g в тунг. kapur-ga- „ломаться, разлетаться в куски“), orčin „вокру окружение, окрестность, кружась, скрутившись“ (orči- „кружить < *por-ti-; маньч. foro-, тунг. horo-l- „кружиться, вертеться“; мо oryγ, oraγ „пеленка“); dakin „опять, вновь, again“ (da-ki- „повт ряться“; тюркск. taqy > taqy, taγy, тур. daha „опять, еще“).

В монгольском языке древнего периода это имя на -n- являло еще весьма распространенным прилагательным, которое в функц сказуемого употреблялось и во множественном числе: ja'u ügüle či „что ты говоришь?“, ja'u ügüled ta „что вы говорите?“, te ügüled že „те говорят хорошо“.

Из этого причастия на -n- путем присоединения к нему amu amu „есть (является)“ язык образовал часто встречающееся т перь в литературе настоящее время на -nam: bainam „есть, остается < bajin amu, irenem „приходит“ < iren amu и т. д. Представляется что точно таким же путем — путем стяжения -n с aju „есть (я ляется)“ должно было возникнуть и преобладающее ныне настоя щее время на -nai ~ -nā, na, если только здесь не сыграло роль обы ное в конце предложения удлинение конечного гласного; следова тельно, jabun aju > jabunai и jabun-ā „идет“; ср. jabuba > jabubai ~ ja bubā или jabuǰi > jabuǰā, монгЛ. jabuǰu > jabuǰu ui ~ jabuǰugui ~ ja buǰuqui.

В результате сочетания с глаголом ge- „говорить, полагать, намереваться, обозначать“ калмыкский язык получил окончание -ŋge-, служащее для образования глаголов с модальностью намерения (ингрессивных глаголов); монг. jabun geχu „полагать идти“, букв. „я иду говорить“; калм. jowuŋgeχm, jowoŋgekə „намереваться пойти“; suŋgewä „он садился, он собирался сесть, хотел сесть“ (süχu „сидеть, садиться“) [100].

Глагольное имя на -n встречается иногда и с возвратным суффиксом; ордос. jawunan „à la longue“. При выполнении им обычной своей функции — функции деепричастия — ему иногда придается в сказках и былинах уменьшительный суффикс -qan; халх. cvzə-ləŋχən t'örsön „родившись для царствования“. При помощи адъективного суффикса -qai, -gai от глагольного имени на -n образуются прилагательные: turuŋχai „худой“, ečeŋkei „усталый“, tüleŋkei „сгоревший, опаленный“ и т. д. Здесь же следует упомянуть и суффикс -ki: халх. χa't'aŋχi „усохший, засушенный, худой“ (> казах. qataŋqy).

Следует еще заметить, что так как конечный -n перед отымённым словообразующим суффиксом -la- выпадает (qurdun „скоро, быстро“, qurdu-la- „спешить, бежать“), он выпадает в данном случае и в древнем глагольном имени на n-; поэтому наряду с первичными глагольными основами язык имеет также и глагольные основы на -la- со значением длительно повторяющегося действия: daru- „принуждать“, darun „принуждающий, преследующий“, darula- „(беспрерывно, порою) принуждать или преследовать“, darulan „друг за другом, один за другим“; muski- „свертывать, скручивать“, muskila- „непрестанно, мало-помалу свертывать, все свертывать и свертывать“ (например, белье).

3. *Тунгусский.* В тунгусском языке отглагольное имя на -n уже на очень раннем этапе стало в именительном падеже совпадать с именем на -m в силу того, что -m в исходе конечного слога закономерно давал звук -n; монг. qurim „званый пир, свадьба“ = тунг. kurin (Василевич, Сл. I, 121). Вероятно поэтому, например, в тунг. hûŋtûŋin „перемена, изменение“ (huŋtuŋi- „делать иначе“), dukun „письмо, писание“, dukuwun „написанное“ и в маньч. ača-n, ača-bu-n „место встречи“ мы имеем не -n, а -m. Вопрос о том, какую из этих форм надо считать исторически первичной, остается неразрешенным, поскольку в древнетюркском существует, например, äkin наряду с äkim „пашня, поле“, satyn наряду с satym „торговля“, jaγyn наряду с jaγym „дождь“.

Древнее причастие на -n- мы встречаем и в первом и во втором лице единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения: wām „я убиваю“, wānni (диалектное wandi, wanri) „ты убиваешь, ты убиваешь в данный момент“, anam „я толкаю“, ananni „ты толкаешь“ следует толковать как wā-n, ana-n с энклитически присоединенным -w (< -wi < -bi) и -si. В третьем же лице единственного числа, а также для всех лиц множественного числа вместо этого следует предположить -ra (и -da-). Следовательно,

парадигма спряжения настоящего времени в целом будет звуча следующим образом: wām, wanni, waran, wāraun, wārap, wāras wāra (wāratan).

Причастие настоящего времени на -na (мн. ч. -nal) представля собой, вероятно, древнее производное образование: -na < *-n + *- ср. -r ~ -ra + -ai в качестве адъективного суффикса в монгольск языке. Оно употребляется как приложение при подлежащем и при дополнении (Кастрéн, тунг., § 86) и образуется с цел акцентирования идеи настоящего времени, обычно от вторичн глагольной основы на -ǯa-. Таким образом, окончанием соврем ного причастия настоящего времени является -ǯana (для мн. -ǯanal), причастие же на -na имеет еще и перфектное значен gúnne „(то) что он (кто-то, некто) сказал, сказанное", gunǯe „говорящий".

Это причастие, оформленное личными аффиксами, употребляет в значении изъявительного наклонения: gunnen „он сказал", hi tinen „он бежал", helinčenew „я поторопился", helinčenewen gu nen „он сказал, что он торопился" и т. д. (Василевич, Сл. II, 20

Когда это адъективное имя на -na- бывало осложнено субста тивирующим -i [первоначально i — местоимение „что, нечто, чт нибудь" (< *je). См. § 46], возникали отглагольные образован типа búni „умерший", bini „живущий, жизнь", nēni „наследств и т. д. (их можно, пожалуй, толковать и как -n-i). Отдельн слова, отойдя от парадигмы, утвердились в качестве прилагател ных: bine „живой", selne „отдельный". Причастие страдательно залога на -mna (-mne) восходит к -wu-na, -wna: wānna „убитый hogimna „отсеченный" (Василевич, Сл. II, 201).

Уменьшительное -na-kan, негид. -naχan, лам. -nikan испол зуется в качестве деепричастного образования. Гольдский язык язык ольча образовали посредством отыменного -si- (§ 95,ж) конт нуативные глаголы многократного действия (Петрова, 16): nirune- „постоянно, непрерывно писать, быть писцом", gelene-si- „постоян просить милостыню, быть нищим", geranase- „непрерывно шагат гулять".

Первоначальное причастие на -n-, осложнившись, так же к и в монгольском языке, адъективообразующим суффиксом -g (~-kai), дало причастие на -ŋgā (~-ŋgē), которое часто быва образовано от вторичной основы на -ǯa-. В предложении о выступает в роли сказуемого и, следовательно, может употре ляться как с личными местоимениями, так и без них, наприме degil umulǯaŋgātin hutelewer umudāwer „птицы начинают сиде на яйцах, чтобы высидеть себе птенцов". От данного причаст следует отличать причастие на -diŋgā (тунг.-лам.), представляющ собой адъективное образование от будущего времени изъявител ного наклонения на -din, -di (§ 61).

Употребляемое в качестве временнóго деепричастия -ŋasi (~-ŋe должно, вероятно, быть истолковано как причастие на -ŋā- в с четании с именем si „время" (кит.-кор. si, кит.-яп. ji „время, час

biŋesi-w „когда я был.., будучи", oŋasi-s „когда ты это делал", biŋesi-wer „когда они (сами) были (они, будучи сами...)" (Василевич, Сл. II, 203).

Производным образованием от имени на -n- является отглагольное имя на -ŋki, имеющее значение Nomen usus, которое, будучи субстантивировано, получает также значение орудийности или локальности, т. е. обозначает либо орудие, которым обычно производится действие, либо место, где оно обычно осуществляется, например: mūne, tireŋkitin, bejurdi taŋiŋkitin „они презирали нас и считали нас за диких зверей (дикими зверями)"; тунгБ. darkalaŋki „кузнечный инструмент, кузница", eŋkiw sāre „(раньше, тогда, обычно) я не мог знать, я не знал". Инкорпорированное здесь -ki является тем же самым элементом, который мы встречаем в тунгусском -wki (~-pki) (см. § 65). Возможно также, что исторически оно восходит к кор. kes „вещь, предмет, кусок" и к употреблению этого слова в различных значениях.

4. *Корейский.* В корейском языке это имя на -n-, будучи образовано от глаголов действия, представляет собой причастие прошедшего времени, а от глаголов качественных — причастие настоящего времени, например: pon „видевший" (poda „чтобы смотреть, видеть"), pon „кажущийся, мнимый" (poda- „появляться, казаться"), megin „евший" (mek- „есть"), san „купивший" (sa- „купить"), tan „повешенный" (tal- „вешать, подвешивать"), tan „сладкий" [tal- „быть сладким"; тунг. dal-di „сладкий"; тюркск. jalynčqa „свежий, пресный (о воде)"]; khin „высокий, большой" (khi- „быть большим"), pulgin „красный" (pulk- „быть красным, краснеть"), čugin „мертвый" (čuk- „умирать"), san „живший, живущий, живой" (sal- „жить") и т. д.

Это глагольное имя имеет очень многостороннее применение и вместе с различными существительными общего характера связывается в единый устойчивый комплекс (см. Kor. Gr., § 135, 212). Сюда же, между прочим, относится и употребление слова kes „кусок", которое в стяженном виде дало одно -g-, например: haŋgio „сделали, сказали" < *ha-n-kes-iwe; hanangio „делают" < *hanan-kes-iwe и т. д. (ср. выше тунг. -ŋki и монг., тюркск. -ŋki, -ŋqy).

От этого причастия на -n- качественных глаголов, выполнявшего в предложении функцию сказуемого, образовалась форма настоящего времени: nophin „высокий", sani nophē „гора (есть) высокая"; kiphin „глубокий", muri kiphē „вода глубокая"; čōhin „хороший", čōhā, čōhē „хорошо" (< tjōhin-ei < tio-ha-). Таким образом, мы наблюдаем здесь удлинение конечного гласного и утрату звука -n-, как и в настоящем времени действительного залога на -nē, -nā.

В языке существовала вторичная глагольная основа на -na-, которая служила для подчеркивания активного характера действия, а также его потенциальности [ср. тунг. binē-n „это похоже на правду, это, вероятно, осуществится (будет)", dukunā-n „он, должно быть, собирается написать (пишет)": тунг. „потенциальная гла-

гольная основа" (глагольная основа потенциальности действия). Причастие на -n-, образованное от подобной основы, заняло место в парадигме спряжения глаголов действия как причастие настоящего времени с окончанием -nan, -nin, например ponan „видящий, глядящий", kanan „идущий", onan „приходящий", innin „существующий", poannan (< poa + isinin) „видевший", pogennan „(тот), что увидит (имеющий увидеть), кто должен увидеть". От него образовано изъявительное наклонение с конечным гласным: ponä „видит", poannä „видел", pogennä „увидит" и т. д. С помощью постпозиционно-присоединенного глагола i- „есть" (от „быть") возникли формы настоящего времени типа onda „приходит" (< onan ida), meŋninda „ест, кормит, столуется" (< meŋ-nin ida) и onända, meŋnända.

В вопросительных предложениях, перед вопросительными частицами, употребляется не изъявительное наклонение, а причастие: onan-ga, onan-ja „приходящий (придет)?" — и появляются стяженные формы: onan-ja > ona, oni, onäi. Применение в качестве энклитики местоимение i „нечто, что, кто" приводит к образованию существительного: onan-i „пришелец, приход", nilgin-i „пожилой, старик", čjelmin-i „мальчик, ребенок". Полученная таким путем форма на -ni употребляется как „предикат приложения", как деепричастие предпосылки, а форма на -nira (<-ni-ira) — как сказуемое или завершающий предложение глагол (см. Kor. Gr., § 134). Кроме того, здесь следует назвать деепричастия на -nä, -kena, -keni и -keni-wa как производные образования от причастия на -n-.

§ 57. Суффикс -i

В корейском языке отглагольные имена с суффиксом -i относятся к продуктивному типу словообразования, который распространен также в тунгусских языках и диалектах. В монгольском языке встречается ряд отглагольных слов на -i, но в современном языке этот формант уже не является продуктивным*. В тюркских языках также встречается много слов, которые можно отнести к данному типу словообразования.

1. *Тюркский.* Др.-тюркск. gonšy, казах. qonsy, кирг. koŋšy; ср.-тюркск. qonšy, тур. qomšu „сосед" < qonuš- „жить совместно", qon- „жить, переночевать"; ср.-тюркск. körši „друг, сосед" < körüš- „видаться"; кирг., тат. и т. д. jaqšy „хороший" < кирг. jaq-yš „быть подходящими", казах. ǰaqys- (то же), ǰaq- „подходить, годиться"; ср.-тюркск. jaršy „участник, пайщик" < jar-yš- „делить между собой", jar- „делить", jarym „часть, доля"; монг. ǰarim „несколько, частичные"; уйг. jarašy „свойство, пригодность" < jara-š- к jara- „подходить, годиться"; уйг., чаг. qaršy „препятствие, сопротивление, досада" < qaryš- „противиться", монг. qari-ča- к уйг. qar-

* Профессор Владимирцов в свое время опубликовал статью об имени на -i- в монгольском языке, с которой, к сожалению, мне не пришлось ознакомиться[101].

монг. qari „возвращаться, поворачивать назад"; чув. χirəś „против, contra"; казах. qaryšqyr > qašqyr „волк"; монг. qarši „досада, враг, препятствие" < уйг.; др.-тюркск. tägi „вплоть до, по" < täg- „касаться чего-либо", чув. tiv- (то же); др.-тюркск., уйг. tägri „вплоть до, по" < täg-ür- „дать коснуться, дать достигнуть"; чув. tar- в слове taran „до, по" (Paasonen, стр. 157) и tive-t- „касаться чего-либо, дать дотронуться, достигать, попадать (в цель)"; уйг. taqy „вторично, еще, тоже"; тур. daha, dahy < taq- „повторять", монг. daki- (то же), daki-n „опять, вторично"[102], монг. daki, тунг. daki „опять, вторично, снова"; дотюркск. *ta < домонг. *da „больше, многие"; кор. ta „все"(?); ср.-тюркск. taby „-мерный, -степенный" < tap-; ср. кор. -tap- в таких образованиях, как saram-tapta „быть человечным" (saram „человек"), i-t-tawi „так, как это, этого рода, подобный, такой"; уйг. ägri „кривой", чув. avər „эфес, крюк, соха" < äg-ür „сгибать" < äg- „быть согнутым, скрюченным" монг. ege- > ē-; тунг. egelge „изгибание, поворот", кор. ē-u- „окружать" < ē-; уйг. köni „прямой, прямо", якут. könö „честный", чув. kunə „прямой, мягкий, легко раскалывающийся (о дровах)" (Paasonen, стр. 76), др.-тюркск., якут. kön- „быть прямым, быть справедливым и верным"; др.-тюркск. biriki „объединенный" < birik- „объединяться"; др.-тюркск. qaly „остаток" в слове qalysyz „без остатка, полный, вполне" < qal- „оставаться"; др.-тюркск. jasy „широкий, плоский" < jasy-, jas-, ср. jas-tyq „(плоская) подушка"; кор. jat-hada > jatta (основа jath-) „быть плоским".

Описанное Кастрéном причастие на -i- в койбальском и карагасском[103]: pari, bari „идет, идущий", kili „приходит, приходящий" и т. п. (см. Кастрéн, койб., стр. 204 и др.), является, может быть, древним заимствованием из языка героического эпоса, но можно также предполагать, что оно восходит к монгольским влияниям. Якутское будущее время на -yaχ, -iäχ также следовало бы отнести к производным причастиям на -i-: оно получено при осложнении причастия на -i- уменьшительным суффиксом -aq ~ -γaq; возможно, что имя на -γaq перестали отличать от древнего -i (-aq), и это дало в якутском языке современную форму глагола в будущем времени.

С точки зрения фонетики надо обратить внимание на следующее:

Глагольные основы на -i- употреблялись, вероятно, как имя, например, qary „старый, пожилой, старец" от qary- „стариться"[104]. Там, где нельзя было опереться на такого типа глагольное образование, там гласный -i-, точно так же, как и другие гласные неперво́го слога в именах из древнего тюркского языкового наследия, мог утрачиваться либо уже быть утраченным: ольч. -tali „товарищ", тюркск. -daš (то же), тюркск. qaršy, чув. χirəś „против".

Так как древнее слоговое -i в тюркских языках еще с древних времен появляется в позиции после гласного основы в виде -y или -i, а позднее после лабиальных гласных и в виде -u или -ü, в то время как суффикс -a, -ä уже в древнетюркском мог появиться в ослабленном варианте -u, -ü, а позднее и в виде делабиализо-

ванного -у, -i, проведение грани между суффиксом -а и суффиксом -i в тюркских языках уже на ранней стадии их развития стало не возможным. Следует признать, что уже в древнетюркском существовало тождество этих образований, а образование на -i-, которое было унаследовано в значении прилагательного, как особый тип словообразования оказалось утраченным.

2. *Монгольский.* Отдельные слова, например: монгЛ. büi, büjü; калм., бурят. bi, bī, -wi, -w, -b „есть (от „быть"), бытие"; маньч. bi (то же), -mbi < -me bi „находиться в [состоянии (хождения, прихода и т. д.)]" как окончание настоящего времени, подобно англ. is going < is a going, is on going; тунг. -bi, -w < монг.-тунг. bi- монгЛ. bü-; кор. i- < wi-, тунг. bisi-, кор. isi- „быть (существовать)", англ. to be, to exist; монгЛ. darui- „тотчас, после этого" < daru- „давить, жать, прессовать, следовать, быть близким"; тунг. dari-sk- „возле, мимо", тюркск. jaz- „промахнуться, упустить что-либо, не попадать в цель", jarym „ошибка"; кор. tarim, англ. „difference"; монгЛ. murui „кривой" < muru-, тунг. murukte „круглый, кривой, вокруг"; кор. muru-, muri-, англ. „to return, to send back"; mulli, англ. „a spinning wheel" (< *mur-gi-ei „то, что перекручивают, поворачивают"); монгЛ. ajisui „приходит, приближающийся, в состоянии прибытия, наступления" < ajis- „приближаться" < agi-s- ср. тунг. ag- „достигать, (где-нибудь) останавливаться"; монг. ajil; др.-тюркск., уйг. aγyl „становище (кочевников), селение" < „место назначения", зап. диалектное aul „аул, селение кочевников"; монгЛ. bagurai „сошедший, спустившийся, разорившийся"; бурят. būra (то же) < bagura- к монгЛ. bagu-, калм., бурят. bū- „спадать (о половодье), сходить (с коня), опускаться"; монгЛ. balai „слепой"; гольд. bali (то же) < bala-, кор. mēl- „быть слепым"; монгЛ. ede (budai) „слабоумный, глупый, глупость" < ede-, ср. кор. ed-ub- „быть сумрачным, быть неясным", eduwun, edūn „трудно видимый, темный"; монгЛ. söni „ночь"; халх. šuni, калм. sō (то же) < монг. sönü-, söni-, тюркск. sön- „угаснуть"; тунг. si- < *söji- (то же), si-ks „вечер"; монг. muži „население провинции, народность", халх. muži „народное объединение"[105]; др.-тюркск., уйг. budun „народ" < монг. mud-, тюркск. bud-, ср. кор. mod- „собирать", moži „собрание", to-moži „все вместе", modun „весь" (адъект.); монг. üge „не, нет, без"; калм. ugā, ugā (то же); ср. др.-монг. (Mongol u Niuča Tobčijan) üge'üi, мн. ч. üge'ün (то же), тунг. uge-, uwe „недоставать"; монг. aju'uli, халх. ajūlı „возбуждающий ужас, вызывающий страх, пугающий", ükügüli, халх. uχūlı „смертельная опасность".

Помимо отдельных слов такого рода, в монгольском языке более древнего периода существовала, как продуктивная, еще одна форма настоящего или, скорее, настоящего-будущего времени, окончанием которой являлось -i (-j) и -ju (-jü), например, bolui, boluju „становится", irejü „приходит", jabuju „идет" и т. д.

Употребляющееся во всех современных диалектах желательное наклонение на -ja (-je) представляет собой лишь вариант этой формы, а его долгий конечный гласный является признаком законченности предложения; boluj-a „давайте (пусть) мы станем!", jabuj-a „пойдемте! пойду-ка я!"; халх. jawij, калм. jowi, jowija, jowijā; kelej-e „давайте скажем! скажу-ка я!", халх. χeli, χelijä, калм. kelij, kelijä.

3. *Тунгусский.* Примеры такого рода слов во всех тунгусских языках довольно многочисленны: маньч. bi „есть (от „быть"), бытие, существующий" < bi-i, монгЛ. büi; гольд., ольч. bi (то же); гольд. alosi „обучение, преподавание, преподающий", alosi nai „учитель" к гольд. alosi- „преподавать, обучать, знакомить"; кор. aroisi (то же) к aro-i- „оповещать", ar-gu, al-gi-, alli- (то же), кор. al- „знать, быть знакомым", тунг. ala- (то же) и ala-gu- „знакомить, обучать"; монг. al-dar „слава, репутация, известность", даг. aldūr, кидан. aladar (то же); гольд. dęduli „глубокое уважение" к dędulę- от dędu „главенство, старшинство"; монг. dege-dü „старший, высший, лучший"; гольд. gaǯi „покупка, купля", gaǯi nai „покупатель", nai gaǯini „мужчина покупает" к gaǯi-, gadi-, gada- „покупать"; тунг. suli „заостренный, острый, остроконечный" к sul- „заострять (карандаш)"; тунг. dęgi „птица" к dęg- „летать", dęgisi-, dęksi- (то же); лам. mēnkēn-dęksi „самолет" < mēnkēn „сам", dęksi „летчик"; лам. bukęs-ęmdi „ледокол" < bukęs „лед", ęmdę- „ломать"; лам. kanali „плохой", ср. кор. kanil- „быть узким"; лам. ġältali „белый, блестящий"; ср. тунг. giltala- „блестеть", giltas „блеск, мерцание".

Ламутские слова mēnkēn-dęksi, bukęs-ęmdi — новые слова; они свидетельствуют о том, что имя на -i еще используется для новообразований.

Тунгусо-ламутские прилагательные на di- должны, пожалуй, толковаться как имена на -i- от отыменных глаголов на -d-, -t-; тунг. ęgdi, hęgdi „большой" от кит.-кор. hjęk „великолепный", откуда и монг. jeke „большой" (тур. jäkä < монг.); тунг. daldi „сладкий", ср. кор. tal- „быть сладким", tan „сладкий" (< *taln), ср.-тюркск. jalančqa „без соли и жира (кушанье)"; тунг. sagdi „старый", ср. кит.-кор. sak „старый", sak-tjen „поле под паром"; тунг. buldi „тепловатый", ср. монгЛ. bülijen, калм. bülān, mölān (то же) (венг. meleg „теплый") и т. п.

4. *Корейский.* В корейском языке имя на i одинаково употребительно как от глаголов действия, так и от качественных глаголов. Будучи произведенным от глаголов действия, оно обозначает действие либо действователя; образованное от качественных глаголов, оно обозначает состояние: кор. čäbi „схватывание, рукоятка, черенок и т. п.", kogi-ǯabi „рыболовство", son-ǯabi „ухватка, рукоятка", čabi-kkun „ловец, охотник" от čap- „хватать, ловить"; тунг. ǯawa- „ловить, брать"; монг. ǯaga-g „стык, паз"; тюркск. jap- „строить"; кор. mori „понуждение, погонщик", mal-mori-kkun „кучер, погонщик лошадей", so-mori, сев.-кор. swä-mori „погонщик волов" от mol- „гнать, понуждать"; кор. tiri „вход", na-diri „выход и вход" от til- „входить"; кор. khji „величина"

к khị- „быть большим“, кор. nophi „высота, высоко“ к nophi- „быть высоким“; отсюда манч. nofi „уважаемая особа, власть“ и яп. nopro „высокого роста (человек)“; кор. talli „различие“, tarịm (то же) к кор. tarị- „быть различными“; тюркск. jaz- „промахнуться“; кор. algi (сев.-кор. argi) „клин“, ср. тунг. arki- „всовывать, всаживать, делать непроницаемым (для воды, например, лодку)“, тюркск. ar- в слове ara „посредине“, якут. aryt „середина“, монг. aračila- „посредничать, быть посредником“; кор. kho-giri „слон“ от kho „нос, клюв“, kil- „быть длинным“; кор. kẹri „улица, путь“ от kẹr- „идти пешком“, тунг. gir-ka, лам. gärka- (то же); кор. to-moǰi „все вместе“ от to „all“ (все), moǰi, сев.-кор. modi „весь, собранный вместе, общий“ (см. выше!); кор. tari „товарищ“ к tari- „быть спутниками“ (см. у Гэйля „to accompany“), сюда же ольч. (см. Schmidt-Olchas) džakpatali „сосед“ от dǰakpa < dǰapka „край, сторона, бок“, следовательно, ǰapka-tali „товарищ по стороне (земляк)“ и тюркск. -daš в jol-daš „спутник, товарищ по пути“, уйг. jirtäš, jerdäš „земляк, соотечественник“, qaryndaš „брат, братья и сестры (единоутробные)“ (< qaryn „лоно, живот“).

§ 58. Суффикс -m

Во всех алтайских языках мы встречаем много примеров некоего архаического отглагольного имени с суффиксом -m, различные производные которого должно быть также весьма древни.

1. *Тюркский.* Несколько примеров: alym „взятие, взятое, долг“ (al-, маньч. ali- „принимать, получать“, кор. arịm „охапка“); ölüm „смерть“ (монг. ölbüri „мор“, ölüs- „голодать“, тунг. ulbuni- „голодать“); уйг. kedim „одежда“, койб. kezim, казах. kijim (монг. keǰim „попона“, kedürge „плащ, пальто“); казах. tizim „нанизывание (например, жемчуга)“ [tiz-, кор. tịrịm, turịm „a numerative of twenty fishes“ = „цифра «двадцать»“ < *tür-, тунг. turi „семья“ так же, как монг. kelkije, sülbege „узы, связанные (обязательством)“]; jaryn „половина“ (jar- „делить, раскалывать“, монг. ǰarim „несколько, некоторые“); jem „кормлье, порция“ [je- „есть“, монг. ǰem, ǰemdeg „падаль, пожранное (волками), приманка“], якут. yam yja (< sagyn ajy) „месяц доения, май“ и т. д.

Подробнее об имени на -m, например в турецком языке, см. Deny, § 855.

Возможности применения этого имени были, по-видимому, очень широки; об этом свидетельствуют разнообразные его производные: уйг. alymčy „сборщик долгов (недоимок)“, alymsaq „охотно беру щий, продажный (взяточник)“, berimlig „плодородный, доходный, продуктивный“, sanymsyz „неумышленный“ (монг. sanamsar); тур. oturumluq „место (достаточное) для сидения“ и т. д. Имя на -m выражает объемность деятельности или события; J. Deny называет его „les noms d'unité d'action“; кирг. bir ičim su „глоток воды“, bir čaj qajnam „заварка чая“, čaqyrym „верста, расстояние голоса“ (< čaqyr- „звать“).

Из производных следует упомянуть как наиболее важные следующие:

а) -ma, употребляемое в значении прилагательного либо же в значении произведенного от него существительного; оно восходит к элементу -m и адъективообразующему -a, где -a тождественно окончанию -ai (или -a) в монгольском manu-ai „наш(инский)“ > manai, (монгНТ.). Temüǰinü-äi „Темюджин'ов (собственный)“, калм. manā, kenā „чей“; тюркск. basma „напечатанный“, jazma „написанный, письменный“, qajnama „кипяченый“, tolma „набитый, фаршированный“; кирг. qaryšpa „упрямый“, qyspa „тесный, горное ущелье, теснина“; казах. opra „засасывающий“ > „трясина, болото“; уйг. tolγama „обходный“ > „фланговое наступление“, sarma „завертывание, спелёнывание“ и т. д.[106] Отсюда производится, опять же при помощи окончания -lig, „долженствовательное наклонение“: тур. gelmelisin „ты должен (тебе следует) прийти“, almaly-jym „я должен (мне надлежит) взять“. Эта же форма появляется в чувашском языке с окончанием -malla. Употребительны также и другие производные: казах. kečmelik „переправа“; тоб. basmala- „набивка ткани“.

б) -maq — окончание тюркского „инфинитива“[107], в котором мы имеем сочетание -m с суффиксом -aq (ср. oγul — oγlaq, baš — bašaq, taš — tašaq). Это отглагольное *-mak имеется также в монгольском и корейском языках. Значение его либо совершенно конкретное, как в алт. kömök „зрелище“; казах. batpaq „топь, трясина, болото“, якут. χaspaχ „котел, чугун“ (ср. калм. χarm), уйг. ajmaq (> монг.) „область, территория“, либо адъективное с сильно или слабо выраженным оттенком предрасположенности, склонности: „чему-либо служащий, к чему-либо склонный“ или, соответственно, „служение, склонность“: чаг. čaqmaq taš „камень для высечения огня, огниво“; казах. qospaq tüjö; кирг. qošmoq (н.-монг. χolimag temē) „гибрид верблюда, помесь“ (qoš-, монг. qoli- „мешать, смешивать“). Дательный падеж -maγa (~-mägä > -mäjä), так же как и -ur-γa, -ar-γa, больше всего соответствует индоевропейскому инфинитиву. Окончание супина в чувашском -ma представляет собой более древнее -mäχ < -maq и -maq-a.

в) -ma- — опознавательная частица или „инфикс“ отрицательной формы спряжения, возникла из стяжения -m с древним глаголом e- „быть“ (= er-, i-) в значении „отсутствовать“ (подробнее об этом см. в появившейся несколько лет тому назад статье „Die Verneinung in den altaischen Sprachen“, MSFOu, 52, 1924).

г) -miš; тюркское „причастие прошедшего времени“ (Perfect Particip), или „прошедшее неопределенное“ (Präteritum indefinitum), представляет собой древнее сложносоставное образование из имени на -m и существительного iš „предмет, вещь, дело, работа, факт“[108], идентичного кор. il „предмет, работа“, монг. üjle, манч. wejle, якут. (< монг.) ülä; таким образом, по структуре словообразования кор. pom il „вещь, которой занимались, или которой следует заняться, то, за чем смотрели“ (poda „смотреть“) представляет собой

точное соответствие тюркскому körmiš, bolmyš, kälmiš. В др.-тюркск. письменности š изображается при помощи ś- (s)- с огласовкой переднего ряда. В корейском языке слово il произносится с долгим гласным, т. е. īl (в написании: nil), что вполне соответствует монг. üjle.

д) -nty, -yndy — окончание отглагольных имен, большинство которых имеет вполне конкретное значение; см. монг. -nta и -mǯi.

е) -ma, окончание 2 л. ед. ч. повелит. накл., упоминаемое Махмудом Кашгарским как одна из диалектных особенностей, неправильно толковавшаяся другими тюрками как форма запрета; см. кор. -mä.

ж) -ma- — окончание некоторых вторичных глаголов, образованное из -m с производным -a-: уйг. (Радлов, III, 836) tar- „сжать, сгонять, собирать" (там же, 873), tarma- „сгребать"; уйг- tyrnaq (< tyryŋ-gaq < *tyr-) „ноготь, коготь", tyrma- „царапать когтями"; sarma-ś- „закутываться" к sar-, монг. sari- „завертывать". Подобные отыменные глаголы существуют также в корейском языке: talm-da „быть похожим" (ср. Радлов, III, 864: tartym „похожий", букв. „за... следующий" от tar-t-); кор. ppām-da „опрыскивать ртом" < ppuum- < *pusum- к *pus- (то же); маньч. fusu- „брызгать", монг. üsür-, койб. üskür- (то же).

2. *Монгольский.* Несколько примеров: udum „(молодой) родственник, наследники" (уйг. ud-, тур. uj- „следовать", монг. uduri-d- „заставить следовать, предводительствовать"); ulam „больше и больше, все дальше" [монг. ula-ga „почтовая служба, доставка, перевозка", ulari- „сменяться (о временах года)", коман. ulam „сквозь, через"], barim „полсажени, лапа" (bari- „держать"), qurim „свадьба" (собственно: „сборище, собрание"), olum „отмель" (тунг. olu-); ǯem „пожранное, загрызанное (волками)", ǯirum „постановление, предписание", er-de-m лат. „virtus", „заслуга", agu-da-m, agu-ǯi-m „даль, просторный", qoǯim „поздний", nagad-um „игра" и т. д. От этого типа имен дальнейшими производными являются, например, χurim-na- „праздновать свадьбу", ajum-šig „ужас(ность)", gajiqam-ši- „быть удивительным, чудесным" (чув. χŭχəm „красивый") и т. д.

Из производных образований здесь следует назвать:

а) адъективообразующее -ma и наряду с ним (ордос. -mā < -mai: t'eŋgeride t'ulma „высокий до неба, упирающийся в небо", халх. χuruqār χuχuma öχə „настолько густой (например, чай), что его можно перемешивать пальцами". Зачастую встречается дательный и инструментальный падеж: t'eŋgərbə χurmēr „так, чтобы достать до неба" (ККМ, стр. 38).

б) -mag, употребляется чаще всего как адъективообразующее, но иногда и субстантивированно: халх. χurmaq „обманчивый, обман", idemeg „прожорливый, обжора", čidamag jadamag „возможность и невозможность" > „имущество, ресурсы"; далее χurmagtsi χuŋ „обманщик", idemegči nojan и т. д.

От этого имени на -mag производятся вторично глаголы: монг. idemegle „съедать понемножечку, лакомиться (тайком)". В этот же ряд может быть поставлен якутский Verbum properativum с окончанием -maktā (Ястремский, §§ 145, 137, 489).

в) -mal с вариантом -mar. В ККМ я назвал образования с этим окончанием Nomen exacti, ибо они передают состояние осуществленности или результат деятельности; по своему значению это образование ближе всего к причастию прошедшего времени страдательного залога: tarimal modun „посаженное дерево", bičimel nom „написанная от руки (рукописная) книга". Если -mal, что мне представляется вероятным, является здесь более древним, чем (бурятский) вариант -mar (ср. -ala и -tara, окончание деепричастия предела)[109], тогда можно говорить о соответствии монг. -mal тюркск. -miš, так как в окончаниях действуют различные стяжения и неправильности. На это же указывает и тюркск. altmyš „60" = чув. utməl; тюркск. jetmiš „70" = чув. šitməl.

г) -nta и -mǯi. Из них имена на -nta обозначают примерно „удобный случай для..., повод для..., место для..., средство для...", причем во всех случаях нечто вполне конкретное, например: bogum, bogumta (> bōm, bōmta) „ущелье, узкий проход, лежащий между скалой и рекой" (bogu- „сдавливать"); golumta „очаг" (тунг. gulu- „греться у очага"); darumta „тяжесть, пресс, что-либо положенное сверху для надавливания" (daru- „печатать, прессовать"); barimta „рукоятка, задержание, осязаемое, документ, акт, подарок" (bari- „держать, хватать, брать"); ǯalgamta „часть, добавленная для продолжения" (ǯalga- „продолжать"); в качестве заимствований якут. togürümtä „кольцо" (tögür- „быть круглым") и подобные же якутские новообразования. Заимствованным является также тат. käjäntä, мин. küwäntä, чув. kəvəntə (Paasonen, 67) „трамбовка, пестик" (монг. gübi- „сильно толкать, колотить").

С монг. -nta должно быть отождествлено тунг. -nta, например: лам. nōdanta „мусорная куча, место для отбросов" (nōda- „выбрасывать прочь") и тюркск. -ynty, -nty, например: süprüntü „сор, мусор, нечистоты" (süpür- „подметать, чистить"), aqynty „течение" (aq- „течь"), qazynty „колодец, окоп" (qaz- „копать"). ta(~te), присоединенное к имени на -m, стало существительным, идентичным корейскому слову thę „место, местность", фр. site; кор. čip-thę „фундамент дома, строительная площадка", kal-thę ło „(это) основание (или время), (чтобы) идти, следует идти". Это te (ta) слилось также с именем на -l и дало, таким образом, монг. суффикс -lta: qurilta „собрание, митинг" (quri- „собираться"), bogulta (bōlta) „лента, завязка, связанное, сноп, пакет"; ордос. asūlt'-ugᵘē „il n'est pas nécessaire de le demander" (см. §§ 69 и 126).

В окончании -mǯi монгольский язык имеет сложносоставное образование из -m и некоего существительного *di, которое соответствует кор. -či, -ǯi „факт, предмет, обстоятельство, обстановка, отношение" и восходит к древнему di, ti, тунг. -ti (см. Kor. Gr.,

стр. 111 и 165). Значение, внутриприсущее окончанию -mǯi, вполне ясно, например: tusalamǯi „готовность к оказанию помощи, пособничество“, ergümǯi „глубокое уважение“, nejilemǯi „соглашение, объединение“, ülemǯi „пребывание в большинстве, advance“, ǯalgamǯi „продолжение, succession“, ulamǯilan „successively“ и т. д. Это же образование мы находим в гольдском и маньчжурском языках: dalamǯi „директор, дирекция“; в якутском языке оно появляется с окончанием -mńy (-umńu, -ümńü): χoromnju „расточительство, расход, выдача“, ösüömnjü „ярость, гневное настроение“. В тюркском, как правило, мы находим окончание -ynty-, -yndy, которое появилось в результате совпадения исконного *-mta и исконного, *-mdi, например: birikinti „объединение, умиротворение“, tapynty „глубокое уважение“, quruntu „пустое воображение, пустяковые мысли“, basynty „назойливость“ и т. д.

Здесь же следует привести следующие примеры: др.-тюркск., уйг. ekinti, ikinti „второй, другой“, ср. кор. pegimthę „ближайшее место, в ближайшее время“ и монг. qojarta „дважды“, gurbanta „трижды, в-третьих“, olanta, „часто“, а также заимствованный из монгольского многими тюркскими диалектами аффикс -ta(-tä) „-раз (-жды)“ (см. § 126).

д) -mgai (-mqai) и -mtagai, -mtagu (-mtū) являются общеупотребительными окончаниями, служащими для образования прилагательных, например: martam-qai „забывчивый“, idem-kei „прожорливый“, ujilamqai, ujilamtagai „плаксивый“, sočimtagai, sočimtagu „пугливый, робкий“. Окончание -mtagu > -mtū в якутском языке встречается в виде -mtya (-mtiä) (см. Ястремский, § 89).

е) -mta-. В некоторых бурятских диалектах с помощью окончания -mta- образуются вторичные глаголы, например, jabumta- „(немного) пройти, куда-либо двинуться, совершить прогулку“[110]. Это окончание произошло путем присоединения к существительному на -m- глагола ta- „делать“, который в гольдском, ольче и других тунгусских диалектах является обычно самостоятельным словом и, вероятно, тождественен чувашскому tu- „делать“.

ж) -mui, -mu и -m — окончание настоящего времени изъявительного наклонения. В литературном языке настоящее время оканчивается на -mui. Это -mui представляет собой специфическую форму имени на -m- с удлинением гласного, существовавшую еще в древнем языке и употреблявшуюся в тех случаях, когда имя выполняло в предложении функцию сказуемого. Соответственно, окончанием негативной формы настоящего времени было -msar (-mser), которое встречается еще в нескольких случаях и в монгНТ.: ölüsümüser, ölüsümser „не голодает“, kejisümser „не летает с ветром“[111]. В калмыкском языке встречается еще sanamsar „неумышленный“, uqamsar „неожиданный, неосторожный“, однако там значение этого -sar „без, не“ = чув. -sər, тюркск. -syz уже стерлось. В халхаском еще говорят jāmā „что же тут можно еще сделать?, что же это значит?“; следовательно, посредством -mai достигается некоторая модернизация удлинения гласного в конечной части предложения. Впрочем, это настоящее время на -mui, -mu в современных диалектах не употребляется и только язык монголов Западного Гансу (монгор) да еще некоторые единичные малоизученные языковые островки являются его хранителями: монг.[112] kän mudiäm „кто знает, быть может“, uǯiǯ-adam „он ненавидит, он видеть не может“ (üǯeǯü jadamui). То настоящее время на -nam (jabunam, irenem и т. д.), которое часто можно встретить в древней литературе и народных былинах, возникло из сочетания -n (Converbum modale) и am (amui). Возможно также, что и современное настоящее время на -nai, -nä, -nä, -n, по меньшей мере частично, восходит подобным же образом к -n, осложненному формой aju „есть“ (от „быть“).

Поскольку образования настоящего времени на -m и -mu употребительны и в корейском языке, здесь можно напомнить о древней версии переселения племен Sien-pi (Sembi) из Джехола в Кансу.

3. *Тунгусский.* В тунгусских диалектах самостоятельное имя на -m не встречается; это указывает на ранний переход конечного -m в -n (прилагательные на -m, например awam „широкий“, ŋonim „длинный“ и т. д., представляют собой сокращенное -mi; маньч. golmin „длинный“). Однако в языке имеется множество производных образований, где -m присутствует в качестве окончания отглагольного имени:

а) Деепричастие или инфинитив на -mī в тунг., где -ī древний признак падежа(?), и на -me < (?)-mai ~ mei в маньч., где -ai, -ei может являться показателем местно-дательного падежа; тунг. anamī „чтобы толкнуть (к толканию), чтобы бить“, bimi „к бытию, в бытии“; маньч. anambi „толкает“ < aname bi „пребывает в толкании, is pushing“, anambihe „толкал“, bimbi „существует“, bimbihe „существовал“.

б) Деепричастие на -mnin, негид. на -mdi, -mdin, являвшееся, возможно, формой инструментального падежа на -di, а также образование на -mnēn, -mnān, которое, вероятно, восходит к -m и -lan.

в) Имя действователя (Nomen actoris) на -mnī, где -nī следует сопоставить с гольд. nai „человек“, ольч. ni, кор. nai, nę (то же); alagumnī „учитель“, alaguwumnī „ученик“ (гольд. alo-, alosi- „преподавать“; кор. al- „знать“, algu- „преподавать“); tigičimnī „сторож“ [tigit- „стеречь“, кор. čik hada (то же), mun-čigi „привратник“]; ajičimnī „врач“ (aji-t- „врачевать“, aji, aja „хороший, здоровый“).

Гольдский язык имеет от -mnī форму -mǯi и, следовательно, не делает различия между -m-nī и (монг.) -m-ǯi. Отглагольные наименования предметов могут иметь форму имени действователя; тунг. tilemnī „гребень,“ гольд. čilemǯi (то же) (*ti, tikte, гольд. čikte „вошь“).

г) -mgā; образования с этим окончанием встречаются особенно часто в ламутском языке и тождественны образованиям с монголь-

ским -mgai; sāmgā „знаток“ (sā- „знать“); uniimgā „купец“ (unije- „продавать“, монг. ūne „цена“).

д) -ma — окончание отглагольного прилагательного, которое, употребляясь как наречие, ставится в инструментальном падеже: girkuma „ходящий пешком, хождение пешком“, girkumat „пешком“, tūksamat „вскачь (прыжком)“, dāgmet „рекой (через реку)“ (dāg- „идти через реку“). Множественное число тоже употребляется: ilel iñemel nun iñemel „люди смеялись и смеялись“. Сюда же относится и тунг. iremeǯē „гость, пришелец“ (монг. ire- „приходить“; кит.-кор. -ǯa „особа“).

е) Окончание -mak характеризует прилагательное, но применяется, по-видимому, только вместе с вспомогательным глаголом o- „становиться“; передает неожиданность или случайность события: melmak om „я внезапно проснулся“, gunmek om „я проговорился, слова (неожиданно) вырвались у меня“, ičemek oran „его разбирало любопытство“. Это окончание следует, пожалуй, толковать не как -m-ak, а скорее как -ma-(a)k.

ж) -makta — окончание некоторых прилагательных, несущих в себе значение „недавно, только что“: ōmakta „новый“ (ō- „становиться, делать“), ilmakta „молодой“ (il- „вставать“), baldimakta „молодой, маленький“ (baldi- „рождаться“), nēktemektę „новая пашня“ (nē-ktę- „открывать“; маньч. neje-, монг. nē- „открывать“). В данном случае имя на -ma осложнено суффиксом -kta („один из многих“).

з) Тунг. -maja, лам. -mai — окончание желательного наклонения возникло путем стяжения -mi и aja „желательно бы. . , хорошо бы. .“; ičemeje, ičemej „хорошо бы, все же, взглянуть. . , давайте-ка посмотрим“, наряду с ičemi aja. Подобные обороты в значении сослагательного или желательного наклонения употребляются и в корейском языке: kagi ga čōkhetta „хорошо бы пойти“ > „давайте уж пойдем“.

и) Окончание -mnak довольно часто встречается в отглагольных наречиях. Фонетически -mnak является ассимилированным *-m-lak или *-m-dak (*-m-rak?). Если наиболее близким к истине предположением является -m-lak, здесь можно вспомнить и о якутском окончании -lāχ (< -li-g — окончание притяжательного прилагательного); pestimnek pestiren „он вырвал его полностью“ (букв. „вырвал рывком“).

4. *Корейский.* Здесь, наряду с существительным на -m, имеется совершенно аналогичное по своему звучанию предикативное образование — некая форма настоящего времени, употребляемая в официальном языке или в языке высокого стиля. В древней литературе вместо современных форм saram „жизнь, живой (человек), живет, обладает жизнью“, čugim „смерть, мертв, труп“, mudim „могила, роет (могилу)“, ham „дело, делает“, мы встречаем такие формы, как sarom, čugem, mudem, hom. Это значит, что в том диалекте, который лег в основу письменности, гласный перед -m подвергался лабиализации; подобным же образом возникала лабиализация перед -b- основы страдательного залога: haopta < hasopta < hasapta.

Выполняя функцию существительного, имя на -m образуется и склоняется в современном языке правильно; kam „ходьба, хождение“, kami „ходьба, хождение“ (детерминированная форма), kamā (< kam-ai) „в ходьбе, при ходьбе“, kamiro „с ходьбой, ходьбой“.

В функции личных форм глагола это имя на -m применяется в уставах, описаниях и других официальных документах, а также в юридическом языке, но отнюдь не в обыденной речи, где производное от него же -mu, -mui дало настоящее время, принятое в различных диалектах: kamu „идет“, hamu „делает“, salmu, sarmu „живет“, megimu „ест, едят“. К этой форме зачастую присоединяется вспомогательный глагол (глагол-связка) ida „есть“ (от „быть“), а также страдательная основа на -b-; kamu, kammu, kamuda, kammuda „идет“, „будет ушедшим“, „это — ходьба“. В некоторых диалектах для образования настоящего времени вместо -mu употребляется -mā и для страдательного залога -mmā.

Это имя применяется часто как „внутренний объект“: čam čanda „он спит свой сон“, čum čuda „дарить подарок“, kkum kkuda „видеть (букв. „снить“) сон“, čim čida, сев.- кор. tsim tsida „груз грузить“ (*či-, тюркск. jü-, монг. ǯö-ge-, калм. zö-, тунг. ǯugu-, ǯuwu-, ǯū „грузить, нагружать“).

Из производных образований следует упомянуть:

а) -mā, окончание промиссива (формы обещания), представляющее собой результат присоединения к -m восклицательной частицы -ā и обозначавшее примерно: „а ну-ка . . !“ или „а все же я. . .“. Это точно то же самое образование, которое в некоторых из тюркских языков употребляется в качестве повелительного наклонения, а в других, как рассказывает Махмуд Кашгарский, получило неверную интерпретацию формы запрещения (относительно промиссива см. Kor. Gr., § 163).

б) -m-ie, -m-ie-nin, -m-ie-n-sje, окончания простых временных и условных образований в корейском языке, см. Kor. Gr., §§ 199, 200.

в) -m-čik, окончание, которое образовалось путем присоединения к -m существительного čik: pomǯik hada „быть достойным внимания“, megimǯik hada „быть съедобным“, samǯik hada „заслуживающий быть купленным“; зачастую оно образует перфектную конструкцию: poamǯik hada (poa-imǯik hada) „заслуживавший быть увиденным“, čue-m-ǯik han „заслуживающий быть подаренным“.

г) -m-ak (-m-ek), например, tilmek hada „поднимать“ (tilda — то же); pusirem, pusilmek „хлебные крошки“.

Корейский язык знает множество имен на -m, с которыми не соотносится как производящая основа ни один первичный глагол. Происхождение некоторых таких существительных, стоящих вне современной системы спряжения, может быть с успехом объяснено на примерах из других алтайских языков: arim „охапка, один

охват (улов)“ (тюркск. al- „брать“), kęphim „пена“ (тюркск. köp „пениться“, köpük „пена“; монг. köge-sün „пена“); öm „чесотка“ < oum < ohum < osum (то же) (тунг. os- „чесаться, царапать“ osi-kta „коготь, лапа“); ačham „утро“ (тюркск. ač- „открывать“); pęgim „следующий, последующий“ (тюркск. eki „два“, ekinti „второй“); tajm, tahim „следующее за этим“ (тюркск. jaq-, jaqu „примыкать, следовать“; монг. daga- „следовать“).

§ 59. Суффикс -a

Образованная при помощи этого суффикса глагольная форма представляет собой своего рода причастие настоящего времени и применяется для большего уточнения действия следующего за ней глагола. При этом оба глагола могут выражать два одновременно происходящих действия, однако имя на -a может в большей или меньшей степени передавать перфектное значение, т. е. обозначать действие, предшествующее по времени.

1. *Тюркский.* Окончание имеет форму -a, -ä после основ на согласный и -ja, -jä после основ на гласный, так как между гласным основы и окончанием возникает соединительный вставочный согласный -j-, -j-. Однако гласный звук, следующий за соединительным вставочным согласным, рано редуцировался, и уже в др.-тюркск. и уйг. мы имеем от глагольной основы te- „говорить“ герундий tejü (для еще более древнего этапа можно соответственно принять tejä?) „говоря“, от jaša- „жить“ jašaju „живя“. В соответствии с ba-j-u, te-j-ü, jaša-j-u тогда существовало и alu „беря“, birü „давая“, baru „уходя“, kelü „приходя“ и т. д. наряду с встречавшимися кое-где закономерными ala, birä, bara, kelä и bary, keli и т. д.

Эта форма на -a встречается в западнотюркской группе языков и в якутском языке; в функции сказуемого она употребляется здесь точно так же, как и в монгольском языке: тат., казах. bilä män „я знаю“, bilä sän „ты знаешь“, bilä „он знает“, bilä-mü sän? „знаешь ли ты?“; bilä-mü siz? „знаете ли вы?“; якут. bilä-bin, bilä-gin, но в 3 л. ед. ч. в якутском языке появляется bilär, мн. ч. bilällär < bilärlär (см. выше § 53,1)[113].

В основах на гласный окончание -ju, -jü сократилось до -j, -i: алт., тел., тат. jašaj-män „я живу“, jašaj-sän „ты живешь“, jašaj, jašaj dyr „(он) живет, живут“; тар. ojnaj du „он играет“; тур. jazijor < jazu jatur „он пишет“, verijor < beri jatur „он дает“[114]; якут. si-bin „я ем“, si-gin „ты ешь“ < jejü-män, jejü-sän, но sir „он ест“ < jejür (для др.-тюркск., уйг. je-r).

Синтаксически эта форма бывает зачастую связана со следующим за ней вспомогательным глаголом (tur-, jat- >), и потому он, попав на место окончания, претерпевает сокращение: казах. boladum < bola turum „становясь я стою, я становлюсь“; казах. ǯeŋädi „он побеждает“, ǯeŋädin, ǯeŋätin (< -a turγan) „побеждая“[115]; тар. boladu „он становится, оно становится“; чув. pulat „становится“ < bola tur; койб. pola čat, алт. polajat; чаг. bola jatur, туркм. bola jär, тур. olujor, olijor „будет, станет“ и т. п.

Говоря о фонетических изменениях окончания -a, -u, следует отметить, что, попадая при словообразовании в середину слова, оно благодаря синкопе часто, хотя и не всегда, исчезает: ba- „связывать“, baju „связывая“, baj-la- „делать связывающим“, baγ „веревка, завязка“ (ср. кор. paŋ, pa „веревка“ < paγ?), baγ-la- „завязывать, обвязывать“, bajlaju, dajlaj, bajli „завязывая, завязывающий“, bajlaγ „завязывание“; ср.-тюркск. kälsämäk „хотеть, намереваться прийти“ < kälü sämäk, ср.-тюркск. kädürsä- „желать одеть“ < kädürü-sä (см. § 90).

Там, где это образование на -a выполняет синтаксически роль деепричастия (герундия), оно часто приобретает окончание инструктивного падежа -n; койб. kälbin (< kälmäjin) „не приходя“, teji ~ tejin „говоря“, saju, sajy (> якут. ājy) ~ sajun, sajyn „считая, каждый“. Это — древнее употребление; ср. sajyn > чув. -sem, -sen (аффикс множественности), но исходн. п. sajydan > чув. seren „от каждого, каждым“.

Древним является также и удвоение (редупликация) этого деепричастия с целью акцентирования длительности действия: bara bara, тур. vara vara „все идя, все продолжая идти“, bilä bilä „естественно, само собой понятно“. С этой формой совпадает особенно употребительная в тюркских языках южной группы форма, осложненная суффиксом сравнения: тур. vararaq, qylaraq, edäräk и т. д.

2. *Монгольский.* В монгольском языке, например в языке памятников квадратного письма, наряду с окончанием -a, -e имелось также и -ai, -ei, которое встречалось в конце предложения: jabu'a ǯam „путь, которым идут“, jabu'a jabuǯi (jabuǯu, jabuǯu'ui) „он все шел и шел“, ǯam ijar jabu ai „шел дорогою“; халх. jawā bzam, jawā jawbži, бурят. zamär jabä. Окончание -a, -e, согласно орфографии литературного монгольского языка, обозначается через -ga, -ge. Этот -g-(-γ-) не имеет здесь никакого историко-фонетического значения, потому что он возник между гласными как заполнитель зияния. Но следует отметить, что впоследствии, наряду с jab-ä, ir-ē, где долгота явилась результатом стяжения двух гласных, язык создал в позиции после гласного также и окончание -gā, -gē с долгим гласным: монгЛ. bagu- „спускаться“, калм. bū-, монгЛ. baguga „спускаясь“, калм. būgā; монгЛ. baji-ga „оставаясь“, бурят. baigä, калм. bägā; монгЛ. kögü-ge „изгоняя“, калм. kögä, бурят. χögē. В монгорском языке -ā, -ā появляется после предшествующего гласного: nōā „рассматривая, наблюдая“ (< no- < ono- „попасть“), targurā ā „жирея“ (см. KKM, стр. 85, Nomen imperfecti).

3. *Тунгусский.* В тунгусском языке краткое окончание этого образования в позиции перед следующим за ним глаголом утратилось, а сам глагол, претерпев ослабление, стал словообразующим суффиксом. Многие тунгусские глагольные производные должны по-

ниматься как сложносоставные, представляющие собой сочетан одного глагола в данной форме с другим глаголом, имеющ более широкое и общее значение, в позиции завершающего членa: маньч. ǯafana- „пойти, чтобы взять“; тунгВас. d'awan (то же); кор. čab-a na- (čap- „брать“, na- „выходить“); лам. bak-a-l-dd „я начинал находить“ (< bak- „находить“, -l- < il- „начинать“ < „вст вать“, кор. il- „вставать“); маньч. ǯafaǯi- „прийти, чтобы взят (ǯaf-, тунг. d'aw- „брать, взять“; маньч. ǯi-, гольд. d'i-d- „пр ходить“); тунг. ǯawamattom „я борюсь“ < ǯaw- „брать“ + *mat- *mač- „быть обоюдным, взаимным“, кор. mač- „встречать“.

Подобные же агглютинативные образования из двух глаголо встречаются также, хотя и редко, в монгольском и корейско языках и чаще — в тюркском: вост.-тюркск. jibär- „посылать“ ijiber- < yjy-bär- < yda bär- „посылая дать“, так же как монг. abčir „приносить“ < abču ire- „беря приходить“ и тюркск. apkäl- apqal якут. agal- „приносить“ < alyp kel- „взявши прийти“.

4. *Корейский.* Окончанием здесь является -a, -e. С его по мощью образуется одна из наиболее употребительных глагольны форм. Эккардт условно называет ее просто „глагольной формой“ тогда как другие пользуются названием „глагольное причастие“ Значение этой формы варьируется, выражая действие в диапазон от прошедшего до будущего времени, однако при этом сущест венным является — передать наиболее тесную связь между двум действиями: кор. tora o- „возвращаться, приходить обратно“, tora-ga „уходить обратно“, „умирать“ [tol- „переворачивать“, тюркск tolγa- (то же), „окружать“]; кор. čaba-na- (букв. „беря идти“ „увозить“; маньч. ǯafana-, тунг. d'awana- (то же) (< čap- „брать“ na- „выходить, уходить“); кор. čuę kat-, čuegat- „менять“; тунг ugät-, ǯuwęt „менять“ (< ču- „давать“, kač-, kaǯi- „получать“)

От глагола hą „делать, говорить“ существует эта ж форма в виде haja или haję, или даже haj, современное hä следовательно, произошло такое же сокращение, как в тюркском где ala > alu ~ aly „беря“, berä < berü ~ beri „давая“ указываю на раннее фонетическое ослабление.

Во многих древних составных образованиях первый член утра чивает окончание полностью: mildaǯi „раздвижная стена“, midaǯ (то же) < mil- „двигать“, tat- „замыкать“, mirę-dat- „задвигать замыкать“; putčap- „схватывать“ < puth- „приставать, прилипать“ čap- „хватать, брать“ (см. Kor. Gr., § 173—, Converbum perfecti

Вполне понятно, что эта форма очень часто встречается в от глагольных наречиях, а также среди различных послелогов гла гольного происхождения: кор. poa (pa, -ba) „относительно, в отно шении. . .“; тунг. -ba (-ma, -bo, -mo), окончание винительного падежа маньч. -bę (то же); кор. puthę „от, через, via“; тюркск. ötä, чув vibə „через, проездом“; тюркск. ötürä, ötürü, чув. vibər „через проводя через“; кор. nemę „сверх, больше чем, превышая“; др. тюркск., уйг. j(i)mä (то же); якут. ämä (то же); монг. neme- „до бавлять“; тюркск. tapa, якут. taba „к, по направлению к“ (< tap- „находить“); тюркск. aśa „через, поверх, далеко“; казах. asa ǯer „дальний край“; чув. ut- (< al-t-) „перешагнуть“; монг. alu-s „да леко, поверх“; тюркск. basa „еще, тоже“; монг. basa (то же); гольд. basa „следующее, второе, дальше, последователь“ (< тюркск., монг. bas- „давить, следовать за, теснить“); уйг. ijä „следующий, затем“; уйг., коман. ijin „через, посредством, с“ (кор. nij- „to connect“ niu „сосед“).

5. *Тюркские производные образования.* Эта исторически первичная герундивно-причастная форма на -a еще в древности создала на почве тюркских языков два производные образования, оказавшиеся вполне жизнеспособными.

Одно из них — отглагольное прилагательное на -aqan, чув. -aran, где элемент -qan, -kän тождественен монгольскому умень- шительному суффиксу -qan, тунг. -kän, который встречается также в значении „только“ (монг. nigeken „только один“, qojarqan „только два“, eneken „только этот“ и т. п.), например, тат. birä- kän, birägän, чув. pararan, туркм. berijän „всегда дающий, щед- рый“; чаг., уйг. jyγlaj-γan „плачущий, все только плачущий, плак- сивый“, jyγlamajγan „неплаксивый“, тат. qačaγan „постоянно убе- гающий, избегающий, застенчивый“[116], jataγan „склонный всегда лежать, постоянно лежащий, ленивый“: чув. pularan „постоянно существующий“, arman tiparan „мельник“ (< egir-men „мельница“, tart- „тянуть, крутить“). Это производное образование уже было верно проанализировано Казем-Беком; сомнения же по этому поводу Мелиоранского (АФТ, стр. LIX) основываются только на принци- пиальном игнорировании им монгольского языка.

Второе производное образование — это форма на -aly, которая используется как первое лицо множественного числа повелитель- ного наклонения; его элемент -ly, -li скорее всего должен быть сопоставлен с суффиксом принадлежности места -li, ср.*-γai-li, в уйг. bar-γaly, er-käli („долженствующий пойти, долженствующий быть“). Эта форма на -ali (например, alali, тар. aleli „пусть мы возьмем, давайте-ка, возьмем!“, ojnajli „пусть мы играем, давайте иг- рать!“) еще удержалась в некоторых диалектах, но в древне- тюркском мы находим ее уже осложненной формантом -m, т. е. притяжательным суффиксом 1 л. ед. ч. (др.-тюркск. qaby-šalym „давайте объединимся“). Во многих других диалектах новая парадигма прошедшего времени, с его -k в 1 л. мн. ч. (bolduq „мы были“ вместо старого boldymyz), образовала по аналогии вариант на -alyq (alalyq „пусть мы возьмем“, birälik „давайте пойдем“, параллельное alalym „возьму-ка я“, birälim „пусть-ка я дам“). Образование на -alim встречается также и в тунгусе- ском языке. На фонетическое оформление этого образования, вероятно, оказало влияние (особенно в вост.-тюркск.) будущее время на -γai, -ai (см. § 54)[117], и мы можем иногда встре- тить в 1 л. мн. ч. повелит. накл. образования на -ajyq, -ajym (откуда, позднее, в сев.-тюркск., якут. и др. -ajym, в якут. -ym). Появляющееся здесь -ym следует, пожалуй, связать с чувашским

-in (pulə̄-в-in „пусть я буду“, pulə̄-вə̄r-in „пусть мы будем“; Ашм рин, стр. 294). Звуковой состав этой формы повелительного накл нения значительно варьируется в различных диалектах, даж в тех, которые в остальном очень близки (см. Катанов, стр. 647—637—).

§ 60. Суффикс -ta

Поскольку в корейском языке отглагольные имена на -ta, - и -tę отличаются друг от друга не только по звучанию, но и п своему значению и функциям, мы должны считать это отличи древним. Примеры из тунгусского и отчасти тюркского, по-види мому, подтверждают этот взгляд. (На этот раз мы начинае с корейского.)

1. *Корейский.* Суффикс -ta в корейском языке является окон чанием „инфинитива“, обычной лексической формы глагола, вы полняющей следующие функции:

а) Декларатива (=инфинитиву и индикативу), передающег значение действия как такового, без ограничения во времени в виде, например, kada „ходить“, mękta „есть“, itta (< isi-da „существовать“, mantha (< man ha-da) „быть в большом количе стве“. Декларативная форма обычна также в оборотах, выража ющих альтернативность действия: oda kada h da букв. „приходить уходить- делать=ходить туда и сюда“, watta katta hada, букв „пришедшим быть, пошедшим быть делать=непрестанно приходит и уходить“, manhatta čięgętta hada „быть бо́льшим или ме́ньшим“

б) Деепричастия внезапной перемены (Converbum mutationis на -taga, где -ga („но, и“) представляет собой энклитическую ча стицу.

в) Деепричастия цитации (Converbum citationis) на -tai (> -dä) где -i является наречным падежным окончанием.

г) Деепричастия эффективности (Converbum effectivum) на -toro -torok (север.-кор. -toruk), в составе окончания которого мы видим окончание инструментального падежа -ro (сев.-кор. -ru) и частицу -ok, -uk „как раз, ровно, именно“.

Вариант -tē, которого следовало бы ожидать для глаголов с гласными переднего ряда, употребителен, кажется, только в не которых диалектах (idē „есть...“, ittē „существует, существовать“ и в обыденном языке не встречается.— Следует отметить долготу гласных в -tā, -tē.

2. *Тунгусский.* В тунгусском языке „инфинитив“ на -dā~dē осложнен притяжательным или возвратным суффиксом, выполня ющим как функции „супина“, так и функции будущего времени повелительного наклонения (Precativum), например: oda „чтобы стать“: odāwi „чтобы (ты) сам стал!“, odāu „чтобы я стал“, odās „чтобы ты стал“, odan „чтобы он стал“, odāun „чтобы мы могли бы стать“, odāsun „чтобы вы стали“, odatin „чтобы они смогли бы стать“, odäwer, odaur „чтобы они сами, мы сами, вы сами стали“; ęmęksę gūndęwi (лам. gūndej) „придя, скажи: ...“ мн. ч. ęmęksęl gūndēwer „прибывши (как только вы прибудете туда, немедля по прибытии), скажите: . . .“, anadāwi „пожалуйста, подвинь!“, anadāwęr, anadaur „пожалуйста, подвиньте!“ — От этого имени на -dā~-dē образуются также падежные формы на -lā и -lī см. § 11 и 12.

3. *Монгольский.* Монгольское деепричастие предела (Converbum terminale) на -tala (~-dala?) отвечает тунг.-маньч. деепричастию на -dala „до (чего-либо)“ и „в течение (чего-либо)“, где падежное окончание -lā присоединилось к имени на -da-; монг. atala „в то время, пока оно есть (является)“, boltala „пока оно станет (до того, как оно станет)“; маньч. otolo „до того, как оно станет (пока оно не станет)“, тунг.-лам. istala „до тех пор, пока оно достигнет, до“; калм. kürtele > kürtl „до“. Встречающееся в некоторых монгольских диалектах -tara является, пожалуй, более поздним вариантом -tala, но бурят. -sara (< -ča-ra) наряду с -sa (< ča) с тем же самым значением цели или намерения, напротив, представляет собой совершенно другое словообразование.— От -tala, унаследованного из древнего языка, в новомонгольском языке был позднее образован исходный падеж; халх. nojjon baetlās „пока он (ты, кто-то) все же хозяин“.

4. *Тюркский.* В тюркском архаическое (с коротким гласным!) -ta~-tä во втором или третьем слоге должно было, регулярно отбрасывая гласный, давать -t, ср. монг. ota „капуста“ = тюркск. ot „трава“; ata, atan „мерин“ = тюркск. at „лошадь, верховая лошадь“; монг. ita „прожорливый“ = тюркск. yt > it „собака“; монг. boda „главное дело, сущность“ = др.-тюркск. bod, койб. pos, зап.-тюркск. boj „тело, корпус“ и т. д. Также и от -tę и -ti следовало бы ждать в тюркск. -t. И в самом деле, мы находим в тюркском отглагольное имя на -t, несмотря на то, что от этого типа словообразования язык уже на очень ранней стадии своего развития отказался.

В тех же случаях, когда к окончанию -ta присоединялся какой-либо другой суффикс, например -či (суффикс действующего лица), гласный сохранялся: тюркск. ot „трава“ и „капуста“, otačy „лекарь, врач“. Древнетюркский язык имел причастие будущего времени на -tačy: boltačy sän „ты был близок к тому, чтобы стать, становящийся, ты становишься“, öltäči jittäči sän „ты есть (был) подлежащий смерти и закату“. Этот тип причастия будущего времени употреблялся еще в уйгурском, но в команском мы находим его только в единичных примерах: коман. qutqardačy „спаситель“, tuurdačy „создатель“. В современных языках он уже утратился, однако остались еще, например, ойрат. aldačy „дух смерти“ (< монг. ala- „умерщвлять“) и караим. bild'ači „знаток“ [118].

Кроме того, мы находим это имя на -ta- в якутском языке в окончании -tala-, которое служит для образования фреквентативных глаголов: olur- „сидеть“, olurtalā- „там и тут сидят (не-

сколько человек)", olurt- „сажать", olurdutalā- „сажать туда сюда", üt „дыра", üttā- „продырявить", üttätälā- „(во многих места продырявить"; siä- „есть", siätälā- „много или часто есть" и т. д см. Ястремский, стр. 144.

Издревле унаследованные тюркскими языками имена на -t представляют как-будто бы ясного доказательства своего пр исхождения от имен на -ta (суффикса неопределенного накл нения) или же на *tu (= кор. -tę) — суффикса, придававшег имени значение результативности действия. Мне хотелось бы пр вести следующие примеры: qart „престарелый" (qary- „быть старым qurut „сыр" (qur- „сушить")[119]; казах. sarqyt „последние капли" (sar „выливать"), salγyrt „налог, сбор" (sal-γyr- „заставить положить" ср.-тюркск. adut „горсть" [но adu-č, в каргас. aduś, якут. ytys „ш потка (столько, сколько можно взять пальцами)", монг. ad-qu-ča adqu- „брать кончиками пальцев"], bulut „облако" (монг. bula-ŋ „сумрачный"), kačit, тур. geǯid „брод" (kač- „переезжать чер реку"); уйг. änit „спуск, долина" (än- „опускаться, погружаться" чув. anatri (< anit-däki) „внизу или ниже живущие"; ойрат. čyγ „выход" (čyq- < tašyq- „выходить"); монг. taliji- „удаляться"; уй obut „стыд", ubut (?) в чаг. uitan- „стыдиться" [< ub-, тунг. uw „отступать, не мочь подняться (о дыме)", кор. op = англ. to ta in undertaking]; казах., ойрат. kükirt, тоб. kükrit „гром" (küki монг. kür-kire-). Довольно часто имя на -t производилось от фа титивной основы, причем -rt превращалось в -t, например: ойра suγat „место водопоя" (suw-γar- „давать напиться, напоить"); са кирг. olut „место для сидения, стул", qonut „место жительств родина", ölüt „убийство", ögüt „совет" (< ögür- „советовать", „понимать, уметь", ög „разум", отсюда ögrä-n- „учиться", ögrä „обучать"); уйг. jaŋut „возмездие, воздаяние" (< jaŋ-ur- „пове нуть вспять").

Окончание -di (~-ti) в тюркск. umdy „надежда" (um- „над яться"), ögdi „похвала" (ög- „хвалить"); шор. aldy „дичь" (< „убивать, бить дичь", монг. ala-) и т. п. будет трактоваться ниже, в параграфе, посвященном суффиксу -ti.

§ 61. Суффикс -ti

Отглагольное имя на -ti (~-di, -thi) в корейском языке пре ставляло собой, пожалуй, судя по его значению, будущее врем которое, однако, развилось в потенциальное будущее — пример такое же, как в немецком обороте „es wird wohl so sein". Поэто в „Грамматике корейского языка" я назвал эту форму „Indecisiv Это же отглагольное образование мы встречаем в отрицательн форме предложения в тех случаях, когда предложение предста ляет собой конструкцию с вспомогательным глаголом hada и malda: podi ani handa „он, пожалуй, не видит; он не видит", po mara „избегай смотреть, не смотри!", podirii mara (то же). Пара лельно в языке существовала в качестве утвердительной форм повелительного наклонения и такая форма, как podira „смотри!"; в гольдском языке сюда же должна быть отнесена форма потенциальности с окончанием -dira, -dire (Грубе, стр. 88, ǯakfun bidere „восемь, я думаю; пожалуй, их восемь").

Сюда же относится будущее время на -tin (мн. ч. -tir) в ламутском языке: 1 л. ед. ч. ämdim (< em-din-b), 2 л. ämdindi, 3 л. ämdin; 1 л. мн. ч. ämdiru (< emdir-bu), ämdip (< em-dir-bit), 2 л. ämdis (< emdir-su), 3 л. ämdir; ед. ч. itčim „я увижу", itčindi „ты увидишь" и т. д. (< iče-tin); tikčim „я упаду, я падаю" (< tük-tin). От этого будущего времени ламутский язык (и западнотунгусские диалекты?) образовал прилагательное на -ga (< -gai), которое употребляется в качестве причастия будущего времени; budin „умрет", budinga, budiga, budige „умирая, умирающий", hurdinga „готовый пойти; тот, кто пойдет", nekčinga „который сделает"; тунгБ. miti tegeǯingot „мы сядем!", silüǯäd'iŋas „ты сваришь (должен сварить) суп" (Мат. эв. ф., 21). Причастие на -dinga (-dina) в некоторых говорах фонетически совпадает с причастием на -ŋgā (-ŋa), произведенным от вторичной глагольной основы на -ǯa- (~-ǯę-).

Более отчетливо, чем лам. -din~-tin, с кор. суффиксом -ti соотносится гольд. суффикс -ti, который мы встречаем обычно в произведенных от страдательной основы (-w-) прилагательных на -pči и -pt-asi: hola-pči „четкий, разборчивый" (< *hola-w-ti), hola-ptasi „неудобочитаемый, нечеткий" (< *hola-pti- + asi).

В пользу гипотезы об алтайском происхождении суффикса -ti говорит, по моему мнению, наличие отглагольных имен на -di в тюркских языках: к перечисленным выше (под -ta) подходят, например, уйг. kälti „будущее" и kačti „прошлое". А. Габэн прочитала и истолковала в Хюен-тсанге (316) абзац sogütüg kästi mänäk как „я немедля срублю дерево", но, тем не менее, она называет эту форму прошедшим временем[120].

§ 62. Суффикс -te. Прошедшее время

В корейском языке наряду с разнящимися между собой двумя окончаниями -ta и -ti имеется еще один суффикс — -tę. Глагольная форма с окончанием -tę выражает действие отдаленное во времени либо в пространстве и уже начатое; поэтому в „Грамматике корейского языка" (§ 127) я назвал эту форму не „Präteritum" (прошедшее время), а „Regressiv". В роли простого сказуемого в предложении эта форма встречается ныне в корейском языке только в сложносоставных образованиях или с частицами, например: odęra „(кто-то) приходил, он (она, оно) приходит", ode (то же) (o-tę-i), oden (< ode in) ttäe „к тогдашнему времени прибытия, когда прибыли", wattęra, watte „уже прибыл (прибыли)"; mues-idęnǯi (сев.-кор. idęndi) „что бы то ни было; что-нибудь" (< mues idę-in di).

В тунгусском языке древнее -de, -da в позиции после гласного перешло в -re, -ra и тем самым дало фонетическое совпадение с окончанием причастия будущего времени -re, -ra. В положении

после согласного -de, -da сохранилось, но -re, -ra в позиции после согласного дало -de, -da; в результате произошло фонетическое совпадение этих двух окончаний, например: тунг. ǫmdǫm „я приходил“, ǫmdǫndi „ты приходил“, ǫmdǫn „он (она, оно) приходил“; ittǫm „я видел“, ittǫs „ты видел“; anara-n „он двигал“, anara „они двигали“ и т. д.

Отношение между подлежащим и сказуемым в тунгусском языке, как и в тюркском, следует понимать следующим образом: сказуемое представляет собой имя с приданным ему энклитическим местоимением в номинативном, либо в генитивном значении, например: тунг. ǫmdǫ-n „он приходил“ = „приход его“, itten „он видел“ = „ви́дение его, его тогдашнее (или начатое уже) ви́дение“ (ср. тюркск. käl-t-i „он приходил“).

Посредством элемента -k-, который должен быть возведен к сокращению (кор.) kǫs „предмет, вещь“ (см. Ramstedt, Kor. kǫs, стр. 4), в тунгусском языке обозначается условно-временно́е придаточное действие: ǫmdǫku „в том случае, если (когда) я приду“, букв. „мое прихождение, мое прихождение-предмет“, ǫmdǫkis „если (когда) ты придешь“, anarakin „когда он толкает, когда он толкал“. Таковы же, но с прибавлением -i перед присоединенным -k- (см. § 57) следующие формы: bisikis „когда (если) ты есть (или был), ǫsiku ǫmde „если я не приду“ и т. д.

Совпадение прошедшего времени на -d- (т. е. корейского регрессива) с элементом -r- настоящего времени (т. е. тюркского аориста) привело, должно быть, к тому, что вторичная глагольная основа на -ǯa- благодаря единичности своего значения нашла весьма широкое применение, и, таким образом, настоящее время стало выражаться при помощи суффикса -ǯara-: emeǯeren „он приходит“, ǯewǯeren „он столуется“.

В тех случаях, когда -d- следовал после глухих согласных (k, t, p, s), он подвергался оглушению и уже в древних словообразованиях вместо -d- встречается -t-; в языке имелись, например, такие слова, как ǯebde, ǯepte „еда, съеденное“, bute „смерть, умирание“, откуда тунгБ. ǯeptilä „купание“, лам. zebitla „(остатки) кушанья“, тунг. butilä „смерть“. Здесь отыменное -la (= монг. -lai) обычно присоединяется к -p-te, т. е. к прошедшему времени на -te- от страдательной основы на -bu- (-wu-, -w-, -pu-, -p-). Из происшедшего таким путем -p-te-la-, в сокращенном виде ptila, ламутский язык получил окончание -tla, обозначающее результат действия (Богораз, стр. 46): zebitla „кушанье“, ma-tla „жертва убийства“, nä-tla „положенное“, o-tla „сделанное“ и т. д. (Переход гласных e > i ср., например, с sigde, sigdilä „промежуток, между“.) Прошедшее совершенное время страдательного залога на -ptila, -tla представляет собой имя с конкретным значением и, в результате присоединения притяжательных суффиксов, дает форму прошедшего времени изъявительного наклонения действительного залога: ämatla „наследство“, ämatlau „мое наследство“ = „я оставил это после себя, я выбросил это“.

В монгольском языке мы встречаем прошедшее несовершенное время с окончанием в монгЛ. -ǯu, -ču, разговорное -ǯi, -či, в котором присутствует исконный -d′, -t с последующим гласным, соответствующий тюркскому -dy, -di > -d, -t. Фонетическая природа гласного здесь совершенно неясна; мало что разъясняется и через монгНТ. -ǯeo, -čeo (т. е. -d′u, -t′u > или -dy, -ty?; см. Haenisch, стр. 189). Однако употребление этого имени и в корейском, и в монгольском, и в тюркском языках в одном и том же значении прошедшего времени говорит об их тождественности.

В качестве формы законченного действия монгольский язык имел на ранней стадии своего развития окончание -ǯu ui (монгНТ., монгК.), которое ныне ошибочно читается как -ǯuχui (монгЛ.); в разговорном языке наряду с -ǯi в конце предложения употребляется также и -ǯä (< ǯi′ai, -ǯi′ei). Наиболее часто это образование на -ǯi употребляется в качестве деепричастия. С помощью глагола baiχu „быть“ оно передает действие, совершающееся в данный момент: jabuǯi baina „идет“, т. е. „идет как раз в данный момент“ > халх. jawuǯwän ~ калм. jowǯän. Калмыцкое образование с окончанием -ǯä- является, таким образом, свежим и не имеет никакого отношения к тунгусскому -ǯa-, -ǯe-. При помощи также глагола orkiχu „отбрасывать, покидать“, калм. oki-, позднее возник некий тип глагола (ныне это одно из вполне принятых в монгольских языках образований), который выражает совершенность, законченность действия: халх. χajjaǯ-orχiwa „он выбросил это прочь, он бросил (окончательно)“ > χajjǫtšχiw калм. χajtškw. В результате этого стяжения новомонгольский язык обрел окончание tšχ-, -ts-[121].

В тюркских языках к этому типу образований относится прошедшее совершенное на -t-, -d- с последующим притяжательным суффиксом: др.-тюркск. bir-t-im „я дал, я отдал“, bar-d-ym „я пошел“, öl-t-iŋ, öl-t-ig „ты умер“, jarlyqa-d-y „он приказал“, käl-t-i „он пришел“ и т. д.[122] В процессе позднейшего развития -d- нормализовался, и в чувашском языке мы уже находим вместо него закономерный -r-. В первом и втором лице гласный окончания являлся слабым гласным, а в третьем лице гласный переднего ряда -i, который в чувашском языке еще проявляется, как -iə, развился в якутском в -a, -ä. Этот звук представляет собой древнее местоимение *i, маньч. i „он, она, оно“, монг. in-u (род. п.), тунг. in ~ n (род. п.); с течением времени гармония гласных вызвала для 3 л. сначала варианты -i ~ -y, а затем во многих языках еще и -ü ~ -u; таким образом, имеется четыре варианта: -i ~ -y ~ *-ü ~ -u. 1 л. мн. ч. на -d-ynyz в южно-тюркск., вост.-тюркск., зап.-тюркск. уступило место имени на -duq, и таким путем создалось окончание -q в значении „мы“; это окончание прививалось затем иногда и к другим глагольным формам: тур. olsaq „если мы будем, если бы мы были“, alaiq „если бы нам взять, возьмем-ка“ и т. д.

§ 63. Суффикс -ča

Глагольное имя на -ča выражает либо завершенность действия, либо его конкретный результат. Примеры этой формы существуют еще во всех четырех языковых группах.

1. *Тюркский.* Конечное -ča, -čä дало в позиции после гласного -š, а в позиции после согласного — соединительный гласный + š, однако после -n- сохранился еще древний -č-; в чувашском его, как правило, заменяет -ś: тюркск. alyš „взятие, взятое“, bäriš „дар, даяние“; чув. parəś (то же), anəś „запад“; тюркск. äniš „закат, спуск“(чув. an-, тюркск. än- „спускаться“ < ä-n-, ср. тунг. ę-wū- — то же); чув. χirəś „против“ < qari-č, монг. qari-ča „поворачивание, возвращение“, уйг. säwinč „радость“; тат. süjünč и (по аналогии) sūjünüš, чув. savənəś < säwin-, тат. sūjün-, чув. savən- „радоваться“; др.-тюркск. unč „возможность“ (< u- „мочь“); др.-тюркск. erinč „действительность, действительный“ < er- „быть“. В некоторых турецких диалектах адвербиальный падеж на -yn, образованный от этого имени, употребляется самостоятельно в функции деепричастия времени, см. J. Deny, „Le Gérondif en-(y)išin“ (в Körösi Csoma Archivum, III B, 1941, стр. 119—128); например, ölüm-de gelišin melaik olur „et lorsque vient la mort, il devient un ange“. Засвидетельствована также и отрицательная форма -mejišin.

Это имя на -ś, -yš, -iš еще и поныне употребительно во всех тюркских языках, но в южно-тюркск. и вост.-тюркск. нормализовался вариант для основ на согласный: -yš ~ -iš, который в свою очередь вызвал к жизни вариант для основ на гласный — -jyš, -jiš, -juš, -jüš: тур. oqu-juš „чтение“, ara-jyš „поиски“ и т. д. В некоторых словах, рано отошедших от парадигмы спряжения, осталась форма на -č: уйг. awuč „рука“, тур. auč, auǰ, тат. üč, койб. ōs, чув. uś, ivəś < ab-uč, монг. abu-ča „взятое (в горсть), столько, сколько возможно взять (пригоршня)“, abu- „брать“; маньч. afanǰi-, монг. abuldu- „взаимно драться“ (монгНТ. abaldu-), „бороться“; тюркск., тел., тат. artyš, тур. ardyǰ „можжевельник“; монг. arča (то же) (> чаг. ar-ča, казах. arša — то же) < монг. arčiča < *artiča „чистка“ < тюркск. aryt- „чистить“ (ср. тюркск. aryγ „чистый“); тюркск. qylyč „меч“, чув. χəś (>*χəlś) — то же, ср. монг. kila-gu „клинок, ножны“, халх. χ'alū (то же); чаг. basič „гнет“ < bas- „давить“.

Встречаются также производные, образованные при помощи различных суффиксов: -čaq: salynčaq „качели“ (< salyn- „качать“, коман. salγalu-, монг. salga-, salgala- — то же); тюркск. emčäk „сосок“ (em- „сосать“), тат. basynčaq „дарить“; -čyq: тат. maqtančyq „хвастун“ (maqtan- „хвалиться“); уйг. maq „похвала“, тел., алт. qorqunčaq, коман. qorqunču, казах. qorqunšu, „боязливый“; -č-si: ср.-тюркск. qorqunč-syγ „боязливый“.

2. *Монгольский.* Здесь окончанием является -ča: abuča „пригоршня, понюшка (щепотка)“, ogüče, ögče „доза“, adqu-ča „понюшка (щепотка)“ (тув. aǰdya, карагас. adyš, adyč, якут. ytys „пригоршня“, но ср.-тюркск. adut — то же, jabu-ča „ходьба, походка, пройденное“, talbi-ča „полка, подстилка“ < talbi- „положить“, bariča „дар, залог, содержимое“ < bari- „держать в руке“, nigu-ča „спрятанный“, бурят. ńūsa < nigu- „прятать“, бурят. ńū- и т. д.

Помимо употребления в качестве обычного отглагольного имени, у имени на -ča- в бурятском языке появляется еще особая функция: в некоторых диалектах -sa (< -ča) равнозначно употребляющемуся в других наречиях -tala ~ -tara (§ 60); höni bolso irekti „приходите до наступления ночи!“ (< монг. söni bolča „настала ночь“). Применяемый наряду с -sa формант -sara, -sar развился аналогично -tara и равнозначен тунгусскому -ča-lā-: χurse, χurser, χursere „до достижения, как только (едва) достигнет“, bolso, bolsor, bolsoro „до того как станет, пока не сделается“, baisa, baisar, baisara, „будучи, как только станет, пока не стал“.

В тунгусских диалектах существует деепричастное окончание -čalā „делая, сделавши“: негид. tęgęčalān „усевшись (после того, как он уселся)“, otijgičalaj (< ęte-ergi-čę-lę-wi), gunęn (< gūn-nę-n < gūn-dę-n) „закончив это, он сказал“.

3. *Тунгусский.* В тунгусском языке -čā, -cā (*-ca ~ -cä) является суффиксом причастия прошедшего времени, которое употребляется как самостоятельное слово или в атрибутивной роли, а также может выполнять роль сказуемого: ämčä „пришедший“, ämčä-w „я пришел“, äm-čäs „ты пришел“, ämčä-n „он пришел“, ämčä-wun, äm-čät „мы пришли“, ämčä-sun, ämčä-hun „вы пришли“, ämčä-tin „они пришли“ и ämčäl „пришедшие, прибывшие“ (Кастрéн, тунг., § 87, 2,4). Будучи образовано от активных глаголов, это причастие довольно часто используется в страдательной форме (-wu-ča > -pča). В языке сказок встречаются также уменьшительные образования на -čäkän, мн. ч. -čäkär: genečäkän generen „он все шел да шел“, мн. ч. -kär genere „они шли да шли“. Окончание -pčä (ǯawapčä, ǯawawčä „взятый“, ičępčä „виденный“), являясь продуктивным лексическим элементом, продолжало осложняться и стало употребляться также в наречных оборотах (büliwsi-pčē „грустно настроенный“), при этом в устной речи появились его варианты — -pču, -pči (ŋeripču „горький“). Относительно многостороннего использования этой формы причастия в качестве прошедшего времени изъявительного наклонения мы ничего особого сказать не можем.

От вторичной глагольной основы на -mu- со значением волеизъявления (см. § 89,г) с помощью данного суффикса образовалась форма сослагательно-желательного наклонения с окончанием -mča, которая восходит, как особая форма, непосредственно к первичному глаголу (Кастрéн, тунг., § 78,3): anamča-w „я бы толкнул“, anamča-s, anam-ča, anamča-wun, anamča-sun, anamčä, anamčal и т. п.

Фонетический состав и значение причастия прошедшего времени, так же как и желательного наклонения, в различных диалектах тунгусского языка не отходят от принятых правил; в солонском, таким образом, мы имеем -ś- взамен интервокального -č-: biśäw, biśęw „я был“, biśes, biśis „ты был (ты есть бывший)“, biśę „он был (он есть бывший)“ и т. д.

В маньчжурском и гольдском языках, которым искони свойств на краткость гласных в окончаниях, -ča и -čä (-čę) путем сокращ ния или редукции гласного дало -či (фонетически следует сравн исходный падеж: монг. -ča = маньч. -či, см. выше, § 15): гольд. b „было“, holači „прочитал, читал“ (но в изолированном виде е и маньч. iče „новый“ > гольд. ičę „январь“ < i-, тунг. ī- „входит ср. тунг. īčē „супруг дочери, живущий в доме своего тестя; вош ший“). Однако это имя на исконное -ča уже не воспринимает в маньчжурском языке как прошедшее время — оно взяло на се функцию условного наклонения. Путем слитного написания с ман -be (= монг. ba „и, тоже“, монг. bol, тунг. mel, wel „даже“) „ тоже“, маньч. произвел свою уступительную форму (концессив) -čibe : očibe „если так и станет даже“ (be < ba, как в винительн падеже, см. выше, § 8,3). Впрочем, это не единственный случа когда язык выражает значение условности временнóй формой, указ вающей на нечто предшествующее во времени, ср. маньч. jabu sain „пошедшие — (есть, было бы) хорошо“ > „было бы хорош если б пошли“; монг. jabugsan sajin (то же) и монг. jabuba (< jabuba ele) sajin, букв. „пошел ведь — есть хорошо“. Логическ этому „в случае, если бы“ тождественно „предполагается, что“

4. *Корейский*. Образование на -ča в корейском языке несет двой ную функцию: во-первых, оно является деепричастием, выражаю щим действие со значением „как только, тотчас же, как только“ во-вторых, оно применяется для выражения призыва, приглашени к действию, как когортатив (1 л. мн. ч. или ед. ч. повелит. накл.) В обоих случаях это образование является общеупотребительны и имеет, по существу, одно и то же значение. Примеры: кор nagaǯa (< na ka-ča) ahädiri tara gatta „как только я вышел, дет убежали“, jagil mękča tho hajętta „как только я принял лекарство меня вырвало“ < букв. „лекарство съевший, рвать сделал я“ hamkkji kaǯa (сев.-кор kaǯā, kaǯāŋ „давайте пойдем вместе!“, pabi mękča „поедим-ка!“ букв. „рис съеденный (съевшие)!“, ara poǯa „давайте-ка разберемся в этом!“, букв. „знаючи — посмотренный (посмотревший)!“.

Окончание -ča развилось, вероятно, из *-č, имеющего значение перфекта, и -ā, являющегося частицей звательного падежа или конечным гласным; корейский язык унаследовал это окончание из древнего языка, но суффикс *-č (> *-ǯ-) следует сопоставить с тунг. *ča ~ čę.

§ 64. Суффикс -ksa (монг. -g-san)

В монгольском и тунгусском языках этот суффикс следует рассматривать как древний. Он встречается в качестве форманта причастия прошедшего времени в монг. -g-san, тунг. -ksa. В различных диалектах тунгусского языка -ksa фонетически развилось в -kša, -hsa, -sa, -ša, -ha: тунгВас. tętikse emęren „он пришел одетый“, тунгК. tätiksäl ämdä „они пришли одетые“, диалектное tätihsäl, tätihäl; ед. ч. tugi kękšę „так сделано, сообразно с этим, так“, мн. ч. tugi kękšęl или kęhęl (то же); тунгБ. tālā nęnękšę wāwča „туда ушедший, он был убит“, tālā gęnękšęl wawčal (wawčatin) „туда ушедшие, они были убиты“. В солонском языке -ksa перешло через -ktsa в -tša и -tša; в то же время рассматривавшийся выше суффикс -ča проявился как -sa. В некоторых тунгусских диалектах вместо *-ksa встречается либо только -k, либо -ksak, -ksaki (мн. ч. -ksakil, -ksakil). Вариант -ksakan осложнен уменьшительным суффиксом -kan. В монгольском языке этому тунгусскому причастию соответствует перфектная форма имени (Nomen perfecti) на -gsan [123], основой которого, таким образом, стала основа на -n. Отдельные примеры встречаются и в тюркском: тат. ülüksä (< ölüksä) „труп“. Алт. же и тел. paraqsan, шор. paraqsyn „нищий“ являются заимствованиями от монг. bara-gsan < bara- „приводить к концу, расточать“ (> якут. barā-), сближающегося с тюркск. bar- „проходить путь, идти“. В качестве заимствования находим мы -gsan и в киргизском языке (Юдахин, 274) körmöksön „не видящий, представляющийся невидящим“.

В современном монгольском языке это окончание звучит как (-ksan > -χsan) -san, в бурят. -han; произношение -gsan (-ksan) сохраняется только в архаизированном языке былин и священных изречений. Форма инструментального падежа этого имени употребляется во всех диалектах как деепричастие со значением отправного момента действия (абтемпоральное деепричастие): [124] jabu-gsa-gar, халх. jawsār, бурят. jubuhär „пошедши, с тех пор (или после того) как (он, некто, я) пошел, с уходом“; бурят. jabu-jabuhār „когда он шел и шел“ (не редупликация, а < jabun jabuhār?).

Сюда же может быть отнесен и „Perfekt-Gerundium“ на -sa в чувашском языке: pulʒa „ставши, будучи“, ilʒɛ „взявши“ (< il- „брать“, якут. yl-, тюркск. al- — то же; маньч. ali- „принимать, брать“) и т. д. (см. Ашмарин, стр. 296). Этот герундий в сочетании с вспомогательным глаголом tur- „стоять, быть“ дал формы изъявительного наклонения: pulʒattə̑m „я был“ < bolsa turdym (см. Ашмарин, стр. 292). Это образование, еще сохранившееся в чувашском языке как продуктивное, засвидетельствовано также в др.-тюркском, хотя примеры его весьма немногочисленны. В Орхонских надписях читаем (II, стр. 9): uluγ oγlum aγrup joq bolča quγ säŋünüg balbal tikä birtim „mon fils aîné étant mort de maladie, je lui donnais Hou, le Sängün, comme „Balbal“ (bolča взамен bolsa, как и bolčun взамен bolsun).

Однако для тюркского условного наклонения (тюркск. -sa, др.-тюркск. -sar, чув. -sa) следует найти иное объяснение. Здесь необходимо принять во внимание древний глагол *se-, хотя современному тюркскому он уже не известен (см. § 90). Этот вспомогательный глагол означает „говорить, полагать, желать, делать“, и его причастная форма на -r- представляла собой, естественно, *-ser (> -sar ~ -ser): bol-sar „в случае, если является“ мог первоначально быть чем-то вроде „стать полагающий“: ölsär „если умрет“ < „умирание

полагающий“ и т. п. Это -sar было окончанием условного наклонения в др.-тюркск. и уйг., а в якутском языке является им еще и поныне [125]. Во всех других тюркских языках в качестве окончания условного наклонения выступает теперь -sa без -r. В др.-тюркск. подлежащее условного предложения стоит в именительном падеже, но уже в уйг., а затем в ср.-тюркск. и в н.-тюркск. условное наклонение требует родительного падежа: др.-тюркск. anda barsar öltäči-sän „в случае, если туда пойдешь — будешь ты смерти“, букв. „там идти-желающий — умирающий (умереть долженствующий) есть ты“; уйг. kälsär sän „в случае, если ты придешь“, tapsar män „если я найду“, udnyŋ ölsär idsär „в случае, если бык околеет или заболеет“, букв. „в случае околевания или заболевания быка“; койб., карагас. satsam „если я продам“, satsaŋ „если ты продашь“, satsa „если он продаст“. Формы условного наклонения в современном языке снабжены притяжательными суффиксами [126], а не личными местоимениями, как это было в более древнем языке (sat-sar män); satsam „если я продам“ представляет собой, собственно говоря, „моя продажа, мое наличие проданности (чего-либо)“ (см. „Zum türk. Kond.“).

Однако весь вопрос в целом еще нуждается в более тщательном исследовании, и достоверным можно считать только герундивное образование на -sa, др.-тюркск. -sa (> -ča) в bolča, благодаря присутствию этого же образования в чувашском языке.

В корейском языке подобные суффиксы не засвидетельствованы (можно было бы предположить *-ksa > *-kk? -k?).

§ 65. Суффикс *-ba ~ *-bi

Все рассматриваемые здесь языки, за исключением корейского, имеют образование прошедшего совершенного времени с суффиксом *-ba ~ *-bi.

1. *Тюркский.* В тюркском герундивная форма совершенного вида (Perfekt-Gerundium) на -p (-yp, -up) является одной из наиболее употребительных. От нее нам известен в др.-тюркск. и уйг. вариант на -pyn, -pan (-ypan, -upan), который, вероятно, представляет собой окончание инструктивного падежа; н.-тюркск. вариант -pynaŋ (койб., карагас.) должен быть возведен либо к слову bynaŋ „с, посредством“ (< bilän < birlä) в сочетании с окончанием -p, либо к форме исходного падежа *-pyn-daŋ.

2. *Монгольский.* В монгольском языке -bai, -bei, -ba, -be является окончанием прошедшего совершенного времени — глагольной формы, которая употребляется только в изъявительном наклонении. Конечное -ai, -ei представляет собой обычное удлинение гласного в конце предложения. В дагурском диалекте значение этого суффикса настолько изменилось, что образованная с ним глагольная форма выражает также и настоящее совершенное время [127]. Это явление, возможно, должно быть объяснено более поздним тунгусским словоупотреблением и прежде всего — влиянием солонского языка: medewe i „знал = знает“, ugwei „дал = дает“.

К этому первичному образованию на -b, тюркск. -p, я склонен возвести также и ту монгольскую глагольную форму, которая в разговорном языке имеет окончание -ü-ǯa, -ü-ǯai, -ü-ǯä, а в калмыцком -wzä и выражает действие со значением некоего Dubitativus abhorrens, т. е. опасения за то, что произойдет, или уже произошло что-либо нежелательное: калм. bolwzä „чтобы это не случилось, я боюсь, как бы этого не было“, üwzä „как бы он не стал пить, чтобы он не выпил“, irüzä „как бы он не стал приходить“ или „не пришел бы“ и т. п. Обычное написание этой формы — -guǯei, -guǯai; ее фонетический состав восходит к некоему *-ba-ǯa, *-wa-ǯa, в котором, вероятно, можно усмотреть не что иное, как прошедшее совершенное время на -ba вместе с энклитически присоединенной частицей -ǯa, -ǯe „же, все-таки“.

Снабженное частицей -la или соединенное со словом asu „(это) было бы, (это) могло бы быть“, прошедшее совершенное время дает образования на -ba-la и -ba-su (< -ba asu), применение которых в качестве условных форм глагола обычно для монгольского языка: jabu-basu, jabu'asu „если идут, если бы пошли“, bol-basu, bolu'asu „если бы (это) было, если (это) есть“, ükü-besü, ükü'esü „если умирают, если бы пришлось умереть“; калм. ükäsü (то же); bügesü, монгНТ. bü'esü „если есть (будет)“; могол. -la, -lu „в случае если, если“ (< a-ba „это было, если было, если будет“); бурят., халх. jawawal (jaввal) „в случае, если пойдут или пошли бы“, irewel „в случае, если бы пришли“; бурят. bolbolo > bolbol > bol, халх. bolwol > wol „в случае если, если, что касается...“

При помощи же энклитически присоединенного монгЛ. ču, халх., вост.-монг. -tši, -tš'igs, бурят. -ši, -šigi „и даже“ возникла форма уступительного наклонения (Konzessiv); irebeču халх. irəw'tši „даже если и придут (они), хотя бы (он) и пришел“.

3. *Тунгусский.* Наличие этого образования мы считаем вполне доказанным в языках южнотунгусской группы (журч., маньч., гольд., ольч.), так как в них герундий, точно соответствующий тюркскому перфектному герундию, имеет конечный слог на -pi, где -i мог первоначально относиться к окончанию, но в такой же степени мог представлять собой и -i инструктивного падежа. В гольдском языке окончание -pi (сд. ч.), имеющее во мн. ч. форму -peri, может содержать в себе также возвратное местоимение -wi, -weri и, таким образом, реконструироваться как *-p-wi, *-p-weri, маньч. bifi, гольд. bipi „побывав“ [нем. (nach dem) gewesen (seiend)]; маньч. ofi, гольд., ольч. opi „став“ [нем. (nach dem)] geworden (seiend)]; гольд. biperi „побывав сами“, гольд. pulsipi; pulsiperi „пошедши (после того как я, ты, он, кто-либо пошел; как мы, вы, они, все пошли)“, enulupi „став больным, заболев“ (ед. ч.), enuluperi (мн. ч.) — то же.

В северотунгусском следует отметить отглагольное имя на *-b-kā > -w-kā, т. е. адъективное образование на -kä от некой формы

на -b: тунг. ṣawkā „знаток, знающий“, biwkē „жизнь, живущ (taŋ- „считать“), taŋiw-kā „(высчитанный) счет“. В значении эт имени ничто не опровергает предположения о том, что эта исх ная форма на -b является формой прошедшего совершенного в мени на -b, -p. Сюда же относится и настоящее-прошедшее д тельное (Nomen usus) на -w-ki, мн. ч. -w-kil, ср. наречное образова на -b в монгольском языке, осложненное -ki- („делать“?), наприм alab-ki- „на (вспрыгивать)“, ükü-b-ki „вперед (прыгать)“, ogüb „движение, как бы для даяния (сделать)“. К ним можно отнес и еще некоторые имена на -b, например: tölüb „форма, образ, ви tösüb „план, запланированное, умысел“.

4. *Корейский.* Сохранил ли корейский язык перфект на -b имеются ли в языке какие-либо свидетельства его существования остается невыясненным. Может быть, им является, например, t'i nada = t'e-nada (см. Underwood, 574, „to split“), где t'i- обознач „расщепить, расколоть“, а -ǯi- (< *di-) „становиться“. Пожалу можно, также предполагать его в уступительном деепричастии (и в „концессиве“) на *-o-toi ~ *-u-tui (см. Kor. Gr., § 197), считая, ч оно возникло из -w- (отглагольный суффикс) и tai, toi (tai „мес площадь“).

§ 66. Суффиксы: тюркск. -γ = монг. -ga,
тюркск. -γ = монг. -gu,
тюркск. -q = монг. -g

Мы говорим об этих различных суффиксах одновременно п тому, что их вряд ли можно отделять друг от друга. С точ зрения тюркских языков можно установить фонетическое различ между суффиксом -γ и суффиксами -q, -uq, причем тот же тюр ский суффикс -γ с точки зрения монгольского языка имеет ин происхождение и значение, поскольку он соответствует частич монгольскому -ga, частично же — монгольскому -gu.

а) Тюркск. -γ, монг. -ga (-uga, -ija), -gan (-ugan, -ijan), в ра говорной речи -ā, -ān; в тюркском это образование носит инфин тивный характер, в монгольском чаще всего обозначает результ действия. Фонетически древнее -yγ, -γ в зап.-тюркск. представле через -ū, в чув. — через -u, -w или „ноль звука“, в якут. через -ȳ, - -ī, -ū. В южно-тюркск. этот -γ в конце слова исчез, а в зап.-тюрк где -γ в исходе стал глухим, встречается либо -k, -q, либо „но звука“. В монг. наблюдается обычный ход фонетического развити т. е. стяжение обоих слогов в один долгий. Например: тюрк art- „нагружать“, artyγ „понагрузить, груз“; монг. ači- (< ar от aru „спина“) „грузить“, ačijan, калм. atsān, тат. artū „гру погрузка“; якут. yŋyrt-, ȳrt- „нагружать, навьючивать“, yŋyrt ȳrty „навьючивание, нагрузка, груз“ (< yŋyr-čaq „вьючное седло монг. iŋgir-čag — то же, чув. jəner „седло“); тюркск. tat- „быт сладким“, tatyγ „сладость“, tatyγlyγ „сладкий“, tatyγlyq „сладост сладостность“; тат. tatly, чув. tutlə „сладкий“; монг. tači-ja- „вку

шать, наслаждаться“, tačijal „наслаждение“; уйг. jama- „штопать“, jamaγ „заплата (?), починка“, jamaγlyγ „заплатанный“; тат. jamauly, казах. ǯamauly (то же); монг. ǯama- „чинить“, ǯamaga-tai, калм. zamā-tā „починенный, заплатанный“; монг. ǯamā „заплата“, тунг. namāda-, namāši-, nemēši- „исправлять“; ср.-тюркск., уйг. tu-γ „запирание, запор“, tuγ-la- „запирать, замыкать, запирать на засов“; койб. (с метатезой) tulga- (то же), tu-j-uq „засов, запруда, запруженный“; тюркск. bas- „теснить, жать, нападать“, уйг. basyγ „ночное нападение“, basyγma „нападая, нападающий“, ba-syγlyγ „напасть“ (существительное); якут. basyi- „побеждать, нападать“, basyjȳ „победа“ (< basyγ), „нападение, набег“; монг. basu- „подавлять, презирать“, тюркск., монг., гольд., маньч. basa „следующий, еще, тоже, другое“ (< bas- „теснить, напирать, следовать“); монг. ula- в слове ulari- „сменяться“ (о временах года), ulam „дальше, больше и больше“, коман. ulam „через, посредством“, монг. ulaga, калм. ulā „почтовые (лошади), почтовая станция“, тюркск. ulaγ „курьерская лошадь, курьерская служба“ [< тюркск. ula- „продолжать (вести), объединять“], тур. ulan- „примыкать“ [монг. > тибет. 'u-lag „почтовые (лошади)“; хинд., перс. ulag является, следовательно, широко распространенным словом культурного обихода]; ba- „связывать“, baγ „завязка“, монг. bagla- „завязывать“, *baγlaγ „завязывание“, *baγlaγlyγ, казах. baulauly „завязанный“, ср. калм. baglātā „завязанный“, кор. pa „веревка“, mai- „связывать“; монг., тюркск. qori- „запрещать, обуздывать“, уйг. qoryγ, qoruγ „круг табу“, монг. qorija „отделенная территория“, калм. χorā „часть города, квартал“; тюркск., монг. tari- „сеять, заниматься хлебопашеством“, тюркск. taryγ „злаки“, тур. dary, чув. tirə „семя, злаки“, монг. tarija „злаки“, калм. tarā, tarān, тюркск. taryγčy „хлебопашец“, монгЛ. tarijā-čin, калм. tarānči, tarāntšin „крестьянин“, ср. кор. nop-tiri „поле на возвышенном месте“, kip-tiri „поле в низменном месте“ (nopta „быть высоким“, kipta „быть глубоким“); тюркск. qap- „запирать“, qapuγ „ворота, дверь“, тур. qapu, qapy „ворота“, монг. qaga-, калм. χā- (< χāha-, < *χāfa-) „запирать“, калм. [128] χālga „дверь, ворота“; тюркск. jaz- „писать“, уйг. jazyγ „писание, письмо“, тур. jazu, jazy, тат. jazu, балк. zazū, чув. śirū „письменность, почерк, письмо“, śiruźə, караим. jazuvču „писец“.

Адъективным производным от этого древнего инфинитива на -(y)γ является тюркское причастие на -γma, которое употреблялось в др.-тюркск. и уйг. в качестве активного причастия настоящего времени, например: tänsi oγli jatyγma taγ „гора, где сын импера- тора (неба) возлежит“, baryγma „идя, идущий“, tegmä „говоря, так называемый“, ötügmä „проходя (проходящий)“ и т. д. Присоединившееся к -γ -ma еще и поныне является продуктивным адъективообразующим суффиксом в тунгусском языке (§ 58, 3, г). Также было присоединено окончание -li, а позднее — адъективообразующий суффикс -lyγ: jatyγma, jatyγly, jatyγlyγ „лежащий“; toγuγma, toγuγly, toγuγlyγ „встающий, выходящий (о солнце)“; satyγma, satyγly „продающий“ и т. п. Замещением -γlyγ „с (по-

мощью)...“ переходными глаголами передают, как правило, ст дательное значение, например: тат. jazū-ly „написанный“, sat „проданный“, birüli „данный“ *.

В соответствии с этими тюркскими производными в монго ском языке (халх., бурят., калм.) образуется страдательное при стие на -ātā (< -ga-tai ~ -ga-tu), например: ačija-tu, калм. ats „нагруженный“, baglaga-tu, калм. baglātā „связанный“, χagātā „ пертый“ и др. С помощью окончания -či (§ 116, монг. -či, -č обозначающего лицо, осуществляющее действие, было созд окончание имени действователя (Nomen actoris) — -gči, наприм jazyγči „писец, пишущий“, satyγči „торговец“, käligči „пришеле тат. jazūčy, satüčy, kälüči; birüči „податель“, alūčy „берущи якут. ylysyt „берущий“ и т. д. Тюркскому окончанию -gči со ветствуют в монгольском языке идентичные по значению -gči -gači, которые могут быть присоединены к любым глаголам, пример: монг. bičigči, bičigeči „писец“, tusalagči, tusalagači „поме ник, канцлер (государя)“, jabugči, jabugači „отъезжающий“; ка bitšātši, tuslātši, jowātši и т. д. Окончание -ači заимствовано в в -aččy якутским языком. В бурятских диалектах это имя действо теля превратилось в причастие настоящего времени, выполняю функцию прилагательного, например: irēši sak „наступающее вре < iregeči čag, с которым соотносится в казах. ötürükši zel „про зывающий ветер“ и т. д.

О глаголах на -γsa, выражающих волеизъявление в уйг. и с тюркск., см. в § 90.

От монгольских глаголов на -l- и -r- это образование давало ре лярно -lga, -lgan или -rga, -rgan, которые позднее были обобщены глагольным -lgan: монг. dasu- „привыкать“, dasulgan, dasulga „прив ка“, oju- (~ uji-, маньч. ufi-) „прикреплять, шить“, ojulga, ojulg „шов“ > тур. ojulγa „тетрадь“, монг. tat- „тянуть“, tatalga, tatalg „тяга, способ тянуть, канат (для перевязывания груза)“, barki (и наряду с ним baila-) „лаять“ (о собаке), тюркск. baqyr-, baqr baryq-ra-, baγyr- (то же); монг. barkirā, barkirān „вой“, barkiral barkiralgan „рев, рыдание“. Это образование появляется также в тунгусском: тунг. ǰava- „схватывать“, ǰavalgan „рукоятка, ручк tegę- „сидеть“, tegęlgen (> tēlgę) „скамейка (в лодке)“, egę- „в щаться, вертеться“, egęlgen „круговорот, вихрь“ и т. д.

б) Тюркск. -g, монг. -gu, -gun (-igun). Этот суффикс вст чается в многочисленных отглагольных прилагательных, наприм тюркск. qat-, якут. kat-, монг. qata- „высыхать, становиться тв дым“, тюркск. qatyγ, балк., казах. qatty, qaty, монг. qatagu (ка χatū) „твердый, сухой“, тунг. katan, якут. kytānaχ (qatan-aq) „кр кий“; тар. eriq, тат. arū, тур. ary, монг. arigun, калм. ärūn (> ман., чаг.), халх. àr'ūn̥, àr'ūn̥ „чистый, опрятный“, тунг. ariwun же), к монг. aril- „быть чистым, исчезать“, тюркск. art-, мо

* Следует обратить внимание на уйг. te-g, te-gmä, русск. „словно“, от ко рого *täg в зап.-тюркск. дало новую падежную форму: tüjödäi „словно вербл (по-верблюжьи)“.

arči- ~ arti- „чистить, мести“; тюркск. ačyγ „горький, кислый“, тур. aǰy, казах. aššy, тат. äčə, якут. asy, калм. atsʊg „горький“, ср. кор. ačhiropta- „to be pitiful“ (*ački- > atki- > akki-); тюркск. jylyγ „теплый“, казах. ǰyly, ǰylū, монг. dul, dulagan < jyly- „быть теплым“; тюркск. isig „горячий“, тур. issi, казах. yssy, алт. üzū к isi- „быть горячим“ < ономатопоэтическое *fis-; ср.-тюркск. batyγ „глубокий“ (тур., казах. batyq „затонувший“) < bat- „погружаться“, кор. ppa- „погружаться“; монг. qala „стать горячим, разгорячиться, нагреться“, qalagun, qalagu „горячий“, калм. χalūn „горячий“, χalūts- „разгорячиться“, чув. χut- (< χult- < qalt- < мар. olt-) „топить, нагревать“.

Однако монгольские адъективные производные на -gu являются не только отглагольными. Окончание -gu может быть присоединено как к имени, так и к именной форме глагола, например: ečine „заспинный“ (тюркск. ič „внутренность“, чув. aślə̑k „подкладка пиджака“), ečinegün „втайне, тайком“, sočimta „страх“ (< soči-, čoči- „испугаться“, гольд. čoča- „сбежать“, кор. čokki- < čoč-gi- „вспугивать, прогонять“), sočimtagu „трусливый, пугливый“, бурят. šošimtū „боязливый“; тюркск., чаг. ozaū, ozawu (kün) „позавчера, прошлый“ (oz-a „предшествующий“). Из отглагольных прилагательных (тюркск. на -g, монг. на -gu) в монгольском языке особенно широко употребительным является прилагательное от отыменного глагола на -si, например: тюркск. tämir-si-g „железоподобный, железистый“ (tämir „железо“, tämir-si- „становиться железом“), тур. demirsi; qul-sy-γ „рабский“, тур. qulsy (< qul „раб“); süči-g (< süt-si-g) „сладкий“ (< süt „молоко“ > сев.-тюркск., как и зап.-тюркск. ассимилированное čüčüg, čüčü, зап.-тюркск. позднее диссимилируют tüčü, казах. tüšü), тур. süǰü, süčü „сладкий“; др.-тюркск. sub-sy-γ „водянистый, водоподобный“ и т. д.; монг. temür-si-gü, калм. tömṛšü (наряду с этим tömṛśig, tömṛśiŋgi) „как железо, железоподобный, железистый“; nara-si-g, nara-si-gu, калм. narṇšig, narṇšiŋgi-narṇšū „как солнце“. Таким образом, в монгольском наряду с суффиксом -sig употреблялся и суффикс -sigu [129]; кроме того, существовал тип образования на -siŋgi, откуда впоследствии суффикс отделился и вошел в употребление как суффигирующееся слово, так же, как sū(temirsū „железоподобный, словно железный, железистый“) в алтайском диалекте. Поскольку в монгольском языке и еще кое-где наряду с -g весьма часто находят и -gu [ende-g „ошибка, заблуждение, ошибочный“, ende-gü, калм. endü „ошибка, ошибочный“ (< ende- „ошибаться, совершить преступление“), гольд. endeken „ошибка“, endektu „со многими ошибками“ (адъект.)], и оба суффикса, в адъективном употреблении, соответствуют тюркскому адъективообразующему суффиксу -g и субстантивообразующему -g и -ga тюркских существительных на -g, здесь было бы лучше всего придерживаться монгольского языка, т. е. предположить наличие двух первоначально различных суффиксов -g и -gu. Представляется возможным также, что монгольский -g во многих словах заимствован непосредственно из тюркского (на-

пример, bičig „письменность, письмо, почерк“, тюркск. bitig; čerig „войско“, тюркск. čärig; bilig „знание“, тюркск. bilig), а монг. -gu, -gun (> тунг. -wun) исторически закономерно соответствует тюркскому -g.

в) Тюркск. -q, -uq, монг. -g. Тюркский суффикс -uq встречается главным образом в словах, обозначающих результат действия, например: тюркск. ačuq „открытый, раскрытый“ (<ač-, гольд. aču- „развязывать“), anuq „готовый“ (anu- „приводить в порядок“, anun- „приготавливаться“); др.-тюркск., уйг. adruq, южно-тюркск., зап.-тюркск. ajruq „обособленный, особый“ (adyr-, зап.-тюркск. ajyr- „разделять, разобщать“; монг. aǯira- „освобождаться, умирать“; маньч. faǯira- „отделять“; гольд. padi „другой“; тюркск. adyn „другой“, adna- „изменяться“); тюркск. jazuq „ошибка, преступление“ [jaz- „промахнуться, совершить преступление“; тунг. dariški „в сторону, мимо“; кор. tarị- „быть различными“, tarịm „разница“; тюркск. (тел.) jazym „промах“]; ср.-тюркск. etük, казах. etik „башмак“ [(ср. чув. aвə̑ „башмак“; якут. ätärbäs „башмак“ < ät- „одеваться“, маньч. etu- (то же); домонг. *etüri-, тюркск. *ätür- „одевать“)], äträk „обшивка платья“ (<*ätä-, ät, монг. ete- „волочить по земле“, маньч. fete- „рыть“); ср.-тюркск. suduq „слюна“ < sud- „плевать“; тюркск. bučuq „расколотый, половина, сторона угла“, кор. ččok „один из пары“, ср. bučγaq „угол“; монг. buča-, тунг. muču- „возвращаться“; тюркск. yduq „святой“, якут. ytyk (> тунг. etik „жертвоприношение“) „свободно пасущийся, преподнесенный“ (< yd- „посылать, оставлять свободным“, монг. ida-m „священный“); тюркск. toq „сытый“ (< to-d- „насыщаться“, зап.-тюркск. toj- — то же, tojgur- „насыщать“, ср. тюркск. tol-, якут. tuol- „быть полным“, монг. to-sun „сало“); тюркск. jük „груз“ [< jü- „нагружать“, jü-d-, jü-k (то же), монг. ǯüge-, калм. zö- „нагружать, транспортировать“, тунг. (Василевич, Сл. I, стр. 53) d'ûwû-, d'ûgû- „ехать, перевозить сюда“, кор. či- „взваливать“, čim, čik „груз“]; тюркск. joq „нет, не, без, бедный“ (др.-тюркск., уйг. jo-d- „пропадать“); тюркск. tiläk „просьба“ [<„вымаливаемое“ < tilä- „просить“, монг. (монгНТ.) čilä- < кит.-кор. *ti „желание“, маньч. čiha (то же)]; тюркск. tu-juk „замкнутый“ (< tu- „замыкать“, tu-γ-la — то же).

В монгольском и тюркском особенно употребительно имя на -q от глаголов на -ra- „становиться чем-либо“ и на -sa- „желать чего-либо, иметь к чему-либо склонность“: уйг. ögräk „учение, учеба“, ögrä-n- „обучаться, учиться“, ög „ум, рассудок“, ö- „уметь, разуметь“; тюркск. kökräk, монг. kökereg, kökere- „голубоватый, довольно голубой“, тюркск. kögär „голубеть“ (окончание тюркской сравнительной формы -raq, -räk позднее развивалось самостоятельно, на это указывают такие примеры, как kögär- ~ kögräk); тюркск. ärsäk, нем. „mannstol“, монг. ereseg (то же), монг. erese-, нем. „mannstoll sein“ („быть без ума от мужчин“) < тюркск. är, монг. ere „мужчина“. По сравнению с глаголами на -sa образования с -saq имеют более обобщенное значение (§ 90):

Установить различие между исконными образованиями на -g- и образованиями на -q- в тюркском часто бывает трудно; это объясняется тем, что в результате оглушения -g- во многих диалектах (вост.-тюркск., сев.-тюркск.) согласные -g, -k и -q совпали, и различить образования на -g- и -q- стало возможно только по их значению. В монгольском также конечный -q ~ -k совпал с древним конечным -g. В тунгусском языке их различить несколько легче: если рядом с -g мы встречаем -w или -j, значит перед нами древнее образование на -g, что же касается -k, то он остался неизменным: тунг. buǯek „место погребения, могила“ < тунг. bu- „умирать“, buǯe- „кончаться, лежать при смерти“. Исконный -k мы находим и там, где в качестве суффикса, образующего вторичные глаголы со значением повторяемости действия (итеративные глаголы), применяется сейчас в тунгусском языке -kta-, в маньч. -ta-, а в гольд. суффикс -ktu- (Петрова, стр. 14), с помощью которого образуются также страдательные причастия прошедшего времени: гольд. holaktu „многократно читанный“ (< hola- „читать“), čapčektu mo „расколотые дрова“ (< čapči- „колоть, рубить“); тунгБ. kirgāktu „постриженный“ и т. д. Следует ли связывать элемент -tu в окончании -ktu (-ktu или -ktū) с монг. суффиксом -tu „с“ или, скорее, с неким предполагаемым -kta-gu — предоставляется выяснить будущим исследованиям. Если можно было бы считать, что гольд. holaktu возникло из более древнего *holaktagu, то его страдательное значение было бы легко объяснимо, и эта форма должна была бы быть соотнесена с монгольским страдательным залогом на -gda-: монг. jabu-gda- „быть ушедшим“, idegde- „быть съеденным“, iregde „быть вынужденным прийти, быть удрученным чьим-либо (надоевшим) приходом“ [130].

Имена на -k и на -g послужили основой для дальнейших производных образований: тюркск. -tu „замыкать, преграждать“, tuγla- (то же), tuγ „замо́к, запор“; монг. neu- [131] „переселяться“, маньч. nu- (то же), тунг. nu-kte- „кочевать“, nu-ǯek „стойбище“, nuk (то же) (Василевич, Сл. I, стр. 52); тунг., маньч. bu- „умирать“, bu-g (прилагательное), примерно, „смертельно больной“, bu-gle- „быть смертельно больным“, bu-sse „лежать при смерти“ (< bus-se „ждать смерти“); монг. ösür-, osüre- „брызгать“, ösü-gle „обрызгивать“; тунг. tuksa „прыгать“, tuksa-kta „прыгать туда и сюда“ и т. д.

Тунгусские глаголы на -kta-, имеющие итеративное значение, должны, таким образом, быть возведены к отглагольным существительным на -k-, а вторичные глаголы на -gla- должны происходить от отглагольных прилагательных на -g. Но вопрос о том, восходит ли монгольский страдательный на -gda к первоначальному -k или к -g, мы сейчас окончательно решить не можем.

В корейском языке -ag- ~ -ig вследствие смягчения звука -g-, ставшего спирантным, дало долгий гласный, в то время как исконный -k изменению не подвергся: кор. karo, сев.-кор. karg-i „мука́“ (< karag „мука́“, kar- „молоть“); čaro, сев.-кор. čarg-i „черенок“ (< čarag, ср.-тюркск. čal- „хватать, обвивать“, čalma „тюрбан

(чалма)", čalgu „коса (с.-х.), серп"; кор. kirek „длина" (< kil- „быть длинным", kiri „длина", khogiri „длинноносый" > „слон"); кор. nelbek „ширина" (< nel-, nel-b- „быть широким"); кор. namu, namo, namak „дерево, дрова" (< *namag, наряду с этим, быть может, и *namak), сев.-кор. namg-i, nämgi, naŋgi (то же); кор. kumu, kumen „яма, нора", сев.-кор. kuŋgi (ср. тюркск. köm-).

§ 67. Монгольские суффиксы -si и -s

В монгольском языке -si является окончанием отглагольного имени, которое чаще всего обозначает возможность или невозможность какого-либо действия, например: idesi ügei „несъедобный", idesītü, idesi-tei „съедобный"; jabusi ügei „непроходимый", jabusitu „проходимый" и т. д.; калм. oštē-jum bolχo „быть к чему-либо пригодным" (osi < o-, маньч. o- „становиться, devenir", кор. o- „приходить, venir"); idesi „кушанье", darusi „надгробный памятник" (< daru- „давить"), bulusi „убежище, сокровище" (< bulu- „зарывать"), asi „бытие" (< a- „быть"), kebtesi „место для сна, ночлег", tülesi „горючее" [132] и т. д. Следует заметить, что наряду с этой формой окончания встречается еще его осложненная форма на -gusi, в устной речи -ūši: idūštē „съедобный, возможный для еды", idūš-ügē „невозможный для еды, несъедобный"; это окончание восходит к *-bu-si, причем -bu представляет собой древнее окончание страдательной формы основы.

С монгольским -si может быть соотнесено тюркское -as-, -äs, которое во многих диалектах встречается с притяжательными суффиксами; и образования с этим окончанием имеют значение необходимости или возможности, например: тат. kiläsi bar „он должен прийти, он может прийти", biräsim kilä „я дам" (< букв. „мое даяние приходит"), казах. desimän (< desi-mnän „лишь только он это сказал бы (~ скажет)" [133]. Это тюркское образование тождественно чувашскому инфинитиву на -as; из чувашского, вероятно, заимствовал свой инфинитив на -aš марийский язык.

От этого -si следует отличать суффикс -s в монгольском, тунгусском и корейском языках, который присоединяется к именам для выражения внезапности попытки совершения действия или неожиданности явления. В монгольском языке эти имена носят характер наречий и связываются с глаголом ki- „делать", например: sagu-s ki- [134], калм. sūs ge- „присесть на мгновение (ср. финск. istahtaä — то же), сделать так, словно собирался присесть" ides ki-, „съесть маленький кусочек, перехватить кусочек, попытаться съесть", jabus-ki, калм. jawus ge- „подняться, чтоб идти, внезапно уйти". Этому, хорошо известному во всех монгольских диалектах словоупотреблению, в тунгусском языке соответствует употребление имени на -s с глаголом se-, маньч. se-mbi „говорить, думать, делать, быть (=кор. h , англ. to do, to mean, to be), например: тунг. bu- „умирать", busse- „быть близким к смерти, быть почти мертвым", busse-l- „быть смертельно раненным"; duku- „писать", dukussa- „пытаться писать (т. е. не умея)"; gun- „говорить", gunisse „тщетно пытаться что-то сказать"; d'ewu- „есть", d'ewusse- „хотеть съесть, (тщетно) ринуться на пищу". Сюда же относится еще тунг. -so- „становиться, делать" (Василевич, Сл. II, стр. 206): nasa- „махнуть (рукой)", nasas o-, nasasō „махнуть разок", что и дало окончание -sō- для образования отглагольных глаголов, ср. гольд. -so-, -su- в качестве отглагольного суффикса (Петрова, стр. 18); затем, например, тунг. kuni- (< kuu-ni-), „куу-кричать", kunis „зов, сигнал", kuniso- „сигналить"; тунгЬ. keŋgu- „колотить", keŋgu-s „стук" (ср. монг. keŋgerge „барабан"), gilta-s „блеск" (тунг., гольд. giltala „блестеть", giltali „блестящий"); монг. alus „через, прочь, далеко" (< *alu-, *al-, ср. alqu-m, alča-m „шаг"; маньч. aiχu-n „шаг"; тюркск. aš- „перешагнуть"; чув. ut- „шагать, перешагнуть" < *al-t-); монг. ulas ki- „отливать красным"; ср.-тюркск. ulas köz „налитый кровью глаз"; монг. ǯokis „порядок, размеренность" (< ǯoki-, ср. тунгС. ǯoki-rkān- „отправлять", ǯokē- „привести в порядок" < монг. ǯoki-ja- ~ ǯoki-ga-).

В корейском языке этому образованию соответствует сложносоставное образование из -s и ha- (< *he- < *se-), например: pulk- „быть красным", pulgin „красный", pulgit pulgit „там и сям красное, местами красное", pulgit pulgit ha- (написание pulgis) „немного отсвечивать красноватым"; hji- „быть белым", hjin „белый", hjit hjit „беловатый, с белыми пятнами", hjit hada или hjit hjit hada „быть беловатым, отсвечивать белым"; tti- „всплывать кверху, вытекать на поверхность", ttit ttit hada „всплывать то там, то сям"; pari- „быть едва достаточным", parit hada — то же (ср. монг. burugtai „едва достаточный").

§ 68. Суффикс -ri, тюркск. -z

Как в корейском, так и в монгольском и тунгусском мы находим некий суффикс -ri, которому в тюркских соответствует -z. В монгольском языке отглагольные имена, образованные при помощи этого суффикса, имеют чаще всего значение места, предмета или средства действия, например: baji- „быть, стоять, пребывать", bajiri „стоянка, место жительства"; sagu- „сидеть", sauri, saguri, калм. sūri „сидение, стул, место оседлого жилья" > гольд. sauri „банка для гребцов (скамья в лодке)"; bogu-, калм. bō- „зашнуровывать", bōm „ущелье, теснина", bōri „ущелье, теснина", bōrila- „задушить", тюркск. boγ-, зап.-тюркск. bou- „зашнуровывать", уйг. boγuz, зап.-тюркск. bouz, якут. buos „шея", вост.-тюркск. boγuz ~ boγaz „шея" > „корм, еда"; тюркск. taraz „чесаное волокно", tara- „чесать", taraq „расческа", калм. tar „длинные волосы"; тюркск. qumyz, qumyz „кумыс", калм. kimr (< *kimur или *kimuri) „кислое молоко, разбавленное водой", тюркск., уйг. qym- „взбалтывать, перемешивать"; уйг. qolawuz „руководитель", тур. qylavuz (< qol „рука" и *awuz = монг. aburi „взятие", ср. тюркск. awuč „рука, ладонь, горсть", монг. abuča, койб. ōmas, „тупой" < *aw-maz „не

берет, неберущий"); тюркск. köz „глаз", ср. kör- „глядеть", таким образом, либо *kö- „глядеть", köz „глаз", либо kör- и *kör-z, напротив, чув. kuś „глаз" < kur-ś „зрение" < *kör-č, тюркск. körüš, или еще kör-č как уменьшительное от *kör = тюркск. kör (*kö- в монг. ene-kü „le voici", кам. koje- „глядеть"); тюркск. iz „след", izdä- > istä- „преследовать, следовать за" < *iri, ср. ijä „следующий", ijin (то же); тунг. ǯebu-, гольд. ǯerči- (> ǯebuti-) „есть", ǯeputi „кушанье", ǯepu-lte „съестные припасы"; кор. ča- „лежать", čari „кровать, матрац, место, площадь"; тунг. d'ari-n „вместо" = маньч. ǯalin, ǯarin „ради, по причине"; маньч. śeri „источник" (śe- „проистекать"), кор. se- (sai-) „выступать наружу, всходить (о солнце)", sem „источник" (< saim), semek „предрассветные сумерки"; тюркск. tyrqaz „шлагбаум" (Радлов, III, 1325), tyrqa- „замыкать", маньч., монг. čirga „замыкать ворота"; гольд. nomeralaor „нумерование", nomerala- „нумеровать", selkočcori ǯō „баня", selko- „мыть".

В гольдском языке это образование на -ri имеет значение неопределенного наклонения и используется как в действительном залоге, где имеет вид -ri, так и в страдательном — в виде -ori, -uri -guri < *-wuri. Окончание *-wuri то же самое, что в монг. -guri, -buri: eǯele- „господствовать", eǯele-gūri „государство", калм. ezelwr, бурят. ezelūri „господство, государство, правление", surgaburi „учение, преподавание"[135], калм. surgūli и т. д. Тот факт, что первоначально окончанием здесь было *-buri, а не -guri, доказывают такие постконсонантные примеры, как монг. kilbūri „действие" (< ki- „делать", тюркск. qyl- „делать"); ölbūri „мор, эпидемия" (тюркск. öl- „умирать", монг. ölūs-, тунг. ülbū-ni-, ülbi-ni- „умирать с голоду") и др. Из монгольского заимствовано якутское имя на -bur: tölöbür „оплата, оплачивание" и т. д.

И напротив, редкий тюркский тип словообразования на -mur должен был бы представлять собой имя на -r от вторичного глагола на -mu-, например: jaγmur „дождь" (jaγ- „идти дождю"); уйг. almyr „жадный" (al- „брать"); казах., чаг. kejmür „одежда, оболочка" (kej- < ked- „одеваться"). Подобно этому и монг. ködel-mür-či „работник, работящий" < ködel- „двигаться", ср. уйг. ködüg „работа, дело".

Сюда же, вероятно, относятся такие тунгусские именные образования, как kenarin „ржавчина" (kena- „ржаветь"), если только они не образованы по аналогии с бурятскими заимствованиями.

§ 69. Суффикс -l

Образования на -l, которые являются прежде всего именами со значением прилагательных, применяются в монгольском, а также в тюркском и тунгусском, хотя в двух последних из названных языков они, кажется, могут быть истолкованы и как монгольские заимствования. Примеры: монг. tani-l „знакомый", ср. тюркск. tany-š — то же (< монг. tani-, тюркск. tany- „знать", *tā-ni-, ср. тунг. tā- „знать"); монг. tugul „теленок" (тюркск. tuγ- „рождаться", tuγ-ur- „рожать", tuγ-ma „рожденное (= братья и сестры)"; монг. ajil, уйг. aγyl, казах. aul „аул" (тунг. ag- „прибывать"); тюркск. qysyl „ложбина, ущелье" (< qys- „сжимать, сдавливать", монг. kisa- — то же) = монг. kisal „гнев, сердитый" (ср., далее, уйг. qysqa, тур. qysa „короткий, тесный"); уйг. amul, amyl „покой, спокойный", монг. amur — то же (тунг. a-mu- „хотеть спать"); тюркск. qyzyl „красный", чув. ǯərlə „красный" (тюркск. qyz- „покраснеть, пылать, раскалиться", монг. kira-ga, калм. kirā „утренняя заря"); тюркск. osal „плохой", монг. osal „промах" (osa-, тунг. usa- „запускать, пренебрегать чем-либо, промахнуться", якут. usa-ra-ǯsyn „весьма плохой, неудачный" < монг.); ср.-тюркск. qartal ät „полосами нарезанное мясо" (ср.-тюркск. qarta- „разрывать"); чаг. jatul „вотчина, округ" (jat- „лежать"); тунг. kūsil „борьба, война" (kūsi- „биться") = kūsiri.

Тюркские образования на -l ограничиваются небольшим числом слов, но прилагательные на -syl от отыменного глагола на -sy- общеупотребительны так же, как прилагательные на -sy-m-aq, -sy-m-an, -sy-m-al и -sy-γ, например: aq „белый", aqsy- „быть беловатым", тат., уйг. и др. aqsyl, казах. aqsymaq, aqsyman, уйг. aqsyγ, алт. aqsü „беловатый"; kök „синий, зеленый", тат., уйг. и т. д. köksül, балк. köǯsüldüm „синеватый, зеленоватый"; ср.-тюркск. ar „желто-красный", ср.-тюркск. arsyl „впадающий в желто-красный цвет" (> *arsylan > arsalan „лев"?)[138]; уйг. or „светло-серый" > orsul; qara „черный", тур., коман. и др. qarasyl „черноватый"; joq „безбедный, не", тур., коман. joqsul „ничтожный, неимущий"; qum „песок", qumsul „песчаный" и др.

Рассмотрев внимательно некоторые из приведенных выше примеров, мы можем заметить, что это образование на -l- имеет перфектное значение. Поэтому можно предположительно допустить, что это образование этимологически связано с монгольским настоящим совершенным временем на *-luai (в письменной традиции -lugai, -lügei, в устной -lä, -lā, -lāi, -lāi). Эта глагольная форма обнаруживает весьма характерное для монгольского языка удлинение гласного в конце предложения, но наряду с этим мы находим и более краткую форму на -l, например: jabulugai „пошел, ушел", irelügei „пришел, уже здесь", халх. jawǝlā, irlä, калм. jowlä, irlä, но и калм. ta jowl̥-ta „вы же пошли", tši irl̥-tši „ты уже здесь", калм. bilā „было", biltā „это же было и должно быть; вероятно", bilü „было ли (это)?"

Наряду с первичными образованиями, например: ükül „смерть", urusul „поток, течение", qarai „вид", törül „рождение", qarijal „проклятие" и др., встречаются часто типы образований, произведенные и от вторичных глагольных основ; в дальнейшем эти образования продолжают развиваться как имена, например: ükü-del „смерть, умерший, труп" (-da- представляет собой суффикс страдательной основы)[137], jabudal „образ жизни, поведение" >„проступок" (> тел. jabytal „грех"), bajidal „бытие > природа > свойство"; urusqal „поток, течение" (-ga- окончание для фактитива), magtal,

magtagal „хвала, хвалебная песнь“, калм. maktal и maktāl; amisqal „дыхание“ (amis- „дышать“, amin „жизнь“), e'üskel „начало, creatio“. Здесь же следует упомянуть и еще об одном образовании — образовании на -bul (написание: -gul), например: qaragul, тюркск. qaraul, халх. χarūl „наблюдатель, караул, караульный пост“ (монг., тюркск. qara- „рассматривать, наблюдать“), managul, халх., калм. manūl „ночная вахта (дежурство), наблюдение“ (mana- „дежурить ночью“), ǯasagul „власть порядка (дисциплина), офицер (есаул)“ (ǯasa- „приказывать“) и др. (окончание *-bul ~ -gul является также страдательно-фактитивным). Перед суффиксом -sun, придающим образованию оттенок конкретности, -l- в силу фонетических закономерностей выпадает, например: argal ~ argasun (< *hargalsun, маньч. faǯan, койб. aryq) „навоз как топливо (кизяк)“, sakigul „покровитель“, sakigulsun „амулет“.

Тип образования на -ul, -gul, -aul (ср. Bang, Vom Kök-türkischen zum Osmanischen, стр. 56 —), являющийся в тюркских языках монгольским заимствованием, стал продуктивным в (чагатайском) литературном языке, например: уйг., чаг. bägäul „кравчий“ (Радлов, IV, 1581, ср. кор. mek- „есть“, SKE, стр. 145). Примеры из якутского языка доказывают, что мы имеем здесь дело с неким *-bul, в котором -l было присоединено к суффиксу страдательной основы -bu-, например: „надежда“ äräbil (äräl, ärältä, äränńi, äräni „надежда“), ärä-, äräп- „надеяться“, anabyl ~ anal „приказ“ < anä- „приказывать“, tirābil „опора, поддержка“ (койб. tiral „опора“, казах. и т. д. tirāk — то же) < tirä- „поддерживать, подпирать“, toχtobul „место остановки“ < toχto- „останавливать“. Удачную аналогию этому -l ~ *-bul представляют собой упоминавшиеся выше -ri ~ -buri и -si > -busi. Появляющееся здесь -bu- — древнейшее окончание страдательной основы; подробнее мы рассмотрим его в § 77.

В монгольских производных образованиях на -lta имеется тот же самый вносящий оттенок конкретности суффикс -ta, который присутствует в монгольском -m-ta: quri- „собирать“, qurīl „сбор, собрание“, qurilta „место собраний, курултай (= парламент)“ и т. д. (ср. выше, § 58,2, а также § 126).

§ 70. Суффикс -gan

Суффикс gan-, применяющийся как в тюркских, так и в южнотунгусских языках для образования причастий прошедшего времени, представляет собой, пожалуй, составную форму из -ga-, с помощью которого образуется вторичная глагольная основа, и -n.

В тюркских языках оно постепенно вытеснило старое причастие прошедшего времени на -n, которое ныне живет только в чувашском языке (-n, -nə). Причастие на -gan обозначает длительность состояния или, употребляясь в функции прилагательного, — результат действия [138]. В тюркском, спрягаясь с личными местоимениями, оно часто выполняет в предложении функции сказуемого; встречается также и в сочетании с притяжательными суффиксами (Алт. гр., § 425). В гольд., ольч., негид. ему соответствует причастие прошедшего времени на -ha, -han, а в маньч. на -ha. Имеющаяся здесь вторичная глагольная основа на -ga-, вероятно, тождественна тому фактитивному образованию на -ga-, которое принято в монгольском и тунгусском языках.

Примеры: ср.-тюркск. uγan „всемогущий, бог“ (u-, якут. uj- „мочь“; чув. -i в слове puli „возможный“); тюркск. alγan „взятый, супруга“, тур. alan; bolγan „бывший“, тур. olan; уйг. erkan „бывший“, тур. ikän; уйг. qačγan „бежавший“, тур. qačan, тат. qačqan, казах. qašqan, койб. qasqan; уйг. ojnaγan „игравший, играющий“, казах. ojnagan, койб. ojnan; уйг. basγan „давящий, угнетающий“; алт. ölgön „умерший“, ölgönim „я пропал (погиб)“; койб. kilgän, kelgän „пришедший“, с личными окончаниями kilgäben „я приходил“, kilgäzän „ты приходил“, kilgän „он приходил“ (II форма прошедшего у Кастрѐна); уйг., койб. turγan „стоявший, стоящий“, койб. turgabyn „я стоял, я стою = я (есть, был) стоящий“, turgazaŋ „ты стоишь = ты есть стоящий“, turgan, turgabys, turgazār, turgannar, карагас. turgannyn, turgansyn, turgan, turganbys, turgansilār, turgannar. Применяемый в качестве модального вспомогательного глагола turγan в тел., алт., тар. претерпел сильное сокращение, например: уйг. ala turγan „беря стоящий; тот, что то и дело (или как раз в данный момент) берет“, тар. aladuγan, alatqan, алт. alattan; таким образом, тар. -aduγan, atqan, алт. -a-ttan имеют теперь значение окончаний длительного (дуративного) или прогрессивного причастия настоящего времени (ср. Schriefl, KSz, 15, стр. 277).

Различные падежные формы этого причастия выступают в функции глагольных определений; тюркск. alγanča, alγandan и т. п. Более древние образования такого рода часто субстантивировались, например: балк. köpköm „опухоль“ (köp- „опухать“); балк., казах., тат. tuγan „ребенок, брат, родственник“ (tū-, уйг. tuγ- „рождаться“); ср.-тюркск., балк., чаг. qazγan „котел“, тат., казах., тур. qazan (< qaz- „выкапывать“, ср. кор. kal- — то же, kallä „застуц“); балк. qalγan „остаток, объедки“ [qal- „оставаться (позади)“]. В монгольском языке такие примеры единичны: jabugan „пеший (идущий пешком)“, bolgan „каждый“ [139] (bol- „быть возможным, становиться“; edür bolgan „каждый день“, eečügen, öčügen „прошедший“, eečügen edür „вчера“; быть может, и mergen „умный, ловкий“. Из северотунгусского также могут быть приведены лишь единичные примеры: сол. gunę-gen „именно (по имени), так сказать“ (= тунгБ. gūnmūri < gun-bu-ri < gun-, gunę- „говорить, называть“, кор. ku- „говорить“). Продуктивной эта форма суффикса была только в южной области распространения тунгусского языка, т. е. в маньчжурском, гольдском, в языке ольча и негидальском. Прошедшее время здесь мы встречаем либо в функции причастия, либо сказуемого — в маньч. на -ha (-ka в позиции после -n-), в гольд. на -ha или -han, в негид. на -χan, -kan: гольд. holahan „читавший“, holaham-bi „я читал“, si holahan или holahan si „ты читал“, holahan nai „чело-

век, который читал“, holahasal „читатели“, holahandu „во врем
чтения; при том, который читал“; eneken, enehen „пошедший
enehem bi „я пошел“, enehesel „последние“, enehen de „с уходо
(при уходе)“, „при (у) последних“ (ene-, сев.-тунг. ŋene- „идт
ходить“); маньч. bihe „был, бывший“, bihe bi „был (побывал
bimbihe (< bime bihe) „был существующим, существовал“; ali
„предпринял, предпринимал“, oho „становился, стал“, ǯuanka „откры
вал, открыл“. В маньчжурском языке, где прошедшее время на -h
применяется и в качестве изъявительного наклонения, и в качеств
причастия, и даже в качестве имени, существует еще форма, прои
веденная от того же прошедшего времени с окончанием инструкти
ного падежа на -i, которая употребляется самостоятельно ка
деепричастная глагольная форма: -hai, -hei (Захаров, Гр., стр. 193
например: te-he „сидел, севший (сидевший)“, tehei aliambi „усевшись
я жду, я уже долго прождал“; aŋga ǯuankai „постоянно раскры
вая рот, с открытым ртом“ (aŋga, тунг. amga, монг. ama-gai).

В гольдском языке подобное же прошедшее время образуетс
от страдательной основы: bihen „был, бывший“, biuhen, biuh
„пережитое“, biuhendu „в прошедшей жизни“ и т. п. После о
нов с долгим конечным гласным, в последнем слоге сохранило
признак страдательного залога -b-, а -bgan путем метатезы превр
тилось в -gban, например: гольд. śea-gban „съедобный“ < *śea-b-ga
(< śea-bu- „быть съедаемым“ < śea- „есть“).

В корейском языке хотя и существуют вторичный глагол
-ga- и отглагольное имя на -n, нет никаких примеров образовани
на -gan, -gen.

§ 71. Суффикс -gin

В соответствии с суффиксом -gan суффикс -gin также долж
быть возведен к древнему причастию на -n- от вторичной глагол
ной основы: тюркск. -q- ~ -yq- (непереходное или страдательное
монг. -ji- (< -gi- страдательно-инкоативное); кор. -gi-, -i-; тунг. -g
(каузативно-инкоативное), например: монг. ön-dü-r „высокий“ > ö
dü-ji- „подниматься“ (тюркск. ön- „размножаться“), gudu-s „книз
вниз“, gudu-ji- „сгибаться книзу, нагибаться“, kelte-ji-, gaǯi-j
arǯa-ji-, irǯa-ji- и т. д. (откуда прилагательные на -gi-r > -gar
тюркск., уйг. kön-ük- „становиться загоревшим“ (kön-, köń- > kö
„гореть“); ur-s-uq- „быть побитым“ (ur- „бить“); bil-s-ik- „стат
знакомым (познакомиться)“ (bil- „знать“); sy-n-yq- „разлетаться
щепы“ (syn- „становиться расщепленным“, sy — „расщепляться“
ur-n-uq- „толкаться“ и т. д. Этот способ образования продолжае
существовать еще в корейском языке, в так называемых возврат
ных (реверсивных) образованиях, например: jel- = „открывать
jelgi- „становиться открытым“ или „велеть (позволить) открыть
jelgin „открывшийся, открытый“; sek- „перемешивать“, sekki
„становиться перемешанным“ или „быть перемешанным“, sekki
„перемешанный“; akki- „жалеть, сочувствовать, быть бережливым
akkin „бережливый, сочувствующий“ (ср. ači-rob- „испытыват

сострадание, чувствовать огорчение“, тюркск. ačyγ „горький“,
ačyn- „соболезновать, сердиться, огорчаться“; монг. ačug „горечь,
гнев“), следовательно, кор. akki- < *ač-ki „вызывать горечь“; mut-
„загрязнять“ (тунг. šaŋna-mutči- „становиться закопченным“), при-
частие прошедшего времени mudin, mukki- (< mut-ki- „быть за-
грязненным“), mukkin „грязный“. Этому вполне соответствует способ
образования отглагольных прилагательных в гольдском и в языке
ольча, например: ольч. igin, ikin „новый“, ср. маньч. ice „новый“
от глагола i- „входить (наступать)“; тунг., лам. d'alu- „насыщать-
ся“; гольд. ǯalu- „быть полным“, ǯalub- „становиться полным“,
ǯalokpin, ǯalopkin, ǯalowkin „полный“, ǯalopči- (< ǯalubti-) „на-
полняться“ (монг. ǯalga- „продолжать, выполнять“); гольд. hugde-
„терять“, hugdep- „теряться“, hugdepkin „утерянный“; daora- „внезап-
но сбываться“, daorakpi „внезапно, неожиданно“; beje- „замерзать“,
bejekpin, bejepkin „замерзший (замороженный)“ (монг. bere „коченеть
от холода, замерзать“); гольд. elgin „достаточный“ (прилагательное),
elginǯi „достаточно“, ср. монг. eleged-e „обильный, достаточный“,
тюркск., шор. äšlig, тат. išlä „обильный“ (< äšlig, тат. išlä-n- „раз-
множаться“), дотюркск. *eleŋgi > венг. elég, далее монг., тюркск.
elbe-g „обильный“, коман. ölbök; гольд. holo- „загрязнять“, holopkin
„грязный“; haǯe-, haǯera- „голодать“, haǯerapkin, haǯerakpin „голод-
ный“ и т. д. Таким образом, отглагольное прилагательное в гольд-
ском языке образуется чаще всего от страдательной основы глаго-
ла, а окончание -pkin путем метатезы переходит в -kpin.

В тюркском к данным образованиям относится отглагольное
прилагательное на -γyn, -qyn [140], например: jaqyn „близкий“ (< jaγu-
„примыкать“); qačqyn, qačγyn „робкий, беглый“ (< qač- „бежать“);
učqun „пробегающий, искра“ (< uč- „летать“, монг. usqu- „улету-
чиваться“); саг., казах. ötkün „острый, пронзительный“ (< öt- „про-
ходить насквозь“, ötä- „через“ < кор. puthe „via“, „через“ < put-
„прилипать, оставаться“); тел. orqun „пучина“, orqus—то же, or- „со-
сать, пить“, казах. orpa (< *or-ma) „синяк, кровоподтек“, монг. uu-
(< *uwu-, *up- „прихлебывать, пить“), тунг. nupkusin- „сосать“, nupku-
plin „сосок“; чаг., тур. azγun, тур., тат. azγyn „неистовый, злой, ис-
порченный“ (< az- „потерять рассудок“); тур. aśqyn „превосход-
ный, лучший, нежели...“ (< aś- „превзойти“, чув. ut- — то же <
ult- < дотюркск. al-ti-, ср. монг. alus „далекий, свыше“); уйг. tirgin
„толпа“ (< tir- „собирать“); тюркск., уйг. örgin „трон“ (< ör- „всхо-
дить“, монг. örgege, калм. örgē „Урга“); саг. orγun „время жатвы“,
шор. orγyn „жатва“ (< or- „жать“, orγaq „серп“); чаг. alγit (?,
быть может, монг. мн. ч. от algin, alγyn) „проценты, налог“ (< al-
„брать“, откуда также и чаг. уменьшительное alγinčaq, alγunčiq
„щипчики“). Новые причастные образования этого типа в настоящее
время в тюркских языках уже как будто не встречаются, однако,
будучи оформлены падежным суффиксом -ča, они еще и сейчас ис-
пользуются как наречия, например: уйг. män kälginčä „пока я не
приду“, küci jitginčä „пока хватит сил“, тур. görünǯe „лишь только
он увидел“, gelinǯe „когда, пока, как только он придет“, almajynǯa

„не беря“, aqšam olmajynǯa „пока еще не наступил вечер, до наступления вечера“. В качестве равнозначной формы этот суффикс имеет в большинстве тюркских языков общий тип деепричастия: в тур. -dykča-, койб., карагас. -ganča и в вост.-тюркск. -γuča.

§ 72. Суффикс -gak

Как нам кажется, этот обычный для монгольского и тюркского формант прилагательного возник тем же путем, что и сложно-составное -sa-q, -ra-q, -si-g (тюркск., тур. -si; монг. -sig, -siŋgui, -siŋgi) и др. [141] Основой послужил, вероятно, вторичный глагол на -ga- (= монгольскому фактитиву) и отчасти некий отыменный глагол на -qa- или -rqa-. Примеры: уйг. qorqaq (< qorq-γaq) „боязливый, робкий“, iεgäk, iεkäk „вампир“ (< iε- „пить, сосать“), orqaq „болото“ (< or- „засасывать“); вост.-тюркск. uruŋaq „тот, кто постоянно чешется“, tišlägäk „грызун“, unutγaq „забывчивый“; балк. qurgaq, qurug, тур. qura „сухой“ (< qur- „быть сухим“, qurγa- „сушиться“). Монг. elgeg „сито“, кор. elgemi, тел. älgäk, алт. ilgäk, тат. iläk — то же (< тюркск. elgä-, el- „просеивать“); тюркск. byčγaq, byčaq „нож“ (< byč- „резать ножом“), казах. orγaq „серп“ (< or- „жать“), eškäk „весло“ (< eš- „грести“) и др. указывают на явно инструментальное (орудийное) значение этого суффикса, засвидетельствованное и в двух корейских словах того же типа; pigak, pigek „серп“, в сев.-кор. pigakči hada „жать серпом“ (pi- „жать“) и čugek „ложка для риса“, „черпак“ (čū- „давать“). Монгольский язык обычно пользуется для образования имен орудий и инструментов суффиксом -gu-r: tülki-gür „ключ“ (< tülki- „всовывать“); bari-gur > bariul „рукоятка“ (< bari- „хватать, брать“); arči-gur > arčūl, arčūr „полотенце“ (< arči- „сушить, чистить“). Одновременно тот же самый суффикс -gur служит для образования имен, выражающих „склонность“ к чему-либо: aŋgalǯa-gur „ротозей, птенец“ (< aŋga-lǯa, aŋga-ji „быть открытым“, aŋgar-qai „открытый“, aŋ „отверстие, щель“) и т. д.

К глаголам на -qa- относятся, например, уйг. jarlyγ-qa- „предписывать, приказывать“, irinč-kä- „сочувствовать, соболезновать“, так же, как монгольско-тюркский тип словообразования на -r-qa-, например: монг. boja-rqa- „вести себя по-барски (как барин)“, baja-rqa- „бахвалиться (хвалиться своим богатством)“; уйг. alpyrqa- „хвалиться своими геройскими подвигами“ (< alp „герой“, кор. alph-ä „перед, впереди“ > aphe — то же); монг. bāturqa- „быть задорным“; монг., халх. čulūrχa- „быть очень каменистым“, čulūrχak gadzar, čulūrχu gadzar „каменистая почва“, usurχak, usurχū „слишком водянистый“ и т. д.; монг.-тюркск. sojurqa- „быть милостивым, разрешать“ (< soju-l „свет“, тунг. sojul-bu- „освещать“, халх. aradin sojol „народное просвещение“; Банг и Габэн выводят sojurqa- из кит. tsu „добрый“).

§ 73. Суффикс тюркск. -duq, монг. -dag

В монгольском языке имеется глагольное имя на -dag [142], которое означает привычность действия. Поэтому я и назвал его Nomen as (см. ККМ, стр. 30). В тюркском ему соответствует имя на uq (и наряду с ним также на -s-uq), которое представляет собой я на -q- от вторичной глагольной основы на -d-, -t-. Подобная рма еще и ныне существует в тунгусском языке, где она имеет чение длительного вида (континуатива). Как способ ее образования (с помощью -t-, -d-), так и ее значение, пожалуй, весьма одны с теми формами в тюркском и монгольском языках, которые были приведены выше, хотя эти языки уже не знают подобх образований. К имени на -duq, которое в якутском языке учит ныне как -taχ, -tag, настолько приближается некая используемая в тунгусском, особенно в негидальском, глагольная форма -dig, что их тождественность может считаться доказанной, пример: негид. bidigin „он существует, он живет“, негид. gę-nin ba-dig-in, gę-nin wā-dig-in „один (из двух охотников) обыкновенно рпел неудачу (alba- „не мочь“), другому всегда удавалось набить чи“ (wā- „убивать“), где элемент -in является суффиксом 3 л. ед. ч.

В тюркском более древнего периода имя на -duq, -dyq употреблось еще и как особое именное образование от глагола, но, скольку прошедшее время на -dym, -dyŋ, -dy (ед. ч.) и соответвенно -dymyz, -dyŋyz, -dylar (мн. ч.) как фонетически, так и мантически выполняло очень близкую к нему функцию, — образование на -duq (-dyq, -dük, -dik) примкнуло к данной форме прошедшего времени и вытеснило форму 1 л. мн. ч. [143] Таким образом, парадигме прошедшего времени многих языков, особенно же ркских диалектов южной группы, мы видим ныне в качестве кончаний единственного числа -dim, -diŋ, -di, а в качестве окончаний множественного числа -dik, -diŋiz, -dilar. После того как тот -q, -k стал восприниматься как характерный признак 1 л. мн. ч. рошедшего времени, он постепенно проник и в другие парадигмы желательном -sa-q, в повелительном -ajy-q). Этот процесс породил рианты во многих тюркских языках, например: койб. alzabyz, ат. alsamys, alsaq „если мы возьмем“, тур., туркм., азерб. и т. д. saq; alajin, alajym, alajyq „давайте возьмем (мы бы взяли, взять ы нам)“. Подобного характера новообразования не прослеживаются и в чувашском, ни в якутском языках.

Следует особо отметить, что имя на -daq (ныне -taχ, -tag) якутском языке образуется только от отрицательных основ, пример: buolbataga „он не был“ (< bol-ma-daq-y), buspataχ „сырой, вареный“ (bus-, общетюркск. buš- „вариться“; ср. монг. siraqu ulaqu „жарить и варить“). Монг. jabudag-ügei > jabud-ügei — совершенно новый процесс.

§ 74. Суффикс тюркск. -gač, монг. -gad

С помощью этого суффикса в тюркском образуется (действительное) причастие прошедшего времени, например: alγač „взявший, бравший“, kirgäč „вошедший“, ketgäč „ушедший“ и т. д. Этому, хорошо известному в тюркских языках типу образования, в монгольском языке соответствует деепричастие прошедшего времени на -gad, например: jabugad irebei „пошедши, я вернулся, ушедши, он возвратился вновь“, калм. jowād irwā; монг. kürüged üǧeged kelenei, калм. kürād üzād kelnä „пришедши и увидевши, он и говорит“. В некоторых монгольских диалектах эта форма на -ād, -ād употребляется в сочетании с отрицанием ügei „не, без“, которое используется как отрицание только при именах, например: калм. bi üzād ugä „я этого еще не видел, не видевши этого“, garād ugä bān „он еще не отправился (еще не отправившись) в путь“ [144].

Это же, весьма принятое в тюркском и монгольском, отглагольное образование имеется, пожалуй, и в тунг. upkač, upkat „всё, все“ (ср. кор. obun, южно-кор. ōn „все, все вместе“ — причастие на -n- от ob- „собирать“, которому в тунгусском в силу фонетических закономерностей соответствует *up-, *ub-); upkač, диалектное upkat, должно быть, восходит к *up-gač „общий, собравшись“, а диалектное upkali „всё“ — к up-ka, т. е. является причастием на -gai с падежным окончанием -li и обозначает нечто вроде „чтобы собрать (чтобы сделать общим)“. Возможно, что и тунгЕ., тунгС. (Василевич, Сл. I, 208) türkeč „через, сквозь“ представляет собой подобное же образование, кор. til- „входить (внутрь)“, ср. монг., бурят. tulge- „оказаться, подойти“, тюркск. tüš- „падать“ [145].

Впрочем, в тунгусском языке, да и в корейском тоже, этот суффикс, кажется, неизвестен. По своему происхождению он, вероятно, представляет собой сложное образование, составившееся из двух элементов суффикса.

VI. ОБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ

§ 75. Общие замечания

Помимо исконного исторически-первичного глагола (глагола-корня), который являлся одно- или двусложным, уже праалтайский язык (или праалтайские языки), стремясь к наиболее краткой и выразительной передаче направления, вида и соответственно других оттенков действия, пользовался вторичными глагольными основами. Мы можем предполагать, что для выражения, например, страдательности, фактитивности, возвратности, обоюдности, длительности, многократности, общности и т. д. действия имелись особые глагольные основы. Окончания, которые ныне применяются с этой же целью в различных алтайских языках, являются далеко не древнейшими, а опираются на некое обобщение известных, легко воспринимавшихся типовых окончаний, которые послужили для них шаблонами. Такого характера новообразования постепенно вытесняли в каждом отдельном языке более древние типы окончаний, представлявшие ценность с точки зрения истории языка, но единичные образцы их могут быть обнаружены еще и в настоящее время.

А. ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ГЛАГОЛОВ

§ 76. Современные типы вторичных глагольных основ

1. *Тюркский.* Тюркский применяет следующие вторичные образования:

а) возвратный залог (рефлексив) с окончанием -n-;
б) страдательный залог (пассив) с окончанием -l-;
в) понудительный залог (каузатив) с окончаниями -t-, -ur- (-uz-), -tur- (-tuz-), -dur-, -gur- (-guz-), -tar-;
г) залог совместности или взаимности действия (кооператив, или реципрок) с окончанием -š-.

2. *Монгольский.* В монгольском языке мы имеем:

а) страдательный залог (пассив) с окончанием -gda-, -da-;
б) понудительный залог (каузатив) с окончаниями -gul-, -ga-, -lga-;
в) совместности действия (кооператив) с окончанием -lča-;
г) взаимности действия (реципрок) с окончанием -ldu-;
д) многократности (итератив) с окончанием -čaga-;

е) кратко-уменьшительный (моментано-диминутив) с окон нием -ǯān-;

в процессе развития в постоянную категорию находятся след ющие формы:

ж) поступательный залог (прогрессив) с окончанием -ǯ-wä- > -ǯ

з) намерения (интенциональ) с окончанием -n-ge-; а также

и) совершенный (перфектив) с окончанием -ǯi oki > -čχi- > -č

3. *Тунгусский.* В северных тунгусских диалектах вторичн глагольных основ развилось настолько много, что даже выборо назвать их не представляется возможным[146]; особенно трудно э сделать потому, что различные диалекты северной группы довол но сильно отличаются в этом друг от друга. В южных диалект соответствующие образования менее многочисленны. Наиболее упо ребительными производными основами являются:

а) страдательно-понудительный залог (пассив-каузатив) с ок чанием -wu-, -w-;

б) переходности действия (фактитив) с окончанием -wkān-;

в) длительно-усилительный (континуатив-интенсив) с окончани -t- ~ -či-;

г) поступательно-действительный (прогрессив-актуаль) с ок чанием -ǯa-;

д) вступительный (инициаль) с окончанием -l-;

е) начинательный (инкоатив) с окончанием -sin-;

ж) желательный (дезидератив) с окончанием -mu-;

з) взаимности действия (реципрок) с окончанием -ldi-; голь -lǯi-, маньч. -nǯi-;

и) эгрессив с окончанием -na-;

к) спорадичности действия (адвентив) с окончанием -ǯi-;

л) противительный (адверсив) с окончанием -mat- ~ -mači- и т. д.

4. *Корейский.* Корейский язык имеет очень ограниченное числ типов вторичных основ, которые применяются более обобщенно Собственно говоря, они сводятся к следующим:

а) фактитив, с окончаниями -i- ~ -gi-, -u- ~ -gu-, -thi- ~ -čhi-; -theri

б) учтивости (гонорати в) с окончаниями -p-, -sa-, -si-, -psi-, -sip

в) отдельные случаи страдательных основ на -r- и фактитивны на -ri-.

Все это разнообразие современных типов словообразовани с точки зрения истории развития языка представляет, однако незначительную ценность. Поэтому мы должны прежде всего ис следовать словообразующие суффиксы более древнего происхожде ния, являющиеся общими для всех или по крайней мере для боль шинства языков.

§ 77. Суффикс -bu-: страдательная основа

Страдательная основа с окончанием -bu- в тунгусском язык применяется регулярно. Многие диалекты образуют свою страда тельную форму от первичной глагольной основы с помощью суф фиксов -wu-, -w-, -u-; встречающийся также довольно часто фактитив на -wkan-, -ikan- представляет собой, по существу, фактитив на -ka-n от страдательной основы на -w-. Таким же весьма обычным глагольным производным образованием в корейском языке является страдательный залог на -b- ~ -p-, -bu- ~ -pu-; в особых фонетических условиях его суффикс выступает также в виде -o-, -u-.

1. *Тюркский.* В тюркском на первый взгляд обнаруживаются как будто лишь единичные примеры на -p- (< -b-) после -l- или -r- и также на -u- (< -w-): казах. qyl-p- „быть очень острым", ср. qylyč „меч", монг. kilagu, халх. χʲalū „острие"; бараб. jylby-š- „скользить", ср. jylan „змея", монг. nila-, nilča- „быть скользким"; тур. sülpü-k „хрупкий, мягкий", тур. sülkü „мягкий"; тур. čal-p-an „плескаться (о воде в ведре)": монг. čal-gi- „шурша (о берег) биться"; тур. qyrp- „резать": тур. qyrq-, монг. kirga- „стричь", ср. монг., халх. χʲarwa-gar ūs „стриженые волосы"; уйг. šäš- „развязывать" > šäšü- „развязываться", а также некоторые примеры на -u-, ü-, -i- в более древних тюркских языках.

2. *Монгольский.* Примеры данных образований в монгольском языке малочисленны и малоубедительны: ǯulbu-, ǯulbu-ra- „становиться безволосым": ǯulga „вырывать волосы", тюркск. julq- (то же); ǯülbü- „сбрасывать кожу, терять волосы": ǯülgü- (то же); ǯülge „соскабливать, сбривать", тур. jülü- (то же); urbu- „изменяться": бурят. uril- < urir- (переходн.) „изменять"; ǯur-bu- -sun „нарезанное длинными кусками мясо" (< ǯurbu-l-): ǯur-, ǯiru- „рисовать", тур. jaz-, чув. šjr- „писать" (< jar); selbi- „улучшать, заменять старое новым": sel- „менять", selge- „обменивать", selgen „обмен, очередь", кор. ser-o „обоюдный, переменный"; tuurbi-, tugurbi- (< tugur-bu-), халх. t'ūrwi- „осуществлять, начинать", ср. тюркск. tuγ-ur- „рождать", tuγ- „рождаться", монг. tugul „теленок".

Таким образом, первоначальный -b- удержался только в позиции после -l- или -r-, в то время как в других позициях на нем отразились общие фонетические закономерности. В интервокальном положении этот -b- стал спирантным и фонетически совпал со спирантным -g-, дав в итоге долготу гласного. Такие монгольские слова, как например: a-burī „сущность, характер", kil-buri „действие" (< монг. ki-, тюркск. qyl-, якут. kyn- „делать, совершить"), öl-büri „мор" (тюркск. öl- „умирать", монг. *öl- „голодать" в слове öiü-n „голод, голодный", ölü-s- „быть голодным"), taji-l-buri „разгадка, объяснение" наряду с togta-buri ~ togta-guri, в разговорной речи toktūri[317], neme-ri ~ nemūri „дополнение", ide-ši-tei ~ idüštē „съедобный" показывают, по какому пути шло развитие. Из -wu-ši (см. § 67) развилось -üši, в написании -guši; из -wu-ri (см. § 68) -ūri, в написании -guri, а из -wu-l (см. § 69) -ūl, в написании -gul, -agul. Более древнюю форму напоминает еще, например, якут. ärābil „надежда", где ärä-bü-l в сравнении с äräl „надежда" и ärältä „надежда" еще отчетливее обнаруживает страдательную основу: ärä-bü- < ärä < монг. ere- „надеяться". Поскольку долгий гласный в монгольской орфографии обозначается через -g-, в написании между гласными, в боль

линстве случаев бывает трудно отличить -bu- в интервокальной позиции от -gu. Как доказывают якутские формы окончаний в слов qaragul „караул, полиция“, мы имеем все-таки первоначально *qara-bu-l (qara- „смотреть, рассматривать“, qara-wu- „быть рассматриваемым“ или „побуждать к тому, чтоб был рассмотрен“).

3. *Тунгусский.* В тунгусском языке суффикс -bu-, -wu-, -w- является еще продуктивным и применяется в двух значениях, например: bak- „находить, следить за чем-либо“ (= тюркск. baq- „to fix the attention“), bak-u- „быть отыскиваемым“ и „велеть отыскать“, т. е. в страдательном и фактитивном употреблении, bakača „нашедший“, bakuča „найденный, он был найден“; bu- „давать“, buw- „быть данным“, buw-kōt-, buw-kōn- „велеть дать; велеть, чтобы был дан“; wā- „убивать“, wača „убивший“, wāpča „убитый (существительное)“; ęnę- „приходить“ (< ę- „здешний“), ęnu- „приносить“, быть принесенным“, ęnuw-kān- „приносить“; в негид. -wu-ti дал -pt-, например, wāptila > wāpla „убитый“ (прошедшее на -ti, см. § 62, ср. тунгС. butilę „смерть“). То же самое -b-ti- обнаруживается в тунг. ǯepti- „есть“, ср. маньч. ǯe-, тюркск. je- (то же). В манчжурском языке страдательный на -bu- и фактитив на -gu-, -'u- совпали и так же, как в корейском языке, дали „реверсивный“ глагол.

Страдательное и понудительное значения суффикса в тунгусском языке не различаются так резко, например: ęnęm „я прихожу“, ęnūm или ęnę-wum „я привожу“; ŋęnę-ren „он ушел“, ŋęnęw-ren „он унес или увез“. Причиной этого является отчасти фонетическое совпадение окончания -bu- с глаголом bu- „давать, допускать“ (ср. кор. pu- „выливать“), например: маньч. tolo- „считать“, tolo-bu-mbi, tolombumbi < tolome bu-mbi „я приказываю считать, я разрешаю считать“, но „меня присчитают (я буду присчитан)“ соответствует только форме tolo-bu-mbi; маньч. gene- „уходить“, genebumbi „я отсылаю, я приказываю уйти“; тунг. hawal- „двигаться“, hawālbu- „двигать, приводить в движение“.

Тунгусское имя действия (Nomen actionis) на -wun, вероятно, представляет собой, по меньшей мере в некоторых случаях, имя на -n от этой страдательной основы, например: duku- „писать“, duku-wun „написанное, письмо“. Весьма часто применяемые глаголы длительного вида на -t-, -či-, имеют в этой форме в исходе -či-un, встречающееся в маньч. в виде -čun: iče- „видеть“, iče-w- „быть видимым, быть очевидным, показываться“, iče-čim „я рассматриваю“, ičečiun, ičečiwun „рассматривание“, а также „инструмент для рассматривания, подзорная труба“.

4. *Корейский.* В корейском языке имеются два типа образований с этим окончанием. С одной стороны, язык имеет несколько глаголов на -bu- ~ -pu- со страдательным или непереходным значением, например, mippu- (< mit-pu- < mit- „верить“, midim „вера“, тюркск., чаг. bit-, тел., алт. pūt- „верить“) „быть правдоподобным“; kippu- „быть веселым“ (< kis-pu- < kis- „веселиться“), kikkep- (то же), kikkim „веселье, радость“, ср. тунгС. kehem, kesem „быть веселым“ (Василевич, Сл. I, 117); kappu „быть принужденным“ (< kas-pu-, ср. монг. qasu-, тюркск. qas- „стягивать“); nappu- (natpu-) „быть низким“ (< nat- < nač- „снижаться“, naǯin „низкий“). С другой стороны, имеются глаголы на -b- со страдательным значением, например: us- „смеяться“, usip- „быть для смеха, быть смехотворным“, usim, uhim „смех, посмешище“, usium „смехотворность“ и т. д. Имеется, далее, множество глаголов на -kap- ~ -kep-, -rop- ~ -rep- и несколько на -sap- ~ -sip- или -sirep-, которые по своему значению являются качественными, например: kakkap- „быть близким“ (< kat-ka-b-, ср. kath-e „у, возле, к“, местный падеж от kat „сторона“, тюркск. qat-yn-da „при нем; у его стороны, бока“), tukkep- „быть теплым“, tuthep- — то же (< tut'-ke-b-, ср. монг. dörü- „быть горячим, гореть“), sai-rop- „быть новым, обновляться“ (< sai-ra-b-, ср. sai, sä „новый“, монг. saj-a „недавний“, монгНТ. saji „ровный“), oi-rop- „осиротеть, быть покинутым“ (ср. oi „одинокий“, тунг. oi „отделенный, единичный“).

Эти основообразования на -b- > -w- > -o- ~ -u- приобрели в корейском языке необычайно большое значение потому, что они сыграли важную роль при создании глагольных форм учтивости. Именно они и выражали то безличное действие (т. е. действие, как процесс), которое особо подчеркнуто выражают формы учтивости, например: son-nim-i kao „досточтимый гость идет“ (kao < ka-w-a, собственно: „будет пошедшим, станет пошедшим“) или kao-ida (kaō-da) „является идущим“. Глагольные формы на -o- или -o, сев.-кор. -u, -o, несут в себе как раз страдательное -bu-, -b-: han „сделанный, сказанный“, haon (то же), hal „сделать желающий, сделать долженствующий“, haol (то же); pude-rep- „быть легким“, pudereun „легкий“, pudrin „легкий“ < pude-re- „становиться легким“, ср. др.-монг. hödün (< *pödü), монг. ödün, калм. ödn „перо (птицы), пух“, puderep-so < pude-rep-sa-wa „это легко; если это дозволено“, pude-re-we-sso < pude-rewe-isso „это было легко“ (isso ~ issu < isiwe < isi-b- < *bisi-b- „процесс бытия“); tōpta (:tōa:tōin) „помогать, быть в помощь“ (< to-sa-b-, ср. *to < *tos, монг. tusa, уйг. tusu, сол. t'os „помощь“), topso „помогает, становится в помощь“ (< tosap-sa-wa).

§ 78. Суффикс -s- ~ -s + гласный

Если мы сравним монг. глагол ölüs- „голодать“, откуда чаг. ölüs-tük „полумертвый“, с явно этимологически-родственными монг. ölbüri „мор“, тюркск. öl- „умирать“, тунг. ulbuni- „умирать с голоду“, мы найдем в них суффиксальный элемент -s-, который, кажется, присутствует и в многочисленных других глагольных производных в этих языках. Примерами могут служить монг. emüs- „одеваться“ (emüdün „брюки“, чув. vim — то же), sonos- „слушать“ (sonor „чуткий“)[145], qubis- „изменяться“, urus- „течь вперед“, ajis- „приближаться“ (тунг. agi- „причаливать лодку“, тунг. ag- „прибывать“), üǯe-s-kü-leng „красота“ (üǯe- „видеть“), baja-s-qu-lang „радость“ и т. д. В тюркском мы можем найти множество отглагольных имен на -uq (ср. § 66) от вторичных гла-

гольных основ на -s-, например, др.-тюркск., уйг. batsyq, batysyq „погружение“ (< bat- „погружаться“) в словосочетании kün batsyq „закат солнца“, toγsuq в словосочетании kün toγsuq „восход солнца“ (< toγ- „выходить“), tosyq „сытость“ (< tod-syq < tod- „быть сытым“), jatsyq (позднее jastyq) „подушка“ (< jat- „лежать“); уйг. ölsük „смерть“ (öl- „умирать“), далее, вероятно, в -nč- < -ń-s-: ančyp, inčip „так“, janč наряду с jaj- < jań-, sanč- наряду с sań- и т. д. Тюркские глаголы на -yq, -ik- образованы, как правило, только от имен, тогда как образования на -syq-, -sik- являются отглагольными производными, например: -tut- „удерживать“, tutsuq- „быть удерживаемым (удерживаться)“ (в этом могло бы быть, пожалуй, усмотрено некое tutsuq- < *tutzuq-, т. е. глагол на -q- < *-gi- от tutuz-, однако, если исходить из приведенных выше примеров, такое объяснение неправомерно).

Вполне ясным представляется положение в корейском языке, где основообразование на -sa- являлось обычным. Его первоначальное значение остается, однако, до сих пор неясным. Позднее -sa-, таким же путем, как и страдательное -b-, или совместно с ним, было освоено парадигмой спряжения и превратилось в форму учтивости, например: pad- „получать, становиться“, patčap- (< pad-sa-b) — то же, jel- „открывать“, ječap (< jel-sa-b-) — то же, jet- „сообщать“, jetčap- (< jet-sa-b-) — то же, karadai, karasadai „говоря со словами“, ha-, hasa- „делать“ и т. д. После основы, оканчивающейся на согласный, основообразующий суффикс -sa- сохранился, после же гласной основы элемент -s- в позиции через -h- исчез, так что современный язык имеет, например, hao „делает“ наряду с архаическим haso, но mekso, meksu „ест“ (< hasawa, meksawa) наряду с megio, megiu (< meg-ib-e, — наречие на -a- от страдательной основы). Представляется, что образования на -sa- в корейском языке первоначально должны были иметь своего рода страдательное значение, т. е. обозначили действие как процесс; исходя из этого предположения, можно легко объяснить их употребление в качестве форм учтивости. Фактитив на -i от этой основы на -sa- оканчивается на -si- и дает производное образование, которое используется всеми глаголами действия.

§ 79. Суффикс -si-

От суффикса -s следует отличать суффикс -si-, засвидетельствованный только в тунгусском и корейском языках. К образованиям на -si относятся тунг. bisi- „быть, существовать“ (наряду с bi- „быть“), esi- „не быть“ (e- „не делать...“), osi- „становиться, поступать“ (o- — то же), так же как кор. isi- „быть“ наряду с i- — то же (< *wisi- < *bi-si-), hasi- наряду с ha- „делать“ (< *he- < *se-, ср. маньч. se- „говорить, делать“). Этот суффикс особенно часто применяется в тунгусском языке и, по-видимому, подчеркивает продолжительность или непрерывность действия. См., например: гольд. aloi-, aloisi- „обучать“, pulsi-, pulisi- „прогуливаться“, негид. huli- „прогуливаться“; гольд. hersi- „взывать“, тунг. eri- „звать“, негид. eji-kte- „длительно звать“; гольд. elbu-, elbusi- „купаться, плавать“, тунг. elbesi-, elbehi-, маньч. elbiše-, ebiše- „купаться“; гольд., ольч. puisi- „кипятить, варить“, pui-, маньч. fuje, тунг. huju-, uju- „кипятить“, монг. üjü- „варить“ (переходный).

Приведенные выше варианты bi- ~ bisi- „быть“, o- ~ osi- „становиться“, а также и отглагольный суффикс -si, вероятно, очень древние. Наряду с этим, по-видимому, существовал и отыменный суффикс -si, который имел значение „быть подобным такому-то“, или „быть таким, словно такой-то“, или „так делать“, например: тюркск. qul „раб“, *qulsy- „быть, как раб“, в адъективном употреблении qulsy-γ, „рабский“; temir „железо“, temirsi- „быть, как железо“ [149], адъект. тел. temirsü, уйг. tämirsig „железоподобный, как железный“; монг. miqan „мясо“, miqasi- „стать мясом, быть или стать мясистым“ [150], miqasigu, miqasig „мясистый, мясоподобный“; кор. saram „человек“, saram-si-rob „быть, как человек, быть человечным, человекоподобным“; тунг., гольд. peku „жар“, гольд. pekusi- „быть горячим“, негид. heku-, hekusi- — то же; монг. egeg „жар, солнечный зной“, ege- „сушить (на солнце) — вялить“, egeg-si- „быть горячим, пылать“. Из-за фонетического совпадения и трудности установления специфики значения отглагольного si оба эти образования почти не отличимы друг от друга.

Относительно отыменного -si- см. § 95,ж.

§ 80. Суффиксы -d- и -t-

В древнейшем тюркском языке существовали как отглагольные, так и отыменные глаголы, образованные с помощью -d-, например: to-d- „насыщаться“ (ср. to-q „сытый“, to-l- „наполняться“); jo-d- „пропадать“ (jo-q „без, не“); jü-d- (наряду с jü-, jü-k-) „нагружать“ (ср. кор. či, монг. ǯü-ge — то же); qo-d- (параллельно qo-) „покидать“; уйг. id- „заболевать“, монгор. ibi — то же (ср. iq „болезнь“). В монгольском языке также встречается несколько глаголов со вторичным -d- в исходе основы, например: uduri-, uduri-d- „предводительствовать, заставить следовать“ (ср. udum „потомство“, тюркск. ud- „следовать за“, udur-, uduz- „предводительствовать, заставить следовать“); aji-la-d „говорить, сказать“, ajilad-qa- „заставить высказать, спрашивать“ (aji „звук“, ajila- „огласить, сказать“); nere-d-, nere-ji-d „называть“ (nere-ji- „называть“, nere „имя“); qanija-d- наряду с qanija- „кашлять“ (калм. χańä- „кашлять“, χanä-dn „кашель“); inije-d-ün „смех“ наряду с inije- „смеяться“ (калм. ińä- „смеяться“, ińädn „смех“) и др.

Эта вторичная основа на -d- имела, по крайней мере в некоторых случаях, значение длительности, и, вероятно, именно от нее тюркский получил свое отглагольное имя на -duq, монгольский язык — свое Nomen usus на -dag (< *-daq), а тунгусский (негидальский) — свое отглагольное образование на -dig-in. Примеры подобного основообразования на -d- могут быть найдены и в корейском языке, например: кор. mō- „собирать“ (деепричастие прошедшего времени moa),

mōd- „собирать“ (деепричастие прошедшего времени moda, причастие прошедшего времени modun „собравши, собравший“, др.-тюркск. budun „народ“, кор. имя на -i- moǯi в форме to-moǯi „коллективно“, монг. muǯi „народ, провинция“, кор. modo „коллектив“); гольд. to- „вставать, подниматься“, кор. to- „всходить, подниматься“, tod- „вырастать, продолжать развиваться“, переходная форма (фактитив) totčhi-, tod-o- „возвышать, поднимать“ (ср. toi- „становиться, происходить, выходить“ < *to-wu-i-), ср. тюркск. toγ- „всходить (о солнце)“.

Связь между этой основой на -d- и продуктивной основой на -t-, встречающейся в некоторых тунгусских диалектах, представляется сомнительной. Основа на -t- ~ -ti- имеет в большинстве случаев значение непрерывности или интенсивности действия, например: тунгБ. iče-m „смотреть“, ičečim > гольд. iečǯimbi „рассматривать“, негид. tege-m „садиться, сидеть“, tege-č-im „(продолжительно) сидеть“, ga- „брать, получать, покупать“, ga-t-čam „скупать“, тунг. ili- „вставать“, ilič- „(стоймя) стоять“, ilit-ki- „ставить стоймя (= устанавливать)“, ср. кор. il ~ ir- „подниматься“, irikkhi- „устанавливать“; негид. ihegde- „вздыхать“, ihegdeči „(продолжительно, непрерывно) вздыхать“. Существительное на -wun от этого глагола на -či- звучит -čiwun; в маньчжурском языке оно дало отглагольное имя на -čun, например: маньч. alačun „ожидание“ < al'a-, тунг. alač-im „ожидать“, ольча halač- (то же).

Очень употребительный в ламутском языке континуативный глагол на -wat-, -oi- следует, быть может, соотнести с этими образованиями, ибо возможно допустить, что данное -t- как раз и являлось окончанием, выражавшим непрерывность действия. Возможно также, что здесь оказался инкорпорированным некий, первоначально самостоятельный, глагол, например: лам. bak-rom „я нахожу“, bakot-tam „я как раз собираюсь найти это, я вот-вот найду“, ср. bakaddom „я теперь нахожу“ (ср., далее, окончание тунгусского прогрессива -d'a-). Тунг. -wat- < *-γat- имеет также известное сходство с суффиксом -gad монгольского деепричастия прошедшего времени. Эту же основу на -t- я предположительно принимаю как исходную форму для монгольского желательно-повелительного на -tugai: jabutugai, boltugai, bütügei (см. § 54).

Глубокую архаичность элемента -t- доказывает то, что некоторые из глаголов, считавшихся с точки зрения тюркских языков явно первичными, как только их начинают сравнивать с аналогичными глаголами в корейском языке, представляются вторичными. Например: тюркск. jat- „лежать, собираться что-либо сделать“: кор. ča- „лежать“, тунг. -d'a- „собираться“; тюркск. bat- „погружаться“: кор. *pa- и ppa- „падать вниз, погружаться“, гольд. pa- „падать“, монг. ba-g-ta „вмещаться“; тюркск. čat- „прилипать, приставать“, кор. čha- „захватывать, задерживать“, čhai- „заставить задержать“, čhai „рукоятка, схватывание“, маньч. ča „хватать, брать“; тюркск. jit-, jet- „достигать, подходить“, монг. ǯid-kü- „стремиться, силиться, напрягаться“: кор. či-, сев.-кор. ti- „становиться“, маньч. ǯi- ~ ǯid-.

ольд. di ~ did- „приходить“; этому соответствуют монг. čad- ~ čas- „насыщаться, быть сытым“, могол. čat-qa- (то же): кор. čha- „быть полным“, čhai- „наполнять“, čhai „величина“.

Насколько можно судить об этом ныне, существовало два различных древних типа основообразований, из которых один представлен в тюркском посредством -d-, другой — посредством -t-. Вопрос о том, являлся ли тип образования на -d- тождественным образованию на -s- или первоначально они были различными, нашему суждению не поддается.

§ 81. Суффикс -l-

Производные глаголы на -l- встречаются во всех алтайских языках, исключая, однако, корейский. В современном тюркском с помощью этого суффикса образуется страдательный залог. Однако это образование не может являться особо древним по своему происхождению, так как оно еще отсутствует в чувашском языке, где могут быть обнаружены лишь единичные его примеры (Ашмарин, § 52). В монгольском языке применяется ряд типов образований на -l- (см. Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen, стр. 4—), например: монг. aril- „исчезать“ (< ari- в arigun „чистый“, тунг. ari-wun, тюркск. aryγ — то же, монг. arči-, тюркск. art- „чистить“); монг. dejil- „преодолевать, побеждать“ (< deg- в deger-e „вверху, лучше“, др.-тюркск. jäg „хорошо, лучше“, тур. jej, чув. śi — то же, тюркск. jäŋ- „побеждать“ < первоначально jäg-n- „быть лучшим“); монг. ködül- „двигаться, быть усердным, работать“ (уйг. ködük „работа“, монг. ködül-mü-ri — то же); монг. ötel- „стариться“ (ср. ötegü „старик, медведь“, тюркск. Ötügen „родина тюрков“, тунг. ütü „старый“, utumeme „плохой, испорченный“, чув. vaδə „старый“ > мар. vatə „старуха“); монг. dugul- „слушать“, dugul-da- „слышаться“, тунг. dōl-di „слушать“, гольд. dol-ǯi-, маньч. donǯi — то же (с континуативным, по-видимому, -di-), тунг. dōlča- „прислушиваться, вслушиваться“ (ср. монг. dagun, калм. dūn „звук“, калм. dūlx-, тунг. dawla- „петь“); монг. qubil- „принимать иную форму (= „преображаться“), qubis — то же, qubilgan „перевоплощение“, qubisqal „изменение“ и др.

Эти производные глагольные образования на -l- должны были лечь в основу отглагольного суффикса -lga, -lgan, встречающегося как в монгольском и тунгусском языках, так и в тюркском, например: монг. uulga, uulgan „питье, напиток, глоток“ [< uu-, тюркск. ор-, тунг. uw- „пить, втягивать (в себя жидкость)“], qagalga „затворы (замыкание)“, ворота (калм. χalγx, тюркск. qapuγ — то же), jabulga „ходьба, походка, ход (хождение)“, daru-lga „сжимание, способ сжимания“, ujalga, ujalgan „связывание, связка, том“; тюркск., тур. ojulga „сшивание“; монг. oju- „шить“, ojulga „шов, шитье“; тунг. d'awalgan — деталь шаманского бубна; тунгК. tegelgen „скамья в лодке, подстилка для сиденья“; тунг. hawā „работа,

проворный, дельный“, hawāl- „работать, двигаться“ (ср. кор. ppal „быть расторопным, торопиться“) и т. д. В этом окончании элемент -ga- тождественен рассматривавшемуся выше, в § 66, монг. -ga- тюркск. -g-.

С помощью этих производных на -l- в монгольском языке образуются дальнейшие производные: форма совместности действия (кооператив) на -lča (ср. -ča-, § 83) и взаимности действия (реципрок) на -ldu-. Монгольскому глаголу на -ldu-, посредством которого -l- связывается с -d- ~ -du- (ср. § 80), соответствует в тунгусском языке глагол на -ldi-, в гольдском — на -lǯi-, в маньчжурском — на -nǯi-, например: монг. daru- „сжимать“, daru-ča- „проталкиваться“, daru-lča- „сжимать сообща, помогать сжимать“, jabu-lča „идти сообща“, bari-lča „помогать удерживать“, bari-ldu „схватываться, бороться“; лам. bak- „находить“, bakäldädai „чтобы они нашли друг друга“; гольд., лам. ič- „видеть“; лам. ičildi- „видеть друг друга, встречаться“, гольд. ičelǯi- (то же).

В качестве отыменного суффикс -l- в монгольском языке часто связан, пожалуй, с переходно-фактитивным значением, например, монг. taji-l- „растворять, разлагать“, taji-či- „быстро разрывать“; qaga-l- „раскалывать в длину, разделять“, qaga-ra- „раскалываться, расщепляться“, qaga-či- „разом раскалываться“, qagar-qai „надвое разорванный“; tasu-l- „ворчать на что-либо“, tasu-či- „(с ворчанием) вздрогнуть“, tasu-ra- „трескаться, разлетаться в куски“, tasur, tasurqai „сломанный, кусок“; qugus „надвое, в сторону“, qugu „от“, qugu-l- „обламывать“, qugu-či, qugurqai „поперек, в поперечном направлении, обломок“ и т. д.[151] Эти глаголы на -l- вообще передают значение процесса осуществления действия „как раз собираться сделать“, тогда как глаголы на -či передают мгновенность осуществления действия, а на -ra-, в тунг. -r-ga-, — результат действия, ср., далее, монг. ǯadal- „распространять, обкладывать“, ǯadači- (< *ǯada-ti-) — то же, ǯadara „растворяться, распускаться, разлагаться, распадаться“, ǯada-ji- (< *ǯada-gi-) „лежать распростертым, быть открытым“ [др.-тюркск., уйг. jad-, алт., тат. jai- „распространять, расширять“, кор. čat-čhi- „распластать по земле“, čakki- (< *cat-ki-) — то же, čapra-ǯi- (< *cat-pu-a-ti-) „лежать распростертым“]; монг. ǯaŋgil- „вязать“, ǯaŋgija „узел“, тюркск. jaŋyl- „запутываться, совершать ошибку“, jaŋluq „ошибка“; монг. setel- „зарубать, нарушать переднюю границу“, seteči- (то же), setere- „зазубриваться“, казах. setik „беззубый“. В монг. значение действия в процессе его осуществления: „как раз собираться сделать“, кажется, является более древним, чем специфика значения монгольской переходной формы (транзитива) или тюркского страдательного залога (пассива), ср. тюркск. qy-l „делать“, якут. qy-n, монг. ki-, тунг. ke- (то же), монг. kilburi „деяние“[152], тунг. kemu- „хотеть сделать“. В отдельных случаях -l- представляет собой резко выраженный признак транзитива, например: монгНТ. sa'u- „сидеть“, sa'ul- „сажать, заставить сидеть“, ba'u- „спускаться“, ba'ul- „спускать, заставить спуститься“. Здесь присутствуют, вероятно, гаплологические формы, заменяющие *sa'u'ul-, *ba'u'ul-, окончанием же должно быть -'ul-.

Образованный при помощи суффикса -'ul- (монгЛ. -gul-, в разговорном языке -ūl-, -ül-) монгольский фактитив явно должен рассматриваться как переходная форма (транзитив) на -l-, произведенная от страдательной основы на -bu- > -wu-. Посредством суффикса понудительной формы -ga- образовалась основа на -lga- с более сильно выраженным оттенком понудительности, например: ǯoba- „страдать, мучиться“, фактитив ǯobaga- (устаревшая форма), ǯobalga- (новообразование во многих диалектах), ǯobagul- (наиболее употребительная форма) „мучить, истязать“[153]. Но этот фактитив на -gul- > -'ul- может также возводиться к изначальному -gul- в том случае, если корейское окончание переходной формы -gu- (в сев.-кор. понудительная форма, например: argu-, torgu-, jergu- от ar- < al- „знать“, tor- < tol- „повертывать“, jer- < jel- „открывать“) представляется исконным, а не новым образованием по типу -u- ~ -wu-, ср. гольд. alo-i-, кор. aro- < ala-wu- „преподавать“, тунг. ala-wu- (то же).

Среди весьма немногочисленных корейских основообразующих суффиксов обнаруживается некий -r- ~ -l-, который, кажется, имеет страдательное значение, например: uk- „вдавливать“, ugirę di- „быть вдавливаемым“, *pus- в pusękči „обломок“, pusirę-kči (то же), pusę di-, pusirę di- „быть разбитым, разбиваться, разлагаться“. Это вторичное образование на -l- ближе всего, пожалуй, тюркскому страдательному залогу.

В тунгусском (а также и в южно-тунгусском, за исключением маньчжурского) с помощью -l-, -il- ili- образуются инкоативные глаголы со значением „начинать делать“, например: duku-l- „начинать писать“, tang-il- „начинать считать“ и т. д. В основе этого суффикса лежит глагол -ili- „вставать, подниматься“, гольд. ele-, кор. il- (то же), который с течением времени свелся к функции окончания, ср. словообразующие суффиксы -na- „пойти, чтобы сделать“ и -di- ~ -ǯi- „прийти, чтобы сделать“.

§ 82. Суффикс -ni-, тюркск. -n-

Тюркский возвратный глагол на -n- и монгольские глаголы на -ni- восходят к одному и тому же праязыковому типу словообразования. Его же мы находим и в тунгусских диалектах, где глаголы с вторичным -ni- не являются необычными, например: ilte- „проходить мимо“, ilte-ni- „истекать, миновать“ (ср. тюркск. il „перед“, монг. ile „ясно, перед глазами“); ülbü-ni „умирать с голоду“, ср. тюркск. öl „умирать“, монг. ölüs „голодать“; silgi-ni- „дрожать“, тюркск. silk- silkin- — то же (ср. монг. silge-ge-, калм. šilgə „отряхиваться“; тунг. silgi-wki „лихорадка“, кор. siruk siruk ha-, silluk silluk ha- „трясти“); гольд. sarani-, монг. sarni- „исчезать, рассеиваться“; монг. ǯoba-ni-ja „мучить себя“, emgeni-je- „тревожиться о чем-либо“ (ср. emgeni-d- „очень беспокоиться“, тюркск.

ämgän- „страдать“, ämgäk „мучение“); тюркск. urun- „толкаться“, urunuq- „(непамеренно) толкаться, ушибаться“ (-n-uq < *-ni-gi); монг. qa-nija- „кашлять“, inija- „смеяться“. В монгольском языке мы находим такие производные образования, как -ni-gul-, -ni-ga-, -ni-ja-, -ni-ji-, которые ныне встречаются в виде -nul-, -ńūl-, -nä-, -ńä-. Монгольское производное на -ǯaga-ni- > халх. -dʒagani- > -dzāni- передает мгновенный характер действия: калм. su-zān-aktn „пожалуйста, присядьте (на минутку)“, тогда как монг. -ča-ga- обозначает множественность субъекта или действия: ire-čegē, калм. irtsegā-ktn „пожалуйста, приходите все!“

В тунгусском языке имеются два типа словообразования, которые следует рассматривать как новообразования, осуществляемые с помощью этого суффикса -ni-. Один из них имеет в исходе -sini- и означает: „готовиться к чему-либо, намереваться, отправляться“, например: лам. ma- „убивать, умерщвлять (на охоте)“, mašn-om „я отправляюсь охотиться“, тунг. mulę „отправляться по воду“, mulę-sin-i-m „я отправился по воду“, ulu-mę „охотиться на белок“, ulumęsinewu (<-sin-dę-bu) „наши пошли (или собирались) на охоту за белками“, ičęm „я видел“, ičęsin-im- „я взглянул (вверх)“. Другим производным является фактитив на -w-kān-, -pkān, -ugan-, -uwān- (все от < *-bu-ga-ni-) со значением „причинности действия“ (ср. -wkā-ti- как фактитивно-длительную форму): ičewkēnim „я показывал, я заставил его (дал ему) смотреть“, ǯępiwkēnim „я заставил его сесть (я велел, я дал ему сесть)“, silgiwkēn „трясти, приводить в состояние сотрясения“, silgiwkēt- „трясти“ (длительно); лам. bak „находить“, baku- „быть разыскиваемым, находиться“, bakukan- „сделать, чтобы что-либо нашлось (предпринимать поиски чего-либо)“, bi bakukanom (-kanom < -kan-dom), „я приказал ему найти (это)“; негид. wa- „убивать“, wawkane-~ waǰkane- „приказать, дать убить“ [wawkači- „(непрестанно) заставлять, давать убивать“]; гольд. ičęwen-imbi „я показывал“, ičęwen-ipkin „показанный, показавший“, tęwen-ǯi-ni „он посадил, он велел (дал) сидеть“.

Якутский язык образует страдательный залог посредством -l-yn: siä-lin- „быть съеденным“, тур., азерб. je-n-il- (то же).

Мы предполагаем, что возвратный -ni- первоначально являлся как отыменным, так и отглагольным суффиксом.

§ 83. Суффикс -ča-

Унаследованный монгольским языком из древности способ образования вторичных глаголов с помощью окончания -ča- является как отглагольным, так и отыменным. Который из них является более ранним, нам распознать не удается, но оба типа имеют одно значение — либо взаимности, либо совместности действия (см. мою статью Verbstammbildungslehre, стр. 29). В тюркском монгольскому -ča-, как историко-фонетически, так и семантически соответствует вторичное образование на -š-, чув. -ś-, однако здесь часто приходится спрашивать себя о том, не является ли данное образование заимствованием. В корейском же языке, наоборот, невозможно обнаружить эти образования, так как если эта форма когда-либо и существовала в корейском языке, то в соответствии с законами фонетики гласный должен был исчезнуть, а слогообразующий -č- должен был перейти в -t-. В монгольском языке -ča- примкнул к глагольной основе на -l-, и таким путем образовалась глагольная форма совместности действия (кооператив) на -lča-; осложнившись суффиксом -gani- (ср. тунг. переходную форму на -w-kan, -w-kati), суффикс -ča- дал производные на -čagani-, -čaga-. Примеры: гольд. маньч. ača- „согласовываться, подходить друг к другу“ (кор. ččа- „согласовываться“, монг. a- „быть“); тунг. ilča- „плести“, ср. тунг. ilan „три“, монг. ilagu „поперечная деревянная перекладина управления“ (в технической терминологии); тунг. ŋōrča- (mōrča-, nōrča-) „с кем-либо сражаться, побеждать“; тюркск. *ikirč- „сомневаться“, уйг. ikrčgü „сомневающийся“ (< iki „два“); монг. dajiča- „враждовать < dajin „враг, война“, тюркск., уйг. jaγyš- „враждовать с кем-либо“ < jaγy „враг“, тат. jau, чув. śu (то же); монг. dagača-, dagalči- „следовать друг за другом“, может быть, тюркск. jaγyš- „(к чему-либо) быть близким“, монг. daga-, калм. daχə < daqa „следовать“, тунг. daga-du „поблизости“, прилагательное daga-ma „близкий“; монг. daruča „тесниться“, daru- „теснить, давить“, уйг. jaryn „следующий день (завтра)“; монг. qurača- „горячо желать, быть взволнованным“, монг. quri-gulǯa- „быть взволнованным“, тюркск. qoz-γa-l- „быть тронутым“; монг. eriče „со страстным желанием (думать о чем-либо)“, eri- „желать, стремиться“, казах. erin- „стремиться, тосковать“; монг. ǯöri- „стоять на другой стороне, держаться противоположного мнения“, монг. ǯöriče-, маньч. ǯurče-, сол. ǯir- „сопротивляться“; сол. ǯirči-, ǯitči- „находить противным“; монг. kür- „достигать“, kürče-, küče-, калм. küts- „быть достаточным, хватать, доставать“, калм. kütsüs „довольно“, тюркск. kir- „входить“.

В тунгусских диалектах трудно различить, с чем сталкиваешься в этом -či-: с изначальным -ti-, -si- или с -ča-. Так, например, гольд. holači- „все продолжать читать, читать (про себя, тихо)“ может представлять собой и *hola-ča, а также и hola-ti- или holā-t-si-; ср., далее, например, лам. jū „выходить“, jūkta „источник“ (< jūt-ke), jukat „быть на подъеме“, jukačin deleča (MA, VIII, 382) „восходящее солнце, восток“. Проведение же достоверного анализа может быть осуществлено лишь на основе более точных исследований в области гольдского глагола.

§ 84. Суффиксы -i-, -gi- и -u-, -gu-

В корейском языке эти четыре суффикса равноценны, и по значению формы на -i- и на -u- отличить друг от друга невозможно. Фонетически закономерно -i- и -u- встречаются после гласных, а -gi- и -gu- после согласных, причем послегласный -i-, -u- опирается

на выпадение интервокального звука -g-. В качестве заполнителя зияния выступает обыкновенно i. Например: sę- „стоять“, sę-i-, ныне sē- „стоять, ставить, ставиться“, sę-u- (< sę-i-u-) „ставить“; al- „знать“, algi-, ныне ari-, alli- „дать узнать, обучать, преподавать“, algu-, ныне arō-, allō-, сев.-кор. argu-, ср. гольд. aloi-, alosi- > aloisi- „обучать“ к тунг. ala- „знать“, alagu-, alawu- „учить, изучать“, монг. alda- „стать известным“ в слове aldar „renommé“, „слава (известность)“[154].

Вторичный глагол, образованный при помощи этого окончания, имеет понудительно-фактитивное (переходное) значение в тех случаях, когда основной глагол является непереходным, и, наоборот, непереходное, если первичный глагол — переходный. В последнем случае появляется чаще всего и страдательное или „реверсивное“ („возвратное“) значение [„обманывать“ и „(самому или какому-либо третьему лицу) поддаться на обман, обмануться“][155]. Если допустить, что это свойство „обратности“ значения было искони присуще окончаниям -i-, -gi-, -u-, -gu-, тогда и -u- (кор. -u-, -ju-, тунг. -u-, -w-, -wu-) могло бы быть тождественным страдательному -bu-, а -i-, -gi- могло бы как-то соотноситься с тем -gi-, которое имеется в тюркских и монгольских чисто непереходных (как отыменных, так и отглагольных) глаголах.

В тунгусских диалектах в качестве глагольных окончаний можно найти как -i-, -gi-, так и -u-, -gu-, которые встречаются в одном и том же диалекте либо как производные образования от первичных глаголов, либо как самостоятельные элементы языка, например: un „плавиться“ (непереходный), маньч. wen- (то же), тунг. ûŋgi-, сол. ûŋgī- „плавить“ (переходный); тунг. olgo- „засыхать“, olgī- „дать засохнуть, высушить“, сол. olgī (то же); монг. (h)aŋga- „быть открытым“, aŋgaji- „появляться открытым, быть открытым“, сол. aŋgī-, naŋgī- „открывать, раскрывать (глаза, рот)“. Здесь, таким образом, непереходный первичный глагол с помощью окончания становится переходным, но бывают также обратные случаи, например: монг. sun- „растягиваться, быть растяжимым“, монг. suŋga- „растягивать“, сол. suŋgī- „растягиваться“ и sun- „растягивать“, сол. abul- „недосчитываться чего-либо, не иметь“, abuli- „отсутствовать, быть отсутствующим“; тунгБ. tûlę- „надеть (на себя) кольцо“ (кор. til-), фактитив tûlęgi- „надевать (на лошадь хомут)“; тунг. noŋgī, сол. noŋgī- „размножать, добавлять“ (ср. кор. nom-gi-, nąm-gi- „добавлять“, nom-, nąm- „размножаться“); тунг. buru- „падать“, burī- „валить, выпускать, ронять, терять“, сол. bęri- „выпускать, освобождать“, лам. bäri- „терять“, кор. pęri-, pari- „отпускать“ как вспомогательный глагол совершенного вида (употребляется со значением „полностью или до конца что-либо сделать“), тюркск. braq-, byraq-, якут. byraχ- „выбрасывать“ (< byr- и aq-, маньч. faχa- „бросать“). В тунгусских диалектах часто бывает невозможно распознать по звучанию, с чем мы имеем дело в глаголах этого типа: с -gu или же с -bu-, -wu-. Точно так же и в монгольском языке, уже на очень раннем этапе произошло совпадение первоначальных -gu- и -bu-. В монгольском языке -gi- в положении после гласного дало -ji-, тогда как в тюркском его фонетическое развитие привело к -ik-, yq-, например: тюркск. jum- „сомкнуть (глаза, руки, губы)“, jumuq-, коман. jumuq- „собираться“, jumγi „в совокупности, всё“, монг. ǯumi-ji- „быть сомкнутым (о глазах, о рте)“, ǯumu-ji (то же), ǯumu-gi-r „сомкнутый“, тюркск. jumuq (то же), кор. čumu-si- „спать, почивать (о высокопоставленных особах)“ < *cum-ur-si- „держать сомкнутыми (глаза)“, тюркск. jumurt, jumurtqa „яйцо“; др.-тюркск. taš „наружная сторона“, tašyq- > уйг., ср.-тюркск. čyq-, чув. tuχ- < tulχ- < talq), якут. taγys- (< tasyg < tašyq-) „восходить, выходить, уходить“, монг. tala-ji-, tali-ji-, калм. tali- „уходить, исчезать“. Монгольские прилагательные на -gir являются, вероятно, причастием на -r- от этих глаголов на -gi-. Рано отойдя от парадигмы, эти прилагательные не участвовали вместе с глаголом в развитии -gi- > -ji-, которое имело место в системе глагола. В корейском языке, и в особенности в тюркском, имеются прилагательные, которые производились от глаголов с помощью окончания -gin. Это окончание разбиралось уже выше, в § 71. Оно может рассматриваться как причастие на -n- от глагольных основ, имеющих в своем исходе -gi-, из чего, разумеется, не следует, что в настоящее время глаголы на -gi- можно легко обнаружить в языке, а следует лишь то, что суффикс -gi- стал в дальнейшем распространяться самостоятельно. Эти прилагательные образовывались в тюркском от первичной основы, в тунгусском же — в большинстве случаев от страдательной основы на -wu-, откуда и возникло тунгусское окончание -pkin > -kpin.

В моем исследовании „Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen“ (которое в иных вопросах уже несколько устарело) я представил суффиксы -gu- (-qu-) и -gi- как в корне различные. Поскольку гласный звук и в тюркском, и в корейском является в равной степени мало решающим, критерием может быть лишь монгольский язык, который, однако, также довольно часто бросает нас на произвол судьбы в тех случаях, когда необходимо определить первоначальный гласный. При этом следует принять во внимание, что в монгольском языке имеется к тому же и несколько глаголов на -g-, например: ila-, ilag- „побеждать, одержать победу“, qulug-, халх. χulū- „воровать“, asag- (< hasag-), asagu-, халх. asū- „спрашивать“, сол. aŋū- < (h) asqu- (то же); монг. kirug- „пугаться“, калм. χor- „бояться“, монгНТ. qorog- или qorogo-, калм. χorgo- „пугаться“, тюркск. qorq-, qoruq- „бояться, пугаться“. Быть может, сюда же относится сол. dęilug- „стать побежденным“ (< dęil-, монг. dejil- „побеждать“, ср. уйг. jäŋ- „побеждать“ < jäg-n- „быть лучшим“), если только это не случайное усечение слова dęilugdę-, монг. dejilügde-. В монгольском языке страдательный залог образуется ныне с помощью окончания -gda-, которое, по всей вероятности, и является страдательным на -da- либо от некоей вторичной основы на -g- < -gi- ~ -gu-, либо, быть может, от имени на -q.

Монгольское -ji- вообще обозначает состояние, вид или положение как глагольное действие, тюркское -yq-∼-ik- — прежде всего становление и страдательно воспринимаемое изменение состояния, например: tat-yq „заржаветь“, bal-yq „подвергнуться ранению (ср. baš „рана“), bas-t-yq „затаптывать“, bir-ik- „объединяться“ монг. bürü-ji- (то же).

§ 85. Суффикс -ga-. Понудительный глагол

Вторичный глагол на -ga- имеет в монгольском языке переходное или понудительное значение в том случае, если первичный глагол еще встречается с непереходным значением, например: bol „становиться“: bolga „заставить стать, сделать, создать“; gar „выходить“: garga- „выгонять“; kür- „приходить, прибывать“: kürge „доставлять, посылать“; bos- „вставать“: bosqa- „устанавливать стоймя, воздвигать“; ǯoba- „страдать“: ǯobaga-, калм. zowā- „мучить“ и т. п. Этот же суффикс может также удваиваться, например: bosqa-ga -> bosγā- „заставить воздвигнуть“, kürge-ge „велеть доставить“ и т. д. В диалектах монгорского языка -ga- является наиболее употребительным и самым выразительным суффиксом понудительности, тогда как в других языках отдается предпочтение -lga-. Встречаются в монгольском языке, естественно, и такие глаголы на -ga-, от которых соответственный первичный глагол прослеживается только в других языках, например: монг. tačija (<*tati-ga-) „вкушать“, тюркск. tat- „быть сладким“; монг. irü-ge- калм. jörä- „благословлять“ (<*hirü-ge-, монгНТ. hiru'e-), маньч. firu- „молиться“, тунг. hiru-l- „произносить заклинания (о шаманах)“, кор. pil-, сев.-кор. pir- „молиться, просить, просить взаймы“, pilii, pilgu-, pilgi-, сев.-кор. pirgu-, pirgi- „стать вымоленным (вымолить), дать взаймы“; монг. ugija- (<*ugi-ga-) „мыть“, ср. u „вода“ в языке варваров Hu, согласно китайским источникам, монг. usun „вода“, тунг., гольд. uäta „волна“; монг. ǯalga- „совершенствовать, удлинять“< ǯalu-, ср. тунг., маньч. ǯalu- „быть полным“, ǯalu-w-ka-n „выполнять, наполнять“; монг. idqa- „отговаривать, удерживать“, ср. тюркск., уйг. yča-n- „избегать, остерегаться“ и т. д.

В соединении с основой на -l-, суффикс -ga- дает в монгольском языке обычный каузативный суффикс -lga-, например: sagu- „сидеть“, sagul-[156] „сажать“, sagulga- „сажать, заставить сесть“, калм. sulga-; bajilga- „заставить остаться, заставить стать“; калм. zowä- „истязать“, zowul- (то же), zowälga-, zowülga- „заставить истязать“, zowälg-ül- „побуждать, чтоб стал мучим (истязуем)“ и т. д. Этот же суффикс применяется также и в тунгусском, причем, как в качестве компонента различных окончаний, так и сам по себе, например: dalga- „(что-либо) жечь“, сюда же относится и сол. dalgō- < dalga-wu- „сжигаться (стать сжигаемым)“, гольд. dalǯa-, ольч. dalǯa- > ǯalǯa- „что-либо жечь“, ср. кор. tal- „быть горячим, пылать“, тюркск. jal-yn „пламя“. Очень обычен наш суффикс в тунгусских составных суффиксах -wkān- и -wkat-, при помощи которых, как правило, образуется фактитив, например: негид. wa- „убивать“, wawkani-, wafkani- „велеть убить“; негид. huju- „вариться, кипятиться“, hujuwa-, hujuwkān- „варить“ (переходный); гольд. āsi- „спать“, asibu-, asiwu-, asiubu- „лечь спать“, asiwān- „уложить спать кого-либо“, āsiwāči- „усыплять“; гольд. gawā-či- „заставить пойти, указать дорогу“; лам. bak- „находить“, baku- „находиться“, bakukan- „приказать найти“ и т. п. В качестве компонентов в суффиксе -wkan- (∼-ukan-, после назальных также -nukan-) мы имеем возвратный -n-, -ni-, а в суффиксе -wkat- — континуативный -t-. В диалектах тунгусского языка можно найти также слова, которые образованы, как в монгольском — посредством -lge- или как в корейском — посредством -lgi-, например: nu- „проживать, поселяться“, nulgi-∼nulge- „(со всем имуществом) переселяться“, nukig- „(часто) переселяться, кочевать“, nuktu-kgn- „побуждать к переселению“, nulgisin- „готовиться к перекочевке“, nulgil- „начать переселяться“, ср. монг. nülge- „перевозить (дом)“< монг. nü- (< negü); сол. egelgi-, egelgē- „греться на солнце“, монг. ege-, калм. ē- „гореть (о солнце)“ (<*peg-∼*pek-, ср. тунг. heku „горячий“, монг. eksi-). Соответственные составные суффиксы имеются также в монгольском языке: -čaga- и ǯaga-ni > -zān-, и в корейском: -ka-b-∼-kę-b-; например: kikkęb- „быть веселым“ < kis-ke-w наряду с kis-ki-, kakkab- „быть близким“ < kat-ka-w-, ср. тюркск. qat „рядом, возле“; так как в кор. -b-∼-w- <-bu-, возможно, что корейское окончание тождественно тунгусскому -w-ka.

Поскольку в тюркском гласный звук во втором или третьем слоге уже на раннем этапе либо совсем исчезает, либо редуцируется, проследить наверняка суффикс -ga- невозможно. Быть может, активизировавшийся -q-∼-k- является фонетически-закономерным проявлением этого -ga-, например: тюркск. jaq- „(что-либо) жечь“, ср. тюркск. jan- „гореть“ (непереходный), чув. šun (то же), чув. šu-t- „(что-либо) сжигать“< ja-t-; тюркск. jük- „грузить, нагружать“, ср. jü и jü-d- „брать на себя, нагружаться“; тюркск. *saq- > якут. äχ- „считать“, тюркск. sa- „считать“, уйг. saq-yn- „думать“ > „вспоминать“, тюркск. saju, sajy, якут. äjy „каждый, все вместе (присчитанные)“, sajyn > чув. -sem как окончание множественного числа. Наряду с этим в тюркском существует также отыменный суффикс -qa-, например: jarlyγ-qa- „приказывать“, irinč-kä „соболезновать и т. п.

§ 86. Суффикс -ti-

В числе суффиксов, служащих для образования переходных глаголов, тюркский язык имеет еще суффикс -t- и произведенный от него -tur-. В монгольском языке ему соответствует суффикс -či-, который восходит к древнему -ti- (см. Verbstammbildungslehre, стр. 21). В тунгусском языке тоже существуют глагольные обра-

зования на -ti-, передающие быстрый и эффективный характер действия, например, монг. öbči- „взрезать (шкуру при убое)“; тунг. hupti-∼huptę- „вскрывать, оперировать“ (тунгС. kōji- „заблуждаться“ >) тунгС. kōji-či- „обмануть“.

В корейском языке -čhi- (< -t'i-) употребителен как суффикс, служащий для образования переходных глаголов, например: nem- „прибавляться, идти дальше“, монг. neme- „прибавлять“, кор. nemč „приумножаться, прибавляться“, кор. nemčhi- „перешагнуть (например, река „перешагнула“ берега)“; кор. tol- „вращаться“, tolgi-, tolg tolgu-, tolčhi-, „вращать, поворачивать“, тюркск. tolγama „окружение, фланговое наступление“ (< монг. tol-ga- „осаждать“); кор. čob- „быть узким“, čopčhi-, сев.-кор. copthi- „суживать“, уйг. juvqa „нежный, тонкий“; кор. na- „выходить, уходить“, nai- „выдавать“, naičhi- „прогонять, угонять“, сев.-кор. näthi- (то же); кор. tad- „замыкать“, tat-čhi сев.-кор. tatthi „заставить замкнуть“ или „замкнуться“ (например, двери). Когда, как в последнем примере, основа имеет в исходе зубную клаузулу, в окончании -thi- вторичной основы, в силу фонетических законов, можно также усмотреть образование на -gi-; например: *tat-thi- или *tat-hi < *tat-gi-; кор. anč- „сидеть“, ančhi- „сажать“, как и nak „отгораживать“, nakkhi „становиться отгороженным, заставить отгородить“. Во всяком случае, мы располагаем достаточным количеством примеров для доказательства существования в древнем корейском языке образования на -thi-.

С другой стороны, трудно отличить с полной уверенностью суффикс -thi- от некоего случайного составного образования с участием глагола -thi-, южно-кор. čhi- „бить“, например: nem-thi „преступить“ („to transgress“ у Гэйля), южно-кор. nemčhi-, ср. neme-čhi-, сев.-кор. nemethi- „перехлестывать (о волнах), переходить на другую сторону“ и т. д. Эти трудности могут быть, пожалуй, устранены, если мы возьмем на себя смелость допустить, что понудительный глагол на -ti- (кор. -thi-, монг. -či-, тюркск. -t-) следует возвести непосредственно к энклитическому использованию этого глагола. Это допущение дало бы объяснение и тому, почему окончание -ti- (кор. -thi-) всегда является лишь переходно-понудительным, тогда как разбиравшиеся выше -bu-, -gu-, -gi-, -l в сущности, только возвратными, т. е. то понудительными, то страдательными. В пользу этого предположения говорит далее тот факт, что в монгольском языке большинство глаголов на -č могут заключать в себе значение „бить“, например: qugul „обламывать“, qugučі- „насильно обламывать, разом разбивать“, qugu-ra „разбивать“, balbal- „разбить вдребезги“, balbači- „разбивать на куски“, balbara- „разбиться на части“; ǯaŋ-gil „завязывать“, ǯaŋgičі „связывать, разбивать на узлы“, ǯaŋgira- „запутываться“ и т. д.

§ 87. Суффикс -ri-∼-ŕ-

Применяемый в монгольском языке понудительный залог (каузатив) на -r-, -ri-[157] тождественен по своему происхождению понудительному залогу на -r-∼-z- в тюркском, например: монг. sam-ur- „перерывать, взбалтывать“, samučі- (то же), samuča- „быть в порядке“, samugu > samū „запутанный, спутанный“, тюркск. samur- „перерывать, перепутывать“, лам. ham- (то же); nidur- „бить кулаком“, niduči-, nidul- (то же), nidulga „кулак“, тюркск., алт., тел. judur-uq, якут. sutur-uk (то же); монг. ös-ür, ösü-či-, ösü-gle- „опрыскивать“, маньч. lusur- (то же); монг. ulari- „сменяться“ (о временах года), маньч. ula- „передавать дальше“, тюркск. ula- „продолжаться“, ulaju „и, далее“, монг. ulam „постепенно, все больше“, тур. ulam „один за другим“, уйг. ulaš- „быть взаимно связанными“, монг. ulaga „почтовые лошади, почтовая служба“, монг. kedür- „одевать“, kedürge „верхняя одежда“, др.-тюркск. ked-ür- „одевать“, ked-im „одежда“, монг. kеǰim „чепрак“, др.-тюркск. ked-, койб. kes-, тар. käj- „одеваться“; тюркск., монг. kötür- „поднимать“, уйг. kötär-, ср. монг. kötül „холм“; др.-тюркск., уйг. olur-, чув. lar- (< ƧIar-), казах. oltur-, тат. utur- „сидеть, садиться“, ср. якут. olut „стул, сидение“, olu „место жительства, жилье“, монг. ol-bu-g „место оседлости“.

В тунгусском также встречается несколько глаголов на -ri-, -r-, например: баргуз. uwir-, сол. ugęri-, uęri-, тунг. uir, гольд. ugi-r- „поднимать“, ср. тунг. uilę „сверху, на“, uiski „кверху“, кор. uiro „кверху“, u „возвышение“, u-n-ni- „верхние зубы“ (< *u-t-ni, к ni, i „зуб“, ср. тунг. ī-ktę, сол., ijiktę „зуб“), монг. öge-de „кверху“; гольд. pujur-, негид. hujur- „варить, кипятить“ (переходный), ср. гольд. pujisi-, негид. hujusi-, баргуз. huju- „вариться, кипеть“ (непереходный), ср. монг. ūjü-(< *hūjü-).

В тюркском, где эта форма встречается, кажется, чаще всего, существует также понудительный залог на -r-, образованный от вторичных основ на -t- (= монг. -či-), -d- (= монг. -d-) и -q- (= монг. -qu и -gi-). Поэтому мы и находим в тюркском в качестве живых окончаний как -tur- (с вариантами -tuz-, -tar-, и реже -taz-), так и -qur-, -quz-, -qar-, -qaz. В чувашском языке -ar- и -tar- являются нормальными современными окончаниями понудительности (ср. Verbstammbildungslehre, стр. 23 —), тогда как -tur- употребляется исключительно в качестве окончания третьего лица повелительного наклонения („пусть он...“; см. § 129).

В корейском языке суффикс -ari-∼-eri- в качестве суффикса переходных глаголов идентичен тюркск. -ur-∼-uz-. Поскольку в позиции рядом с -čhi- < -thi- он также дает каузативное окончание -theri- (neme-theri-da = neme-čhi-da), он может быть приравнен к тюркск. -tur-∼-tuz- (ср. Kor. Gr., § 258).

§ 88. Изменение вида глаголов

Глагол, который сам по себе является непереходным, может при известных условиях выступать и как переходный, и наоборот. В некоторых случаях бывает совершенно невозможно установить разницу между переходным и непереходным глаголом, потому что

событие или действие может рассматриваться под различным у лом зрения, например: монг. čad-, čas- „насыщаться“, čad-qa „(чт либо, кого-либо) насыщать“, могол. čatqa- „насыщаться“, вероятн по существу, „насыщать себя“ или „свой желудок насыщать причем представляется, что čad- уже является неким производным ср. кор. čha- „быть полным“; тюркск. otur- „сидеть, садиться владеть, проживать, обитать“ < монг. oru-, ср. тюркск., монг. oru „место“. Точно так же и с применением образований интенсив инкоатива, итератива и кооператива там, где они охарактеризован в большинстве своем довольно нерегулярными грамматическим окончаниями, произвольно употребляемыми говорящей средой. Д выражения таких понятий, как, например, „бороться“, „сражаться „обещать“, более естественно использование образований общност действия или обоюдности действия, чем применение первичны глаголов. В тунгусских диалектах дальше других пошла в свое развитии система различных видов (аспектов), которая поэтом должна быть еще рассмотрена особо.

На того, кто занимался только европейскими языками, прои водит несколько странное впечатление тот факт, что в алтайски языках, и особенно в монгольском, от непереходного глагол имеются производные страдательного залога. Так, например, н ряду с монг. bi bolba „я стал“ возможно существование и страдатель ной формы: bi boldaba „я был вынужден стать, я стал (проти своей воли), случилось, что я стал, я — мне стало (со мною ста лось)“; bi irebe „я пришел (т. е. по собственному побуждению) bi iregdebei „я пришел (случайно), я пришел (не по своему побуж дению)“ = „мне пришлось прийти“ или „я к (множественному приходу (других) вынужден“ [159], bi iregülbei „я заставил (кого либо, что-либо) прийти, я заказал себе“, bi iregülügdebei „я вызван прийти (мне назначено, я назначен прийти)“, bi irelčebei „ пришел с другими“, bi irelčegülügdebei „я был вызван прийт вместе с другими“ и т. д. Возможности различных основооб разований в монгольском языке безграничны, но не особенно по пулярны. В одном диалекте фактически применяются какие-т определенные, теоретически всегда допустимые образования, другом — обращаются к каким-то иным, а потому единообразия этом отношении не следует ожидать ни в языке древнемонголь ского периода, ни в более позднем. Нет ничего удивительного поэтому в том, что в тюркских языках и диалектах фактитивны образования столь разнообразны и последовательность различны суффиксов в комбинациях суффиксов имеет так много вариантов например: тур. je „есть“, jen, jenil- „быть съедаемым (съедаться)“ но в якут. siä- „есть“, siälin „быть съедаемым (съедаться)“.

§ 89. Новообразования в тунгусском языке

Наиболее развитая система образования вторичных основ суще ствует в тунгусском языке, который обладает чуть ли не бесчис ленными возможностями варьировать выражение разнообразных видов и залогов какого-либо действия. Однако способность эта не уходит своими корнями в „праалтайский язык“; по моим соображениям она является результатом длительного, постепенного и специфического развития. Это подтверждается, между прочим, и тем фактом, что современные диалекты находятся на различных ступенях того же процесса развития. При описании одного действия в его отношении к другому, с целью передачи их возможно более тесного контакта, в тунгусских языках, как, впрочем, и еще кое-где, применялась глагольная форма на -a (см. § 59, 3), но поскольку акцент неизменно падал на первый из глаголов, второй глагол в тунгусском языке оказался ослабленным до уровня суффикса. Можно привести бесчисленное количество аналогичных примеров и из корейского языка; истоки этого процесса взаимослияния двух глаголов, а часто и имен с глаголами, как нам кажется, следует искать в тунгусо-корейских языковых связях.

Новообразованными окончаниями такого характера являются:

а) -na- (кор. na- „выходить, происходить“, откуда nā-i- „выгонять, производить, выходить“), например: ičę- „видеть“, тунг. ičęnę-, лам. itna- „идти поглядеть“; hukla- „спать“, лам. hukla-d--na-rom „я иду спать“ (-d- < -d'a-); ma- „убивать, охотиться“, лам. ma-d-na-rom „я иду охотиться“; ga- „брать, покупать“, негид., гольд., маньч. ga-na- „пойти, чтобы взять или купить“; негид. wa- „убивать“, wa-na- „пойти убивать“; маньч. ǯafa, тунг. ǯawa-, кор. čap- „брать, браться за что-либо“, маньч. ǯafana-, тунг. ǯawana-, кор. čaba na- „пойти, чтобы взять“; негид. tegę-t-na-kel „пойди сядь“, ǯawu-ča-na-kel „иди задержи“; негид. ǯab-, ǯäb- „есть“, ǯäm-na-m „я иду поесть“, gun „говорить“, gun-na-m „я иду сказать“, gun-na-ika-nę-m „я послал его (чтобы) сказать“ и т. д. (Мат. сол., стр. 121, § 48, Verba finalia; Захаров, Гр., § 133; -na-, кажется, часто еще сохраняет свой гласный).

Тот же самый глагол (кор.) na- „выходить, происходить, выступать вперед, производиться“, присоединенный к имени, дал в маньч., а также в гольд., ольч. и т. д. глаголы на -na-, -nę- со значением „формироваться, образовываться“.

б) -ǯi- (в гольд. также -di-), ср. кор. či-, после гласных -ǯi-, сев.-кор. и в более древнем языке ti- (после гласных -di- „приходить, становиться, получать“), например, маньч. ga-ǯi- „приносить, подносить“; маньч. (ala- „говорить“) ala-n-ǯi- „прийти сказать“, alanǯiχa (alame ǯiχe = ǯifi alaχa) „он пришел и сказал; пришедши, он сказал“; ǯafanǯi- (древнее ǯafame ǯi-) „прийти (чтобы) взять“. Глагол di- в качестве самостоятельного глагола встречается в гольдском языке (did-, ǯid-, dida-, ǯida-), в маньчжурском (ǯi-), в ольче (ǯi-, ǯid-) в значении „приходить“ (тюркск. ji-t- „достигать, прибывать“), в северотунгусских он, однако, неизвестен, также здесь не засвидетельствованы и эти конструкции с -di-. В корейском языке также теперь уже едва ли ti- ~ *di- воспринимается как самостоятельный глагол, тогда как в качестве конечной части

конструкции он общепринят, например: čaba ǯi- „стать взятым“, ugire ǯi- „стать измятым“, čapra ǯi- „лежать распластанным“, čapra-dim ha- — то же (< čad-p-a + di-m?) и др.; к di- „приходить“ относится, быть может, монг. ǯid-kü, тюркск. jit-, чув. śit-.

в) -mat-, -mač-. Этот звуковой комплекс, воспринимаемый в настоящее время как окончание глаголов взаимности действия, тождественен корейскому глаголу mač- (matta: maǯa: maǯin) „встречать, быть взаимным“, откуда, например, образуются manna- „встречать, достигать“ [< mač-na- „встречать друг друга (= встречаться)“, кор.-тунг. na- „встречать“], mat-param „встречный ветер“, masse- „противостоять, быть равноценным“ (< mač + sje- „стоять“) и др. Тунгусские образования на -mat- имеют то же значение, что и унаследованные издревле в тунг. и монг. -ldi-, -ldu-, поэтому в глаголах, которые особо подчеркивают оттенок взаимности действия, существует также окончание -mačildi- (Мат. сол., стр. 121, § 47). Примеры: тунг. dil „голова“, dilmat- „один на один (голова против головы), дергать друг друга за волосы (вцепиться в волосы), сражаться, бороться“; тунг. bele- „помогать“, bele-met- „помогать друг другу“; ulgu-če- „рассказывать“, ulguče-metkellu „ведите с нами переговоры!“, ulguče-mečildikellu „давайте вести друг с другом переговоры!“; aja „хорошо“, aja po- „хорошо смотреть (любить)“ > ajapu- „любить“, ajapuldil-, ajapumačil- „любить друг друга“, ajapumačildi-l-la „они стали любить друг друга“ (-l-, -li- „начинать“, см. ниже п. „е“); сол. ǯawamašildi- „схватившись друг с другом бороться (сражаться)“, лам. māmat- „убивать друг друга“, häpkä-mattaur „хватайте друг друга!“; гольд. ičе- „смотреть“, ičе-meči- „рассматривать друг друга“; гольд. (при p < b < m) ača-n- „встречаться“, ačamраči „встречать друг друга“; гольд. un- (= тунг. gun-) „говорить, сказать“, umpeči- „наговаривать (жаловаться) друг на друга“ и др. В гольдском имеется глагол bači- „встречаться“, который, вероятно, идентичен корейскому mat-, mač-: bačihafu „мы — встретившиеся“ (= „добрый день, здравствуйте“). В ламутском языке, согласно Богоразу, форма „взаимности действия“ принята чаще на -mat-, чем на -ldi-.

г) -mu- (-mü-). Это окончание, которое принадлежит к наиболее архаическим образованиям такого типа, встречается в глаголах, выражающих волю или пожелание. К типу гольд. omi-mu, тунг. um-mu- „хотеть пить“ (um- „пить“), koli-mü- — то же (лам. kol- „пить“), ke-mu- „хотеть сделать“, ga-mu- „хотеть взять“ приобщается монг. глагол ǯemü-, современный калм. zöm- „быть голодным“ — слово, которое является общим для всех тунгусских языков и диалектов: ǯe-mu- „хотеть есть“, ǯemun „голод“, ǯemukin „голодный“. Подобным же образованием является и монг. amu- „покоиться, отдыхать“ = тунг. ā-mu- „хотеть спать“. В монгольских словах ǯe-mü-, a-mu- можно было бы усматривать простой суффикс, но поскольку в монгольском языке существует древний глагол *mu- (= тюркск. *umu- в um- „надеяться“?), который в монгор. засвидетельствован в виде mö- „желать, хотеть“ (Monguor Dict., стр. 238), эти окончания можно считать либо заимствованиями из тунгусского, либо, как и тунгусские образцы, архаическими сложносоставными образованиями. Примеры: тунг. duku- „писать“, duku-mu-m „я хотел писать, я хочу писать“, duku-na-mu-m „я хотел пойти написать“; тунг. um-mu-ǯam „я хочу пить (у меня жажда)“, негид. om-mu-m (то же); a-mu-m „я хочу спать, у меня сонливость“; тунгК. inje-mu-pčē „смехотворный“ (< „который действует так, что хочется смеяться“). Широко распространены в тунгусском языке составные суффиксы курсивного и инкоативного вида: -mu-si- и даже -mu-sini- „получить вкус к чему-либо“, например: гольд. ome-mosi- „захотеть пить“; ām-mosi- „захотеть спать“; лам. bakamš-om „я желал бы найти (мне захотелось найти)“, dašamš-om „я хотел бы укутать“, dašnamš-om „я хотел бы пойти укутать“, išnamš-om „мне захотелось пойти посмотреть“; тунгВас. ennušim genere „я не хочу идти“ и др. Здесь же нужно упомянуть и тунгусскую форму желательности на -mča (< mu-ča) (Кастрен, тунг., стр. 29), например ǯāpimčāf (там же, стр. 53) „я захотел поесть“, omčaf „я захотел стать“ и т. д. Эта форма глагола, которая причисляется к формам наиболее употребительных глагольных основ, является, следовательно, прошедшим временем на -ča- от основы на -mu-.

д) -ma- (-me-). Это окончание особенно принято в отыменных глаголах при основах, семантически связанных с охотой, обозначающих „что-либо поймать“; быть может, оно соотносится с ламутским глаголом ma- „отправляться (идти) убить“. Очень возможно, что это тот же самый глагол, который в тунгусском языке звучит как wä- и, следовательно, должен был после имени на -n фонетически нормализоваться в виде -ma-, например: ollo, oldo „рыба“, ollomo- „рыбачить“; ulu-ki „белка“, ulu-me- „ловить белок“; bejun „серна“, bejume- „убивать серн“ и др. От глагола этого типа образуется также имя на -n в значении „приученный к .., специализированный в ...“, например, bejumen „приученный к охоте на серн (охотничья собака)“, ollomon „рыбак, любитель рыбы“. Сюда же относится и гольд., ольч. -masi-, в котором элемент -si-, вероятно, тождественен инкоативному -si-n- в тунгусском языке, например, гольд. gasa „водоплавающая птица“, gasamasi- „охотиться на водоплавающих птиц“, giu „газель“, giumesi- „охотиться на газелей“ и т. д. (см. Петрова, стр. 15).

е) -l-, -il-, -li-. Во всех тунгусских диалектах существуют глаголы, которые произведены с помощью этого окончания от первичных основ; эти глаголы подчеркивают начинательный характер действия. Однако одновременно с ним тунгусский язык имеет еще и глагол il- (в прошедшем времени ilča) со значением „вставать, подниматься“ (ср. лам. ilir „крутой берег“), кор. il- (ныне употребителен уже только в виде ire oda „встать и прийти“, ire nada „встать и пойти“, irit-khi-, irik-khi- „выставлять, устанавливать“), nil-, ni-. Этот глагол часто применяется таким образом, что значение „встать, чтобы...“ совпадает полностью со значением

„начинать“. Поэтому напрашивается мысль, что в окончании -l-, -li-, поскольку оно обозначает „начинать“, можно усмотреть энклитически употребленное -il- „встать, чтобы...“, например: dašal-d'om „я принялся(=начал) укутывать“, bakal-d'om „я начал находить“, негид. ǯämulim „я захотел есть (я начал чувствовать себя голодным)“, ǯäbulim, ǯäpilim „я начал есть“, búl-den „он стал умирать“, тунг. būmu-li-m „я захотел дать, у меня появилось желание дать“, ср. ср.-тюркск. iglä- „болеть, быть больным“, igläl- „заболевать“.

ж) -mel-. Это ламутское окончание глаголов, обозначающих „начинать испытывать к чему-либо внутреннюю склонность, что-либо охотно делать“, возникло, вероятно, в результате стяжения глагола -mu- „желать“ и -il- „начинать“, например: bi bakameld'om „я готов искать“, bi häpkämeld'om „я готов понять“ и т. п. В соответствии с этим ламутское окончание -mš- является стяжением -mu-si-, где, таким образом, примета глагольной формы интенсивности (-si-) (Verbum intensivum) стоит после -mu- — окончания, выражающего желание, например: bakamšom „я хочу поискать“.

з) -ščі-, -šti- — ламутское окончание глаголов, выражающих намерение или привычку, например: bakaščirom „я собираюсь поискать, я намерен поискать“, iniu-tikin ǯebiščirä-p „мы привыкли есть только свежебитое (не падаль)“. Здесь налицо либо сочетание признака интенсива -si- с формой непрерывности действия на -ti-, либо сращение некоего глагола со значением „намереваться“ или „иметь склонность“ с предшествующим ему основным глаголом, ср. монг. sed- (< se-d-) „намереваться подумать“, sedülgen „намерение, расчет“, sed-ki- „думать, любить“.

и) -ǯa- (т. е. -ǯa- и -ǯe) (Кастрéн, тунг., стр. 61: Verba continuativa). Основообразование на -ǯa- встречается во всех диалектах и играет в изменении глаголов особо важную роль, так как только с его помощью язык получает специфическую (прогрессивную) форму настоящего времени. Глагол в своей первичной форме имеет, как правило, внутриприсущее ему значение совершенности действия, т. е. он выражает действие кратковременное и раз навсегда завершенное. Этому „законченному“ действию логически противостоит действие поступательное (прогрессив), поскольку оно, в представлении говорящего, как раз находится в состоянии движения вперед и, таким образом, остается или оставалось „незаконченным“. Следовательно, с помощью окончания -ǯa- в тунгусском языке образуются глаголы незаконченного действия (=несовершенного вида), например: om „я делаю, I make“, oǯam „I am making“; gunem „я говорю, я сказал, I say, I said“, gunǯem „I am saying“; enuren „он заболел, он был болен“, enullen „он заболевал“, enuǯeren „он болен, у него болит“, enulǯeren „у него разбаливается“; лам. gowren „лаял“, gowadden „лает“ (> gowa-ǯ-re-n); лам. ittom „я вижу, я видел“, ičiddom „я смотрю, I am looking“; bakrom „я находил, я нашел“, bakaddom „я нахожу“; барг. ejeneren „течет, тёк вниз по течению“, ejeneǯe-

ren „протекает (как раз в данный момент) вниз по течению“; тунгВас. gepi-l-len „стемнело (настала ночь)“, gepi-l-ǯe-ren „наступает ночь, темнеет“ (ср. кор. kiph- „быть глубоким“, kiphin pam „глубокая ночь“); bi, bisi „есть (находится)“, biǯeren „проживает“, biǯek „место проживания“ и др. Имя на -ǯak, которое обычно обозначает место действия, представляет собой имя на -k- (=имени на -q- в тюркском, см. выше § 66) от основы на -ǯa-: bu- „умирать“, bu-ǯek „могила“, baldi- „рождаться“, baldi-ǯak „место рождения“, baldi-kit (то же).

На вопрос о том, какого происхождения это тунгусское окончание -ǯa-, -ǯe-, с полной уверенностью ответить трудно. Хотя в монгольском языке и имеется несколько образований на -ǯa-, например: bol- „становиться, стать единодушным“, bolǯa- „договариваться, назначать срок“, bolǯal, bolǯaga „срок, время, соглашение“, а также и итеративно-континуативные глаголы на -lǯa-, gulǯa-, -bulǯa-, однако, поскольку -ǯa- встречается здесь только в позиции после -l-, а -ǯa, встречающееся в именах, представляет собой лишь древний вариант -ča- (ср. монг. ol- „находить“, olǯa „трофей“, sal- „разветвляться“, salǯa „ветвь“ и т. п.), несомненно, что происхождение этого образования следует искать где-то в другом месте. По всей вероятности, правильное разрешение вопроса дает корейский глагол ča- „лежать, изволить, соизволить“ (ča-psu- — то же), которому этимологически соответствует тюркский jat- „лежать“.

В тюркском, в тех случаях, когда речь идет о непрерывно-поступательном развитии действия, в качестве вспомогательного глагола употребляется именно глагол jat-[160], например: койб. bola-čat „есть (является), становится“, bara-čat, bara-čatur „все идет и идет“, качК. perbin-ǯälär „они не дают“, surbin-ǯälar „они не спрашивают“, алт. bara-jatyr, туркм. bara-jar, тур. waryjor „идет“, алт. birä-jatyr, туркм. birä-jär, тур. veri-jor „дает“ и т. д. Так же как в турецком языке -jor в функции окончания поступательного настоящего времени еще не подчиняется закону гармонии гласных, так и в тунгусском — окончание -ǯa-, -ǯe- (как и -na-, -ne-) появляется с гласным переднего ряда не во всех диалектах и не во всех словах, где этого нужно было бы ожидать; это показывает, что исконным гласным -ǯa- ~ -ǯe- является -a-. Так, например, наряду с bi-ǯak употребляется bi-ǯek, наряду с bu-ǯak, bu-ǯek, ср. лам. it-naddom (< iče-na-d'a-dom) „я иду посмотреть“, следовательно, не *itnä-.

Во всяком случае, употребление глагола -ǯa- после формы на -a- предшествующего ему основного глагола представляется очень древним, лам. bakaddom „я нахожу“ (< baka-ǯa-), ср. тюркск. baqa jatur „он рассматривает“ („он смотрит“). Касаясь его значения, следует отметить, что между тюркским и тунгусским в этом отношении существует большое сходство: переход от понятия „лежать“ к понятию „как раз находиться возле того“ (= „быть в состоянии осуществления действия“) в обоих язы-

ках одинаков, и к тому же, что, быть может, послужит разъя-
нением, глагол ča- в корейском языке значит „пользоваться, вк-
шать, есть, быть чем-либо занятым“ (časi-da, čapsu-da < ča-psi-
Упомянутое выше тунг. bu-ǯek „могила“ могло сохранить сво
элемент -ǯe- в его первоначальном значении „лежать“.

к) -ott-, -watt- в ламутском языке. Здесь присутствует, вер-
ятно, некое -w-kat-, -w-gat, т. е. исконная форма непрерывност
действия (континуатив); оно передает длительный или многокра-
ный характер действия, например: лам. hawal-il- „оказаться в дв-
жении (попасть в движение), начать двигаться“, hawal-ilōtte
„он (все) переставляет (юрту)“ (MA, VIII, 376).

л) -rgi-, негид. jgi-, -ǵi, -jg-. Этот засвидетельствованны
только в южных диалектах тунгусского языка суффикс словооб-
разования глаголов с значением „вновь, опять, вторично, обратно
и т. п. соотносится как будто с монгольским глаголом ergi
„перевертывать, поворачивать“, например: негид. bahajgi- „находит
вновь“ (baha- „находить“), igi- „снова входить“ (i- „входить“
монг. i-re- „приходить“, кор. irir- „достигать, прибывать“), aj
ojgijen „стало опять хорошо“ (< o-rgi-re-n), gunnajgijen „он поше
(-na-) опять, чтобы сказать“, omigi-, omijgi, omid-gi- „возвращаться
(< em-i-rgi-), bujgičen „он возвратил (отдал обратно)“ (< bū „да-
вать“). toχsajgije „они бегут обратно“ (toχsa- „бежать, барг
tukse-, а тунг. tuksaki „заяц“, кор. thokki „заяц“). Значение „опят
(обратно)“ представляет собой развитие исконного, лежащего
в основе локального представления „обратно, наоборот“, монг
ergi- „переворачивать“.

м) Маньч. -ŋgi- — окончание, обозначающее „отсылать, посы-
лать“, область распространения которого ограничивается маньч
журским языком и некоторыми соседними диалектами; представ-
ляет собой результат довольно недавнего стяжения основного
глагола с энклитически употребляемым глаголом uŋgi- „посылать“
тунг. uŋ- (то же), например ga- „получать, покупать“, gaŋgi
„(кого-либо) послать купить что-либо“; ala- „говорить“, alabu- „по-
ручить сказать“, alaŋgi- „послать сказать“, alabuŋgi- „послать
чтобы велеть сказать, велеть послать, чтобы сказать“ и т. п.

н) -mut-, -mutč-. Это окончание, обозначающее „замарать чем
либо, выпачкаться чем-либо“, идентично кор. глаголу mud- (Gale, 380
„to stick to, to stain, to soil“), например: (Василевич, Сл. I, 184) тунгС
šaŋńanmutči- „закоптиться (= почернеть от дыма)“ (šaŋńan „дым“).

о) Тунг. -tā- в mōtā- „жечь дрова“, по своему происхождению
тот же самый глагол, что и кор. tha- „жечь, гореть“.

п) Гольд. -gelaj, -gilej (настоящее время) и -gelahan, -gilehen
(прошедшее время) „должен, вынужден“, например: si tagelajsi „ты
должен сделать“, mi tagelahambi „я должен был сделать“ — восхо-
дит, быть может, к глаголу gelejni „нуждаться в чем-либо“ (Пе-
трова, стр. 12).

р) Тунг. -mi-, суффикс со значением „(чем-либо) снабдить“, на-
пример: here „нижнее, земля, подошва“, hermi- „подшить подошвы“;
sen „игольное ушко“, senmi-, маньч. seni-, гольд. sembi- „продер-
нуть нитку (сквозь игольное ушко)“.

Помимо этих приведенных выше сочетаний глагола в энкли-
тическом употреблении с предшествующим ему глаголом, в кото-
рых происхождение суффикса еще возможно проследить, имеется
много сочетаний, уже не поддающихся анализу. Из них следует
назвать, например, гольдские глагольные основы на -go- ~ -gu- со
значением „становиться, стать“ и „что-либо сделать вторично“,
а также -so- ~ -su- „иметь привычку, делать что-либо непрестанно“,
напр. hola- „читать“, holago- „перечитывать“; bolo „осень“, bolo-
gohani „настала осень“ (ср. тунгЕ. ŋenū-hin-i-m „я возвратился
(пришел вторично)“ < ŋene- „идти“ + o- „приходить“); holanda-
hambi „я ходил (-nda- < -n-na-), чтобы читать“, holandasohambi
„я часто ходил (туда) читать“. holandasoǯambi „я еще хожу
(туда) читать“.

Как вообще во всех языках с богато развитыми морфологией
и словообразованием, так же и здесь, в алтайских языках, часто
бывает невозможно различить, где мы имеем дело с отгла-
гольным, а где с отыменным образованием глагольной
основы[161]. Фонетические стяжения и усечения привели к тому,
что шаблоны словообразования, служившие некогда для образова-
ния отглагольных производных, стали прилагаться и к именным
производящим основам, и наоборот.

Тот же характер, что и вышеприведенные сложносоставные
образования из имени или глагола и из глагола-энклитики, носит
глагольное образование на -ta- или -t- (Богораз, стр. 46) в тун-
гусском и ламутском языках: bi iwand'a-č akantarom „в Иване
я имел старшего брата, Иван мне за старшего брата“, тунг.
(Мат. эв. ф., 189) isalǯitin mūrūčentene, silūktalǯitin ūsītene, ǯaral-
ǯitin orontono „из ваших глаз мне (я себе) круглые корзины дела-
ющий (сделаю), из ваших (их) кишек мне постромки (ремни, упряжь)
делающий, из вашего (их) позвоночника мне оленя делающий“;
orontoǯokol „возьми оленя!“; гольд. -ta- или ta- (Грубе, стр. 72):
joan wo deduli prorok tara „они чтут Иоана, как пророка“ или
„почитая Иоана, имеют они в нем пророка“. Здесь кроется глагол
ta- „получить себе, присвоить себе“, кор. *ta- в tāgo „дай мне!“,
собственно: „(я) получающий“, и tālla go hada, tallāda „требовать,
вымаливать“, букв. „говорить: «я хочу получить»“.

§ 90. Глагол se-

Выше, в § 67, уже упоминался тунгусский формант -sse-
„пытаться (что-либо сделать)“ как сочетание из -s и глагола se-.
Этот глагол se- в маньчжурском языке встречается как самостоя-
тельный глагол в значении „говорить, полагать, делать“ и яв-
ляется там своего рода „универсальным глаголом“ (Verbum univer-
sale) в еще более широком смысле, чем немецкий tun или
английский to do. Этому se- соответствует в корейском языке

столь разносторонне применяемый ha-da ~ (~ диалектный hę- < sę-). Тюркско-монгольский отыменный глагол на -sa- (-sä-) „что-либо любить, охотно иметь“ дает представление, по всей вероятности, лишь об одном из многочисленных прежних словоупотреблений этого глагола. В тюркском более древнего периода (уйг., ср. тюркск.) засвидетельствовано много примеров образования глагольных основ на -sa-~-sä- (< *-usa- ~ *üsä-) и -yγsa-~-igsä-[162]. Махмуд Кашгарский приводит множество слов этого типа, например: kälsä- „хотеть прийти“, käligsä (то же) (kälig „приход, наступление“), sürsä- „хотеть прогнать (охотно прогнать)“, ursa- „хотеть (охотно) побить“, satsa- „хотеть продать“ и др. Понимать это образование надо следующим образом: первоначально самостоятельный глагол sä- энклитически присоединяется к глагольным формам на -y и на -u, -a (§ 59), т. е. глагольная основа, предшествовавшая этому -sä-, воспринималась сначала как имя. Разумеется, можно было и глагол sä- рассматривать тоже как непосредственно слившийся с глагольной основой, которая одновременно представляет собой и форму повелительного наклонения, например: kälsä- „хотеть прийти“ < kälü-sä- „приходящим считать“ или käl sä- „думать: приди!“ Легко понять, что имя на -yγ~-ig оказалось связанным с этим глаголом: kälig „приход“, käligsä- „желать прихода, думать прийти“, tatyγ „вкус, удовольствие“, tatyγsa- „желать удовольствия (насладиться)“, карагас. körüksä- „хотеть видеть“, paryqsa- „хотеть пойти“; ср. jaγ „жир“, jaγsa- „желать себе жира“, äv „дом“, ävsä „тосковать по дому“ ävsät- „вызывать тоску по дому“ (> тат. üjsät-); монг. ger „дом“, gerse- „любить свой домашний очаг“, gerseg „домашний очаг (у очажка)“, gergeseg „любитель женщин“, keregse „нуждаться в чем-либо“ или „быть нужным“, keregsel „принадлежности, орудия“, else- „заключить мир, покориться“, ср.-тюркск. usa- „испытывать жажду, хотеть воды“ (монг. u-sun „вода“, гольд. uwata, тунг. ůę „волна“, хунн. u < *wu „вода“), suvsa-, тат. susa- (то же).

Глагол *se- (> sä- ~ sa-) в энклитическом употреблении уже в тюркском языке более древнего периода в качестве производной формы сделался однородным целым. Возможно, что древнетюркско-уйгурское условное или сослагательное наклонение на -sar является не чем иным, как причастием на -r- от этой второобразной глагольной основы[163]; таким образом, kälsär män „если я приду, если бы я пришел“, ölsär sän, „если ты умрешь“, igläsär „если он заболеет“ следовало бы толковать, как „прийти-говорящий я“, „умереть-полагающий ты“, „заболеть-полагающий, заболел-говорящий“ и т. п. (см. подробнее § 64 и мою статью „Zum türkischen Konditional“).

Тот же глагол *se- должен был употребляться в своем исконном значении и в тех случаях, когда он в виде sę- в тунгусском языке и в виде ha- в корейском языке образует ономатопоэтические глагольные обороты, например: тунг. čikisę- „чирикать, стрекотать“ (< тунг. čiki, тюркск. tiki „чирикающий звук, чириканье, пиликанье“, тунг. čikilen „скрипка“, ср.-тюркск. tikilä- „жужжать“), čāŋnuse- „трещать“ (< тунг. čaŋnu „трах!“); кор. sugin sugin hą- „шептаться, шушукаться“ и т. д. (см. статью „Über onomatopoetische Wörter in den altaischen Sprachen“, VA, стр. 106, а также Kor. Gr., стр. 170).

§ 91. Инкорпорирование вспомогательного глагола в монгольском языке

Когда в монгольском языке за соединительным деепричастием на -ǯu (произносится -ǯi) следовал глагол bai- „быть, пребывать“, он, в соответствии с законами фонетики, давал -wäi- > -wä- > -ai- > -ä- ~ -ā-, а все в целом ныне произносится в калмыкском как -ǯäi-, -ǯä-, например: jabuǯu bajina „идет (ходит)“ > калм. jowdžän, ireǯü bajina > калм. irdžän и т. д. Это принятое ныне во многих монгольских диалектах образование прогрессива, вполне сходное по своему звучанию с тунгусским -ǯa- ~ -ǯä-, этимологически не имеет с ним ничего общего (у Котвича иначе).

В монгольском существует также глагол orki-, монгНТ. o'orki-, бурят., калм. oki- „бросать, отпускать, выбрасывать прочь“, который, примененный вслед за деепричастием на -ǯu, дал -čk-, халх. -čχ-, южно-монг. -'č'-, например: bičiǯu orki- „дописать до конца, раз навсегда дописать“, калм. bičičkıwä „закончил писать“, uuǯu orkilugai, калм. ūčk'lä, ūčk'lä „уже выпил (это)“; халх. ūčiχilä, ūčχilä. Возникшее таким путем в различных диалектах монгольского языка перфективное „окончание“ -č-, -čk- (особенно в халх. и вост.-монг.) следует, разумеется, отличать от древнего суффикса фактитива -či- (< *-ti-): здесь решающим является калмыкский -tśk-[164]. Тот же вспомогательный глагол встречается еще в халх. alābχᵊ „убей!“ < alagad orki, ɯχebχəbž „умер“ < üküged orkiǯu и т. д.

Встречаются еще и другие стяжения глагола, ставшего в монгольском языке безударным, которые являются довольно поздними по происхождению и потому легко распознаются, например: jabun ge-, ныне калм. jowŋgə- „идти сказать, думать пойти, (я) говорю: «(я) иду»“, jowŋgəǯätlm „когда я как раз собирался (собираюсь) приготовиться пойти“, ulas ge-, ныне калм. ulᵘskə- „отсвечивать красным“, ulᵘskəsn̥ nüdn̥ „покрасневший глаз“ (ср.-тюркск. ulas köz — то же), sa'us ge-, ныне калм. sūsgə- (sūskə-) „хотеть сесть“. Окончания -ŋgə- и -skə- встречаются, таким образом, в отдельных языках и представляют собой результат длительного развития.

§ 92. Инкорпорированный глагол как основообразующий суффикс в тюркских языках

В тюркском имеется несколько случаев, когда глагол в позиции после какой-либо формы другого глагола ослабляется до положения окончания. Одним из наиболее архаичных, но не засви-

детельствованных еще в других языках явлений представляет агглютинативное сочетание имени на -m с вспомогательным глаголом -e, er- „быть, оставаться“, служащее для образования современной отрицательной формы спряжения (см. § 58). Начальный этап этого развития наблюдался уже в дотюркский период, поскольку это явление в вполне развитом виде встречается также в чувашском языке.

Примером, относящимся к более позднему времени, является сочетание (уйг.) глагола u- „мочь“, якут. uj- „выдерживать, выносить“, ср. уйг. uγan „всемогущий, бог“ (тюркск. u- = маньч. o- кор. o-), с деепричастием на -a (~ -u), например: bara-u-, baru-u стяженное baru- „мочь идти“, baruma- „не мочь идти“ (bardi „он пошел“, barmadi „он не пошел“, barudi „он мог идти“, barumadi „он не мог идти“); jejü-u-, jejü- (или jeju-) „мочь есть“, yiji jedi „он ел“, jemädi „он не ел“, jejudi, jejüdi „он мог есть“, jejumadi, jejümädi „он не мог есть“ и т. д. В чагатайском имеется еще довольно много примеров этого основообразования на -u-, -ü-, возникшего тем же путем. В чувашском языке также имеются глагольные формы, в которых значение „мочь“ выражено с помощью узкого гласного, являющегося, так сказать, вторичным и несомненно, восходящего к -u- „мочь“, например: ĵlmərəm „я не брал“, ĵlĵmərəm „я не мог взять“, pulĵ (pulij) „могущий стать“ (< bolu-ůju).

Третий пример мы находим в применении глагола al- „брать“ в значении „мочь“, причем предшествующий ему глагол имеет форму на -a; например: тат. bardy „пошел“, barmady „не пошел“, (bara-aldy), baraldy „он смог пойти“, „он действительно пошел“, baralmady „он не смог пойти“; birdi „он дал“, birmädi „он не дал“, (bir-aldy), biräldi „он мог дать“, (bir-almady), biralmädi „он не мог дать“. В зап.-тюркск. -l- продолжает присутствовать, и это показывает нам, что исконным здесь является глагол al-; в южнотюркских же этот согласный, наоборот, исчез, и глагол возможности выражен поэтому через -a-, -ä-, например: тур. sevmek „любить“, sevmemek „не любить“, sevemek „мочь любить“, sevememek „не мочь любить“; varmaq „идти“, varmamaq „не идти“, varamaq „мочь идти“, varamamaq „не мочь идти“ (= тат. baralmamaq).

В тюркских языках имеется еще ряд случаев подобного инкорпорирования; наибольшего внимания здесь заслуживает, пожалуй, глагол jat- „спать, лежать, присутствовать, находиться“ и т. д., рассматривавшийся уже выше, в § 89,и. Остальные принадлежащие к этой категории глаголы встречаются и еще кое-где, но в большинстве случаев как самостоятельные и понятные; только в диалектном употреблении они выступают в настолько стяженном или искаженном виде, что представляются равноценными основообразующим окончаниям.

§ 93. Инкорпорированные вспомогательные глаголы в корейском языке

В корейском языке имеется ряд глаголов, стоящих на грани между самостоятельными словами и окончаниями, относящимися к предшествующему слову. Таким образом, их употребление сильно напоминает применение подобных глаголов в тунгусском языке, где, как мы видели выше, многие окончания, являющиеся ныне глаголообразующими, первоначально сами были глаголами (§ 89).

Таковыми являются, прежде всего, глаголы i- „быть“, isi- „существовать“ и hą- „делать, намереваться, полагать“, которые и создали нынешние формы спряжения: poa itta < poatta „has seen, to have seen“, podi iwu > poǯio „увидит, пожалуй“, pogetta „will see“ и т. д. (подробнее см. Kor. Gr., § 129). Сюда же относятся, далее, глаголы thi-, южно-кор. či- „бить“ и ti-, южно-кор. či- (< di-, южно-кор. ǯi-) „становиться, devenir“. Оба эти глагола дополняют друг друга тем, что посредством či- образуется переходная форма любого глагола, а посредством ǯi- соответствующая непереходная форма, например: kiul-, kiur- „гнуть“, kiurę-či- „(что-либо) сгибать“, kuilči- (то же), kiurę-ǯi- „быть сгибаемым (постепенно) сгибаться“; pusę-či- „обламывать“, pusirę-či- (= pusiri-) „обламывать“, pusirę-ǯi- „разламываться, распадаться“. Выше, в § 86, указывалось на возможность существования взаимосвязи между глаголом thi- „бить“ и окончанием -thi- переходных глаголов. Глагол ti- „становиться“, исконный di- (ср. тунг. di-, гольд., маньч. ǯi- „приходить“, так же как и монг. ǯid-kü „стремиться, добиваться чего-либо“, тюркск. jit-, jet-, чув. śit- „достигать чего-либо, прибывать, совершаться“), также мог породить окончание -di- „стать чем-либо“ (ср. монг. bajaǯi- „стать богатым“, amǯi- „прибыть в добрый час“, др.-тюркск. jeged- „улучшаться, побеждать“).

Дальнейшее рассмотрение подобных возможностей толкования происхождения основообразующих суффиксов может увести нас слишком далеко, а порой, возможно, и по ложному пути.

Б. ОТЫМЕННЫЕ ОСНОВЫ ГЛАГОЛОВ

§ 94. Взаимоотношения глагола и имени

Так же, как в индоевропейских и семитических языках, в языках алтайской группы никак нельзя признать приоритета глагола над именем, т. е. имя a priori не является образованным от глагольной основы. Однако довольно часто случается, что некий глагол и некое соответствующее ему имя фонетически настолько близки, что, кажется, имеют одну и ту же основу. И несмотря на это, было бы ошибочным утверждать, что для имен может быть правомочной глагольная флексия, или — наоборот. Обыкновенно такие слова принадлежат к настолько

древнему языковому наследию, что их исконные словообразо вательные элементы или суффиксы ныне уже не поддаются анализу. Ясно также, что имя и глагол, если они являются носителями одной и той же идеи, могут фонетически оказы вать взаимное воздействие, например: нем. wurzeln ~ Wurzel, blitzen ~ Blitz, regnen ~ Regen и т. д.; ср. также конверсию в английском языке. Подобные примеры в алтайских языках должны бы либо принадлежать к наиболее архаическому словарному достоянию, либо иметь основанием чисто случайное совпадение. Таким образом, считается, что, как правило, глагол и имя фонетически отличаются друг от друга и что один из них обязательно охарактеризован суффиксом.

Противоположностью им являются новообразования, которые возникают следующим путем: некий глагол, тесно примыкая к некоему предшествующему имени, настолько утрачивает свое собственное ударение, что сочетание в целом представляется уже единым словом (либо как таковое воспринимается); таким образом, присоединенный глагол перестает быть „живым" и становится суффиксом. Примерами такого рода являются: кор. na- „уходить, выходить, образовываться, возникать, происходить", по маньч. uńaχa „червь", маньч. uńaχa-na- „зачервиветь"; кор. mač- „встречать, встречаться, совпадать", но тунг. dil „голова", dilmač-, сол. dilmaśi- „попасть друг другу в голову, ссориться"; тунг. heŋke- „слово, речь", heŋke-meč- „обсуждать, спорить", тунг. úlgúr „рассказ", úlgúče-, ulgučeni- „рассказывать", ulgumeči, ulgučemeči „вести переговоры", кор. il „подниматься, готовиться к чему-либо, тунг. ili- (то же); тунг. imanda, imanna „снег", imandallan, imannallan „пошел снег"; тунг. ędin, маньч. ędun „ветер", тунг. ędinillen „поднялся ветер, начало дуть (о ветре)", маньч. ędunembi (< ędun na-) „становиться ветреным (о погоде)", тунг. ędinǯeren „ветер веет" (-ǯeren, основа -ǯe- < -ǯa-, кор. ča-, тюркск. ja-t-, см. § 89, и); маньч. boŋgo „голова, почка, бутон", boŋgono- „пускать почки"; asχa „крыло", asχana- „окрыляться"; кор. mud- „прилипать, приставать", mutčhi- „замарать, запачкать", тунг. saŋ-ńan „дым, сажа (копоть)", saŋńamutči- „закоптиться, покрыться копотью"; noh- „велеть уйти", čhong „ружье", čhong-noh- „сбить выстрелом"; маньч. talin „молния", маньч., тунг. talinnu-, talinu-, „блистать (о молнии)"; монг. *mu- „хотеть" (монгор. mō-), тунг. isę- „плевать", isęri „плевок", isęrimuǯeren „испытывать позыв к рвоте, чувствовать недомогание".

Между этими альтернативами лежит обширное поле разнообразных возможностей, которые допускают применение окончаний с собственным значением. При наличии большого разнообразия окончаний между ними возможен, разумеется, выбор. Однако часто представляется затруднительным установить границы области применения тех или иных суффиксов. Легко заметить, что каким-то суффиксам отдается предпочтение перед более древними окончаниями, т. е. непрерывно происходит процесс образования новых суффиксов, или процесс „упрощения", в результате которого известные более древние типы основ оказываются постепенно вытесненными или забытыми, а широко принятым и употребительным становится какой-нибудь новый тип. По мере все более широкого распространения некоего типа становится все труднее выяснить его происхождение и уточнить специфику значения, исконно присущего данному окончанию. Различные языки непрерывно развивают свои собственные типы основообразования, от которых другие языки и диалекты отклоняются. Если принять во внимание все эти факты, то нельзя будет ожидать, что в обширной области алтайских языков обнаружится особенно много отыменных глаголов, у которых и производящая основа (т. е. лежащее в основе их имя) и окончание (т. е. суффикс или сведшийся к суффиксу глагол) сохранили бы свой первоначальный вид и к тому же легко поддавались бы анализу.

§ 95. Отыменные суффиксы образования глагольных основ

Тюркские, монгольские и тунгусские языки вполне совпадают друг с другом в своих отыменных глагольных производных образованиях; в противоположность им корейский язык довольно бедн и отыменными производными образованиями, и отглагольными. Из большого числа относящихся сюда окончаний отберем лишь следующие:

а) -l-: монг. taji-l- „освобождать, растягивать" (taji-ra- „освобождаться"); монг. sugu-l- „выдергивать" (sugu-ra- „выпадать", sugu „из внутренней части наружу"); тунг. hawa-l- „работать, быть подвижным" (hawa „работа, двигающийся"); тунг. dęgi-l- „летать" (dęgi „птица"); тунг. nama-l- „становиться теплым" (nama „теплый"), nama-l-gi „греть"; тунг. hęku-l- „становиться горячим" (hęku „горячий"), hękulbu-, hękulgi „растапливать (печь)"; тунг. daga-l- „приближаться" (daga „близкий"); тунг. tękę-l- „разрывать" (tękę-rgę „разорваться в куски"); монг. öte-l- „стариться" (ötegü „старец"), чув. vaβə̑-l- „стариться" (vaβə̑ „старый"), тунг. utu „старое, поношенное, древность"; тунг. osi-l-gā „отмечать следы", osi-l- „оставлять после себя следы" (osi-kta „лапа, когти, копыто").

б) -la-: тунг. mu-lę- „ходить по воду" (mu „вода", кор. mul, -mil „вода"), mō-la „ходить по дрова" (mō „дрова", modun „дерево, дрова"); daw-la- „петь" (daw „тон, звук"), монг. dagu-la- — то же (монг. dagun, калм. dūn „голос, песнь"); тунг. huku-lę-, huk-lę- „лежать, спать"; тунг. busę-lę- „опоясываться" (busę „пояс"), монг. büse-le- (то же). В тунгусских диалектах, области распространения которых граничат с областью монгольских языков (маньч., гольд., ороч., сол.), глаголов на -la- очень много, зачастую они являются даже прямыми заимствованиями из монгольского языка.

Как в тюркском, так и в монгольском именно эти глаголы на -la и являются наиболее употребительными, в особенности этот тип

образования распространен в тюркском (см. Verbstammbildungslehre, § 98—). Среди глагольных имен имеются различные имена, которые преобразуются в глаголы с помощью того же -la-, например: калм. dad- „привыкать“, dadmag-la- „хотеть упражняться, практиковаться“, dadag-la (то же), ср. с этим же якутские глаголы na-baχ-tā- < maq(la- (Ястремский, § 145), а также тунгусские глаголы“-gla- (Кастрéн, тунг., § 107, 4): монг. ölügle- „голодать“ (ölüs- „голодать“); тунг. bugle- „прихварывать“ (bu- „умирать“), монг. ösügle- „опрыскивать, забрызгивать“ (ösür- „брызгать“). В монгольском языке морфема -ng-la в результате ассимиляции дала -ŋ-na- (в зап.-монг.), которая в вост.-монг. и халх. в результате ранней диссимиляции вновь превратилась в -gna- > -gina-, откуда тув. gyna;- в тюрском же, напротив, -ŋ-la- приняло измененную форму -ŋda-. В сев.-тюркск. зачастую трудно бывает отличить глагол на -la- от глагола на -da-, ибо в результате фонетического развития какой бы то ни было критерий оказался утраченным.

Из глагольных форм, осложненных морфемой -la-, должно быть особо упомянуто деепричастие на -n. В результате действия законов фонетики звук -n здесь выпадает и поэтому вторичный глагол кажется отглагольным; монг. nojan „государь (князь)“, nojala- „княжить“, qurdun „быстрый“ (маньч. χudur), qurdula- „торопиться“ (> тюркск. qurtla-) и т. д., ср. с daru- „сжимать, следовать друг за другом“, darun „друг за другом“, daru-la- „давать одному за другим“, muśki- „выкручивать, выжимать“, muśkin „вращая, выкручивая“, muśkila- „длительно выкручивать“. С подобным явлением мы встречаемся также и в тюркском, причем здесь производящей основой для глагола на -la- часто являлось деепричастие на -a, -u, а окончание -a, -u, попав в безударное положение, со временем исчезло; ср. тюркск. at- „бросать“, atla- (< aty-la-, atu-la-) „побрасывать, разбрасывать“, qys- „сжимать“, чаг., коман. qys-la-, алт., койб. qys-ta (< qysy-la-, qysa-la-) „длительно сжимать, прессовать“, sa- „считать“, saju „считая, каждый“, saju-la-, saila- „выбирать“ и т. п. От ономатопоэтических глаголов раньше глаголы производились с помощью окончаний: в монг. -kira-, в тюркск. -qyr-, позднее же — с помощью общего для всех окончания -la-, например: монг., тюркск. orla- „кричать“, монг. orkira-, тюркск. oγyr-, oqra- „реветь, рычать, кричать“, монг. kürle-, kürkire „греметь (о громе)“, казах. kürkrö-, алт. küküro-, тур. kökrä- „греметь (о громе)“, абак. kügürt „гром“; монг. qorla-, qorkira-, qorkila- „храпеть, сопеть“ и т. д.

В якутском языке гласный в этом окончании является долгим, но в положении перед основообразующим суффиксом — кратким (-lä-, -liä-, -luo-, -lüö-, но -lan-, -län-, -lon-, -lön-, -lat-, -lät- и т. д.). В тунгусском языке -lā-, -lē- также обычно является долгим. Это, однако, не значит, что здесь перед нами стяжение двух суффиксов: долгота гласного обосновывается просто тем, что окончание несло более сильное ударение.

Неясно, что́ скрывается в корейском сложносоставном суффиксе -rob- (~-rəb- < -ra-bu-): окончание -la- или нечто вроде -ra-, например: sai „новый“, sairob- „обновляться“; hai „вред“, hairob- „быть вредным“; oi „один (одинокий)“, oirob- „быть покинутым“ и т. п. Во всяком случае, засвидетельствованный в тунгусском комплекс -la-b- подлежит сопоставлению с тюркскими производными образованиями -la-n-, -la-t-, -la-š- и т. п.

Если же осмелиться высказать предположение относительно происхождения окончания -la-, то, по моим соображениям, оно и по значению, и фонетически кажется ближе всего к падежному суффиксу -li, так же, как должны были бы быть взаимно связаны окончание -ra- с суффиксом -ru и -da- с -di.

в) -d-, -s-: монг. adali-d-, -adali-s- „походить“, adali-d-qa-, adali-s-qa- „сравнивать“; jeke-d-, jeke-s- „быть большим, быть слишком большим“, jeke-d-ke-, jeke-s-ke- „увеличивать“, büri-d- „объединяться, собираться“, büri-d-ke „собирать“ (< büri- „каждый“); üjile „работа“, üjile-d- „работать“ и др.; тюркск. jegäd- „улучшаться, быть превосходящим“ (< jeg „лучше, пре.., чрез..,“), qutad- „становиться счастливым“ (< qut „счастье“), buŋad- „мучиться“, muŋad- (то же), казах. muŋdan-, монг. muŋdani- „быть встревоженным, заботиться“ (< buŋ, muŋ „мучение, забота, нужда“) и др. В монгольском языке и различных его диалектах -d- и -s- чередуются. В тюркском глаголы типа -ad-, -äd- в силу законов фонетического развития дали -ai-, -äi-, в противоположность им -id-, -ud- в большинстве случаев выступает в виде -it-, -ut-: др.-тюркск. eśid-, кирг., тур. ešit-, чув. ilt-, itlε- (< ilt-lä-) „слышать“, др.-тюркск. köz-üd-, уйг. közät-, тур. gözät- „рассматривать“, тат. küzät- „смотреть“. Отыменные глаголы на -d- в тюркском часто совпадают с глаголами на -da-.

г) -da-: монг. daguda- „звать“ (dagun „голос“); тюркск. üntä- „звать“ (ün „звук“); монг. argada- „перехитрить“ (arga „хитрость“); тюркск. alda- „обманывать“ (al „обман“, монг. ala-sira- „обманывать“); монг. süke-de- „рубить топором“, тунг. suke-de-, гольд. sure-de- (то же); монг. alaga-da- „бить (рукой)“ (< alaga, маньч. falaŋgu „рука, ладонь“, кор. phal — то же); монг. elde- „руководить, скверно обращаться, мять руками кожу“, тюркск. ilt-, elt- „приносить, руководить“ (< тюркск. el, чув. al „рука“), ср. тунг. elge- „вести, руководить“; тюркск. qolt- „вести, руководить“ (< тюркск. qol „рука“); монг. unta- „спать“, тюркск. unut-, ног. unyt-, тур. unut-, алт., тел. untan- „забывать“, монг. untara- „угасать, засыпать“, монг. umar-ta- „забывать“, umar-a ǯüg „север, край ночи“, тунг. om-go-, маньч. oŋgo- „забывать“, гольд. ombo- < oŋbo < oŋ-go „забывать“, якут. om-ulun- „угасать“; тюркск. u „сон“, уйг. udy-, udu- „спать“, др.-тюркск. udu-s-uq „сон“, уйг. uduqu „спанье“, тат. jəqla- ~ juqu-la- „спать“, тур., ног. ujqula (то же).

Поскольку эти отыменные глаголы на -da-, -ta- встречаются и в монгольском, и в тунгусском, этот вид словообразования следует рассматривать как древний, а среди тюркских глаголов такие слова, как unut-, elt-, kolt- и др., следует рассматривать как законные представители архаического языкового

наследия. Глаголы типа üntä-, alda- могут, пожалуй, скорее быть сколками с монгольских образцов; таковы чаг. arγada-, arγa „перехитрить“ < монг.; тюркск. ar- „обманывать“. Остальное см. в Verbstammbildungslehre, § 48—.

д) -ni-: монг. sarni- „рассеиваться“ (< sar, гольд. sar „туда-сюда, в различных направлениях, без-...“ = тюркск. -syz); монг. örni- „разжигать себя“ (< ör, первоначально *hör „огонь“, кор. pur, pul „огонь“, тюркск. ört „степной пожар“, монг. örbis- „вспыхивать, взволноваться“); тюркск. jäng- (< *jäg-n-) „побеждать, одерживать победу“, букв. „быть наилучшим“, монг. dejil- „одерживать победу“ (< deg-il-), тунг. dē-ski „кверху“, маньч. dele-g „начальник“, кор. tę „больше“, tęt „extra“ (монг. det). Глаголы на -ni-, являющиеся отыменными, принадлежат к наиболее архаическим образованиям, в противоположность чему то же самое окончание -ni- как продуктивный суффикс возвратных вторичных глаголов в тунгусском языке, так же как и -in- в тюркском, может опираться на образование по аналогии и на свежие явления в языке.

е) -ča-: монг. čarča- „отвердеть, окоченеть“ (< čar „сухая кора“), büriče- „собираться, объединяться“ (< büri- „всё“, тюркск. bir „один, раз“, birik- объединяться); монгЛ. dulagača-, калм. dulāts- „согреваться“ (< dulān „тепло, теплый“, тунг. dulillan „стало теплее“ < dul-illan „началась жара“), монг. büli-ječe- „становиться теплым, нагреваться“ (< bülijen, калм. bülän, mölän, тунг. buldi „тепловатый“); монг. dajiča-, тюркск. jaγyš- „становиться врагами“ (< монг. dajin, тюркск. jaγy „враг, вражда“); тунг. gōrča-, ŋōrča-, mōrča- „бороться, сражаться“ (ср. калм. gür „запястье“); тунг. ilča- „плести“ (< ilan „три“).

ж) -si-: монг. orusi- „входить, помещаться“ (< orun „место“); монг. sajisi- „становиться опять хорошим“, фактитив sajisija- „одобрять“ (< sajin „добрый, хороший“); монг. bagsi- „наличествовать в большом количестве, быть многочисленным, образовывать груду“ (< bag „связка“, „завязка, том“); монг. gajiqamsi- „поражаться, выказывать удивление“, гольд. gęlęng-si- „нищенствовать“ (< gęlęng „нищенствуя, молясь“ < gęlę- „молить“) и др. К этому же относятся различные производные образования, например: монг. -si-ja-, калм., халх., бурят. -ša-, монг. -si-ra-, калм. -šir-, тюркск. -syn-, -syra-, -syt- и отглагольное ilsyra-, тунг. -si-ni-, -si-n-; ср. также тюркск. -syl, § 69. Этот тип словообразования, встречающийся еще и ныне в том или ином употреблении в большинстве языков и диалектов, обнаруживается также и в корейском языке: кор. saramsirębˇ „быть человечным“ (< saram „человек“, ср. монг. kümün „человек“, kümünsig „человекоподобный“, тюркск. al „красный“, казах. alsymal, alsyman, alsymaq „красноватый“), isaŋsirębˇ „быть чудесным“ (< isaŋ „чудо“), tęksirębˇ „быть добродетельным“ (< tęk „добродетель“) и т. д. (см. Kor. Gr., стр. 139). Корейское окончание -sirębˇ восходит, возможно, к сочетанию -si- с -ra-bu- или -la-bu.

з) -ra-: монг. kökere-, тюркск. kökär-, kögär-, якут. küögär „становиться синим“; монг. jekere- „становиться больше“ (< jeke „большой“, кор. hjęk, диалектное šek, тунг. hęgdi — то же); тюркск. jaŋyr- „обновляться“ (< jaŋy „новый“, монг. ǯangi „новость“); тюркск. eskir- „стариться, состариться“ (< eski „старый, старинный“, < es, монг. esi „начало“, калм. ešnēsń „сначала“); тюркск. ulγar- „становиться большим“, ulγart- „увеличивать, делать большим“ (< ulu γ „большой“); монг. qarala- (< qara-ra-) „становиться черным“, тюркск. qarar-; монг. bökere-g „крепче, довольно крепко“, böke-re „становиться крепче“ (< böke „атлет, крепкий, силач“) и т. п. Относительно окончания монг. -reg, -rag, тюркск. -raq, -räk, которое вполне обособленно от глагольных основ служит для образования сравнительной степени, см. Verbstammbildungslehre, стр. 35. В тюркском древнее -ra- появляется ныне либо в виде -ra-, -r-, либо в виде -ar-, что является результатом фонетического развития гласного в неначальном слоге; в некоторых случаях очевидно также более позднее влияние монгольского. Окончание -ra- принадлежит, во всяком случае, к наиболее архаическим: тюркск. ö- „понимать“, ög „разум“, „разумение“, ögrän- „учиться, упражняться“, ögrät- „обучать“, ср. фактитивное ögür- „поучать, наставлять“, ögürt ~ ögül „совет“ (подробно ср. ниже); среди этих примеров, число которых легко может быть значительно умножено, имеются такие, в которых трудно распознать, с чем мы имеем дело: с неким окончанием -re- ~ -ra- или же, напротив, с краткой формой окончания, являющейся и более свежей по своему происхождению. Окончание -ra- в отглагольных глаголах может, как и -la-, восходить к развитию, подобному тому, о котором говорится в п. „д“ данного параграфа, следовательно, что-нибудь вроде: др.-тюркск. jań- „разрушать“, jańra- „распадаться, разрушаться“, jań-rat „разрушать“, алт. jai-rat „разбивать, разрушать“, посредством jań-ra- < jańi-ra-, где jańi могло некогда быть именем на -i; тунг. i- „входить“, монг. ire- „приходить“, кор. orję- „достигать, приезжать“, джурч. ire- „приезжать“; кор. nęh- „класть“, тунг. nē- „класть“, монг. nere- „вкладывать“.

В тунгусском языке имеются многочисленные примеры образований на -rga-, которые представляют собой непереходные глаголы со значением „становиться чем-либо“, например: tępurgę- „лопаться“, tękęrgę- „ломаться“, kapurga- „становиться рыхлым“ (~ лам. kawor- „растрескиваться“, kawol- „разламываться“, ср. монг. kebereg, keüreg, казах. küjräk „мягкий, рыхлый“). Здесь может идти речь о дальнейшем развитии имени на -ra-g путем присоединения к нему гласного -a- ~ -e-, однако можно также думать и о том, что -rga- представляет собой более древнее -r(a)-, осложненное глагольным -ga- ~ -ka- [быть может, передающим длительность действия (континуативным) -ga- = кор. ka- „идти“].

и) -ki-, -k-. В тюркском в особенности имеется много примеров отыменного образования глагольных основ на -k- или -ki-, которым

в словах с гласным заднего ряда параллельны -q-, -qy-. В монгольском языке соответственным суффиксом является -iji-, -ji-, в котором -ji- предположительно возводят к более раннему -gi-. В корейском языке также существует несколько глаголов, в которых в качестве словообразующего элемента встречается -k-. Например: пратюркск. *tal'ik-, др.-тюркск. tašyq- „выходить, удаляться“, чув. tuχ (< tulχ- < talχ-), якут. taγys- (< tasyγ- < tasyq-), общетюркск. čyq-, казах. syq- (то же), монг. tali-ji-, калм. tali- „исчезать“, ср. др.-тюркск. taš „наружность“; др.-тюркск. ičik- „входить, оказываться“, ср.-тюркск. ički-n „доставлять, помилованный враг“ (ср. выше, § 71, суффикс -gin); монг. kürüji- „быть толстым“, тел., алт. kürük- „быть жирным“, кор. kulk-, сев.-кор. kurk- „быть грубым, быть толстым“ (< монг., тел. kür „толстый, жирный, комковатый“); кор. mulk- „быть водянистым“ (< mu „вода“, монг. mören „река“, ср. кор. muri- „быть влажным, быть мягким“); кор. kkęk- „обламывать, разрывать в клочья“ (< kęs-k- < kęs „кусок, вещь“, тюркск. käs „кусок“, монг. kese- „обрезать, разделять“, тюркск. käs- — то же); кор. kikkeb- „радовать“ (< kis-k-eb-, более древнее kis-ki-b), „быть обрадованным“, страдат. от kis-k- ~ kis- „радоваться“; кор. akki- (< *ač-ki-), akkab- (< ač-k-ab-) „относиться недоброжелательно, досадовать“. Довольно часто встречающиеся в корейском языке глаголы на -kab-, -keb- могут, как и приведенные выше kikkeb-, akkab-, опираться на производное образование от исторически первичных глагольных основ на -k- ~ -ki-.

Что же касается фонетической формы этого окончания, то вполне вероятно, что мы имеем здесь дело с изначальным вариантом морфемы -gi- и -ki-; элизию -i-, которая произошла в тюркском и корейском языках в результате действия фонетических законов, так и следовало ожидать. Это очевидно и потому, что в тюркском наряду с ičik- встречается еще и ičgin. В монгольском языке прилагательные на -gir, а позднее также и -gar, следует понимать как имена на -r- от глаголов на -gi; это -gi- в интервокальной позиции развилось в -ji-, а возникшие таким путем типы глаголов, выражающих состояние, на более позднем этапе развития языка характеризует в исходе основы -aji- (-eji-), -iji-, -uji- нынешнее -ai-, -i-. Позднемонгольские глаголы на -ai-, -i- составляют ныне весьма продуктивную группу и внутри языка и даже вызывают появление тюркских подражательных образований (см. Verbstammbildungslehre, стр. 54—). Напротив, исконно-тюркские глаголы на -ai- восходят к более древнему уйг. *-ad- < др.-тюркск. -ad-.

к) -a-: тюркск. aša- „есть“[165] (< aš „кушанье, хлеб“, кор. al „зерно, семена“), тюркск. jaša- „жить, наступать какой-либо годовщине“ (< jaš „год жизни, возраст“, монг. nasun, кор. nā „age“, тюркск., монг. qana- „пускать кровь“ (< тюркск. qan „кровь“), тюркск., монг. sana- „думать, рассчитывать“ [< тюркск., кор. san „счет, количество, подсчет“ (< кит.), чув. sum, венг. szám „число“], тюркск. jana-š- „граничить“ (< тюркск. jan „сторона, бок“, кор. tan „граница, край“, тюркск. janaša „вместе, друг возле друга“), др.-тюркск. jarlyqa- „приказывать“ (< jar-lyq „приказ, объявление“, монг. ǯar „опубликование, приказ“); тунг. buga-m „я сержусь“ (< тюркск., монг. bug „гнев“, монг., тюркск. bug-sa- „разгневаться“), тунг. alba-m „я не могу“ (< тюркск. alp „затруднительный“); тюркск., чаг., коман. qopsa- „воспевать“ [< qobuz „музыкальный инструмент, скрипка“, монг. χūr „скрипка“ (монгольская) < кит.].

Глаголы на -a- в тюркском довольно многочисленны и, тюркологи единогласно принимают гипотезу существования глагольного суффикса -a- для производных образований. Фактически этот -a-, по крайней мере в некоторых диалектах, воспринимается еще как особое окончание (например, бараб. kängäš „совещание, совет“, kängäšä „советовать, обсуждать“); однако приходится все же сомневаться в том, действительно ли можно, придерживаясь фонетических законов, рассматривать такой краткий гласный, как например здесь -a-, -ä-, а ниже -i-, -y-, как самостоятельный словообразующий элемент. История развития гласных звуков в неначальном слоге учит нас, что -a- и -i- могут выполнять прежде всего только функцию соединительных гласных. Имя может быть, так сказать, „конверсировано“, т. е. применяться в роли глагола и не будучи снабжено каким-либо особым окончанием, как это часто имеет место, например, в английском языке.

л) -i-: тюркск., чаг. kängi- „распространяться, убирать куда-либо“ (< käng „далеко“)[166]; тюркск. jäni „быть легким“, jänil, уйг. jän-gül, чув. śəməl „легкий“; кор. ča-i- (произносится cä-) „измерять длину“ [< кит.-кор. ča „нога“ как мера длины (= фут)]; кор. pai- (произн. pā) „забеременеть“ (< pai „живот“); кор. hji- „быть светлым, быть белым“, возможно, более древнее hai-ji- < hai „солнце, день, год“; кор. sitpalgatha „быть ярко-красным“ < *si-pulga-hada, тунг. si- „быть ярким (светлым)“, siun „солнце“, маньч. šun „солнце, день“. В корейском языке этот -i-, как элемент образования глагольных основ, принадлежит к древнейшему достоянию языка, и, пожалуй, невозможно решить, был ли этот элемент первоначально отыменным или отглагольным. Отглагольный -i-, -gi- фактитива представляет собой, должно быть, вторичное развитие более позднего этапа: кор. tę-i-, ныне tę- „согревать“, ср. tę-b- „быть теплым“, фактитив te-u- ~ tei-gu- „заставить нагреть, дать нагреться, дать согреть себя“; кор. tęręb-, сев.-кор. tęrb- „быть грязным“, фактитив tęrę-wi- „загрязнять“, сев.-кор. *tęrphi- и *tęrpthi- (> tępthi-) — то же.

Чем более общеупотребительна глагольная основа и чем более четко ее значение, тем более свежий тип образования она собой представляет. Наиболее древние типы образования мы встречаем в таких глаголах, в которых суффикс или сам способ образования уже не распознается. Помимо приведенных выше одиннадцати групп, существует, разумеется, еще множество случаев, где либо два глагола, либо имя и глагол соотносятся

таким образом, что один (или одно) из них должен быть первичным, а другой вторичным, произведенным от него. Ср., например, монг. nor- „стать мокрым“, nor-ga- „мокнуть“ >< nojitan „мокрый, мокрота́“, nojitag „мокрота́“; монг. kör- „быть холодным, становиться замороженным“, kör-ge- „охлаждать, замерзать“ >< köjiten[167] „холодный, холод“, kölde- „мерзнуть“, köldegü „замерзший“; монг. gar- „выходить, всходить“, тунг. garbu- „лучиться“ >< кор. ka- „уходить прочь, идти“, тунг. kapur-ga- „растворяться“ (т. е. ga- „идти“, как гольд. ene-j „идет“ kepur enej „становится тухлым, портится“, таким образом, „идти“ > „становиться“); монг. gar „рука“, даг. gaii, маньч. gala, тунг. ŋāla, gāla „рука“ >< тунг. ŋa-, ga- „брать“, маньч. ga-ǯi- „взявши (бря) прийти, принести сюда“, кор. kaǯi- „приносить, держать“, тунгЬ. gar-da- „держать“, монг. gar'-da- „управлять чем-либо, владеть“ и т. п.; хунн. (Shiraiori) χa-, монг., монгНТ. χa-, калм. χa- „(из лука) стрелять“; монг., монгНТ. χabu-, калм. χав, χawo „меткость (в стрельбе)“ >< монг. qarbu-, калм. χarw-, тунг. karpu-, garpu- („стрелять из лука“); тунг. bu-, маньч. bude- „умирать“ >< тунг. burbu-, маньч. burubu- „умирать“ (быть может, „подлежать смерти“?); монг. čaji- „светать“, čal „светловолосый, светлый“, čagan (маньч. čaŋjan, šaŋijan, гольд. čakǯean) „белый“, čakir, čaŋkir „белоглазый (о лошадях)“, монг. časun „снег“; монг. geji- „быть ясным, быть светлым“, gere-l „свет, зеркало“ (> койб. kiräl „свет, зеркало“), монг. gegen, калм. gegän „дневной свет, светлость (титул), его святейшество (сан)“, монг. gere „видимый, зеркало“ (например, gere sidün „передние зубы“), тюркск., уйг. kirtü „правда“, kirtgün- „веровать“ и т. п.; тюркск. qoš „двойной, пара“, якут. χos (то же) >< якут. χolo- „связывать“, монг. qolba- „связывать“, кор. karwa „и, вместе с...“ (< *karw-); тюркск. jalyn-, jalbar- „быть внимательным, поклоняться“, монг. ǯalba-ri- (то же) >< монг. ǯali, тунг. ǯali „чувство“; монг. najiqa-, najilǯa-, najiqalǯa- „шататься туда-сюда, колебаться“ >< тунг. naj „длинный тонкий шест, рейка“ и т. п.

VII. ОБРАЗОВАНИЕ ИМЕННЫХ ОСНОВ

§ 96. Общие замечания

Как это очевидно, например, из рассмотрения глагольных основ в современном тунгусском языке, принцип словосложения не чужд алтайским языкам, однако представляется, что в процессе развития от полной независимости обоих компонентов сложносоставного образования до низведения второго компонента к положению окончания существует некая, так сказать, промежуточная ступень[168]. Это равно относится и к именам, и к глаголам. Что касается имен, то корейский язык обязан своими современными типами слов в большой степени китайским влияниям; это подтверждается в частности и тем, что он широко применяет именные словосочетания, например: кор. sä „птица", čhamsä „воробей" (čham „обыкновенный, вульгарный"), кор. oi „огурец", čhamoi „дыня", кор. pak „тыква", hobak „тыква" (? ho < кит. hu „варвар, иноземец"), тюрск. qabaq, калм. χawag „тыква (полая, в качестве фляги для водки)"*, русск. *кабак* „кабак". Корейский язык, таким образом, значительно уступает в этом отношении тюркскому, монгольскому и тунгусскому языкам. В этих языках сложносоставные по своему происхождению слова с течением времени стали восприниматься как единое замкнутое целое, т. е. как представляющие собой одно слово. Однако исконная картина этого такова: тюрск. qolai „удобный"[169] < qol „рука" + ai „хороший" (тунг. aja, aji „хороший", монг. ajatu, ajitu „удобный"), тюркск. qolawuz „руководитель (— руководство) < qol „рука" + awuz „взятие" (монг. abu- „взять", abu-ri „взятие"). Поскольку здесь, таким образом, процесс развития языка в создании языкового фонда из собственного достояния целиком опирается на принцип суффигирования, постольку и история развития суффиксов восходит к праистории языка; поэтому же для говорящей языковой среды наиболее важно овладеть всем суффиксальным богатством языка. Вообще суффиксы настолько архаичны и настолько многочисленны, что говорить об их происхождении не представляется возможным. Если же в дальнейшем мы все-таки перечисляем некоторые из наиболее

---

* SKE, стр. 183, связывает qa в тюркск. qabaq с ср.-тюркск. qa „сосуд для жидкостей" (Brockelmann, стр. 139).— *Прим. П. Аалто.*

употребительных суффиксов, служащих для образования именных основ, то делаем это лишь с целью показать, какие типы словообразования являются в различных языках продуктивными и насколько общие для них и тождественные им типы распространены в настоящее время в других языках.

А. СУФФИКСЫ

§ 97. Монг. -ai, тюркск. -a

Среди монгольских слов, имеющих в исходе -ai, встречаются явно вторичные образования, т. е. такие, где -ai либо является суффиксом, либо некогда им являлся.

Примеры: монг. arai „мало, чуть“, aran (то же), тюркск. az „мало“ (тат. äz), тунг. aran „чуть“; монг. türei „голенище“, тюркск. tiz „колено“, казах. tizä „колено, голенище“, гольд. tureksa „голенище“, чув. t'šərguśśi „колено“; монг. qogulai, калм. χōlä „горло“, кор. kōrä „долина“, paŋkorai „вход в подпол (погреб)“; монг. qogul „еда“, калм. χōl „горло, еда“; монг. tuurai „лошадиное копыто“, калм. tūrä, халх. t'ūr, Ибн-Муканна tūr „роговой покров (копыта)“, ср. уйг. tujaγ, койб. tuig-aq, якут. tuń-aχ „копыто“; монг. kömei „шкура на шее“, монг. köm „редкий мех“, тюркск. kön „дубленая шкура, кожа“, ср.-тюркск. kön-äk „кожаная бадья“, балк. könček „брюки“; монг. orai (др.-монг. horai) „макушка, вершина“, калм. orä, тунг. horo, oro, ороч. χo, χojo „вершина“, гольд. poron, маньч. foron (то же) < *porai; монг. sirui, siruga, sirugai „земля, пыль“, калм. šorä „песок, пыль“, тунг. sergi „песок“, sirgi, sirukta (?silutan) (то же), тюркск. saz, венг. sár „степь“, ср. монг. sirugalǯin, sirgulǯin „муравей“ (нечто вроде: „песочный жук“, как в тюркск. qumur-sqa „муравей“ < qum „песок“); монг. taulai, калм. tūlä „заяц“, дах. thaol, др.-тюркск. tabušγan, вост.-тюркск. taušan, тур. davšan, dafsan „заяц“, таким образом, монг. taul-ai ~ пратюркск. tabyl'-γana; монг. torai, вост.-монг. thorō „кабаненок“, казах. torai „молодой кабан“, чаг. tor „теленок, молодняк“, казах. torlan „жеребенок“, тур. torun „верблюжонок“, монг. torum „двухгодовалый верблюд“, монг. dülei, калм. dülä „глухой, тугой на ухо“ < dül, ср. düji-, калм. dī-, якут. töi, döi- „быть глухим“, калм. di-ŋü, якут. töjüŋgü, döjüŋgü „оглушенный“, калм. dīnr- „становиться оглушенным“, dīnəɵ „подверженный головокружению“; монг. ǯulai „фонтан“, тюркск. jui, саг. čul „ручей, источник“, казах. ǯul (то же); монг. dotai, калм. dotä „внутреннее (нутро́), задушевный, милый“, тюркск. jota „бедро“, якут. soto (то же), якут. soturuo „штаны“ < *do, маньч. гольд. do „внутреннее (нижнее платье)“, откуда монг. dotur „подкладка (куртки)“, doča „внутренность“ > бурят. -sō (см. выше § 23), а также тюркск. jotra, otra > orta „внутри“ (ср.-тюркск.); тюркск., тур. jälä „грива“ наряду с тюркск. jäl (в чув. śilχε „грива“), монг. del, маньч. delun,

гунг. delsun; чаг. tōšä „грудь“ наряду с тюркск. tōš „грудь“; чаг. qoša „двойной, парный“ наряду с qoš „пара“; чаг. toqa „сытый“ наряду с toq „сытость“; тюркск. ignä (< jig-nä ~ jign-ä) „игла“, казак. iǵnä, inä, innä „швейная игла“, якут. injä, innä (то же), ср. монг. ǰegün, калм. zün „швейная игла“, таким образом, тюркск. *jigün-ä > ignä наряду с монг. ǰegün.

Сюда же относится, далее, весьма употребительное отглагольное прилагательное на -nä, которое с помощью этого -a (монг. *-ai ~ *-a) образуется от имени на -n: ср.-тюркск. köčürnä očaq „переносный очаг“ (< köčürüm „транспорт“), казах. körrä (< körnä) „хвастливый“ (< kör- „вспухать“), казах. orra „прожорливый“ (< orna, тюркск. or- „пожирать, проглатывать“), калм. ēranə talə < монг. egereine tala „пустыня, где легко заблудиться“ и т. д.

Далее здесь следует назвать те монгольские формы прилагательных, которые образуются с помощью этого суффикса от различных падежных форм существительных, например от род. п. на -n ~ -un ~ jin: Temüǰinü „Темюджинов (принадлежащий Темюджину)“, Temüǰinu'ai (монгНТ.) „Темюджина (собственный)“ и т. д.; в дальнейшем, в современных диалектах эти формы имеют в исходе -nä ~ ni (< -nai), например: калм. χänā „ха́на“ (собственно, нечто вроде „ха́ново“), manä „наш, наш(инский)“, gernā „до́ма, домашний“ (см. Котвич, § 158). Подобные производные образования могут в дальнейшем склоняться, как имена, напр. калм. χänādə „ха́нову (ханскому)“ (см. Котвич, § 162—). Таким же образом адъективообразующему суффиксу -tu (=суффиксу так называемого второго комитатива или социатива) был придан в качестве второобразного окончания суффикс -ai, например: mori-tu „с конем, конный“, ger-tü „с домом“ > „женатый“ и т. д., и таким путем была получена современная форма окончания -tai ~ -tei, которая постепенно вытеснила более древнее -tu, например: χan köwütā „хан со своим сыном“ и т. д. (см. Котвич, § 159 и § 162). Прилагательные на -tai образуют в монгольском языке свое множественное число на -tan (Mostaert, Ordosica, стр. 40; также см. выше § 26).

Некий, вероятно вторичный, -a ~ -ai встречается, далее, как в отглагольных, так и в отыменных производных в монгольском и тунгусском языках: монг. отглагольный -nai ~ -n, -mai ~ -m, тунг. отглагольный -na ~ -n, -ra ~ -r, отыменный -la ~ -l.

Поскольку суффикс -ai существовал как особое средство основообразования, он принял в тунгусском и тюркском форму -a ~ -ä, а позднее, на почве тюркских языков, в именах часто и вообще утрачивался. Возможно, однако, что этот -ai, существование которого особенно хорошо подтверждается в монгольском языке, первоначально являлся лишь вариантом более часто встречающегося суффикса -gai ~ -kai, тюркск. -γa ~ -qa, тунг. -ga ~ -ka.

§ 18. Монг. -gai, -qai, тюркск. -γa, -qa, тунг. -ga, -ka

Помимо отглагольных имен на исконное -gai ~ -qai, существует еще масса отыменных имен с тем же окончанием. Однако в отдельных случаях бывает трудно различить, что́ из них является исторически первичным: глагол или имя. Образования на -gai имеют обыкновенно уменьшительное значение.

Примеры: монг. taraqai „лысый“ [170], тунг. taraka, тюркск. taz, венг. tarka, отсюда же и монг. tarbalǯi „белоголовый орел“, тюркск. taz quš; монг. tajiqai, халх. t'āγä „заяц“ (allak t'āγä синоним allak dāga), собственно: „жеребенок“, чув. t'iχa „жеребенок“, тюркск. tai, якут. tyi „жеребенок“; монг. ǯögekei, бурят. zöχöi „сливки“ (отсюда якут. sü'gäi) < ǯö, сюда же и тюркск. jü-gärü „кверху“, jö-lä- „подпирать“, тур. jüzä „высоко“ и вост.-монг. jölö „опорный брус“; тунг. ǯukę „лед“, джурч. (Грубе) čuhēi (то же), ср. монг. ǯögen, калм. zön „молодый“; маньч. muke „вода“, тунг. mu (то же), монг. mören „река“, кор. mul „вода“; карагас. erhe „старый (о вещах)“, якут. ärgä (то же) от er в монг. erte (дат.-местн. п.) „ранний“; монг. erkei, уйг. äräγäk, алт. ärkäk, маньч. ferγe, гольд. pęlbę „большой палец руки“ (ср. уйг. äraγäk с *barγaq „палец“ > чув. purńa, тур. parmaq, parmaq); монг. abaqai „принцесса“ (> алт. abaqqai „лама“), тунг., маньч. abka „небо, бог“ > abaka к aba „отец, высокопоставленный (титул), достопочтенный“, кор. abači „отец“, тунг. abači „ленивый“; монг. činuqai „волчонок“, čina „волк“; монг. sibaguqai „птичка“, sibagun „птица“; монг. degükei „младший брат (братишка)“, калм. dukä, бурят. düχei „младшая сестра (сестренка)“, монг. degü, калм. dü „младший брат“, монг. kür degü, уйг., ср.-тюркск. küdegü, тур. güvej „жених, зять“; бурят. χöχei „ребенок“ (монг. keü-kei), бурят., халх. χü „ребенок, сын“, монг. keü, ср. тур. gebe „беременность“, маньч. kefeli, монг. kebeli, калм. kēli, тюркск. > вост. kebel „грудь“; монг. kögerkei, калм. kōrkä „бедняга“, достойный сожаления“, наряду с монг. köger-ken, калм. kōr-kän „гордый, красивый“, тюркск., уйг. kübäz „гордый“; монг. solugai „левша, неловкий, налево“ (> тюркск., чув.) к тюркск. sol „левосторонний, левая сторона“, монг. soli- „менять, заменять“, монг. solbi- (< soli-bu-) „расположиться, иметь иное направление“; тюркск. arqa „спина“ < aru-qai, монг. aru „спина, тыльная сторона, север“, тунг. arkan „спина“; чув. t'šelχe (< čelχa < tylqa) „язык, язык (речь)“, тюркск. tyl- „язык“, уйг. tyl-mačy „толмач (переводчик)“; чув. šilχe „грива“, казах. ǯelkä „загривок“, тат. jilkä, балк. zelke „затылок“, тар. jälkä, тур. jälä „грива“ < тюркск. jäl, якут. siäl „грива“, монг. del, гольд. delun, тунг. delsun „грива“; казах. betkä „горный склон“ < bet „лик, лицо“, монг. betü, metü, „словно, похожий“; гольд. matu (то же); монг. čulgai, čulgui „состоящий из одного куска“ < монг. čulu, тел. čuluu (то же); вост.-тюркск., чаг. mingä „мозг“ < тюркск. miγ, meiu, mäjin (монг., чак. mejen — то же), якут. mäji, казах. me (то же); тюркск. jängä, казах. ǯeγgä, якут. sangas, sanga-s „жена старшего брата“ (> тунг. haγas) < jen-gä, гольд. ńęńę-gę < тунг. ńeńe „тетка“; гольд. ęńękę „мачеха“ < eńę „мать“; др.-тюркск., уйг. özgä „другой, для себя“ < öz „сам“, монг. örü, öri „грудь, сердце“; чув. śeśkε < *ǯaič-qa (ср. койб. čaj-aq „цветок“) нечто вроде: „маленькое, относящееся к лету“, тюркск. jaj „лето“, чув. śu (то же), бурят. nažir „лето“ (> даг.), кор. nat „полдень“ < исконн. *naǯ, naǯ-i-r; тунг. turuka „соль“, turuka-ruk „солонка“, тюркск. tuz < *tūz „соль“ (якут. tūs, чув. təvar), tuzluq „солонка“, ср. айну duru, ruru „соль, океан“; тунг. nęjkę, ńejkę „вошка“, кор. ni „вошь“; гольд. ampaka „медведь“ < ampa „отец“; гольд. targa „гадюка“, южно-кор. tai, сев.-кор. tar (то же), снис.-хант. tar — то же (< кит.); маньч. soγko „след“, тюркск. soγ, тур. soγ-ra, sō-ra „после, вслед“; тунг., гольд. bejnę „дичь, дикое животное“ < bejun „олень“ > кор. peun — то же; маньч. erke „мужской, мужественный“, монг. erkei наряду с монг. erkeg, тюркск., алт. ärkäk „мужской, мужественный“ < монг. erc, тюркск. är „мужчина, муж“, тюркск., монг. er-de-m „добродетель, деятельность“; казах. kürkö „хижина“, ср. тибет. gur „дом, палатка“, монг. ger „юрта“, афг. kor „дом“, хинд. ghar — то же (впрочем, в афг. -kai является вполне обычным уменьшительным суффиксом, например, kor-kai „хижинка“, ср. Bellew, стр. 108).

В особенности следует отметить здесь составной суффикс монг. -ǯu-gai, -ǯa-gai, тунг. -ǯuga, гольд. -ǯaka, например, в монг. gün, günǯeγei „глубокий“, монг. (Ибн Муканна) haiǯuga „корабль“, кор. pai, яп. he (в слове hesaki „нос корабля“); гольд. hereǯeke „лягушата“, here-kie „лягушка“; тунг. asi (мн. ч. asai) „женщина“, гольд. (Грубе) aščuha, asoǯcan „барышня, молодая женщина“.

В монгольском языке фонетически закономерно будет в исходе -ai (калм.-ä- ~ -ä), а в тюркских -a (т. е. -a). Точно так же -a (обозначаемое обычно долгим) является тем соответствием, которого следует ожидать в тунгусском языке. Там, где в тюркском и тунгусском имеется -gai, -qai, там можно с уверенностью предположить влияние монгольского, например: тюркск. solaγai „левша“; казах. bekäi (наряду с betkä) „горный откос“; тунг. činukaj „волчонок“ (< tбурят. činuγai ~ šunuχai), казах. tengäi „ровный“ (ten „ровно“), teskäi „плоскогорье“ (tes, тюрк. tös „грудь“), тел. tosqoi „маска (из бересты)“, (tos, якут. tuos „береста“) и др. Там же, где мы, напротив, имеем в монгольском языке -ga, -qa, там может идти речь либо о каком-нибудь древнем слове с суффиксом -ga, -qa, либо же, наоборот, о заимствовании из тюркского или тунгусского.

В корейском языке отыменные образования такого характера не часты. Соответственным суффиксом, которого следовало бы ожидать в корейском языке, является -kai и -ai; кроме него, засвидетельствован также и некий -ki, например: ękke (в письменной традиции es-kei) „плечо“ (< es „наискось“?); maragi „шапка“, монг. malagai, malaqai (то же), самод. mola „летняя шапка“, гольд. bale „противокомарная сетка“ (Грубе, стр. 109).

§ 99. Монг. -qan, тунг. -kan

Этот суффикс, встречающийся в монгольском языке очень часто, является прежде всего показателем уменьшительности. В том же значении он выступает и в тунгусском. Но в монгольском языке бывают случаи, когда -qan обозначает ограничительно „только“: монг. nigeken „только один“, qojarqan „только два“ gurbaqan, gurbanqan „только три“ и т. п., eneken „только этот“, tere ken „только тот“ edüiken „только столько вот, только не более этого [kedüi „сколько, (мн. ч.)?“], kedüiken „некоторые (небольшое число) немного“ и т. п. (ende „здесь“), endeken „как раз здесь“ (калм. odā халх. odō „теперь“) odāχon, odōχon „как раз теперь, в этот самый момент“, может быть, также и монг. aŋqan „начало, сначала“, с чем следует сопоставить тюркск. aŋ ilki „самый первый“. Именно в этом значении — ограничительности и одновременно уменьшительности — -qan следует считать скорее продуктивным аффиксом, чем собственно основообразующим суффиксом; вместе с тем он применяется также как риторический прием, например: халх edżelŋχen törsen „как властитель (властителем) рожденный“. Обычное же его значение — чисто уменьшительное; монг. aqar „короткий“, aqarqan „коротенький“; sajin „хороший“, sajiqan „хорошенький, красивенький“; nojan „князь“, nojaqan „княжич“ и „княжна“ keü „сын, ребенок“, keüken[171] „дочь“ (мн. ч. keüket „ребята“, keüken keü „девочки“); таким образом, женский род может быть выражен уменьшительной формой, так же, как например в вост. тюркск. aγača обозначает „супруга“.

В тунгусском языке как в северных, так и в южных диалектах имеются многочисленные примеры этого образования: гольд ǯō „дом“, ǯōkan „домик“; dere „стол“, dereken „столик“; nemd „тонкий“, nemdeken „тоненький“; bi „я“, bi-ken „всего лишь я, моя скромная особа“ (ср. монг., халх. biχə „я один“); тунг. purt „нож“ (< чув. purə̑ или сир. porta „топор, широкий нож“ < *barta) purtakan „ножичек“; amut „озеро“, amutkan „маленькое озеро, пруд“; kačikan, kaatkan „щенок“ (< kāči < ka-ači, кор. kāaǯi, уменьшительное от kä < kańi „собака“, ср. гилян. kan „собака“, тюркск. qančyq „сука“, самод. kańak „собака“, см. Кастрéн, самод., стр. 113); singereken „мышь“ (> якут. čingereken), singere „крыса“, маньч. siŋgeri „мышь“ (ср. финно-угорск. šiŋir > венг. égér, сир. šir, финск. hiiri „мышь“); bira „река“, birakan „ручей“, ороч. bi jaka (< bira-kai) — то же.

Исходя из приведенного выше значения ограничительности, можно без затруднений подвергнуть анализу и тюркское отглагольное прилагательное на -aqan: оно образовалось от герундия на -a путем присоединения этого -qan (см. § 59), например: тюркск. qač- „бежать от чего-либо, избегать, спасаться бегством“, qačaqan, qačaγan „всегда убегающий, робкий“, но в адъективном употреблении qač-qan „беглый (беглец)“; jyγla- „плакать“, jyγlajγan „плаксивый, плакса, меланхоличный“, jyγlamajγan „неплачущий“.

К продуктивному тюркскому языковому достоянию суффикс -qan во всяком случае уже не принадлежит, а в корейском языке он до настоящего времени не засвидетельствован[172].

§ 100. Монг. -g, -ga(-qa), монг., тунг. -ki и тюркск. -q

а) Монг. -ug, -ag, тюркск. -uq, -aq. Вероятно многие первоначально различные образования скрестились здесь друг с другом, ибо установить определенные их типы, правомочные для всей алтайской семьи языков, не представляется возможным. Наиболее близки тюркские и монгольские языки, но вопрос о том, опирается ли (и если опирается, то в какой мере) сходство их в лексических примерах на обоюдные заимствования или на более древнюю общность, остается неразрешенным. Примеры: монг. -ug, -ag (< -uq, -aq), тюркск. -uq, -aq; монг., тюркск. sačuq (čačuq) „пучок, бахрома“, якут. sysyaχ, susuoχ (< тюркск. sač|čač „волосы“); монг. qutug „блаженство, величество“[173] < тюркск. qut „величие, счастье“, тунг. kutu „счастье“; тюркск. jomaq „сказка“, койб. numaq, mumaq „сказание“, монг. domag „сказка“, тув. (урянх. по Катанову) tomuq (то же), тат. jomak, чув. jumaχ > мар. jomak „сказка“ < тюркск. jom, монг. dom „заклинание, заговор“, чув. im-śam „средство заклинания и лечения“; монг. tomug, tom „следы, следы диких животных“, казах. tomō (< *tomaγ) „едва различимые следы“; монг. tonug, tonag „конская сбруя“ (ср. монгНТ. tonog „захват трофеев“) < тюркск. ton „одежда“; монг. učig „конец нити“ < тюркск. uč, чув. vəś „острие, конец“; тюркск. köŋül „сердце, дух“, köŋläk „рубаха“, калм. kīləg — то же (< köjileg < köŋäl-eg), казах. köjnäk (то же); монг. turug „длина“, tur „хребтовая часть шкуры“, ср. монг. tur-śi „целое, длина“, тюркск. turq в конструкции (uzun) turqaru „в течение, с течением времени“, монг. urtu turśi bar, калм. utu turšar (то же), чув. tə̑rə̑ < tə̑rə̑χ „длина“ (Ашмарин, стр. 111); монг. ugurag, калм. ūrxg „яичный желток, молозиво“ < тюркск. oγuz (то же), oγuzaq > якут. uosaχ в symyt-uosaχa „яичный желток“; монг. qoskinag „толстая кишка“ < qoskin, койб. qosqyn, тур. qosqun „хвост, подхвостник“; монг. bögüreg „холм“, bögureŋkei „круглый“ < bögüre[174] „почка“, тюркск. bögür, тат. böjör „печень, бедро“, казах. böjrök, тур. büjräk, büvräk „почка“; монг. mojinag, бурят. moinag „жировая складка под шеей у рогатого скота“ < тюркск. mojun, тур. bojun „шея“, чув. mə̑j (то же), тунг., ороч. moje „шея“; кор. thar, tharak „волосы“, ther, therek „волос“; sai (> sä) „новый“, saiak, säak, sääk „молодая женщина, девушка“; so, sok „грудь, середина“; кор. phat (phatčh-), phot (photčh-) „горошина“ < burč, монг. burčag, тюркск. burčaq, чув. pə̑rźa (то же), вопреки *burča, тюркск. burč, тат. berəč, чув. pə̑rə̑ś, венг. bors „перчинка“.

В тюркских языках с помощью -aq образуются уменьшительные формы, и в этом значении суффикс -aq во многих диалектах является еще продуктивным, например: тюркск. oγul „сын“ >

oγlaq, тат. ōlaq, казах. ulaq „козленок“; тюркск. oγlan „сын“ > тел. ulanaq „мальчонка“; алт., тел. qulun, qulunaq „жеребенок“; тел., алт. tamyr, tamyraq „жила, тетива, сила“, чаг., казах. tamyr, чув. tĭmar, монг. tamir „жила, вена, сосуд“; тюркск. baš „голова“ > bašaq „колос“; тюркск. tyl „язык“ > tylaq „ледяная сосулька“; тюркск. qyŋgyr, балк. qyŋgyr „кривой“, тел. qyngyraq „кривой нож (кинжал)“; халх. χ'aŋgər, калм. kir „стамеска, коса“.

Древние образования с этим суффиксом встречаются в чувашском языке довольно часто и без значения уменьшительности, например: чув. ujăχ „луна“ (< aj-uq, тюркск. aj), χələχ „конский волос“ (< qyl-yq, тюркск. qyl, монг. kilga-sun); pilək „бедро“ (< тюркск. bel, монг. bel, belke-güsün „область бедра“); tĕlĕχ „вдова (< тюркск. tul „вдова“, кор. tul „покинутая жена“, монг. tulgui „одинокая“); kĕmrĕk „древесный уголь“ [тюркск. könür — то же < kön- „(древесные угли на ночь) прикрывать золой, зарывать“]. После долгого -a-, -ă- в чувашском языке -χ-, -k- фонетически закономерно выпадал: тюркск. jozaq, тат. juzaq, чув. śĕra „висячий замок“, ср. маньч. jose, гольд. jeso, joso, jowso „висячий замок“; тюркск. bŭjrăk „почка“, чув. pŭra, монг. bögere (то же).

Этот суффикс -aq, в котором элемент -a- опирается на обобщение в тюркской традиции, в сочетании с другими суффиксами дал различные, более распространенные окончания для образования уменьшительной формы: -čaq(-čyq), -aqač (якут. -agas), -qyn-aq (-qyńaq, -qyjaq), -qajaq, -aq-qaj, -anaq, -naq, -gaq и т. д. Из-за большей точности им в настоящее время отдается предпочтение перед -aq.

б) Монг., тунг. -ki, тюркск. -q, -uq, -qy. Монг. qunaki „песок, пыль“; тюркск. qum (то же); тунг. sula, sulaki „красная лиса“, кор. salk, solk „дикая кошка“, — ср. тюркск. tülki, tülkü, tilkü, tülgü, tilgi „лиса“, быть может, < tü-l-ki „волосатый, длинношерстый“, от тюркск. tü „волосяной покров у зверей“; монг. dagaki „шерсть“, dagaki-ra- „взъерошиваться, сбиваться (о шерсти животных)“, тюркск. japaq „рупо“, тунг. ilisaki „плечо“, маньч. ilisa (то же); тунг. tiǯaki, гольд. čiǯa „икра (ноги)“; тунг. töki, tö „лось“. Помимо упоминавшихся выше, в тунгусском языке для наименований животных существует ряд слов, имеющих в исходе -ki, например: horoki, наряду с horo „тетерев“, turaki, наряду с tura „ворона“, inaki наряду с ina „собака“. К этой группе относится, пожалуй, и тюркск. jylqy „кони, табун коней“.

Этот -ki, выступающий как носитель конкретности смысла, следует отличать от адъективообразующего суффикса -ki, -qy.

в) Монг., тунг. -ga, тюркск. -q. Монг. ajaga, калм. ägə „чаша“, тунг. hāgā, āga, тюркск. ajaq (то же) < первонач. *pai „скорлупа, корыто, лодка“, кор. pai (произн. pā) „лодка“, тунг. hā-magda „(выдолбленная или полая) ива или осина для лодки“; монг. qalbaga „ложка“, ср.-тюркск. qašuq, qašyq (то же), тунг. kālbika „заступ“, ср. тунг. kalba, kalbi „лопатка (анат.)“, кор. kalbi, маньч. χalbaχa (то же); монг. kituga, qituga „нож“, ср. манегер. koto, ороч. kučiga, kučka (то же); монг. sičuga, čičuga „кнут“, монг. sibüge „шило“ < sibü-, ср. тюркск. sivrüg „острый, остроконечный“, тур. sivri, sifri, тат. sŭjrü, чув. šəvər, šŭreə „острый“; н.-монг. sabχa „палочка для еды“, маньч. sapka (то же), ср. тюркск. sap „рукоятка, стебель“, кор. sap „лопата, заступ“; монг. tajaga „палка“, тюркск. tajaq „посох (странника)“, ср. тюркск. монг. taja- „опираться“ и др.

Как это видно на данных примерах, -ga встречается чаще всего в словах, обозначающих предметы домашнего обихода. Далее мы находим его, пожалуй, еще и в составном суффиксе монг. -sqa, тунг. -ska > -ksa. Этот суффикс встречается в словах, которые обозначают мех зверей или кору деревьев и т. п., например: монг. ada-sqa „шкура коня“ (adagun „конь“), üke-ske „коровья шкура“ (üker „рогатый скот“), тунг. koń-ksa „овечья шерсть“ (монг. qonin, др.-тюркск. qoń „овца“), muri-ksa „шкура коня“ (монг. muri „конь“), монг. qurisqa „шерсть ягненка“ (монг. qurigan „ягненок“, тюркск. qozy „ягненок“), бурятМУ. kundetka „бобровый мех“ (тюркск. qunduz, чув. χənpər „бобер“; тунг. sulaki-ksa „лисий мех“, ninaki-ksa „собачий мех“, tanmaksa „облако, туман“ (ср. тунг. tanna-llan „стало туманно“), тунг. silukse „роса“ (кор. siri „утренняя роса“; isil „роса“).

Уже на очень раннем этапе путем присоединения к -ga окончания -ha возник составной суффикс — монг. gana, тюркск. -γan, весьма употребительный в наименованиях маленьких животных и растений, например: монг. qaragana „Caragana arborescens“ (qara „черный“), altagana „куст с золотистой корой“ (altan „золото“), ǯedegene „земляника“ (якут. ǯäǯän — то же < ǯe-, ср. тюркск. je- „есть“), др.-тюркск. tabyγan, тур. davšan „заяц“, тюркск. syčγan, тур. syǯan „крыса“, тюркск. saryγan „лютик, одуванчик“ и т. п. Путем присоединения к -ga суффикса -lǯi, -lǯin возникло окончание -galǯin, которое очень часто встречается в наименованиях птиц и насекомых: монг. kögelǯin „голубь“ (< *köke-gelǯin, букв. „голубая птица“), sirugalǯin „муравей“, tutagalǯin „перепел“, atagalǯin „паук“, agalǯin — то же (< *hahe-ldin) и т. д.

Древним является также и окончание -rga (тюркск. -uruq) или -durga (тюркск. -duruq), в котором -r- происходит из глагола или из имени, например: якут. χatyryk, койб. qastryq, qastyryq, тат. qajry, бурят. χasirga „древесная кора, кора“, ср. самод. тавги kasu, ост.-самод. kās (то же); монг. qudurga „подхвостник“, тюркск. quduruq, тат. qujruq, чув. χŭrə „хвост“, ср. монг. qudusqa „хвост“; монг. nidurga „кулак“, якут. suturuk, казах. ǯuduruq, алт. juqruq (то же); монг. kömüldürge „нагрудный ремень (у коня)“, команд. kömüldrük, тур. kümüldürük — то же (ср. тюркск. köŋül „грудь“); алт., тел. ömüldrük „нагрудный ремень“ (ср. чаг. ömgän „грудь лошади“, алт., тел. ömür „перед у шкуры“; см. SKE, стр. 216, под словом (кор.) phum „breast, bosom“); якут. mointuruk „боа (мех на шею)“ (якут. moin „шея“).

Окончание -ga встречается также в некоторых словах, которыми обозначается степень родства, например: монг. abaga „брат отца“ (aba „отец“; abagai „жена“, abaqai „принцесса“), монг. ečige „отец“ (др.-монг. ečē, монгНТ., могол. ečc, тюркск. äči „отец“, тур. äžä „дед, старец“, чув. aźa „отец“), гольд. ečcka, маньч. ečike „младший брат отца“; монг. emege „бабушка (eme „мать“), монг. ebüge, ebüke, маньч. efu „дед“; монг. ötegü, ötüge „старик“, чаг. ötkä „медведь“ (ср. монг. ötül- ötel- „стареть“, чув. vaḑ „старик“). Кроме того, -ga часто встречается также и в названиях животных, например: монг. gölige „детеныш“ (у животных)“, тюркск. kösäk (то же) > венг. kölyök (то же); монг. eljige „осел“ (тюркск. ešäk — то же); монг. ünüge, более древнее hünüge „лиса“ (собственно „пушной зверь“, ср. маньч. funehen „пушнина, длинные волосы“, маньч. fun „волос“, монг. üsün < древн. hüsün <*hünsün „волос“); монг. botaga, калм. botχ, тюркск. bota, ср.-тюркск. botu „верблюжонок“ (ср. афг. botai — то же < тюркск.?).

В тюркских языках много имен, которые имеют в исходе то -q, то гласный звук, например: монг. žubkis, алт., тел. jyqpyq „угол глаза“; монг., тюркск. ömē, казах. kömök „вспомогательный труд (черная работа)“; перс., араб. bilta „ружье“, монг. bilte „фитиль“, казах., тат. myltyq „ружье“; уйг. kirti „правда“, якут. kirdik, kyrdyk „правда“; монг. goduli „кривая стрела“, кор. koduri „тупой“, койб. qosty > якут. kustuk „стрела“. Появление здесь этого -q∼-k этимологически абсолютно не правомерно и может объясняться скорее всего явлением сандхи, имеющим чисто физиологические основы.

§ 101. Кор., тунг., монг. -ači, -či, тюркск. -ač, -č

Это окончание первоначально имело, быть может, только уточняющий (конкретизирующий) характер, но уже на очень раннем историческом этапе взяло на себя роль признака уменьшительности. Примеры:

Кор. aba „отец“, abaži „папочка“ (тунг. awači „лесной дух“); кор. ene „мать“, eneži „мамочка“; кор. kä „собака“, käaži, käži „собачка“; so „бык“, soaži „бычок, теленок“; mal „лошадь“, maži, mäaži „жеребенок“ и т. д.

Тунг. hunaži „девушка, дочь“, ср. мн. ч. hunil < hunnil (< hun < fun „женщина“ = енис.-остК. fu'en — то же + nī „человек“); asāži, asātkān „девочка“ (< *asa, им. п. asi, мн. ч. asāl „жена, женщина“) и др.

Монг. egeči, древнее okeči „старшая сестра, тетка“ (< eke „мать“) и др.

Тюркск., ср.-тюркск. ata „отец“, atač „ребенок, играющий в папу“; ana „мать“, anač „девочка, играющая в маму“; тюркск. arqa „спина“, тур. arqač „горный склон“, якут. argas „грива“; алт. abaš „дед“, änäš „бабушка“ < abač, änäč; тел. taibaš < tai abaš „дед со стороны матери“, tainaš < tai änäš „бабушка со стороны матери“; уйг. abučqa „старик“, чаг., вост.-тюркск. abušqa, кюэр. aučqa „старый господин“ (-qa является вторичным окончанием); др.-тюркск. bäg „бек (князь)“, тур. bej, казах. bi, якут. bi, откуда, как форма женск. рода, казах., тат. bikä „дама, госпожа“, кирг., тат. bikäč „принцесса, барышня“, казах. bikäš, вост.-тюркск. bigäš, bigäč „принцесса“, ср. монг. begi, тунг. begin „глава рода“, джурч. be-gi-le, маньч. bejile „князь“ < кит.-кор. päk > paik „the third grade of nobility“ (SKE, стр. 182); монг. bili, карагас. bilä „утка“, чаг. bilič „утенок“; чув. t'šeße „цыпленок“, тат. čəbəš, чаг. čimčik „воробей“, куманд. čimčigäš „синица“; карагас. šuruš „маленькая щука“ (< čuruč), ср. монг. čuruqai, тат. čurugai „щука“; коман. qapuč „кошелек“ < тюркск. (койб.) qap „мешок“, ср.-тюркск. qap „шланг, сосуд, яичная скорлупа“, тур. qapqač, qapqažaq „карман“, тат. qapčyq (то же), кор. kap „мешок, ящик“, (SKE, стр. 95); др.-тюркск. oγul „сын“, шор. ōlaq, ōlaγaš (< ōlāš) „мальчишечка, мальчонка“; шор. oi „долина“, ojoq, oiγaš „котловина“ и др.

В тюркских языках, особенно в тел., алт., шор., якут., окончание -ač (-aš, якут. -as) встречается часто и является продуктивным. Составной суффикс -čqa весьма рано дал -šqa, который ныне, особенно в татарском языке, стал весьма популярным в уменьшительных и ласкательных, например: тат. jan „душа“, janašqa „душенька“, jar „друг“, jarašqa „дружок“, чув. jerške (то же), тат. čəbəš, čəbəškä „цыпленок“.

Чувашский уменьшительный суффикс -ś- тоже, по всей вероятности, следует возвести к -č-. Обычно он связывается с личными суффиксами, например: чув. ut „конь“, utśəm „мой конек“, turə „бог“, turəźəm „мой бог“, śona „сани“, śonaźəm „мои саночки“ и др. Впрочем, этот -ś- (<-č-) очень часто встречается и в сочетании с другими суффиксами, которые тоже имеют уменьшительное значение. Например, в якутском уменьшительная форма образуется при помощи окончания -agas <-aq-ač и это окончание переходит даже к прилагательным, например: тюркск. saryγ „желтый“, якут. aragas „желтый“; тюркск. toruγ „коричневый“, якут. turagas; тюркск., казах., алт. syryq „шест“, якут. uragas (< suruq ač); якут. bäs „ель“, bärǰik, bärǰigäs „елочка“ и т. д.[175]

Возможно, что западнотюркское -aš, -š с очень недавних пор распространилось на область калмыкского языка и что, таким образом, волжско-калмыкские уменьшительные образования вроде: noχāš, noχāška „Нохашка (собака)“, tsagaš, tsagaška „маленькая Цагаш = Цагашка“ (распространенное женское имя), и подобные этим ласкательные имена, должны быть возведены к татарским, а может быть и к русским прототипам. Ср. еще венг. kö „камень“ и kövecs „камушек“ и т. д. Монг. -čai = гольд., тунг. -ča, тюркск. -ča и, как дальнейшие производные образования, тунг. -čān, -ǰān, гольд. -ǰoan.

Суффикс -ča опирается, вероятно, на слияние -č- с -ai. Примеры: гольд. mamača „мамаша“ (mama „старая женщина“ и „бо-

тиня болезней"), апаča, abača „папаша"; монг. qaraga-čai, калм. χarātsā „ласточка", тюркск., саг. qarač-qai, барг. qaračqy, якут. χarangačy „ласточка" (< qara „черный"); тур. qarača „черный цвет"; казах. qyzylša „корь, краснуха", тур. qyzylǯa „румяна" (< qyzyl „красный", монг. kiraga „утренняя заря"); тюркск. alγača „невеста, барышня" (< alγan „взятый"; „супруга" < al- „брать"); тат. čigäčä „височные украшения" (< čigä „висок"); вост.-тюркск. (кашг., яркенд. и т. д.) aγača „хозяйка" (< aγa „господин, хозяин, старший брат") и др. Как показывают эти примеры, форма женского рода часто бывает выражена непосредственно уменьшительной формой. Подобным же образом в чувашском языке в качестве окончания для образования женского рода употребляется -sa.

§ 102. Монг. -čaq, -čik, тюркск. -čaq, -čyq

В современных языках для образования уменьшительной и ласкательной формы чаще всего применяется суффикс -čaq, составленный из -č- и -aq, например: алт. abaǯaq, arčaq „папочка", közičäk „глазок", adyčaq, atčaq „лошадка" и т. д. (см. Алт. гр., § 30); монг. jaŋgirčag, iŋgirčag „грузовое седло" (якут. yngyr, чув. inar „седло"); казах. ǯarqyn, ǯarqynšaq „осколок"; тур. evǯik, evǯegiz „домик" (ev „дом"), damǯaγyz „капелька" (dam „капля") и др.; так же и для прилагательных, например: шор. čyγa, čuγačaq (< jujqa) „тонкий, узкий" и т. д. Этот суффикс может быть также и редуплицированным и встречаться как в виде -aqač, -yqač, -čaqač, -čyqač, так и в виде -čqa, -čqai, -čgai, -čgajač, -qač, -gač, -čqajaq, т. е. слитый с уменьшительным суффиксом монг. -qai, тюркск. -qa. Последние из названных суффиксов опираются на производные образования от известных образцов и потому дают в диалектах несколько различные варианты[176].

Употребление в тюркском суффикса -č для образования существительных с конкретным значением восходит, по всей вероятности, к его праязыковому употреблению. Особенно продуктивными являются окончания -γu-č, с помощью которого образуют наименования орудий (инструментов), и -ma-č, посредством которого обозначается результат какого-либо действия, например: тюркск. bas- „ступать", basγuč „лестница"; byč- „резать", bučγuč „нож"; bul- „перемешивать, мутить", bulmač „суп-болтушка"; якут. ätärbäs „сапог" < etür-mä-č, уйг. ätük, казах., коман. etik, тур. edik, тел., тар. ötük „сапог" <*etü- „одевать", маньч. etu- „надевать".

§ 103. Суффикс адъективности тунг. -ma, монг. -mai

В тунгусском языке от существительного с помощью суффикса -ma образуются соответствующие прилагательные Примеры:

mō „дерево", mōma „деревянный"; seleŋ „железо", seleŋeŋ „железный"; altan „золото", altama „золотой"; гольд. nai „человек", naima „человеческий"; гольд. pakči „мрак", pakčima „слепой" (тунг. haktira, лам. hatra „темный", кор. pam „ночь", SKE, стр. 187) и др. От прилагательных с помощью того же -ma могут быть произведены вторичные прилагательные, например, тунг. timba „тяжелый, толстый", timbama „затруднительный" (ср. монг. čimbai „толстый, дородный, тучный"); тунг. aja „хороший", ajama „добрый" и т. д. Употребительна даже удвоенная форма этого суффикса (Василевич, Сл. II, стр. 200): -mama, например: ajamama „очень добрый". Наряду с другими окончаниями -ma встречается также и в названиях цвета, например: тунг. singama „желтый" (singarin „желтый", singalian „желтоватый", кор. siŋ-a „красно-коричневый"), hulama „красный" (hularin „красный", ср. монг. ulagan „красный"), bagdama „белый" (bagdarin „белый", ср. кит.-кор. päk < paik „белый", SKE, стр. 182), kongnomo „черный" (kongnorin „черный") и др. В сочетании с окончанием -gda суффикс -ma образовал в тунгусском языке окончание -magda, которое мы находим в следующих словах: тунг. hamagda „ива (как материал для плюшки)" (SKE, стр. 181), daumagda, bojamagda, okomagda (< dau, boja, oko — различные виды лосося), как обозначения невода для соответствующего вида лосося (magda отнюдь не является здесь существительным со значением „невод", как предполагает Петрова, стр. 55); следовательно, -gda является окончанием, с помощью которого слова адъективного характера субстантивируются (иначе у Василевича, Сл. II, стр. 194).

В монгольском языке соответственным суффиксом является регулярный -mai, который, однако, не упоминается в грамматиках и, по-видимому, встречается редко, например: монг. talamai „плоский, ровный" (= тунг. tallamai „открытое, гладкое место на льду"; ср. монг., маньч., тюркск. tala „степь, равнина"), монг. ǯagalmai „крестообразный" (< монг. ǯagal, маньч. ǯ:χala — то же, кор. čāl, SKE, стр. 20), монг. namai „все, вместе взятое" (ср. окончание мн. ч. -nar, тюркск. -lar, см. выше, § 28), монг. nojirmai, nojir-mui „сонный" (ср. nojir „сон"); гольд. (Протодьяконов, стр. 321) k'ormui „ножны" (ср. монг. qor „карман, колчан"); монг. örüme „сливки" > шор. örümä, тув. örömä — то же (ср. монг., тюркск. *örü „верхнее"); Жамцарано приводит из бурятского tubamai „полезный" (< tuha „польза", монг. tusa, уйг. tusu), а на стр. 11 в „Гэсэр-Богдо" мы находим ermei „мужской" ~ ereme, от ere „мужчина", ср. ermeg „бесплодная (о кобылице)", как и nagurmag „болото, пруд" (от nagur „море"); там же, на стр. 23 χarmai ulān tamχiji „свой красный-прекрасный табак" (~χaramai, ср. χarān „утренняя заря", тюркск. qyzyl „красный"); калм. χudm ~ χudmz „первоначально" (< *χud = тюркск. qud „корень"); монгНГ. de'erme „грабеж, нападение" (ср. de'ere „высокий, наверху", debūri[177] „крыша"), ö'erme-či-le- (< öerme) „держаться обособленно", ǯi'ürme-de- „еще пополнеть (прибавиться в весе, увеличиться)" (Haenisch) или, точнее, „удвоиться", тунг. ǯunme „двойной" <

ǯurme < ǯür „два“ (Василевич, Сл. II, стр. 48), монг. ǯirin — то же, тюркск. jigirmi „двадцать“.

В тюркском также этот суффикс -ma известен как адъективообразующий, так как в древнетюркском языке появляется составной суффикс -yγma, как окончание причастия настоящего времени; таким образом, здесь суффикс адъективности -ma был присоединен к субстантивообразующему -yγ (ср. выше § 66), например: др.-тюркск. tänsi oγli jatyγma taγ „гора, где лежит сын Тэнси“, bödkä (bu ödkä) körügmä bäglär „беи, которые платят дань нашему правительству“, il(el)birigmä täŋri „небеса, создающие государства“ и др. Помимо этого древнего сочетания -γma, которое в языках более позднего происхождения в основном, за исключением нескольких остаточных случаев, утратилось (между прочим, в уйг. tägmä „так сказать“), суффикс -ma встречается в тюркском языке все же довольно редко. Тем не менее вероятно, что этот суффикс мы имеем в тюркск. tylmačy, tylmač „толмач“ (< tyl „язык“); уйг. kälämäči, kälmäč, монг. keleneči, kelemerči, kelemürči „толмач“ < *käl, монг. kele „язык, язык (речь)“, чув. kala- „говорить“; путем сочетания с субстантивирующим суффиксом -q, -aq был затем произведен отыменный суффикс -maq, например: oimaq „яма“ (oi „овраг“); бараб. iǯmäk „нагольная рукавица“ (ič „внутреннее“); койб. ortamaq „средний“ (orta „середина“); якут. χospoχ „место для стряпни“ (монг., тюркск. qoš „кухня“); монг. nagurmag „пруд“ (nagur „озеро“); монг. eremeg „бесплодный“ > тел. äränik — то же (ere, тюркск. är „мужчина“); монг. kirmag „первый снег“ (монг. kiragu „иней“, якут. kyrasa „первый снег“); кор. palmak тюркск. bašmaq „башмак, обувь“, (кор. pal, гольд. palga, ольч. falga, тунг. halga, alga „нога“; см. SKE, стр. 186); чув. sə̑maχ (> мар. šamak) „слово, разговор“ (< *savmaq от др.-тюркск. sab, уйг., ср.-тюркск. saw > венг. szó); быть может, также и тюркск. ekmäk, ökmäk, сол. utuma „хлеб“ (калм. ödməg — то же < тюркск.), койб. tibilgäk < tigilbäk „крутой, обрывистый“ (казах. tikä, монг. čike „крутой, прямой“, кор. čik „прямо, искренний“; см. SKE, стр. 33)[178].

§ 104. Тунг., монг. -na, тюркск. -n, -an

Древний суффикс -na мы имеем, например, в гольд. ame-na-ksa „чешуя рыбы-самца“, ęni-nę-ksę „чешуя рыбы-самки“ (ama „отец“, ęnę „мать“; относительно -ksa см. § 100, в); ęninę „самка“, aminanki „изобилие самцов (лососей)“ и др. Тот же самый суффикс, хотя и в несколько фонетически смягченной форме, мы имеем в тунг., гольд., ольч. и др. -ńa, -ńe: гольд. da, dańe „устье реки“, pikta, pitkańe (<piktańa) „сын, ребенок“, naoǯu, naoǯuńe „ребенок, девочка“ и др. В приведенных выше примерах этот суффикс имеет четкое уменьшительное значение, в иных же случаях он является просто формантом, специальное значение которого трудно поддается анализу, например: гольд. bot'ko-ńe „ягода“, ольч. byje-ne „вошь“ (ср. монг. böge-sün „вошь“, тюркск. bi, bit „тарантул“, „вошь“), тунг. tipkana „гвоздь“ (ср. манегер. tipkasu, ороч. tuppo „железный гвоздь“ < tip, енис.-ост. tip „железо“, монг. tebene, казах. tebän „большая игла“) и др.

В монгольском языке во многих существительных древнего происхождения встречается древнее окончание -na, например: монг. bagana, калм. baχnə, казах. baqan „опорный стержень (пилястр), опорный штанг“ (ср. якут. bagaχ „мачтовое дерево“, гольд. baksa „столб“), монг. kürene, тюркск. küzön, коман. küzän „хорёк“ (ср. монг. kürcŋ „красно-коричневый“ > тел., койб., тар. küräŋ, тюркск. küz, чув. kər „осень“, монг. küre-lǯi-ge-ne „коричневая саранча“), монг. ogutuna, ogtuna, маньч. oχotona „степная крыса“, букв. „короткохвостая крыса“ (ср. монг. ogutur, ogtur „куцый, короткохвостый“), монг. bödüne „перепел“ > чаг. bödänä, казах. bödönö, тат. büdänä, тел. bödünä — то же (ср. саг. püdürčün, монг. bödürčin — то же), монг. songina „лук“, чаг., коман., тур. soγan, балк. soχan, алт., тел. soγono (то же); монг. tebene, калм. tennə „большая игла“, тюркск. täbän, коман. tämän (то же); монг. uquna „козел по второму году“ (ср. калм. uχantsχə „вприпрыжку“, монг. uqus ki- „брать разбег, бросаться вперед“), монг. sarana „луковица лилии“, тат. sarana — то же (вероятно, из sara в значении „белый, светлый, бледный“, тат. saz — то же), монг. ulana, ulagana „малина“, халх. ulāna „щавель“ < ulān „красный“; тур. чаг. täknä „квашня“, коман. tägänä, тат. tigänä „корыто, большая лохань“, чув. tagana „корыто“ (ср. казах. tegäš, тат. tigäč „большая миска“, венг. teknö „корыто“); монг. aguna, agauna, калм. aχūn „водолаз“, тел., алт. aγūna, шор. aγun, бараб. aγaun „куропатка“ (ср. шор. aγui, aγyi — то же); монг. böküjine, bökügüne, калм. bökünə „комары“ (ср. кор. mōgii, megii — то же, SKE, стр. 150).

Как это уже подчеркивалось выше (§ 100 в, суфф. -ga), сложносоставное окончание -gana очень активно участвовало в образовании наименований животных и растений в монгольском языке, например: qaragana („черное“), ulagana („красное“), altagana („золотое“) и др.; alagana „ёрш“ (alag, тюркск. ala „пестрый“); batagana „домашняя муха“ (ср. шор. padat „большая муха“); монг. balčirgana „чихательный корень“; тюркск., тат. baltyγan „медвежья травка“, тур. baldyran „болиголов“, „Spiraea“, чув. pulbə̑ran „медвежий коготь“; монг. balana, balagana „некий кустарник“, шор. palan „бузина, полевой клен“, тат. balan — то же; монг. ǯedegene „земляника“ > якут. ǯädän, ǯäǯän — то же (от монг. *ǯede-, тюркск. jed-; ср. койб. čestäk, казах. ǯiläk, чув. šǐrla „земляника“); монг. esergene „легкая лихорадка с сыпью“ (< тюркск., ср. тур. ysyγan „крапивница“ и тюркск. isig, ysyγ, казах. issi „горячий“, алт. üzüg, üzü „горячий“ или „лихорадка“). В тюркском языке соответственными окончаниями являются -an и -γan, например: др.-тюркск. tabyšγan, якут. tabysχan, чаг. taušγan, тур., азерб. davšan „заяц“ (ср. монг. taulai, у Гирагоса thalpkhai); уйг., чаг. syčγan, койб. sysqan, алт. čyčqan, казах. tyšqan, тур. syǯan „мышь“ (ср.

монг. čičaguli „крот“ и тюркск. syč- „грязнить“, монг. čiča-, siča- то же); якут. kytyan „можжевельник“ < katγan < kataγana (ср. тюрк. qaty, монг. qatagu, тунг., гольд. katan, kata „твердый“); тур. paγan, тар. arpaqan „овес, дикая пшеница“ (ср. тюркск. ar, монг. arbai, маньч. arfa „ячмень“); халх. qylqan, алт. qylγan „плоски колоса“, монг. kilgana, маньч. kilχana „трава с длинны ворсинками“ (ср. тюркск. qyl „конский волос“, чув. χələχ, мо kilgasun — то же); чув. šəlan „колючее растение“ [< *sylγan, šəl < sýl „зуб, зубец“, тюркск. syš, śiš „вертел“, койб. sis (то ж монг. silbü, silbüsün „иглы (хвойного дерева)“, тунг. silgi-, silgi „прокалывать“, sila- „жарить на вертеле“]; чув. χərləχan „кор (ср. χərlə „красный, краснуха“, тюркск. qyzyl „красный“, мо kirān „утренняя заря“) и др.

Различию, которое существует в гольдском языке между e и eńenc, соответствует в тюркском языке подобное же различ между är „мужчина“ и ärän „мужественный, мужественно (мужество)“ (> венг. erény „добродетель“). Значение окончан -an ~ -än зачастую приводило к тому, что образованная при е помощи форма воспринималась как множественное число основн формы, например: др.-тюркск. oγul „сын“, oγlan „сыновья“; яку ärättär < ärät-lär < ärät, монг. мн. ч. от ärän; якут. uol „сын“, мн. uolattar „сыновья“; чаг. (Радлов, IV, 1580) beglär wa begät „беи и беи (сыновья)“ и др.

То, что мы имеем здесь, дело вовсе не с образования множественного числа, видно, между прочим, из следующих прим ров: тюркск. öz „внутреннее, среднее, индивид, мозг (костный), серд вина“, тюркск. özän „внутренность, семя дерева“, казах. özön „река балк. özen „долина“, в живом языке özön „ось“ [ср. чув. v „середина, внутренность, живот, ущелье, ручей“, монг. örü „вну ренность (нутро), грудь, сердце“]; вост.-тюркск. topa „пыль, земля шор. toban „мучная пыль“ (ср. чув. tə̑ва „заводь“, тюркск. topra чув. tə̑pra „земля“); тюркск. toz, тат. tuz „(летающая) пыль тюркск., казах. tozan, тат. tuzan „пыль“ (ср. монг. toru, мань toron — то же); койб. qozon, qozan, казах. qojan, тат. quj „заяц“ > чув. kujan (искон. qodan, ср. монг. godu „заячья лап мягкая лапа, шкурка с лапы“); тат. soran, чув. sə̑ran „недублён сырая кожа“ (ср. монг. sur „ремень, сырая кожа“, ольч. suek „ремень“); śiran „берег“, шор. čarna — то же (ср. чув. śir, шо čar, тюркск. jar „обрывистый берег“, ср.-тюркск. jarsγa „обрывист место“); тюркск. kötän, чув. kuban „зад, толстая кишка“ < тюрк köt, чув. kut „задняя часть“, монг. köte „свита“, монг. köte „слуга“[179]; балк., казах. sazan (> русск. *сазан*) „карп“ < бук „бледная рыба“ (ср. тюркск. saz „бледный“, тат. saza- „старет седеть“, балк., казах. sazar- „бледнеть“, монг. sira „желтый“).

Монгольское окончание -na (-una, -ana) соответствует, таким о разом, тюркскому -an, но там, где в тюркском появляется -na, -n там следует предположить более свежие заимствования, так, н пример: шор. čarna, тюркск. turna и т. п.

Наряду с окончанием -na первоначально существовало также -ńa, которое в древнетюркском языке должно было бы иметь форму -ań (например: čγań „бедный, жалкий“, позднее čγan, čγai; qytań „киданец“, позднее qytai „Китай, Cathay“). Путем присоединения к -ki-, -qy- окончания -ńa (см. § 114) возникло древнетюркское и уйгурское уменьшительное окончание -qyńa, которое является употребительным еще и в настоящее время и звучит ныне как -qyja, либо -qyna: azqyja „немножечко, очень немножко“, kičkija, kičkinä „маленький, малюсенький“ и т. п. Окончание -ńa, -ńä во многих словах сохранило свой изначальный гласный, что вообще не свойственно тюркскому языку, например: др.-тюркск. turuńa, тюркск. turna, якут. turuja „журавль“. Якутские уменьшительные на -ja, по всей вероятности, восходят к некоему типу словообразования на ńa, который в тунгусском языке выступает как правомерное соответствие -na ~ -ńa: тунг. ingeńe „двенадцатиперстная кишка, Duodenum“, тунг. iktana, iktęnę, лам. itan „олень по третьему году“ (< iktę „зуб“, так же как монг. sidülen „домашнее животное, трехгодовалое“ < sidün „зуб“ и якут. tysaγan „трехгодовалый“ < tys „зуб“). Поскольку невозможно обнаружить какое-либо различие в значении между -na и -ńa, следует предположить, что здесь мы имеем дело с очень древними вариантами одного и того же суффикса.

В корейском языке едва ли возможно засвидетельствовать наличие суффикса -ńa, поскольку там закономерным является выпадение гласного и развитие ń > j[180].

§ 105. Монг. -lai (-rai), тунг. -lā (-rā)

Представляется несколько затруднительным решить, является ли довольно редкий в монгольском языке суффикс -lai исторически первичным или сложносоставным образованием из -l + -ai, либо же он возник по аналогии, например: монг., taŋnai, taŋlai „небо“ (? ср. кит.-кор. thjen „небо“); монг. maŋnai, maŋlai „лоб“ (? ср.-кор. maŋ-kkin „повязка на лоб“, Gale, стр. 341); монг. qubilai „Кублайхан“ (< монг. qubi „доля, счастье“); монг. qoŋdulai, qondulai „туловище, бедро“ (ср. монг. qondusqa „мясо с ляжки (коня)“, все < монг., тюркск. qon — то же); казах. qurałai „дождливое время года“ (< монг. qura „дождь“). В образовании форм монг., халх. nogālai (< nogān „зеленый, трава“) „весенний помет зайца“, халх. dewēlei (< dewē „нарост“) „летний помет зайца“, халх. χirālai (< χirā, монг. kiragu „зрелость“) „то же поздней осенью“ должна была, во всяком случае, сыграть роль аналогия с халх. tūlai (< монг. taulai, тюркск. tabyšγan) (ср. VA, стр. 103). Поэтому также остается неразрешенным вопрос о том, действительно ли родство этого монгольского суффикса и его закономерных фонетических вариантов -lā ~ -lē с тунгусским языком является исконным: тунг. sigdilē „промежуток“ (< sigdę „место

между двумя спинными позвонками"), тунг. isilē „ящерица" (<
irgē-, sisirgē- „распадаться, ломаться"), тунг. ēptilē~ēwtilē „реб
(<ēptē, ēwtē „грудь, легкое"), монг. čbči-gün, калм. öwtsün
öptsün „грудь"), тунг. oŋoio „дятел" (<oŋo-kto „клюв"), ту
барг. d'eptilē „пища" (<d'epti — то же, d'e-pi-, тюркск. je-, мо
*ǯe- „есть"); гольд. nektelē „довольно низкий" (<nektē „низкий
čagǯeala „беловатый" (<čagǯean „белый"); ольч. pjala „тетер
(<pja „береза"); см. Петрова, стр. 14.

§ 106. Суффикс -ri, тюркск. -z

В корейском языке имеются вторичные имена с окончани
-ri, -ari (-eri), соответственной которым является в тюркском форм
имеющая в исходе -z~-yz~-uz (ср. VA, стр. 55), например: мо
ag „отверстие", тюркск. aγyz (aγuz), тат. auz, кирг. ōs, якут. u
„рот", кор. aguri, agari „рот, устье, пасть" (SKE, стр. ə); ко
pat' „поле" >*pat'ari, тюркск. atyz, шор. adys, тар. etiz, монг. a
(<*hatar) „пашня, поле" (SKE, стр. 192); кор. thēŋ „открыты
пустой" (SKE, стр. 280), тюркск. teŋiz „море", венг. tenger (
же), но маньч. teŋgin „озеро", тунг. tuŋger „озеро"; кор. tiŋ, tiŋ
„спина" (SKE, стр. 268); кит.-кор. poŋ, кор. poŋori „голова, ве
шина горы", ср. маньч. boŋgo „первый, начало" (SKE, стр. 205
кор. tot „свинья", tothori (SKE, стр. 274) „поросенок, елова
шишка"; кит.-кор. ton „свинья", *toŋuri, тур. domuz, doŋuz, каза
tomuz, toŋuz „свинья" (SKE, стр. 272); кит.-кор. tan „один", мон
daŋ „один", кор. *daŋuri, тюркск. jaŋuz, jaŋyz „один", койб. ńaŋa
карагас. ńuŋus, якут. sogot-oχ (то же), якут. so-ččogotoχ „совсе
один" (SKE, стр. 255); кит.-кор. tan в pi-tan „сатин", *taŋari, якут
taŋas „платье" (SKE, стр. 254); кит.-кор. čap „плохой, смешанный"
монг. ǯab-qai „непристойный, неприличный", тюркск. jabyz, jabla
„плохой, дурной" (SKE, стр. 22); кит.-кор. mjen „лицо", уйг. mä
„цвет лица, внешность", кор. *mje-ŋeri, чаг. mäŋgiz, вост.-тюркск
bäŋiz, тур. bäŋiz „лицо", уйг., чаг. mäŋzä- „быть похожим" (SKE
стр. 147); кит.-кор. tu „голова", *-turi, монг. töri > ср.-тюркск
töri „предводитель", тюркск. töz, tüz „происхождение, начало
(SKE, стр. 274); кит.-кор. ise „стул", маньч. ise, монг., монгНТ
iseri „трон"; кит.-кор. tu „горох", ольч., гольд. turi „горох"; ко
khoŋ „боб", маньч. χoχori „горох" и т. д. Окончание -ri (посл
гласных)~-ari, -uri (после согласных) во многих случаях ка
будто совпадает с тем -ri~-r, который в китайских заимствова
ниях соответствует кит. -ze („-чек", „-ко", немецк. „-chen", „-lein
„дитя"); так, например: tu, turi „горох"; кит. to-ze, монг. tōr „пер
сик", кит. i-ze, монг. iseri „сидение, стул", и др. С этим вполн
согласуется функция -z как признака уменьшительной формы
тюркском.

В турецком также наряду с -ǯaq в качестве уменьшительного
суффикса имеется еще -ǯaγyz: ev „дом", evǯek, evǯegiz (evǯiz
„домик"; el „рука", elǯek, elǯegiz (elǯiz) „ручка, рученька" и т. д

Но вместе с тем окончание -yz, -z встречается также в роли
адъективообразующего суффикса, например: тюркск. jabyz „пло-
хой" (ср. выше), semiz, чув. samər „жирный" (ср. монг. semeǯi
„сальник", тунг. semesik — то же, тюркск. semir „толстеть"), tekiz
„ровный" (ср. tegsi „ровный, гладкий"), ekiz, ikiz „парный, близ-
нецы" (ср. монг. ikire — то же, тюркск. eki, iki „два", кор. pegim
„следующий, другой" (<*peg-~*pek- „быть первым"; SKE, стр. 195,
тюркск. ekindi — то же). В существительных мы имеем то же
самое -z, например: в тюркск. köküz „сосок" (ср. kökr-äk „грудь",
монг. kökü „сосок"), др.-тюркск. qadaz „скала" (ср. монг. qada),
ср.-тюркск. saqyz „пятно" (ср. тунг. sakarin „черный", sakaljan —
то же), тюркск. saγyz „смола", якут. yas — то же (<saγ-, монг.
saga- „вытекать по каплям"; маньч. saχa- — то же) и др.

§ 107. Суффикс -sun

Это очень популярное в монгольском языке окончание служит
для подчеркивания конкретности значения слова; оно должно быть
очень древнее, так как встречается во множестве наиболее упо-
требительных имен, например: usun „вода" (ср. u „вода" в языке
хуннов, согласно китайским источникам, гольд. uáta, тунг. ūakta,
лам. óta „волна", монг. u-gi-ja- „мыть"), jasun „кость", časun
„снег", čisun „кровь", üsün „волос", монгНТ. hüsün <*fü-sün<*fün-
sün „волос" (ср. маньч. fuńeχe „волос"), монг. ünesün < монгНТ.
hünesün „пепел, зола" (ср. гольд. puńektē — то же), монг. dabusun
„соль", джурч. da-bu-su, маньч. dabsun — то же (ср. казах. sor-daut
„селитра"); маньч. samsun „конопля" (ср. кор. sam — то же, монг.
čamča <samča „рубаха"; SKE, стр. 222); монг. josun „обычай,
правило, закон, обряд", маньч. joŋsu — то же (ср. тюркск. joŋ
в уйг. joŋla- „иметь значение, быть в употреблении, в пользова-
нии, применять"< кит. joŋ); монг. balgasun „город" (ср. тунг. ba-
lagan „жилье", тюркск. balyq „город"); монг. balgusun „карп"
(ср. тюркск. balyq „рыба", кор. palg-aŋi „карп", SKE, стр. 185);
монг., халх. baligu-sun, baliu-sun „большой кухонный нож";
монг., монгНТ. adu'un~adu'usun „табун лошадей, скот", qubčan~
qubča-sun „платье"; монг. tosun „сало, растительное масло"
(ср. др.-тюркск. to-d- „насыщаться", to-q „сытый"), монг. argal, ar-
gasun „грязь, навоз (как топливо)", древнее hargal, hargasun,
маньч. faǯan~fargan — то же, койбК. aryχ „грязь"; монг. baitasun
(>якут.)~baital „кобылица двухлетка" (>казах., тур., чаг.); монг.
монгНТ. üre(n)~üresün „плод" и т. д. Следует заметить, что со-
гласные -n, -r, -l, -s в конце слога перед окончанием -sun вы-
падают, например: dajin-sun~dajisun „враг", kinul-sun~kinusun
„ноготь", ujil-sun~ujisun „кора березы", почему присоединение
-sun к основе глагола и является только кажущимся.

Наличие этого -sun как в киданском языке, так и в языке
джурчен, подтверждается несколькими примерами. Однако обра-
зования на -sun, встречающиеся в тюркском, являются заимст-

ваниями из монгольского языка позднего периода. В монгольском языке это окончание стало присоединяться как к заимствованным словам, так и к исконным самобытным именам уже довольно поздно, например: кит.-кор. tai „трубка, дудка“ > бурят. dai, daihan (< dai-sun) — то же (ср. SKE, стр. 151), mok-te „деревянная трубка (дудка)“, монг. del, del(e)sun „грива“, тунг. delsun, delhun (< бурят.), монг. sakigul „хранитель“, sakigulsun > sakigusun „талисман, амулет“ (монг. saki- „стеречь, охранять“, тюркск. saq „бдительный“).

Если такой форме единственного числа, как balgasun „город“, narasun „ель“, čigorsun „кипарис“ противостоят в качестве формы множественного числа balgat, narat, čigot, то эта неправильность в образовании является результатом того, что наряду с древними balgan, naran, čigor позднее были образованы формы на sun.

Параллельно простейшему -sun существуют и более длинные формы суффикса: -da(l)sun, -ga(l)sun, -gu(l)sun, например: jabuda(l)sun „путник“; nilbusun „слеза“, nilibudasun „слюна“; ogudasun „клин“, sigudasun „лоскут, тряпка“, čibqadasun „струна“, ǯalgadasun „стык“, ǯagadasun „темя, верхушка“; qadagasun „гвоздь, пороть“, nuragasun „оползень“, sibagasun „штукатурка“, tatagasun „паз“; ǯordasun ~ ǯorgasun ~ ǯorgadasun „щепки, лучина, осколки“; orugadasun „упаковка“; ǯirugan „черта, строка“, ǯirugasun ~ ǯirugadasun (то же), ǯirudasun „карандаш“; монгНТ. eri'ulsun „нищий“, монгНТ. qara'ul ~ qara'ulsun „разведчик, дозорный“, монгНТ. kebte'ul ~ kebte'ulsun „ночная стража“, „ночное дежурство у больного“, монгНТ. čagdu'ulsun „арьергард“; sakigul „хранитель, охрана (защита)“, sakigu(l)sun „талисман, амулет“ и т. д.

§ 108. Суффикс -di, -ti, тюркск. -t (кор. -či)

К древнейшим деноминальным суффиксам относится -ti, тюркск. -t, например: тюркск. bit „вошь“ (ср. чаг., тар. bi „тарантул“, гольд. bijene, монг. bügesün „вошь“); тюркск. tört „четыре“ (ср. монг. dörben „четыре“, döčin „сорок“ < *dörnen, *dör-tin); тюркск. art[181] „позади“, artymda „позади меня“, artymyzda „позади нас“ (ср. монг. aru „оборотная сторона, север“, тюркск. ar-qa, тунг. ar-kan „спина“), тюркск. üst „верх“, üstündä „сверху“ (ср. бурят. uhē < üsei или üsege „крыша“, тунг. uiski „кверху“, кор. ü „верх, верхняя сторона“, ue „вверху“; SKE, стр. 284); тюркск. alt в послелоге altynda „под ним, у него внизу“, altymda „подо мной“, altyŋa „подо что-нибудь“ [ср. кор. arä (лат. п. от al, SKE, стр. 6) „под, внизу“, čib-al „фундамент дома“], тюркск. syrt „затылок, горный хребет, песочные дюны“ (> венг. szirt „затылок“, ср. монг. sirke „свиная щетина“), тюркск. jigit „voltigeur“ (> монг., калм. jēde — то же, ср. тюркск. jig, jeg „хорошо“, тур. jej „хорошо, лучше“, монг. dege-ǯi < *degedi „высшее, лучшее, первенец, жертва“, degere „наверху“), тюркск. ört „степной пожар“ (örtä- „гореть“, ср. монг., калм. öt „пламя огня“, örbid- „воспламеняться“, кор. pul ~ pir < *pör „огонь“, SKE, стр. 208) и др.

В монгольском языке во многих эквивалентах встречается окончание -ǯi ~ -či, которое восходит к исконному -ti, -di и, вероятно, тождественно упоминавшемуся выше тюркск. -t, например: монг. töbči „пуговица, шар (мяч)“, тунг. topti — то же (ср. тюркск. top „шар“, кор. top „мяч“, pel-mä-dop „пуговица“, SKE, стр. 273); монг. senǯi „петля, игольное ушко“ (ср. маньч., тунг. sen „ухо“); монг. sinǯi „форма, фигура, существо, очертание“ (ср. тюркск. syn „тело“, венг. szin — то же); монг. ǯabiǯi, калм. dżäwdži „нижняя челюсть, угол рта“ (ср. гольд. ǯau, ǯew „нижняя челюсть“, Грубе, стр. 97); монг. semeǯi „нутряное сало“ (ср. тюркск. semir- „толстеть“, semiz „толстый, жирный“, тунг. semesik „сальник“); монг. bögeǯi, bögüǯi „скоба, крюк, оправа“, тур. büvät „мельничная плотина“, вост.-тюркск., казах. bügat „забивка свай“; монг. nabči, namči, labči „лист“, namčisun „поверхность листа“ (ср. монгол. laba „лист“, тюркск. japraq, japyldraq — то же); монг. qaiči „ножницы“ (= тюркск. qajčy, также перс., афг., хинд. „ножницы“), тунг. kajti, kait „ножницы“ < qawiti (ср. тюркск., койб. qapty, якут. kypty „ножницы“, кор. kawi — то же, SKE, стр. 100); монг. sibaǯi „насекомое“, ср. монг. sibagun „птица“; монг. següǯi „крестец“, калм. sūǯi — то же (ср. монг. segül, калм. sūl „хвост, руль“); тунг. čā „затылок“ > бурят. sāǯi, тунгЬ. saži „коса“ и др. Поскольку многие из этих слов обозначают части тела, можно предположить, что тот же самый суффиксальный элемент мы имеем и в тюркск. qanat „(птичье) крыло, часть стены юрты“, ср. монг. qana „стена юрты, боковая стена, длинные перья в крыле птицы“; со словом sibaǯi „насекомое“ можно сравнить такие слова с тем же суффиксальным элементом, как тюркск. qurt „личинка, червь“ (монг. qorqai „насекомое, личинка“), др.-тюркск. jont „лошадь“ (гольд. jona „табун“ (самодК. čönd „лошади“), тюркск. jumurtqa „яйцо“, якут. symyt — то же (монг. im, nim „яйцо“). В монгольском языке -ǯi ~ ǯin встречается также в некоторых образованиях женского рода, например: mongolǯin, gunaǯin „трехлетка“, döneǯin „четырехлетка“ и т. д. -lǯi ~ -rči < -ldi ~ -rti существует в монгольском и как суффикс, служащий для образования наименований различных растений, насекомых и т. д., например: монг. tereldǯi „рододендрон“, бурят. borolǯi „ель“, халх. šaralǯi „артемизиум“, монг. kögeiǯi, kögelǯirgene „голубь“, atälǯi, ālǯi, aralǯi „паук“ и т. д. Суффиксальная форма -rti могла также возникнуть и по аналогии со случайным соположением элементов -r и -ti в таких словах, как например чув. šəmərt „дерево черемухи“ (> тат. šomort — то же), ср. монг. ǯimugu-sun, калм. dżumūsn „боярышник“; монг. oguči (домонг. *ogurti) „полость зева“, ср. бараб. aurt, казах. urt „полость рта“; тюркск. qumurtqa, qumursqa „муравей“ < qum „песок“; образование и значение -rti ср. с монг., халх. šorgolǯi „муравей“ и šorō „пыль, песок“ (< монг. sirugalǯi и sirui, siruai).

§ 109. Суффиксы -ŋ, -lan, -laŋ

В различных алтайских языках засвидетельствован довольн редко встречающийся суффикс -ŋ, например: тюркск., монг. „свежая трава“, кор. phul — то же (SKE, стр. 215), тюркск монг. öleŋ, алт. ölöŋ, чув. valem „луг“; монг. ör „рассвет тюркск. örüŋ, якут. ürüŋ „светлый, белый“; тюркск. küz „осень монг. küreŋ „коричневый, пожелтевший“, ср. тюркск. küzäŋ, мон kürene „хорек“; тюркск., монг. qara „черный“, монг., тюркск. qara „темный“, монг. qaraŋ-gui „темнота“, тюркск., уйг. qaraŋ-γu, q raŋ-γy „темнота, темный“; тюркск. boz „серый“, монг. bora „с рый“, монг. boraŋ-gui „туман“, тюркск. boraŋ-γu, boraŋ-γy (т же); тюркск. ala „пестрый“, монг. alag, кор. allak, allok, ara ɛllɛk, ɛlluk, ɛlluŋ (SKE, стр. 7, см. от al- и стр. 53) — то ж тюркск. alaŋ „беспокойство, глупость, безрассудный, глупый“ (с монг. almai „нерешенный, сомнительный, затруднение“); каза qyr, монг. kira „откос, возвышенность“, казах. qyraŋ „возвыше ное место“, qyrqa (монг. kira-qai) „небольшая возвышенность казах. ört „степной пожар“, örteŋ „выжженный луг“; salt, salta „без груза“; казах. qajyr „песок в русле реки“, qajraŋ „мел в реке“; быть может, также и монг. ödün (< hödüŋ) „перо“, ко put „перо, кисточка для письма“ (Gale, стр. 468), чаг. *ujuŋ (Ра лов, I, 1635), вероятно, öjüŋ (< ödüŋ) „перо (на стреле)“; ча erin, коман., тел. iriŋ „гной“, ср. iri- „гноиться“; монг. dalu „ле патка“, тюркск. jal, якут. sāl — то же, монг. dalaŋ „холка (лошади)“

Применяемый в большинстве алтайских языков суффикс -la в различных случаях возникал, должно быть, по-разному. Некото рые случаи его употребления могут быть возведены к глагол или имени на -l или -la + называвшийся выше -ŋ, например: монг ǯobal „страдание“, ǯobalaŋ — то же, ǯirgal „радость“, ǯirgalaŋ — то же; тунг. na „земля, государство“ (откуда nanai „земляк, гольд ольча“, кор. nai „человек, мужчина“, яп. ne), кор. naraŋ (южно кор. nara) „земля, государство“ (<*nalaŋ, SKE, стр. 161); тюркск jaj „лето“, jajlaŋ (jajlaq, jajlaγ, jajla) „летнее стойбище (у кочев ников)“, qyš „зима“, qyšlaŋ „зимнее место оседлого жительства“ Фонетический состав этого окончания в тюркских языках значи тельно меняется, тогда как монгольские примеры свидетельствую в пользу -laŋ: ǯusalaŋ „место летнего пребывания“, ǯirgalaŋ „Мест радости“ (топонимическое); amugulaŋ „мир, покой“, „Место покоя и т. д. Пожалуй, что во всех этих случаях мы можем усмотрет в нашем окончании своего рода локальное значение. Кажетс вероятным, что в некоторых корейских словах на -raŋ, -raŋi, на против, мы имеем дело со сложносоставным образованием, одни из элементов которого является заимствованное из китайского языка существительное laŋ „зверь, животное“, например: horaŋ(i „тигр“, siraŋ(i) „волк“, ср. еще hwaraŋi „волшебник“ (см. Ко Gr., стр. 182). Того же происхождения могли бы быть, возможно, и некоторые тюркские названия животных, например: qablan „тигр“ (qab- „хватать, ловить“); syrtlan „гиена“ (syrt „спина“); монг. тюркск., arslan „лев“ (ars- > arkira- „рычать“?)[182]; burslan „тигр“ (burs- „выть“) и т. д. Более сомнителен вопрос о том, относятся ли сюда и в какой мере монгольские названия некоторых домашних животных на -lan, например: монг. tarlan ~ tarlaŋ „пестрый, в темную крапинку, в мелких пятнах (в применении к рогатому скоту)“, казах. tarlan — то же (ср. казах. taryl, tarman — то же, монг. tara- „рассеяться“); монг. sidülen „лошадь по третьему году“ (монг. sidün „зуб“), kiǯālan „лошадь-четырехлетка“ (монг. kiǯagar „край“?, ср. тюркск. qyzraq „молодая кобыла-трехлетка“), sojolan „лошадь-четырехлетка“ (монг. sojugan „клык“), taulan „пятилетний“ (монг. tabun „пять“) > чаг. tolan — то же, чаг. čirγaulan „лошадь шести лет“ (монг. ǯirgugan „шесть“; Радлов, III, 2126), казах. torlan „жеребенок“ [ср. чаг. tor „теленок, детеныш (животных)“]. Подобное же значение имеют в монгольском некоторые слова на -nan, например: gunan „трехлетний“ (ж. р. gunaǯin), dönen „четырехлетний (ж. р. döneǯin), которые существуют в качестве заимствований во многих тюркских диалектах.

То же самое -lan встречается как в монгольских, так и в тунгусских существительных, указывающих на личное предрасположение или склонность к чему-либо, например: монг. agülan „могущественный“ (монг. agui „очень“, кор. agui „сила, мощь“; SKE, стр. 4), маньч., гольд., ulen „хороший, отличный, превосходный“ (u „наверху“, ulɛsi „хвалить, превозносить, прославлять“), тунг. daulalan „певуче-радостный“ (daula- „петь“), тунг. dukulan „сведущий в письме, склонный к письму“ (duku- „писать“; возможно и кор. hwaraŋi „волшебник“, см. Василевич, Сл. II, стр. 199 и VA стр. 102).

§ 110. Тунг. -ruk, тюркск. -lyq[183]

В тунгусском языке окончание -ruk имеет значение оболочки или хранилища чего-либо (ср. Василевич, Сл. II, стр. 205), например: iniɛ „игла“, iniɛruk „коробочка для иголок, коробка с иголками“; sɛlɛ „железо“, sɛlɛruk „мешок или сундук со старыми железными изделиями“; kala „котелок“, kalaruk „сумка для котелка“; sukɛ „топор“, sukɛruk „чехол для топора“; sɛwɛ „господин, господь“, sɛwɛki „идол“, sɛwɛruk „храм, святилище, капище“; тунгЗ. buγa „небо“, buγaruk „церковь“ и т. д. Функции и значение тунгусского суффикса -ruk и тюркского -luq тождественны, ср., например, тунг. turuka-ruk „солонка“ (turuka „соль“) с тюркск. toz-luq „солонка“ (toz „соль“ <*tof, чув. tə̄var, тунг. turu в turuka, и turu-da- „засаливать“, айну ruru < *duru „соль, океан“, runna < *ruru-na „соленый“). В тюркском суффиксе еще на раннем этапе исконный гласный дал варианты u ~ ü ~ y ~ i, и, с точки зрения тюркской фонетики, было бы совершенно невозможно определить, какой гласный в этом весьма обычном окончании -luq, -lük, -lyq, -lik является исконным: -u- или -i-. В монгольском языке, например,

мы имеем čečeg (тюркск. čeček) „цветок“ и čečeg-lig (тюркск. čečcklik) „цветник“, bajan (тюркск. baj) „богатый, богач“ и bajalig (тюркск. bajlyq) „богатство, благосостояние, состоятельность, богатей“, следовательно, в качестве стандарта мы имеем окончание -lig. В монгольском и в тюркском оно обозначает не только хранилище, оболочку, среду и т. д., но также и материал или даже придает существительным — в совершенно отвлеченном представлении — значение состояния и принадлежности (т. е. собственности, обладания), например: тюркск. tatyγ „вкус“, tatyγlyγ „вкусный“, tatyγlyq „сладости“; alp „герой, богатырь“, alplyq „геройство“; sevig „любовь (имя действия — *Л.С.*)“, seviglik „любовь, влюбленность“; tütün „дым“, tütünlük (> tütünnük) „дымоход, дымовая труба“; baš „голова“, bašlyq „башлык, капюшон“; šyš „вертел“, šyšlyq „мясо, обжаренное на вертеле, шашлык“ (<*syš-, ср. тунг. sila- „жарить“, silawun „вертел“).

Окончание -lyq (якут.-laχ) в тюркском языке благодаря своей распространенности сохранило, несмотря на всю многозначность, четкую обособленность от суффикса -lyγ, -lig[134]. И только в таранчинском диалекте новоуйгурского языка, где -g в исходной позиции дал -k, а этот -k, в силу неустойчивости гармонии гласных, превратился даже в -q, произошло в позднейшее время совпадение адъективообразующего -lig „чем-либо снабженный, оснащенный“ с окончанием значения конкретности -luq, -lyq.

§ 111. Суффикс -ki у существительных

Некоторые существительные в тунгусском и монгольском языках имеют некий суффикс -ki, значение которого, однако, утратило уже свою ясность, например: тунг. sura, suraki „блоха“; sula, sulaki „лиса“; tō, tōki „лось“ и др. Тунгусскому sulaki „лиса“ соответствует в корейском языке saik, диалектное soik „дикая кошка“ (SKE, стр. 221), а монгольскому taraki „насест“ — корейское talk „курица, куры“ (SKE, стр. 253); негид. torεχi, тунг. turaki „ворона“, монгор. turaki; монг. χoro „лесной петух“ (< тунг. horo < poro): тунг. horoki; маньч. buraki „пыл, пепел“; тюркск. qum, монг. qumaki „пыль, песчинка“; тюркск. qulγaq, монг. qulki „сера (ушная)“; быть может, и кор: kui „ухо“ и тунг. kujki „глухой“ (SKE, стр. 128). Это окончание, довольно обычное для тунгусского языка, в монгольском и корейском встречается только в некоторых словах, а в тюркском засвидетельствовано всего в одном-двух случаях, например: тюркск. tülkü, уйг. tülki „лиса“, тюркск. jylky „скот, стадо“[135].

§ 112. Суффикс тунг. -ptun, монг. -bči, -bčin

В тунгусских языках почти в том же самом значении, что и приведенный выше в § 110 -ruk, выступает суффикс -ptun (> негид. -pun, гольд. -btu, маньч. -tun). В монгольском языке этому окончанию соответствует -bčin, -bči, который, следовательно, восходит к -*bti(n), например: тунг. ŋale „рука“, маньч. gal, ŋalcka, маньч. galaka (уменьшительное) „ручка“, ŋalekaptun, маньч. galakaptun „браслет“; тунг. uńakan „палец“, uńakaptun „кольцо, наперсток“, uńaptun „наперсток“; гольд. nasal „глаз“, nasaptu „очки“; гольд. sean (šan) „ухо“, seaptu „наушники“ (см. Василевич, Сл. II, стр. 204; Петрова, стр. 17); монг. čike „ухо“, čikebči „наушники“; монг. qurugu, халх. χurū, калм. χurgūn „палец“; монг. qurugubčin, халх. χurūptši калм. χurguptši „кольцо (на палец)“; монг. süke „топор“, sükebči „чехол на топор“; монг. gar „рука“, garabči „перчатка“, монг. küǯegü, калм. küzün „шея“, монг. küǯegübči, калм. küzüptši „галстук“; монг. gogolai „горло, шея“, qogolabči „ремешок на шапке (под подбородок)“ и др. Можно предполагать, что мы имеем дело с глагольной основой в маньч. χusitun „бинты на ноги, обмотки“ < χusi-, монг. quči „обертывать, обматывать“.

§ 113. Суффикс монг. -tu, тунг. -ti, -či

Тюркскому суффиксу -lig „чем-либо снабженный“ отвечает по своему значению монгольское адъективное образование на -tu. Этот суффикс -tu, по Мелиоранскому (см. в АФТ и АФМ) пишется также -ti, например, qutuqti „со счастьем, счастливый“. Если исходить из этого, правда сомнительного, древнемонгольского варианта -ti, то взаимосвязь с тунгусским -či (по Кастрéно -t'i) становится довольно ясной, во всяком случае значение их одинаково, например: монг. moritu „с конем, конный“, тунг. muriči „владеющий конем“, мн. ч. muričil; тунг. emu adergačil ggil (gäksäl) „кобылица с жеребцом“, тунг. abdu „собственность“, abdučі „зажиточный“ abdučil „богачи“; тунг. irgi „хвост“, irgiči „волк“ и т. д.

В монгольском языке -tu как продуктивный словообразовательный элемент прилагательных встречается обычно только при именах, в частности — в топонимике. В остальных случаях его вытесняет очень рано появившийся распространенный суффикс -tai (<-tu-ai). Примеры: калм. tsulwürtə „сом“ (< čulbugur-tu „с усами“), χawχəntə (< qabqan-tu „с крышкой“); калм. χulustə „С тростником“ (название местности) < qulusun-tu, eləstə „Песчаный“ (название местности) < elesuntu, arātə „лиса“ < araga-tu „с хищным зубом“; монг. čorag „труба“, čorgatu „с трубой“ > тат. čuryat (Радлов, III, 2173) „медный сосуд для приготовления пива“. Однако обычная форма прилагательного — калм. tsulwūrtā „с поводьями“, elṣtā (gazṛ) „песчаный, Пески (место) = Песчаная (земля)“. Окончание -tā (<-tai < -tu-ai) употребляется во всех монгольских диалектах как окончание притяжательных прилагательных[136], а также в функции падежа. В этой функции оно вытеснило древний сопиатив на -luga, ныне -lā. Окончание -tu-ai, точно таким же образом, как адъективный родительный падеж на -u-ai-, nu-ai, образовалось при помощи суффикса -ai (см. выше, § 97), например: gertü „с домом“, *gertü-ei

< gertei „с домом, дом-имеющий“, ср. manu (род. п.) „наших“, manu-ai > manai „нашинских“; монгНТ. temüǰinü'ei „Темюджина, собственный Темюджинов“.

В качестве формы множественного числа от -tu с давних пор встречается форма -tan, т. е. закономерное множественное число на -n от параллельной формы на -tai (см. выше § 26), например: монг. nereté „с именем, именитый, знаменитый“, мн. ч. nereten „знаменитые“; монг. erketü „с мощью, могучий, могущественный“, мн. ч. erketen „могущественные, стихии“; монг. amitu (amidu) „живой“, мн. ч. amitan „живые существа“ и т. д. *

Окончание -taj ~ tęj встречается также и в тунгусском, но несомненно заимствовано из монгольского (бурятского?), например: haptaj „заклинатель“ (< монг. ab < hab „околдование, колдовство“), sukętęj „с топором“, müliŋkitęj „с ведрами“ и т. п. (см. Василевич, Сл. II, стр. 207). В новомонгольских диалектах это окончание (калм. -tä, -tē) в настоящее время обычно наново присоединяется к именительному падежу, причем такие старые фонетические правила, как выпадение звука -s в исходе основы и перед зубными, утратили свое значение; отсюда, например: morintā „с лошадью“ (древнее moritu, moritai), kentē „с кем“, mantä „с нами“ [187] и т. д. То же самое следует сказать относительно окончания -či, -čin, например: калм. tarāntši (более древнее tarātšin) „земледелец“, temēntši „погонщик верблюдов“ (более древнее temētšin) и т. д.

§ 114. Суффикс -ki у прилагательных

К общему достоянию всех этих языков принадлежит также адъективообразующий суффикс монг. -ki, тюркск. -qy ~ -ki, с помощью которого производятся имена прилагательные от падежных форм, наречий и т. д. Уже в наиболее древних из известных нам языков он встречается довольно часто. Примеры: гольд., маньч. ǯa „дешевый, легкий“, джурч. čāh-'á-kîh (Грубе) — то же; монг. ende „здесь“, endeki „здешний“; talada „в степи“, taladaki „степной, дикорастущий“; тюркск. jaj „лето“, jajqy „летний“; öta „сквозь“, öträki „сквозной“; taγda „на горе“, taγdaqy „(на)горный“; чув. tura „на горе“, turi < *turaγi „(на) горный“; монг. olan „много“, olaŋki „те, что в большинстве, по большей части, наибольшие“; монг. jeke „большой“, jekeŋki „в большинстве (те, что бо́льшие)“ и т. д. Особого упоминания заслуживает сочетание этого -ki с суффиксом родительного падежа потому, что, во-первых, наряду с -n-ki очень рано существовало и -n-gi, во-вторых, полученный этим путем адъектив вытеснил в тунгусском языке простую форму родительного падежа (Василевич, Сл. II, стр. 204). Примеры: тюркск., тур. benimki, тат. minigi, казах., bäniŋi, mäniŋi „(тот, что) мой, мой-то“; монг. minu-ki „(тот, что) мой“, калм. miniki, бурят. miniχi, тунг. miniŋi, miŋi „мой, (тот, что) мой“; монг. aqa jin „старшего брата“, aqajinki, aqajiŋki „то, что старшего брата, принадлежащее старшему брату (братово)“, калм. aχäŋki. Сюда же относится и маньчжурское окончание -iŋge, -niŋge, -iniŋge (Захаров, Гр., § 50), с помощью которого от существительных производятся прилагательные (ср. выше § 7, А, 3).

§ 115. Адъективообразующий суффикс тунг. -gu, монг. -gui

В тунгусском языке, наряду с приведенными выше -gi, -ki, часто в качестве суффикса, образующего отыменные прилагательные, встречается и -gu (Василевич, Сл. II, стр. 195), например: čā-ski „дальше, дальнейший, последующий“, čā-gū „соседний, находящийся поблизости“, но čā-gi dā, „противоположная сторона“, как и bargi dā „противная сторона“ (ср. bargigan „сосед с противоположного берега реки“); тунг. dul-gū „средний“, dulugū hemekečon (herekečon) „средний палец“ < dulin „середина“, тюркск. julun „мозг, сердцевина“, монг., монгНТ. duli „половинный, полу-“; uiski „кверху“, ugū „верхний“, ср. кор. uiro „кверху“, ue „сверху, на“ (SKE, стр. 284); тунг. hęrgū „нижний“ < hęrę, маньч. fere, гольд. pęrę „нижнее, пол“; тунг. ǯulēgū „передний“ и т. д.

В качестве соответствия этому -gu можно привести адъективное окончание -rgu в монгольском языке. В новомонгольских диалектах это -rgū имеется в прилагательных, относящихся по выражаемой ими идее к той же группе, что и в тунгусском языке, например: калм. tsārgū „строптивый, тянущий назад (пятящийся)“, nārgū „уступчивый, расположенный к этой стороне, стремящийся сюда, более близкий“, χojjirgū „двусмысленный, сомнительный“ (< qojan „два“), essergrūū „антагонистический, враждебный“ (< ese „нет“) и др. Окончание -rgu должно быть, вероятно, истолковано, как возникшее в результате присоединения суффикса -gu к падежу на -ru, то есть к директиву (направительному падежу). Предшествующий -r вызывает диссимиляцию и дает -lgu, например: калм. uralgū „слишком наклоненный кпереди, слишком нагруженный спереди“, türülgū „кувырком“ и т. д.

В языке монгор для образования прилагательных существует окончание -gu (Monguor. Gr., стр. 34 и др.), которое соответствует в новомонгольских языках формантам -gi, -χi. Может быть, и возможно усмотреть в этом -gu не более поздний вариант -gi ~ -χi, а тот же самый элемент, который мы имеем в тунгусском прилагательном на -gu и в монг. -rgu. Засвидетельствованный в древнем монгольском языке тип прилагательного на -agu, -egü (произносился, как -a-ü, -e-ü), в языке более позднего времени утратился; например: монгНТ. dolo un, dolo'u „нижний“, ečine ü „внутренний, тайный“,

* По Рамстедту -tan представляет собой гаплологию -tu -tan, где элемент -tan заимствован из китайского tən. На фоне фактов, приводимых в трудах Mostaert-Ordosica, стр. 40, Haenisch, SO, XIV: 3, стр. 4 и др., такое мнение, мне кажется, не может быть поддержано твердо. Случайные примеры с -tu-tan могут опираться и на рекомпозицию. — *Прим. П. Аалто.*

üge ü „бедный“ и др. Этому -agu, -a-u соответствует, возможно, встречающееся в тюркском окончание -aγu, которое, однако, является довольно редким и может быть истолковано и по-иному, например: тюркск., уйг. adyn „различный, другой“, adyna- „менять, переменять“, adynaγu „разный, различный“, ср. уйг. adyr-, тат. ajyr- „разделять, отделять“, монг. aǯira- „умирать, скончаться“, гольд. paǯi „отдельный, отличный, различный“, гольд. paǯeran, маньч. faǯilan „стена“ (< *padiran „стена, ножны, граница“, прагольд. *padi „часть, разделенный“?) и др. Собирательные числительные в монгольском и тюркском языках также обнаруживают окончание -agu, например: тюркск. ikäü „оба“, üčäü „по три, втроем“, törtäü „вчетвером“, onau, якут. onuo, чув. vunnə̑ „вдесятером, все десятеро“. Я все же придерживаюсь того мнения, что -agu, передающее значение коллективности (уйг. onaγu), следовало бы отличать от чисто адъективообразующего -agu (уйг. adynaγu). Это -agu, которое мы находим в тюркск. onaγu, törtägü, монг. gurbagu (калм. gurwūlṇ < gurbagu-la-n) „все трое“, монг. dörbegü (калм. dörwūlṇ < dörbegü-le-n) „все четверо, вчетвером“, пожалуй, скорее всего может быть сопоставлено с agu- в корейском глаголе aoti- „собирать“, aolla „собранный, целый, весь, и“ (SKE, стр. 12), монг. agui-ǯa, даг. aolǯa-, халх. ūlbzə- „сходиться, собираться, встречаться, объединяться“, ороч. (Schmidt-Oroches, стр. 10) aulča „a forge, a stack“ (< aul-ča „собрание, коллекция“).

Параллельное существование в прошлом -gui и -gu представляется с позиций монгольского языка вполне естественным, а потому в современном окончании -ŋ-gui, тюркск. -ŋy, -ŋu мы можем усмотреть сложное образование, которое составилось из суффикса -ŋ и суффикса -gui, -gu, например: монг. qara-ŋ-gui „темнота“, тюркск., уйг. qaraŋγu „ночь, мгла“ и т. д.

§ 116. Суффикс -či и имя действователя (Nomen actoris)

К наиболее древним из известных нам слов тюркского языка принадлежат некоторые названия дворцовых должностей, возникшие во времена династии Вей (около 400 г. н. э.), например: ka-pu-čin „привратник“ < qapuγčin, pi-či-čin „секретарь, писец“ < bitigčin, fu-ču-čin „курьер, почтовый гонец“ < *förtegčin (ср. калм. örtätši „почтари, почтовый гонец“). То же самое окончание -či(n), которое мы здесь видим, стало общепринятым как в монгольском, так и в тюркском и существовало затем во все времена для образования слов, обозначающих лиц, несущих какие-либо обязанности или осуществляющих какие-либо действия. Звуковой состав этого суффикса обнаруживает некоторую неопределенность потому, что монгольский язык с давних пор применяет как -či, так и -čin, и, поскольку у существительных, имеющих в исходе -n, этот -n- в позиции перед суффиксом может сохраняться, здесь постоянно происходят новообразования. Примеры: тюркск. taryγčy „земледелец“, монг. tarijačin, tarijan-či; тюркск. balyqči „рыбак“, тюркск. otačy „лекарь (пользующий травами), врач“, монг. otači; монг. oduči „астролог“, монг. emči „медик“, domči „врач, излечивающий заговорами (dom)“, тюркск. emči jomči, тат. imči jumčy „врач (знахарь)“, чув. jumə̑š (то же); маньч. moriči, монг. moriči „конюх“; монг. adagu-či, калм. adūtši, бурят. adūši „табунщик“, маньч. aduči (то же); монг., монгНТ. qoninči, qoničin „пасущий овец“, халх. γonitši (то же); монг. temegečin „погонщик верблюдов“, калм. temītšin, tementši, бурят. temēnši, тюркск. teveči, тур. deveǯi, казах. tüöči (то же) и др.

Поскольку окончание -či является отыменным, слова, обозначающие исполнителя данного действия, образуются от отглагольного имени, а не от глагольной основы. Различные типы Nomen actoris восходят к разнообразным именным основам глаголов, например: монг. biči-g-či „писец“, biči-ge-či (то же), монг. tusala-g-či, tusa-la-ga-či „помощник, помощник государя, канцлер“; тюркск. qol-γu-čy „нищий“, монг. guji-rin-či (то же); тюркск. jazyγ-čy, тат. jazū-čy, тур. jazy-ǯy, чув. širu-źə „писец“; тюркск. alyγ-čy, тат. alū-čy, тур. aly-ǯy, чув. ilü-źə „клиент, покупатель, должник“; тюркск. satyγ-čy, тат. satu-čy, тур. saty-ǯy, чув. sudu-źə, якут. *aty-sy, aty-syk ~ aty-syt „продавец, купец, торговец“ и др.

Первоначально это окончание служило только для образований, обозначающих человеческую персону, однако довольно скоро стали появляться образования, которые свидетельствуют о расширении области его применения: монг. qatarči „рысак“ (qatar „рысь“, кор. katthi — то же, см. SKE, стр. 100), калм. doptolatsi „прыгун, скаковая лошадь“ и т. д. На примере бурятского языка видно, как это значение постепенно может перейти в значение обычного причастия настоящего времени, например: бурят. tuhalāši em „медицина, которая помогает; помогающая (оказывающая помощь) медицина“ [183] (< tusalaga-či em) и т. д. Так же и в казахском, например, ötkänši ǯaŋbur „пронизывающий дождь“ и др. Этот -či, характеризующий действователя, встречается также и в ламутском языке, хотя и только (?) в позиции после (тунг.) причастия на -na, например: лам. hulnač „гость“ (дат. п. hulnad-du, аллатив hulnat-tiki), собственно: „ходящий, скитающийся“ < *pul-na-či, kolnač „пьющий, пьяница“ < лам. kol- „пить“.

Относительно происхождения этого суффикса -či, который в форме -č'in (-č'en) встречался уже в придворном языке династии Вей, пока нельзя еще сказать ничего определенного, хотя все же мы, быть может, и имеем основание усмотреть в кит.-кор. čja „мужчина, человек, лицо, персона“ (откуда кор. суффикс -ǯa, например: kananǯa „ходок, ходящий“ и т. д.; см. SKE, стр. 17, а также Kor. Gr., § 225, 20, стр. 117 и § 332, 2, стр. 180) исходный момент его возникновения [184].

В тюркских порядковых числительных, имеющих окончание -nč, можно усмотреть включение приведенного выше -či. На такое допущение дает нам право и то обстоятельство, что в калмык-

ском языке порядковые числительные образуют при помощи -daki и -dakiči. Тюркскому -nč в чуванском языке с полной правомерностью должно было бы соответствовать -nś, однако на самом деле мы находим здесь окончание -nəš; это может, как нам кажется, быть объяснено фонетическим заимствованием из тюркского языка: -nč в зап.-тюркск. часто переходит в -nś, а в позиции после губных гласных -n перешло в -m. Примеры: монг., калм. gurba-da-ki „третий“ (собственно, букв. „тот, что находится около «три»“), dörbedeki „четвертый“ или соответственно gurbadaki-či, dörbedeki-či и т. д.; тюркск. üčünč „третий“, törtünč „четвертый“, beśirč „пятый“ и т. д.; чув. viśśəmməś, təvabəmməś, piləmməś и т. д. В якутском языке, где -nč в исходной позиции и перед согласными превращается в -s, но в срединной позиции перед гласными бывает заменено -ńń- (-nj-), мы имеем ныне, например, üsüs „третий“, törtüs, bäsis и т. д., но alyńńy „шестой месяц“ (< altynč aj); к вопросу о фонетическом развитии ср., например, mustular „они собирались“, muńńalar „они собираются“ < munč-.

Б. СУФФИГИРОВАННЫЕ ИМЕНА

§ 117. Тюркские окончания -čaŋ, -čan

Если приведенное нами выше предположение относительно алт. -či < кит.-кор. čja „лицо, персона“ верно, то мы можем сказать, что имеем уже дело со сложносоставным образованием, в котором конечный из сочленов низвелся до положения окончания. Как происходит такое ослабление, еще с большей наглядностью можно видеть на примере употребления тюркск. (вост.-тюркск.) суффикса -čaŋ, алт., тел. -čān∼-čāq, тат. -čan, казах. śaŋ, -śan, в основе которого лежит китайское слово „мастер“, кит.-кор. čjaŋ[198] (Kor. Gr., § 332, 3, SKE, стр. 22, VA, стр. 104), например: кит.-кор. tai-čjaŋ (< tāžaŋ) „великий мастер, кузнец“, in-žaŋ, in-žaŋgi „серебряных дел мастер“, mok-čaŋ „мастер по дереву, столяр“; затем в тюркском, например, уйг. sözčäŋ, казах. sözśäŋ, тат. süzčän „мастер говорить, словоохотливый“; уйг. ajančaŋ (< ajanč-čaŋ, ajan- „почитать, уважать“) „преисполненный уважения (— с совершенным почтением)“; алт. uruščān „спорщик, сварливый“ (< uru-š- „спорить, сражаться, драться“), keriščān — то же (монг. kere-lde- „спорить“), qorqun-čāq „боязливый“ (< qorqun- „бояться“), tarynčāq „вспыльчивый, шипучий“ (< taryn- < tar „узкий, тесный“); казах. kirśäŋ „легко загрязняющийся“, otśaŋ „быстро жиреющее домашнее животное“, kijimśäŋ „хорошо одетый“ (< тюркск. kedim, казах. kijim „платье, одежда“); тат. üjränüčän (< üjrän- „учиться“) „понятливый, способный к учению“, istüčän „послушный“ (< išit- „слушаться, повиноваться“), süjläńčän „оратор, красноречивый“, sözlaśučän — то же (< süjlä-, sözlä-ś- „обсуждать“); тар. ujkičan „соня“ (< ujki < *udu-qui „спанье, сон“) и т. д.

§ 118. Окончание маньч. -su, гольд. -son, -sun

Имя действователя в маньчжурском и гольдском языках часто образуется с помощью суффикса -su, -sun, но тогда оно обозначает, собственно, не того, кто осуществляет действие, а того, кому легко дается осуществление этого действия. Такие образования употребляются не только как существительные, но и в значении прилагательных, например: гольд. geole- „грести“, geolemǰ- „гребец“, geolesun „мастер гребли, ловкий гребец“; маньч. oŋgoi „забывать“, oŋgosu „забывчивый“; гольд. ŋgiǵ- „страшиться, пугаться“, ŋgiǵesun „пугливый“, маньч. gelese (то же); гольд. iče- „видеть, смотреть“, ičesun „зоркий“; sa- „знать“, sason „умный“; wa- „убивать, охотиться“, wason „ловкий (охотник)“ (ср. Захаров, Гр., стр. 79).

Это окончание -su является довольно поздним по происхождению и восходит к идиоматическому употреблению китайского слова (кит.-кор.) sju „рука“. Оно часто употребляется для образования своего рода имени действователя (букв. „рука“ или „расторопный, проворный, ловкий“); это китайское по происхождению словоупотребление закрепилось не только в корейском языке, но также и в тунгусском и японском языках (см. Kor. Gr., § 322, 6, SKE, стр. 241, см. от son и 243, см. от sju), ср., например, яп. kai-te „покупатель“ (букв. „покупка-рука“), uri-te „продавец“ (букв. „продажа-рука“) и другие сложно-составные образования с элементом -te „рука“.

§ 119. Кор. čil, тюркск. -čil

В корейском языке встречается существительное čil, имеющее значение „занятие“, которое может быть присоединено к другому существительному (Kor. Gr., § 332; 18, SKE, стр. 33; VA, стр. 104). Подобного рода составные образования особенно часто применяются с глаголом hada „делать, исполнять“: no „весло“, nožil „гребля“, nožil hada „грести“; panil „игла“, paniǰil „шитье, рукоделие“, paniǰil hada „шить“ и др. Данное окончание -čil было особенно употребительно в среднетюркском языке; отдельные примеры встречаются еще и поныне, в частности, в северотюркской группе языков, значение же его стало ближе к адъективному. Например: ср.-тюркск. jaγmur „дождь“, jaγmurčyl „дождливость, дождливый“; ig „болезнь“, igčil „болезненный, состояние болезни, больной“ (ср. i-d- „быть больным“, монгор. ibi- — то же); söz „слово“, sözčil „словоохотливый, говорливый“ и т. д. С подобным же адъективным значением этого окончания мы встречаемся в известных образованиях и в корейском языке, например: kjo-ǰil „glutinous“ („клейкий“).

§ 120. Кит.-кор. paŋ, маньч., гольд. -ba (-bā)

Поскольку кит.-кор. śja-taŋ „сахарный песок, сахар“ фонетически закономерно соответствует в гольд. и в маньч. šata (sata,

seata), то есть поскольку в тунгусском языке -n в исходе слова утрачивается, следует предположить, что кит.-кор. paŋ „комната“ в маньч. и гольд. появляется в виде ba(bā). Когда paŋ выступает в качестве конечного сочлена сложно-составного слова, то его значение не ограничивается уже передачей представления пространства (или помещения), а оно обозначает также некое лицо, которое как-либо этим присмом характеризуется (ср. нем. „Frauenzimmer“ шведск. „fruntimmer“), например: кит.-кор. sję-baŋ „комната, оборудованная письменными принадлежностями, канцелярия, писец, господин“, Kim sję-baŋ „господин Ким“ > тунг. sęwa „господин“ > „господь“, тунг. sęwęk „посвященный богу олень, животное, обреченное в жертву“, sęwakiruk „храм“; кор. pil- „просить“, pirębaŋi „нищий“; allaŋ allaŋ hąda „льстить“, allaŋbani „льстец“; antta „сидеть“, anǯin „сидящий“, anǯinbaŋi „парализованный (или безногий) калека“ и т. д. (Kor. Gr., § 332, 8). В маньчжурском языке имеются слова на -ba, которые используются для характеристики человека, например: χaχi „быстро“, χaχiba „проворный“; kiče- „напрягаться, стараться“, kičeba, kičebe „прилежный, старательный человек“; sere- „бодрствовать, стоять на страже, быть бдительным“, sereba, serebe „бдительный человек“; olχo- „быть осторожным“, olχoba „осторожный“; oŋgo- „забывать“, oŋgoba „забывчивый“ и др. Это тунгусское образование на -ba следует толковать как единичное (в смысле языка) и позднее заимствование из корейского.

§ 121. Окончание прилагательных тунг. -pti, гольд. -pči, лам. -p

В большинстве тунгусских диалектов для определения временных понятий употребляются прилагательные на -pti (Василевич, Сл. II, стр. 204—), например: негид. čawu „позавчера“, čawupti „позавчерашний“; gojo „старый, давний“, зап.-тунг. goro „давний“, негид. gojopti „старый, античный“, тунг. goropti „давно прошедшее время“; негид., тунг., гольд. ęsi „теперь, ныне“, негид. ęsipti „теперешний, современный, новый“, гольд. ęsipči — то же; гольд. čemana, тунг. timana „завтра“, čemanapči, timanapti „завтрашний, завтрашний день“; тунг. ǯulēpti „предстоящий, будущее“; лам. tinip „вчерашний“, ärap „теперешний“, tarip „тогдашний“ и др. В этом -pti, которое, вероятно, представляет собой некое -pti (~-pčī), скрывается существительное *pti, от которого pti, должно быть, было адъективным производным, т. е. прилагательным на -i, как, например, в слове lamudu „на море“; но lamudi „находящийся на море (тот, что на море, морской)“. Это существительное *pti „время“ тождественно корейскому *putai > ttä „время, период“, ср.-тюркск. buta „сезон, время года“ (SKE, стр. 284), ср., например, тунг. tariptiduk „со времени“ (< tari-pti-duk) с кор. tję-ptäe „ко времени“.

§ 122. Ламутский -pči; тунг. -ŋkura, -ŋkula, -čura, кор. -kurę

Ламутский язык образует с помощью -pči прилагательные со значением „богатый чем-либо“ или „обладающий большим количеством чего-либо“, например: oro „олень“, oropči „богатый владелец оленей (богатый оленями), множество оленей имеющий“ äri „цена“, äripči „дорогой“; täti „одежда“, tätipči „богатый одеждой“ и др. В этом окончании сочеталось тунг. окончание -či, монг. -tu (см. выше, § 113) с предшествующим -p-, который идентичен тунгусскому *po „много“, кор. pho „много“ (SKE, стр. 214); сюда же относится гольд. po „много“, poa-ni „несколько, большинство“, poǯima „остальные“, тунг. hō „очень, много“, лам. hoj, hoja — то же. Тип и прием словообразования следует сравнить с монг. mönŋgün jeketü „богатый деньгами, имеющий много денег“, adugun olatu „многолошадный“ и т. п.

Соответственное этому значение имеет, как будто, и тунгусский суффикс -ŋkura, с помощью которого образуются, в частности, названия различных растений, например некоторых ягодных кустов (так сказать, „где имеется много чего-либо“), например: гольд. seŋ-kurę „тимиан (= богородская трава)“ (< seŋ, ольч. sja „ладан“); sęhsęŋ-kurę „сирень“ (< sęhsę, ольч. sękse „кровь“); sięŋ-kurę „черемуха“ (MA, VIII, стр. 3); uńuŋ-kurę „дикая яблоня“ (uńikte „дикие яблоки“, монг. öril < *ölir — то же); тунг. iŋgę-ktę-mkurę „черемуха“ (< тунг. iŋgęktę „ягоды черемухи“) и т. д. В корейском языке тоже встречается нское -kurągi или -kurę в том же значении, например: kęp -kurągi „трус“ (kęp „ужас“), toŋ-gurę „вельможа“, pireŋ-gurę „нищий“ и т. п. Из тюркских слов можно, пожалуй, сопоставить с этим ср.-тюркск. sözäŋri (< *sozüŋgürä?) „болтливый“. В монгольском языке суффикс -qulai~-qurai встречается, кажется, только в личном имени bujanqulai, которое, однако, скорее следовало бы связать с уйг. bujan quly „раб благодеяний“ (монг. < уйг. bujan < айну puŋya „благодеяние“), см. SKE, стр. 131 и Kor. Gr., § 332, 7.

§ 123. Тунгусский -gan, негид. -kan

Во многих тунгусских диалектах наименования обитателей известных местностей образуют посредством присоединения суффикса -gan, -kan к названию места, например: негид. gędbin-kan „живущий на реке Гедби, гедбинец“, монг., халх. χamnigan „тунгусы Монголии“ (χamni, тунг. kamni-ga „скалы“, kamni-kta — то же), букв. „житель гор“ (в подобных случаях -gan, однако, могло бы быть и монг. мн. ч. на -n от некоего прилагательного на -gai); тунг. bargigan „сосед с другой стороны“ (bargi „тот, что на другой стороне“), sologon „живущий вверх по течению (по реке)“, ęrgēn „здешний“. Применение этого суффикса в локальном смысле является в тунгусском языке ограничением позднейшего времени, так как его существование в монгольском языке обнаруживает

более широкое употребление, которое следует допустить и в тунгусском языке. В монгольском языке, например, мы имеем gergen „жена, женщина“ (< ger „дом“, семасиологически ср., например, тюркск. eb „дом“, уйг. ebči~äpči „женщина, хозяйка“), emegen „старая женщина, хозяйка“ (eme „женщина, жена“), beri, bergen „невестка, сноха“, kürgen „зять“ (kür в kür degü > тюркск. küdägü, якут. küüö, зап.-тюркск. küjöü, чув. kərü), samagan „старая женщина“, bačagan „девушка“ и др. Так как конечное -n упорно и твердо удерживается в исходе суффикса -gan, мне кажется, этот суффикс следует считать исконным словом со значением „человек“ или „лицо, персона“ [191].

В тунгусском языке обозначение третьего лица „он, она“ (употребляется только в применении к людям) nuŋan (ńuŋan, nńgan), мн. ч. nuŋar-tan, гольд. noan-i, ńoan-i тоже относится к этой группе на -gan- и должно быть было образовано от основы *nu или *nun „смотри-ка!“, ср. негид. -ńun, -nun (в ŋgeneni-nun ŋgnejen „так вот идет он, да идет“, buga-ńun gunni „куда-нибудь на землю“), тунг. (Титов) nun „в случае если...“, кор. nan~nin частица абсолютного падежа, нечто вроде „вот, сейчас; относительно, чтобы поговорить о... (говоря о...); так как, тогда“ (SKE, стр. 170); тунг. nuŋan-i, мн. ч. nuŋar-tan равняется, таким образом, букв. „того (вон) лица, тех (вон) лиц“. Образованием того же характера является также тунгБ. eŋan „что за“ < *jan-gan; точно так же тунг. (Мат. эв. ф. стр. 218) tariŋan „он, она“, мн. ч. tariŋar „они“.

§ 124. Маньч. -χačin, тунг. -gačin, негид. -goči, -koči, кор. kathin „подобный“

Корейский глагол kath-(katta: katha: kathin) „быть подобным, быть похожим“, который должен быть возведен к древнему *kotha, где *kot = яп. koto (в настоящее время goto-ku „такой же, как“), в перфектной форме причастия будет представлять собой kathin, а соответственным существительным „подобие, сходство“ будет в кор. kathi, южно-кор. katčhi (SKE, стр. 99). Это katčhi~kathin имеется и в маньч. -χačin, а также в тунг. -gači~-gačin, которые обычно переводятся словом „как“, например: негид. beje-gočin „как человек“, bičagočin „как будто бы он“, ojgočikkon „только что-нибудь такое, как это (вроде этого)“ (-kkon~-kan „только“, oj < eri~eji „это“), nuŋaŋgočin, nuŋaŋočin „похожий на него (подобный ему)“; зап.-тунг. bejegečin „как мужчина“, oroŋgočin „как олень, оленеподобный“, ergečin „в этом роде (такого рода)“, targačin „как тот, такой, как тот (подобный тому)“; лам. taróčin „подобный тому“, iróčin „который“ и т. п.

§ 125. Тюркск. -syz, монг. -sar~-ser „без- .., без“

Употребляемое во всех тюркских языках и диалектах окончание -syz „без“ [192] выступает в чув. в форме -sər, -sər, например: тюркск. atsyz „безымянный, без имени“, atasyz „без отца“, ensiz „узкий“ (en „ширина“), чув. anzər „узкий“, чув. kańzər „затруднительный“ (тюркск. > венг. kényszer „невольный, принужденный“) и т. д. Чувашская форма, как более древняя, дает нам право предположить тождество тюркск. -syz и монг. -sar. В древнем монгольском имелись, например, такие формы, как монгНТ. ölüsümüser „не умерший с голоду“ (< ölüsü-n „голод“), kejisümüser „не развеянный (— унесенный) ветром“ (< kejisü- „унести прочь, развеять“), uγansar „неожиданный“ (< uγa- „уметь, понимать“), sanansar „неожиданный, ненамеренный“ (< sana- „думать“) и т. д. Из всех образований подобного рода в калмыцком языке сохранились лишь слова uγansar и sanansar, но их негативное значение утратило свою ясность, а потому они оказались усиленными отрицанием ugē „не, без, без-...“ Как много было уже изложено в моей статье „Die Verneinung in den altaischen Sprachen“, здесь перед нами древнее слово *sar, с которым мы встречаемся, например, в гольдском языке в форме sarsar „туда-сюда, в различных направлениях“ и в монгольском языке в глаголе sarni- „рассеяться, распадаться“. Значение его отвечает немецкому „los“, „ab“, „weg“. Таким же образом как некогда *sar, часто фонетически сливается с предшествующим ему словом монгольское слово ügei „не, нет, без“, в особенности часто это происходит в халхасском, бурятском и калмыцком языках, например: калм. dügē, халх. düg"ä „беззвучный“ < dagu ügei, халх. gaig"ä < gai ügei „без риска, безопасный“, халх. argug"ä „невозможный, безвыходный“ < arga ügei, калм. kisügē „несчастный“ < kisig ügei, irdugē „не имеет обыкновения приходить“ < iredeg ügei и т. д.

§ 126. Кор. the „место, положение“ в роли окончания

В монгольском языке с помощью окончания -te, -ta образуются наречия от имен числительных, например: nigente „во-первых“, qojarta „во-вторых“, gurbanta „в-третьих“, dörbente „в-четвертых, на четвертом месте“ и т. д., так же, как и olanta „часто“ (< olan „много“), čügente, калм. tsönto „редко“ (< čägen „немногие“), халх. χeünt'e „как часто?, сколько раз?, в который раз?“ и т. д. В основе этих образований лежит, вероятно, энклитически употребленное существительное *te(ta) „место“. В якутском языке мы имеем те же самые сложносоставные образования: birdä „раз, однажды, во-первых“, ikitä „дважды, во-вторых“, üstä „в-третьих“ и т. д. В маньч. и гольд. также замечены примеры того же характера: маньч. emte „однажды, во-первых“, гольд. omde (Грубе, стр. 20) и т. п. В этом -te таится, по моему мнению, этимологическое соответствие корейскому слову the „место“, например: čip-the „дом-место“, kal-the-ida „я должен идти“, собственно, „идти-место-есть“ (см. подробнее SKE, стр. 281).

Затем мы находим то же -ta в монгольских отглагольных именах на -mta и -lta, т. е. древнее существительное оказалось энклитически присоединенным к отглагольным именам на -m и на -l (ср.

выше § 58 и § 69). Значение этих образований на -mta указывает как раз на то, что они включают в себя и дополнительный смысл локальности, например: монг. golumta „место огня, очаг“ (> казах. qolamta), ср. тунг. gulu-wun „костер“, gulūča- „греться у костра“. Монгольскому имени на -mta соответствует в тюркском отглагольное имя на -mty > -nty, тур. -nty, -ndy, которое одновременно соотносится и с монг. именем на -mǯi, гольд. -mǯi (< -m-di) (§ 14).

---

§ 127. Тунг. -ki в окончании исходного падежа -duki, duk.

Если сравнить в монгольском языке древнее окончание дательного падежа -a с окончанием исходного падежа -ača, а в тюркском — окончание местного падежа -da с окончанием исходного падежа -dan, которые явно связаны между собой, то появляется основание предположить этимологическую связь между тунгусским окончанием местного падежа -du и окончанием исходного падежа -duk, то есть предположить, что к дательному-местному падежу на -du присоединился некий элемент *-ki ~ *-ke. Значение этого элемента не легко поддается определению. В тюркском -dan существует древний -da-jan (см. § 10), а в монгольском -ača произошло присоединение к -a- элемента -ča. В корейском языке čibe обозначает „в доме“, но čibe-sję (сев.-кор. čibesę, южно-кор. čibesę) „из дома“; -sję я понимаю как стяженное isję (isię) „бывший“, которое часто встречается еще кое-где в корейском языке в качестве эссивной частицы (см. Kor. Gr., стр. 42). Ее появление после местного падежа как показателя исходного падежа семасиологически легко объяснимо. Кореец, вместо того чтобы сказать: „он привозит дрова из леса“, говорит: „в лесу бывший, он привозит дрова“; вместо „я иду от Па́ка (до́ма Па́ка)“, по-корейски говорят: Pakkēsę onda „у Па́ка бывший, иду я“. Исходя из этого корейского -sję < isję, легко объяснить тунгусское -ki, которое в этой своей древнейшей форме встречается еще в солонском языке как аналогичное с корейским сочетание некоего выражения, передающего понятие „быть, находиться“, с придающим ему оттенок локальности элементом -du. В негид. имеется -χi и -χoi (-dukki, -duχχi и -dukkoj, -duχχoj < -k + возвратный суффикс -wi или *-kęi), в других диалектах -k (-du-k), реже -ki (-du-ki-). Некое слово *ki или, быть может, *ke, *kei, имеющее значение „быть“, встречается в корейском языке, где такие слова, как kē(< kęi-), обозначающие нечто вроде „пребывание, бытие“, kēsi- (< kęi-isi-) „чтобы быть“, kēsip- „быть (в страдательном значении)“, являются общеизвестными и общеупотребительными.

Этот же самый -k (< *ki) встречается также в позиции после падежного суффикса -lā (~ -lē): ūilē „вверху“, ūilēk „сверху“, тунгБ. uwilō, uwilōk (тунг. Casus delativus).

Элемент -k в окончании -kla, присоединенный к именной основе и осложненный суффиксом -lā или -li, обозначает „как раз там“ или „туда, где...“, а в окончании -kli — „туда“ или „там повсюду, где...“. Эти падежные формы, т. е. „направительно-местный падеж“ (Casus directivus-locativus) на -kla и „направительно-проладеж“ (directivus-prolativus) на -kli, Богораз (Мат. лам., стр. 6, подстрочное примечание 2) не считает особыми падежными образованиями, однако его толкование характера этого элемента -k-, как обозначающего „как раз там, где ...“ совершенно свободно, без всякой натяжки согласуется с моим истолкованием k < *ki < *ke: „пребывание, нахождение себя“: тунг. ǯūlā „у дома, домой“, ǯūklā „как раз туда, где стоит дом“, тунгБ. nuŋanin aminmi surunōklōn suručon „(он) пошел как раз в том же направлении, куда ушел его отец“; лам. túr-ma-kli „прямо вдоль земли“ (tur „суша, земля“, turma „земной“, *turma-k „земное место“). Возможно также, что и тунг. частица -kę имеет то же самое происхождение, например: si-kę „ты там!“, nuŋan dukuča-kę birеn „он вероятно написал“ и т. д. К этой попытке объяснения, сводящегося, таким образом, к тому, что тунг. -duki составляется из имеющего локативный смысл -du + некое слово, обозначающее „быть“ или „бывший“, удачной параллелью является бурятский оборот речи на -haŋ (< монг. agsan „бывший“). Говорят же на ихиритском или добайкальском говоре бурятского языка, например, ende „здесь“, endehaŋ „отсюда“, gertehaŋ „из дома“ и т. д.*

§ 128. Тунг. -dā, -dē „сторона“, „côté“, -gi-da (то же), гольд. -ǯea

В тунгусском языке широко употребительны такие слова, как bargi-dādu „напротив“, čagi-dādu „на той стороне“, ęwgidēdu „по эту сторону“, ǯulęrgidēdu „с передней стороны“, tulęrgidēdu-n „с внешней стороны“, ugidēdun „вверху“, тунгБ. ǯulęgdō „восток“ (ǯulęgi dē), ejigdō „юг“ (< eje-gi dē) и т. п. Здесь некоему имени *dā или *dē предпослано адъективное образование на -gi (= -gu), bar-gi, ča-gi, ew-gi, ǯule-gi и т. д. и таким путем создано окончание -gida, -gidę или -rgida, -rgidę. В гольдском языке, где исходный падеж образуется в настоящее время с помощью суффикса -d'ead'i (-ǯaǯi), в элементе -d'ea- мы имеем приведенное выше имя da в инструментальном падеже (окончание -di ~ -d'i см. выше, § 14), причем da-d'i ассимилировалось и дало -d'ad'i (> ǯeaǯi).

---

* Следует заметить, что в SKE, стр. 109, см. от kjęt, Рамстедт дает иное объяснение этому тунгусскому элементу -k-, толкуя его как -k < *-ki < *-kit и связывая его с корейским существительным kjęt „сторона и пр.“ Представляется невозможным примирить и согласовать это объяснение с приведенным выше истолкованием. — *Прим. П. Аалто.*

VIII. ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ О СЛОВООБРАЗОВАНИИ

§ 129. Словоизменение и словообразование

В алтайских, как и во многих других языках, часто бывает невозможно провести резкую границу между флексией (словоизменением) и деривацией (словообразованием)[193]. Многое, что некогда с полной несомненностью воспринималось как словообразование или словосложение, со временем, под углом зрения исторического развития языка и в результате сдвигов в восприятии языка, было переведено в парадигму словоизменения (ср. Gabain, § 338). Например:

тюркск. bolur „станет (становится, есть)", bolmaz „не есть" (< bolum er),

монг. jabunam „он идет" (< jabun am),

дочув. bol „будь!", boltur „пусть он будет! дай ему быть" (вторичный глагол boltur- „позволить, велеть быть, побуждать чтобы был"),

монг. moritu „с лошадью (снабженный лошадью), верхом", мн. ч. moritan „всадник" (быть может < moritu tan „верховой отряд"),

тунг. tartiki „туда" (< tar „тот" + tiki „направление"),

тюркск. atlar „лошади", atsyz „без лошади (безлошадный)", букв. „отделенный от лошади (лишенный лошади)",

чув. ütpa „с лошадью" (< ut „лошадь" + pa < birlä „вместе, с").

Именная и глагольная флексии сильно отличаются друг от друга, и случайные фонетические подобия окончаний не указывают, как правило, на их логическое или историческое тождество. И наоборот, при словообразовании наблюдается иногда смешение и отождествление основообразующих элементов отглагольного происхождения с элементами отыменного происхождения[194]. Суффиксы, служившие первоначально для отглагольного словообразования, начинают применяться по аналогии и для отыменного образования новых слов, и наоборот. Поэтому во многих случаях остается невыясненным, являлся ли словообразовательный суффикс первоначально отглагольным или отыменным, например:

монг. tagača- (< *tapača-) „отгадывать", тюркск. tapyš- „найти друг друга" (отглагольное): монг. dajača- „враждовать", тюркск. jaγyš- — то же (отыменное);

монг. taliji-, калм. tali- „исчезать", др.-тюркск. tašyq-, н.-тюркск. čyq- „удаляться" (отыменное): тюркск. tutuq- „держаться", tutsuq- — то же (отглагольное);

монг. kökere- „становиться синим", тюркск. köger- — то же (отыменное): монг. unutara- „погаснуть" (отглагольное);

монг. taji-l- „развязывать, распускать", tajira- „развязываться, растворяться" (отыменное); монг. ari-l- „исчезать, очищаться" (тюркск. -l- как признак страдательного залога).

Эту способность многих основообразующих суффиксов служить образованию новых отглагольных и отыменных слов следует либо рассматривать как обобщение, либо же считать ее основанной на том, что существовавшие первоначально фонетические признаки различия затем утратились, например:

монг. mori-la- „ездить верхом" (< morin + отыменный -la-),

монг. daru-la- „идти по очереди" (< darun „на очереди" от глагола daru- „идти по очереди")[195],

монг. qara-la- „становиться черным" (< *qara-ra), qara-la- „чернить" (< *qara-la).

Общий для всех алтайских языков принцип словообразования заключается в возможности образования новых слов по образцу известных, твердо установившихся типов слов, при помощи одного и того же или одних и тех же конечных слогов (см. VA, стр. 98—). Только в очень редких и особых случаях и значениях могут быть выявлены иные принципы. Важнейшие из них приведены в следующих параграфах.

§ 130. Редупликация

Редупликация применяется в монгольском и в тюркском языках как средство словообразования, причем чаще всего образования прилагательных: она служит цели выражения интенсивности какого-либо свойства. При этом прилагательному предшествует редуплицируемый слог, который представляет собой первый слог данного прилагательного, завершенный слоговым -p ~ -b, например: тюркск. qap qara „угольно-черный", qyp qyzyl „огненно-красный", sip siŋir „густо-киноварного цвета", ap aq „белоснежный" (> алт., тел. appaq „белый"), jap jaŋy „новехонький (сверкающе новый)"; монг. qab qara „угольно-черный", čab čagan „белоснежный", ub ulan „огненно-красный", čib čilger „светлый-пресветлый", šab šara „ярко-желтый", šib šine „новехонький", калм. zab zalū „молоденький-премолоденький" и т. д.[196]

Сюда же относится, между прочим, уйг. apam „в случае, если..." наряду с am, amty „прямо сейчас, сейчас же, тотчас, немедленно" (койб. am, amoq „сейчас, теперь"; монг. amǰi- „во-время прибыть"; тунг. amakan „быстро, тотчас"); тур. äpäj „изрядно, довольно хорошо" (тат. api < ap aj или тур.), ср. монг. eb eje „совершенно спокойный", eje „гармония, согласие", кор. ejeppu- „быть красивым, быть хорошим", ēppu- — то же (SKE, стр. 52); казах.

qol-apai-syz „негибкий, неуклюжий“, ср. qol-ai „удобный“, тунг. aja „хороший“. Помимо -p, -b редуплицированный слог может иметь в исходе и другой согласный звук, например: монг. batu „крепкий“, bas batu „крепчайший“; калм. bitü „замкнутый“, bim bitü „накрепко запертый“; ср.- тюркск. (Brockelmann, стр. 111) köm kök „ослепительно (как молния) синий“; тур. büs bütün „весь целиком“, ter temiz „совершенно чистый“; чув. təm təttəm (< tün) „темный-претемный“ и т. д.

Эта тенденция к редупликации, с помощью которой в монгольском и тюркском образуются своего рода степени сравнения, в тунгусском и корейском языках не отмечается, но существует, например, в финском: (финск. tyhjä „пустой“) typö tyhjä „совершенно пустой“, supi suomalainen „истинно финский“ и т. д. (см. Räsänen, стр. 239).

§ 131. Фонетическое преобразование первого слога

Для выражения понятия „и так далее“, „и тому подобное“, „или что-нибудь в этом роде“ тюрки и монголы применяют своего рода повторы или полную редупликацию, состоящую в том, что непосредственно за существительным следует его вариант, первым звуком начального слога которого является звук m-[197], например: калм. temē „верблюд“, temē memē „верблюды и пр.“; халх. adu „табун лошадей“, adu madu „лошади и скот“; халх. gal „огонь“, galči „пожарный“, galči malči „слуги“; калм. ger „дом“, ger mer „дом и двор“ и т. п. В монгольском языке, если слово, к которому предстоит образовать такого рода рифму, само начинается со звука m-, для парного к нему слова предпочтительным начальным звуком является s-, например: монг. mal sal „скот“, morin sorin „лошади и рогатый скот“; калм. baga saga „мелочи, пустяки, хоть что-нибудь“ и т. д. Реже встречаются в монгольском слова-рифмы к первому слову с начальным звуком l-. Во всяком случае они представляют собой значительно более свежие образования, так как монгольский язык на исторически-первичной стадии развития не знает в первом слоге начального l-. Эти фонетические преобразования с начальным l- как будто употребляются во Внутренней Монголии и в Маньчжурии, например morin lorin (может быть, по образцу lūsə „лошак“) „лошади и пр.“, imbe limbe „флейты и кларнеты“ и т. д.

Преобразование осуществляется также при помощи начального слога bu-, например, халх. alag „пестрый“, alag bulag „очень пестрый, разношерстный“, монг. alus „далекий, через (поверх)“ alus bulus „один над другим, друг через друга, в полном беспорядке“; чув. aš-pəš (aš-puš < тат.) „мясное блюдо“; монг. ili-büli- „льстить и подлаживаться“ и т. д. (см. подробнее Räsänen, стр. 239—).

В монгольском языке фонетическое преобразование встречается и в глаголах; оно заключается в том, что вслед за глаголом появляется синонимический повтор к нему, начинающийся со звука d-[198]. Значение такого глагола-гендиадиса сводится, кажется, к акцентированию различных фаз какого-либо действия, например: халх. olχo dolχo „найти (и овладеть)“, калм. ūl'χə dūl'χə „плакать и стенать“ и т. п. В тех случаях, когда гласным первого слога является ī-, взамен d- появляется ǯ-, например калм. ilχe ǯilχe „быть чрезмерным“, калм. irzä- ǯirzä- „показывать зубы“ и т. д. Тот же самый прием преобразования встречаем мы иногда и в именах, например: im ǯim ügei „совершенно беззвучно“, ilbi ǯilbi „фокус-покус“, elbeg delbeg „в изобилии“ arzagar darzagar „неровный и негладкий (шероховатый)“ и т. п.

§ 132. Социальные предпосылки фонетических преобразований

Следуя древнейшим обычаям, калмыкские девушки и молодые женщины в присутствии мужчин или лиц старшего возраста для называния собственных имен и наименований предметов, связываемых с понятиями приличия, не должны были пользоваться их обычными наименованиями, а должны были прибегать к различного рода описательным приемам, т. е. к синонимам[199], либо же, поскольку таковые не всегда можно было легко подобрать да и понять, к особому преобразованию нужного слова с помощью начального звука j-, например собственное имя Badma, в том случае, если в семье родителей мужа был кто-либо другой, старший по возрасту родственник по имени Badma, заменялось именем Jadma; точно таким же образом имя Kökö заменялось Jökö, Kowan именем Jowan, вместо Tsagan употреблялось Jagan и т. д.

Эти социальные нравы оказываются немаловажными для изучения истории формирования языка, ибо только благодаря знакомству с ними могут быть объяснены некоторые фонетические явления в языке, например: монг. tonug „конская сбруя, украшение на голову (для волос), украшение на платье, отделка“ (тюркск. ton „платье, одежда“), но алт. jonoq „конская упряжь, сбруя“ и якут. son „шуба, мех, платье“; монг. bügüde „все, весь, целый“, но тел. (Радлов, III, 447) jögödö „все“; тюркск. qanat (монг. qana) „крыло“, но дочув. *janat, ныне šunat (то же); монг., чаг. čora, казах. šora „герой“, но кирг. jora (то же), и т. п. Также и чув. šəvar „рот“, должно быть, возводится к ši-əvar, где ši = др.-тюркск. jeg, jīg, монг. dege-re „наверху, верхний“, и əvar = тюркск. aγyz, aγuz, якут. uos, кор. aguri, agari „отверстие, рот“ (SKE, стр. ə): название „верхнее отверстие“ для обозначения рта, несомненно, опирается на уступку общественным условностям*.

§ 133. Изменение гласных

Несмотря на то, что в алтайских языках не удается выявить изменения гласных в качестве грамматического средства, в древ-

* Ср. у Рясянена (Räsänen, стр. 189, 208 и 240), который иначе объясняет некоторые из приводимых здесь фактов.— *Прим. П. Аалто.*

нейших, так сказать доалтайских, пластах языка можно найти явления, обнаруживающие его. Прежде всего здесь должны быть приведены монгольские личные местоимения: ед. ч. *min „я“, *tin „ты“, *in „он, она“, мн. ч. man „мы“, tan „вы“, *an „они“; в ед. ч. в них обнаруживается гласный -i-, тогда как для мн. ч. имеется -a-. В вопросительных местоимениях существует изменение a ‖ e, которое тоже по своему происхождению является, должно быть, доисторическим: монг. qa- ‖ ke- или qan ‖ ken „кто“, монг. ja- ‖ je- или jan- ‖ jen „что“ (ср. латинск. quid и quod). Изменения, происходящие между гласными заднего и переднего ряда, встречаются довольно часто и не только внутри одного языка, но и внутри различных языковых групп, например: тюркск. am „сейчас“, др.-тюркск. amty „теперь“, но тат., казах., тур. endi, ende (< em-ti) „теперь“; монг. qalta-ji, kelte-ji- „быть косым, быть позу-... (наполовину)“ qalta-gai, kelte-gei „половина, половинная сторона“; монг. ag-sa-, тюркск. aq-sa- „вскипеть, вспылить, сердиться“, тунг. ekse- (то же); монг. тюркск. ономатопоэтическое sal в sal-qyn „освежающий ветер“, монг. sel „свежий порыв ветра (сквозняк)“, тунг. seldi „сквозняк“ и т. п. (SKE, стр. 221—); относительно тюркских языков вообще см. (Räsänen, стр. 57—).

Чередование между a и ä (e) особенно часто имеет место в корейском языке. Мы можем видеть, что это изменение происходит: a) без намерения внести изменение в значение слова, либо без того, чтобы различие в смысле особенно бросалось в глаза, например: pas- ~ pes- „раздеваться“, mas ~ mes „вкус“, masi- ~ mesi- „отведывать, пить“, mari ~ meri „голова“, тунг., монг. bala- „быть слепым“ — кор. mer- „быть слепым“ [200]; b) для подчеркивания, т. е. для усиления значения, в особенности прилагательных, тем, что узкий гласный (u, ị, i) заменяется широким, например: кор. pulk- „быть красным“, pulgịn „красный“, но polk-, polgan „яркокрасный“; phurịn „зеленый“; phoran „светло-, яркозеленый“; puję han „серый“: ppoja han „темносерый“; hịin „белый“: hạin „чисто-белый“; быть может, и kem- „быть черным“: kam-, kkam- „быть угольно-черным“ и т. п.; c) для привнесения и передачи оттенка презрительности, например: i man „вот столько же“: jo man „в этом недостаточном количестве“; i nom „этот человек“: jo nom „этот мошенник“ čo nom „ах ты, мошенник!“, ko nom „тот вон мошенник“, т. е. при помощи параллельных форм от местоимений ję „этот“, čę „тот“, kị ~ kę „тот, что вон (там)“; в других случаях, правда, труднее усмотреть разницу в значении слов, например, pasen ~ pesen ~ posjen „чулок“ (см. Kor. Gr., § 103).

§ 134. Гендиадис (Hendiadyoin)

Вряд ли приходится сомневаться в том, что всем алтайским языкам, имевшим древнюю народную литературу, свойственно было особое пристрастие к синонимическим повторам и рифмующимся парным словам [201]. Нужно лишь обратиться, например, к казахским текстам в труде Радлова, чтобы найти этому подтверждение. Как монгольский, так и тюркский фольклор обладает — там, где он наиболее развит, — богатым набором синонимов, парных слов и рифмующихся слов, лишенных сами по себе смысла, но любимых народом, который употребляет их лишь для благозвучия и пользуется ими лишь как стилистическим приемом. Широкое использование гендиадиса в приложении как к именам, так и к глаголам, встречающееся в религиозной литературе уйгуров, восходит, должно быть, к литературным вкусам древних тюрков (ср. Gabain, § 36, 1). Фольклор монгольских племен изобилует парными словами и параллелизмами.

В гендиадисе часто первое или второе слово представляется лишенным смысла; если второе слово не является простым подражательным преобразованием первого, то часто его значение разъясняется только через какой-либо другой алтайский язык, например: монг. gal „огонь“, бурят. gal, но в поэтическом языке gal χül, ср. тюркск. kül „пепел“; монг., халх. tsas mus, калм. tsasn mösn „снег“ (< „снег и лед“); монг., халх. isās χūs, tsārs χūrs „бумага“ (< „писчая и оберточная бумага“); др.-тюркск., уйг. budun buqun „народ“ (ср. калм. buχu „полк, правительство“); монг. ala- tala- „убивать (и грабить)“; монг. barug bürüg „темный и мрачный“ (ср. тюркск. böz „серый, темный“); монг. kelegei malagai „заикающийся, немой“, ср. кор. mal „слово“ (SKE, стр. 138), монг. kele „язык (речь)“, „язык“ и т. д.

Во все времена как в монгольском, так и в тюркском отвлеченные имена (Abstrakta) выражались путем одновременного употребления двух противоположных по своей идее понятий, например: уйг. uluγi kičigi „величина“, монг. jeke baga (то же); монг., халх. χüiten χalüη „температура“ и т. д. [202]. Как предполагает А. Габэн (Gabain, § 365), подобные выражения восходят, должно быть, к китайским образцам.

§ 135. Ономатопоэтические слова

Словообразование в алтайских языках выявляет значительную склонность к ономатопоэтическим воспроизведениям. Если взять, например, слово тюркск. up- „пить“, монг. uw- (то же), то сразу же становится ясным, что возникновению этого слова способствовал звук, различаемый при питье. Тунгусо-маньчжурское слово „пить“ — uni-, uni- не тождественно тюркско-монгольскому, однако первоначально оно должно было иметь один и тот же звукоподражательный источник. Множество имен, в особенности — наименований зверей, птиц, насекомых и т. д. во всех языках обязано своим происхождением склонности человека к подражанию. Глаголы, которые своей звуковой структурой должны производить желаемое впечатление, по своему числу значительно превосходят эти имена. Новые глаголы того же типа беспрестанно возникают в различных языках и диалектах, вне всякой зависимости друг от друга.

Некоторые древние глаголы, не имеющие ни ясных словообразующих суффиксов, ни других групповых примет, могут, однако же, быть по своему происхождению ономатопоэтическими, например: тюркск. tik-, монг. čiki- „втыкать, вкалывать“; тюркск. čap-, монг. čapči- „шлепать, хлопать“; тюркск. čoq-, toq-, soq-, монг. čoki-, „толкать, бодать“ и т. д. Формапты, существующие для образования производных форм простейших звукоподражательных глаголов, в монгольском и тюркском языках в большинстве своем одни и те же, а потому могут считаться достоянием, унаследованным из древнего языка[203]. Например:

1) -ra-: тюркск. čyŋra- „блестеть“, jaltyra- „блестеть“,
čiŋrä-k „резкий“, joltura- „блестеть“,
külrä- „бултыхаться“, jiltire- „мерцать“,
bükrä- „кланяться“, titire- „дрожать“,
čičire- „дрожать“, möŋ-rä- (монг. mö-re-) „роптать, вор-чать“.

2) -la-: казах. bälä- „блеять“, jyγla- „плакать“, aγla- „стонать, вздыхать“;
монг. ujla- „плакать, χaila- „звать“, orla- „ворчать“, burla- „роптать, ворчать“.

3) -kira-: кирг. goqyra- „ворчать“, širkire- „чирикать“;
монг. χaikira- „звать“, časkira- „кудахтать“,
šis-kire-, iskire- „свистать“,
tūkira- „травить, науськивать“;
тюркск. čaqyra- „звать“.

4) -ki-: монг. čoki- „бить“, toŋki- „выковыривать“;
маньч. toŋki- (то же).

5) -gi-: монг. šūgi- „шуметь, буянить“, šāgi- (то же),
nirgi- „греметь“, türgi- „выплевывать“,
turgi- „сопеть, фыркать, храпеть“, ǯirgi- „щебетать“.

6) -gina-: монг. šūgina-, šagina- „шуметь, буянить“.

7) -ši-: монг. toŋši „долбить крючковатым клювом“,
šiŋši-: „обнюхивать“, šaŋši- „щелкать“,
tüksi-, tukši- „колотить, стучать“,
šobši-, šogši- „лениво бежать (вперевалку)“,
okši- „взламывать“.

8) -na- (редкий): тюркск. čatyna- „брызгать, прыскать“, ср. также монг. šū-gi-na-.

9) -lǯa-: монг. irǯalǯä-, irbalǯa- „скалить зубы“, „ухмыляться“,
širbalǯa- „барахтаться, трепетать“

10) -ŋna: монг. darǯiŋna-, tarǯiŋna- „дребезжать, хрустеть“ (калм.) [=-gina, -ǯigina-, и -ŋla, тюркск (кирг.) -ŋda-].

Особый тип образуют монгольские глаголы на -ji- (-aji-, -uji-), которые выражают внешнюю форму или положение, например: oboji- „иметь форму конуса“, doldaji- „быть неустойчивым“, dalbaji- „быть широким и плоским“, ormaji- „изумленно рассматривать, делать большие глаза“, kelbeji- „стоять криво“, kečeji- „прислоняться, облокачиваться“ и т. д.

В маньчжурском языке для передачи звуков и голосов употребляются ономатопоэтические комбинации звуков, которые предшествуют глаголу se- „делать, говорить“; в корейском подобные же звуковые комплексы предшествуют глаголу hada „делать, производить, выполнять“.

Для того чтобы точнее описать какое-либо действие, состояние или происшествие — в отношении способа его осуществления либо конечного результата, непосредственно перед глаголом употребляется ряд звукоподражательных либо иных описательных слов; особенно часто это можно наблюдать в гольдском языке и ольча, а также в корейском языке.

Примеры их: калм. suγu, χuγu, kemtə, χaγə (χaχc), χolto, balwχ, χamχχ, kemkə, moltso, möltö, sultu и т. д.; односложные is, tas, tes, tü, tü, tsö, χu, kü, ü, kes, pes, и т. д. (см. Котвич, § 326 и § 317); гольд. tul-tul „постоянно“, tek-tek „прямо“, teas-teas „совсем“, leas-leas „все время, непрестанно“, lekče-lekče „плотный, густой“, luktu „через, сквозь“, pes „в сторону“, pos „насквозь“, lak-lak „счастливо и неожиданно“; тунг. tin-tin, tiŋ-tiŋ „твердый, крепкий“ и т. д.; кор. selleŋ-selleŋ „прохладный“, ssek-ssek „очень“ и т. д. Этот способ выражения при помощи „квазислов“, которые с предельно возможной при звукоподражательном изображении выразительностью передают содержание сказуемого, очень принят и распространен в корейском языке. Такого характера производные образования применяются там в качестве наречий и наречных предложений чрезвычайно разносторонне и обобщенно. Это пристрастие корейского языка к различного характера ономатопоэтике, по моему мнению, едва ли должно возводиться к праязыковым свойствам, исконно присущим алтайским языкам. (Относительно ономатопоэтических слов вообще следует обратиться к VA, стр. 106 — .)